20259

20259.

Дж. Гобсонъ.

БИБЛІОТЕКА Ученаго Комитета М-ва Об-ва.

I.

ЭКОНОМИКА РАСПРЕДѢЛЕНІЯ.

II.

НАУКА СОЦІАЛЬНАГО ПРОГРЕССА.

Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей **А. Н. Котельникова.**

III.

ЮНОШЕСКІЕ ГОДЫ КАРЛА МАРКСА.

Цѣна **2** р.

Москва—1903 г.
Изданіе магазина „Книжное Дѣло".
Москва, Моховая, д. № 26, Бенкендорфъ.
Отдѣленіе: С.-Петербургъ, Екатерининская, д. № 6.

Библиотека НИФ СССР

83003

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Экономика распредѣленія.

Стр.

Предисловіе 1

Глава I. Опредѣленіе рыночной цѣны 3
Добавленіе 27
Сравнительныя преимущества покупателя и продавца 27

Глава II. Ренты производителя и потребителя 32

Глава III. Опредѣленіе долгосрочныхъ цѣнъ и цѣнностей. Часть I. 41
I. a) Приложеніе къ главѣ III 75
Субъективное основаніе цѣнностей 75
II. b) Приложеніе къ главѣ III 79
Общая теорія цѣнностей Бёмъ-Баверка 79

Глава IV. Законъ ренты, какъ основаніе координаціи факторовъ производства. Часть I 86

Глава V. Скалы труда и капитала. Предѣльные и дифференціальные проценты и заработная плата 122

Глава VI. Взаимное соотношеніе факторовъ производства. Вліяніе ихъ на теоріи цѣнъ и распредѣленія 145

Глава VII. Купля-продажа рабочей силы 162

Глава VIII. Купля-продажа пользованія капиталовъ 169
Приложеніе къ VIII главѣ . . . . . .
Необходимъ ли объективный процентъ? 190

Глава IX. Положительная теорія капитала Бёмъ-Баверка 197

Глава X. Теорія прибавочной цѣнности. Ея вліяніе на распредѣленіе 217

II. Наука соціальнаго прогресса.

Глава I. Старая политическая экономія 269

Глава II. Новая политическая экономія 286

Стр.

Глава III. Требованія науки о богатствѣ отказаться отъ денегъ въ качествѣ мѣрила богатства 292

Глава IV. Количественный методъ въ соціальной наукѣ 305

Глава V. Проблема населенія 313

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Юношескіе годы Карла Маркса.

1. Въ родительскомъ домѣ 1

2. Въ университетѣ 8

3. Фантастическій поэтъ 30

4. Друзья юности 33

5. Пріобрѣтеніе ученой степени въ Іенѣ 45

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Авторъ въ настоящемъ трудѣ стремится построить ясную, послѣдовательную теорію *распредѣленія* посредствомъ анализа процессовъ купли-продажи, при помощи которыхъ происходитъ экономическое распредѣленіе, дающее возможность собственникамъ факторовъ производства — въ различныхъ его фазахъ — дѣлить между собой плоды сотрудничества въ промышленной сферѣ.

Главная трудность установленія такой теоріи заключается, во-первыхъ, въ опредѣленіи зависимости другъ отъ друга различныхъ факторовъ производства, такимъ образомъ, чтобы можно было подвести подъ общій законъ цѣнъ плату за пользованіе землей, трудомъ и капиталомъ и, во-вторыхъ, въ выясненіи того обстоятельства, что тѣ же самыя экономическія силы, которыя опредѣляютъ рыночныя и нормальныя цѣны товаровъ, примѣнимы и къ продажѣ права на пользованіе перечисленными факторами производства.

Распространеніе на всѣ эти случаи терминологіи и пріемовъ измѣренія, прилагавшихся до сихъ поръ лишь къ одному фактору—землѣ,—а когда рѣчь шла относительно нѣкоторыхъ другихъ факторовъ, то эта терминологія и пріемы употреблялись лишь по аналогіи и въ видѣ попытокъ—требуетъ совершеннаго пересмотра нѣкоторыхъ задачъ заработанной платы и прибыли. Но необходимость такого объединенія различныхъ процессовъ экономическаго вознагражденія, для построенія удовлетворительной теоріи распредѣленія, чувствовалась уже давно и даже были сдѣланы различные шаги въ этомъ направленіи. Въ настоящей работѣ авторъ имѣетъ въ виду пойти далѣе и установить общій законъ цѣнъ, приложимый къ продажамъ всякаго рода.

Нѣкоторые пункты предстоящей задачи заключаютъ въ себѣ затрудненія, такъ какъ является необходимымъ отказаться отъ общеупотребительной терминологіи и установить новую систему экономической номенклатуры. Если, однако, изложенныя нами мысли окажутся основательными, то онѣ приведутъ къ нѣкоторымъ важнымъ теоритическимъ заключеніямъ, изъ которыхъ нѣкоторыя способны явиться основаніемъ для прогрессивной политики.

Въ частности, авторъ настоящей работы стремится доказать, что всѣ процессы купли-продажи и конкурренціи, устанавливающіе цѣны и распредѣленіе богатства, подвергаются вліянію нѣкоторыхъ элементовъ, носящихъ принудительный характеръ,— элементовъ, благодаря которымъ для покупателей и продавцовъ получаются «вынужденные барыши» (*«forced gains»*) и прочіе виды «экономической ренты». Этимъ путемъ возникаетъ значительный капиталъ (*fund*), аналогичный по своей природѣ монополіямъ и дифференціальнымъ рентамъ—давно признанный относительно земли, — которыя, не являясь стимуломъ свободной промышленной энергіи, могутъ быть безъ всякаго вреда для промышленности использованы въ общественныхъ цѣляхъ путемъ обложенія ихъ налогами.

Многое изъ напечатаннаго здѣсь изложено было въ формѣ лекцій студентамъ Лондонской *School of Economics and Political Science* въ 1897 г., а отрывки разныхъ главъ появлялись въ *Harvard Quarterly Journal of Economics*. Уже по полученіи первой корректуры этой книги, мнѣ попала въ руки небольшая книжка м-ра *H. M. Thompson'a*, *«The Theory of Wages»*, гдѣ онъ, независимо отъ меня, подробно развиваетъ нѣкоторые изъ главныхъ выводовъ моей критики, касающейся ходячихъ теорій, въ особенности совершенно ложнаго въ основаніи ученія о томъ, что будто бы «рента не входитъ въ издержки производства».

Джонъ А. Гобсонъ.

Экономика распредѣленія.

ГЛАВА I.

Опредѣленіе рыночной цѣны.

§ 1. «Что касается распредѣленія результатовъ производства, писалъ профессоръ Кернсъ, то я не вижу въ немъ никакихъ началъ справедливости»; и въ новѣйшихъ экономическихъ трактатахъ общія выраженія недовольства существующими способами распредѣленія богатства между тѣми, кто содѣйствовалъ его созиданію, стали обычнымъ явленіемъ. Тѣмъ не менѣе, ученые не пришли къ соглашенію въ вопросѣ о характерѣ недостатковъ современной системы распредѣленія, и даже анализъ экономическихъ процессовъ, которымъ обыкновенно пользуются лица, недовольныя современными способами распредѣленія, не можетъ служить основаніемъ для осужденія всей этой системы. Обыкновенно принято считать недостаткомъ современнаго промышленнаго строя экономическое могущество землевладѣльцевъ, существованіе торговыхъ монополій и союзовъ, слабость бѣдныхъ рабочихъ классовъ при всевозможныхъ сдѣлкахъ съ предпринимателями. И, однако, такое признаніе вполнѣ уживается съ убѣжденіемъ, что общая и нормальная тенденція зиждущейся на конкурренціи промышленности содѣйствуетъ справедливому и удовлетворительному распредѣленію результатовъ производства. При этомъ вышеупомянутые специфическіе недостатки, какъ оказывается, связаны съ ограниченіями конкурренціи и, пожалуй, могутъ быть разсматриваемы какъ исключенія, которыя отнюдь не въ состояніи доказать несправедливость или безполезность системы распредѣленія, основанной на свободѣ конкурренціи.

§ 2. Чтобы точно выяснить характеръ распредѣленія, мы должны изучать его при нормальныхъ, а не исключительныхъ обстоятельствахъ, и изучать его въ составныхъ частяхъ. Распредѣленіе состоитъ изъ сдѣлокъ или совершается посредствомъ извѣстныхъ дѣйствій, которыя, за отсутствіемъ лучшаго термина, мы будемъ называть куплей-продажей (*bargains*). Нѣкоторые виды ея уже не разъ подвергались изслѣдованію въ особенности относительно уступки права на пользованіе факторами производства, и на этихъ изслѣдованіяхъ были построены особые законы ренты, заработной платы, прибыли. Общимъ результатомъ этихъ изслѣдованій было нарушеніе прежними экономистами промышленнаго, такъ сказать, единства: во-первыхъ, они исходили изъ предположенія, что сдѣлки относительно пользованія землей, капиталомъ и рабочей силой подчинены совершенно различнымъ законамъ; во-вторыхъ, они недогадались распространить законы цѣнъ или стоимости факторовъ производства на законы, которые, какъ было найдено, опредѣляютъ цѣны самыхъ благъ, созданныхъ этими факторами. Новѣйшіе экономисты значительно приблизились къ интеграціи, или объединенію теоріи распредѣленія, распространивъ на теорію опредѣленія цѣнъ разныхъ факторовъ законъ дифференціальныхъ рентъ и научно формулировавъ теорію стоимости, которая примѣнена къ опредѣленію всѣхъ цѣнъ, идетъ ли рѣчь о правѣ пользованія факторами производства благъ или о самыхъ благахъ.

Однако, дальнѣйшій ходъ работы, имѣющей въ виду объединеніе теоріи распредѣленія, былъ замедленъ, вслѣдствіе того, что экономисты уклонились отъ выясненія природы купли-продажи *per se* и отъ изслѣдованія того, что общаго содержатъ различные ея виды. Если взять Англію, то такое уклоненіе обусловливается видимымъ нерасположеніемъ ученыхъ къ чисто дедуктивнымъ или спекулятивнымъ изслѣдованіямъ, за исключеніемъ узкой области математическаго анализа. Преобладаніе историческаго духа, съ одной стороны, быстрый ростъ спеціализаціи въ области политической экономіи, съ другой, совершенно несправедливо отвлекли вниманіе отъ основныхъ проблемъ дедуктивной экономіи, которыя въ глазахъ изслѣдователей слишкомъ часто принимались то рѣшенными, то не стоя-

щими рѣшенія. Этимъ вліяніямъ приписываю я, главнымъ образомъ, недостатокъ интеллектуальной энергіи и интереса, съ которымъ относились къ изслѣдованію процесса купли-продажи, лежащаго въ основѣ теоріи распредѣленія.

Подобная работа требуетъ умѣреннаго пользованія методомъ, особенно нелюбимымъ современными англійскими экономистами и заклейменнымъ у нихъ именемъ «робинзонады» («*Crusoe economics*»). Этотъ недавній протестъ противъ умозаключеній, оказавшихся ошибочными или безплодными потому, что они обыкновенно исходили изъ ложныхъ посылокъ, зашелъ слишкомъ далеко. Такой отвлеченный анализъ, при всей его рискованности, однако, необходимъ общественнымъ наукамъ. Здѣсь, какъ извѣстно, отсутствуютъ условія для примѣненія индуктивнаго метода, опирающагося на опытъ, условія, которыя существуютъ во многихъ отрасляхъ естествознанія. Чтобы восполнить этотъ именно недостатокъ, изобрѣтались фиктивные опыты, создавались искусственные случаи, въ которыхъ все несущественное было оставлено безъ вниманія въ тѣхъ видахъ, чтобы можно было яснѣе наблюдать дѣйствіе извѣстныхъ элементарныхъ силъ.

Изучать вопросъ о цѣнахъ или стоимостяхъ, погружаясь въ подробности какого-либо дѣла, не только не является практичнымъ, но, наоборотъ, прямо непрактичнымъ методомъ. Обращеніе назадъ, къ тому времени, когда экономическія условія только зарождались, оказывается обыкновенно мало плодотворнымъ; но если мы сначала возьмемъ случаи, близкіе къ существеннымъ фактамъ дѣйствительной жизни, хотя и поставленные въ сравнительно болѣе простую обстановку, чѣмъ та, которую мы наблюдаемъ обычно, и станемъ постепенно вводить исключенныя условія, чтобы наблюдать вносимую ими въ явленія перемѣну, то такую замѣну экспериментальнаго метода естественныхъ наукъ нужно признать плодотворной и очень полезной, какъ способъ, постепенно приводящій къ настоящему выводу. Этимъ методомъ я и предполагаю воспользоваться, чтобы выяснить природу сдѣлки.

§ 3. Торговыя сдѣлки, являясь актами купли или продажи, обыкновенно регулируются оптовыми рыночными цѣнами. Такимъ образомъ, прежде всего существенно важно понять, какъ опредѣляется этотъ общій уровень цѣнъ.

Если А желаетъ продать лошадь и В является единственнымъ покупателемъ, то, очевидно, если высшая цѣна, которую намѣренъ дать В, не достигаетъ той низшей суммы, которую хочетъ взять за лошадь А,—продажа не состоится.

А проситъ 20 ф. ст. и можетъ уступить за 15 ф. ст.

В предлагаетъ 8 ф. ст. и можетъ сдѣлать надбавку до 12 фун. ст.

Предложенія А 20, 19, 18, 17, 16, 15.

Предложенія В 12, 11, 10, 9, 8.

Далѣе, предположимъ, что А желаетъ взять 15 ф. ст., между тѣмъ какъ В готовъ дать 18 ф. ст. Если продажа состоится, цѣна—на общемъ основаніи—установится, конечно, между 18 и 15 ф. ст. Но гдѣ и какъ? Профессоръ *Hadley* принимаетъ, что эта точка будетъ достигнута и полагаетъ, что ее опредѣляетъ «сравнительная ловкость одной изъ сторонъ» (*relative skill in bargaining*) [1]).

А предлагаетъ за 20, 19, 18, 17, 16, 15.

В согласенъ на 18, 17, 16, 15, 14, 13, 12, 11, 10, 9, 8.

Но такое установленіе цѣнъ посредствомъ «ловкости сторонъ» предполагаетъ незнаніе плановъ другъ друга. Если А знаетъ, или предполагаетъ, что В готовъ поднять цѣну до 18 ф. ст., а В не знаетъ, что А согласится продать и за 15 ф. ст., то А остановится на 18 ф. ст. и возьметъ эту цѣну; если, наоборотъ, В знаетъ, что А продастъ и за 15 ф. ст., тогда какъ А не знаетъ, что В согласенъ поднять цѣну до 18 ф. ст., то В пріобрѣтетъ лошадь за 15 ф. ст. Если такихъ точныхъ данныхъ нѣтъ ни у того, ни у другого, но каждый подозрѣваетъ, что у другого есть желаніе идти дальше, дѣло рѣшается «стойкостью» («*bluff*») одной изъ сторонъ. Торгъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока либо А, либо В не увѣрится, что дальнѣйшее запрашиваніе превыситъ ту цѣну (или не достигнетъ той цѣны), которая опредѣлилась въ головѣ одной изъ договаривающихся сторонъ. и сдѣлаетъ соглашеніе невозможнымъ. Дѣло рѣшаетъ здѣсь высшая ловкость или, какъ выражается *Hadley*, «искусство въ торгѣ». Или возможно, что, намѣреваясь продать за 15 ф. ст., А можетъ узнать или подозрѣвать, что для В болѣе важно пріобрѣсти лошадь, чѣмъ для

---

[1]) *Hadley, Economics, p. 73.*

него—продать ее: въ такомъ случаѣ онъ окажется въ состояніи сорвать съ него 18 ф. ст.

До этого момента элементъ конкурренціи у насъ отсутствовалъ: процессъ установленія цѣны, если такое установленіе было достигнуто, отъ начала до конца, былъ тѣсно связанъ самимъ торгомъ.

Теперь введемъ этотъ элементъ съ одной стороны. А, счастливый собственникъ лошади, которую онъ хочетъ продать за 15 ф. ст. или настолько дороже, сколько можно будетъ взять, имѣетъ противъ себя В и С, которые оба желаютъ пріобрѣсти лошадь и имѣютъ нужныя для того наличныя деньги. Въ такомъ случаѣ они дадутъ либо одну и ту же окончательную цѣну за лошадь А, либо разныя. Если для обоихъ одинаково важно купить лошадь, и оба обладаютъ одинаковыми денежными суммами, то оба будутъ готовы, очевидно, поднять цѣну за лошадь до 18 ф. ст. Въ такомъ случаѣ для А абсолютно безразлично, продать ли ее В или С послѣ надбавки цѣны и тѣмъ, и другимъ до 18 ф. ст. Казуистъ, конечно, сталъ бы доказывать, что такъ какъ А не могъ бы удовлетворить и того, и другого одновременно и такъ какъ у него не было бы причинъ скорѣе продать тому, а не другому, онъ вовсе не могъ бы совершить продажи: онъ очутился бы въ положеніи осла въ извѣстной баснѣ, который умеръ съ голоду потому, что очутился на одинаковомъ разстояніи отъ двухъ совершенно одинаково заманчивыхъ сноповъ сѣна. Но, отстранивши нашего казуиста и предоставляя А произвести продажу лошади за 18 ф. ст. В или С, смотря по его личному предпочтенію или расчетамъ имѣть съ тѣмъ или другимъ дѣла и впредь, мы убѣждаемся, что конкурренція между В и С поставила А просто въ то же самое наиболѣе выгодное положеніе въ торгѣ, въ какомъ онъ находился бы, имѣя дѣло съ однимъ В, предположивъ, что онъ знаетъ крайнюю цѣну В, между тѣмъ какъ В не знаетъ его крайней цѣны. Опредѣлившаяся цѣна предоставила бы А весь барышъ отъ торга за очень небольшимъ вычетомъ, идущимъ на вознагражденіе В или С, за хлопоты по торгу.

Но случаи, подобные только что приведенному, гдѣ В и С держатся одной и той же крайней цѣны, и притомъ одинаково стойко, весьма рѣдки. Если взять дѣйствительный торговый

міръ, то мы можемъ принять, что оба конкуррента устанавливаютъ разныя окончательныя цѣны.

А предлагаетъ 20 19 18 17 16 15.
В „ 19 18 17 16 15 14.
С „ 18 17 16 15 14.

Для В границей являются 19 ф. ст., С же не намѣренъ идти далѣе 18. При этомъ будетъ очевидно, что конкурренція не устанавливаетъ уровня цѣнъ, а лишь низшую ихъ границу. Въ данномъ случаѣ цѣна не можетъ быть ниже 18 ф. ст., потому что В и С дошли бы до этой нормы, набавляя цѣну одинъ противъ другого. Цѣна установилась бы гдѣ-нибудь между 18 и 19 ф. ст., и, дѣйствительно, высота ея опредѣлилась бы, благодаря не конкурренціи, а тѣмъ же силамъ — ловкости и энергіи въ торгѣ, которыя опредѣлили цѣну въ предыдущемъ примѣрѣ.

§ 4. Теперь возникаетъ вопросъ, измѣняется ли способъ установленія цѣны, если бы мы предположили, что въ сдѣлкѣ участвуетъ неопредѣленное число дѣйствительныхъ конкуррентовъ, другими словами, если бы мы взяли свободный рынокъ.

Что такое установленіе рыночной цѣны?

Любопытно, что англійскіе экономисты въ своихъ руководствахъ почти всѣ безъ исключенія избѣгали или игнорировали этотъ практическій вопросъ, занимая читателя самыми абстрактными разсужденіями о нормальной цѣнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ англійскіе экономисты, подобно Миллю, объясняли частныя отклоненія рыночной цѣны отъ нормальной неопредѣленною ссылкой на временныя перемѣны въ спросѣ и предложеніи, заставляющія рыночныя цѣны колебаться около нормальной то къ выгодѣ продавцовъ, то къ выгодѣ покупателей [1]).

Они обыкновенно удовлетворялись заявленіемъ, что конкурренція представителей предложенія, съ одной, и представителей спроса, съ другой стороны, уравняетъ предложеніе со спросомъ, установивъ цѣну на извѣстной высотѣ. Въ этомъ состоитъ вкладъ Милля въ теорію рыночной цѣны [2]), и взглядъ этотъ, можно сказать, считался вообще въ англійскихъ курсахъ политической

---

[1]) J. S. Mill. Principles of Political Economy, Bk. III, Ch. II, § 4.

[2]) Dissertations and Discussions, т. IV („Thornton“).

Ученаго Комитета Мин. Фин.

экономіи достататочной характеристикой рыночной цѣны. Проф. Marshall, говоря о хлѣбномъ рынкѣ, находитъ, что цѣны здѣсь какъ бы «стремятся точно уравнять предложеніе со спросомъ [1])». Профессоръ Hadley въ одной изъ недавно вышедшихъ книгъ удовлетворяется заявленіемъ, что «рыночная цѣна на какой-либо предметъ при современной торговой системѣ есть та, при которой спросъ равенъ предложенію».

Утвержденіе это вдвойнѣ неудовлетворительно. Оно не опредѣляетъ рыночной цѣны и не объясняетъ, какъ дѣйствительно она устанавливается. Оно не даетъ настоящаго отвѣта на вопросъ знаменитаго оксфордскаго профессора, который, говорятъ, останавливалъ своихъ друзей на улицѣ, чтобы спросить, почему шелковая шляпа стоитъ 20 шил. Обычный отвѣтъ на этотъ вопросъ — тотъ, что цѣна ея не могла быть 21 шил., потому что тогда предложеніе превысило бы спросъ: оказалось бы слишкомъ много, напр., шляпъ и слишкомъ мало покупателей на нихъ, и конкурренція продавцовъ сбила бы цѣны; наоборотъ, цѣна не могла быть и 19 шил., и такимъ образомъ 20 шил. являются какъ бы точкой примиренія, на которой получается временное равновѣсіе. Предложеніе шляпъ было равно спросу при цѣнѣ 20 шил.

Утвержденіе, что рыночная цѣна есть та, которая уравниваетъ предложеніе со спросомъ, ничего не объясняетъ. То, что мы хотимъ знать, это — почему такое равновѣсіе достигается при 20 шил. Англійскіе экономисты обыкновенно избѣгали прямой постановки этого вопроса, требующаго изслѣдованія самого процесса, который приводитъ къ равновѣсію цѣнъ на рынкѣ. Они или занимались вмѣсто этого изслѣдованіемъ издержекъ или выгодъ, сопровождающихъ спросъ и предложеніе, или словопреніями по поводу значенія самихъ этихъ терминовъ. Въ самомъ дѣлѣ, оказывается слишкомъ справедливымъ, что нѣкоторые экономисты пользовались терминами «спросъ» и «предложеніе» такъ, какъ если бы вопросъ о равновѣсіи былъ уже предрѣшенъ. «Мы желаемъ,—говоритъ Кернсъ,—знать обстоятельства, опредѣляющія цѣну, а намъ говорятъ, что продажная цѣна есть всегда та, при которой количество благъ, покупаемыхъ на дан-

---

[1]) Principles (2 изъ ст. 392).

номъ рынкѣ, равно количеству тѣхъ же благъ, которыя продаются» [1]).

Гдѣ спросъ равняется требуемому, т.-е. покупаемому количеству, а предложеніе равно количеству предлагаемому или продаваемому, тамъ, очевидно, хваленый законъ предложенія и спроса обращается въ простую тавтологію.

Но хотя Кернсъ и былъ правъ, настаивая на необходимости точнаго объясненія процесса, путемъ котораго уравновѣшивается въ цѣнѣ спросъ съ предложеніемъ, самъ онъ, однако, не былъ въ состояніи пролить на этотъ процессъ бо́льшій свѣтъ и удовлетворился утвержденіемъ, что конечный результатъ зависитъ отъ «рыночнаго торга».

§ 5. Ближайшее размотрѣніе вліянія двухсторонней рыночной конкуренціи принадлежитъ Бёмъ-Баверку. Я приведу здѣсь его примѣръ съ рынкомъ и дамъ объясненія, какъ мнѣ кажется, болѣе простыя по формѣ, чѣмъ тѣ, которыя находятся въ его книгѣ.

A, B, C, D, E, F, G, H — продавцы лошадей. Всѣ лошади берутся одной цѣнности и всѣ продавцы обладаютъ одинаковымъ знаніемъ рынка. Тѣмъ не менѣе каждому соотвѣтствуетъ особая минимальная цѣна, за которую онъ согласенъ продать лошадь, цѣна, колеблющаяся отъ 10 ф. ст. (A) до 26 ф. ст. (H). I, J, K, L, M, N, O, P, Q, R — покупатели на рынкѣ; максимальныя цѣны, которыя они способны уплатить, колеблются отъ 15 ф. ст. (I) до 30 ф. ст. (R).

---

[1]) Leading Principles, ст. 113. Кернсъ во всякомъ случаѣ не правъ, приписывая этотъ ошибочный пріемъ Дж. Ст. Миллю, хотя послѣдній въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ именно опредѣляетъ спросъ, отличается неточнымъ языкомъ. Въ формальномъ опредѣленіи (кн. III, гл. II, ч. 3) онъ отождествляетъ спросъ съ „требуемымъ количествомъ“. Къ несчастію, это выраженіе можетъ значить „купленное количество“ или „количество, которое покупатели согласились бы и могли бы купить по данной цѣнѣ“. Въ другомъ мѣстѣ (кн. III, гл. XVIII, 2) спросъ принимается за „количество благъ, которое можетъ найти покупателя“— выраженіе столь же двусмысленное, потому что можно либо принять, что лишь количество дѣйствительно проданное „можетъ найти покупателя“, либо разумѣть всякое количество, которое могло бы быть продано за извѣстную цѣну, предполагая, что оно предлагается по этой цѣнѣ. По контексту и общему анализу рыночной цѣны у Милля, какъ бы то ни было, довольно ясно видно, что подъ „требуемымъ количествомъ“ онъ не разумѣлъ количества, дѣйствительно проданнаго, а количество, которое покупатели согласились бы купить, если бы нашли продавцовъ, согласныхъ и могущихъ продать по извѣстной цѣнѣ.

Пусть торгъ начнется съ 10 ф. ст. Продать за эту цѣну согласится лишь одинъ; десятеро готовы были бы за нее купить, и, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не согласится уступить другому, они будутъ надбавлять цѣну. При цѣнѣ въ 11 ф. ст. продавцовъ явится двое, но конкуренція 10 покупателей не допуститъ совершиться продажѣ за 11 ф. и повліяетъ повышающимъ образомъ. При 15 ф. ст. продавать будутъ трое, но остальные семеро не позволятъ тремъ купить лошадей по 15 ф. ст., потому что сумма эта меньше той, которую они согласны дать. При 15 ф. 10 шил. одинъ изъ покупателей долженъ сойти со сцены, такъ какъ его крайняя цѣна превзойдена; на 3 продавца все же останется 9 покупателей; эти трое не заключили бы сдѣлки съ тремя изъ покупателей, ибо въ такомъ случаѣ шестеро остальныхъ, видя, что могутъ остаться ни съ чѣмъ, предложили бы лучшія условія и разстроили бы предполагавшіяся сдѣлки. При 17 ф. ст. 10 шил. приходитъ еще одинъ продавецъ и исключается еще одинъ покупатель; на 4 продавца все же остается 8 покупателей, и сдѣлки состояться не могутъ. Когда цѣна поднимется свыше 20 ф. ст., еще однимъ продавцомъ станетъ больше, и одинъ покупатель убудетъ, оставивъ 5 продавцевъ на 6 покупателей. Такъ дѣло продолжается до установленія цѣны вплоть до 21 ф. ст. Продажа не можетъ состояться, потому что одинъ изъ покупателей, который долженъ оказаться при этомъ за флагомъ, съ упрямствомъ могъ бы ухватиться за одну изъ возможныхъ при

этой цѣнѣ 5 сдѣлокъ и поднять цѣну. Но разъ 21 ф. ст. превзойдены, этотъ неудобный лишній покупатель исчезаетъ, оставляя 5 покупателей на 5 продавцевъ. Тутъ каждый можетъ заключить сдѣлку за 21 ф. ст. 1 шил., потому что пятеро готовы будутъ продать, пятеро—купить за эту цѣну. Но хотя пятеро и готовы продать за 21 ф. 1 шил., они предпочтутъ взять больше, потому что всѣ пять покупателей скорѣе выплатятъ 22 ф., чѣмъ откажутся отъ покупки лошадей. Разъ цѣна поднимется до $21^1/_2$ ф. ст., въ торгъ вступаетъ 6-й продавецъ — окажется 6 продавцовъ на 5 покупателей, что̀ спуститъ цѣну ниже 21 ф. 10 шил.

Такимъ образомъ, если при цѣнѣ хотя бы нѣсколько выше 21 ф. ст. 10 шил., было 6 продавцовъ и 5 покупателей, то при цѣнѣ ниже 21 ф. — 6 покупателей и 5 продавцовъ. Ни при одной изъ этихъ комбинацій установленіе цѣны невозможно. Съ другой стороны, на любой точкѣ между 21 ф. 10 шил. и 21 ф. ст., 5 продавцовъ придется на 5 покупателей и можетъ быть заключено 5 сдѣлокъ, удовлетворяющихъ обѣ стороны. Другими словами, предложеніе уравновѣшивается со спросомъ между 21 ф. ст. 10 шил. и 21 ф. ст.

Конкурренція покупателей и конкурренція продавцовъ установили, такимъ образомъ, твердыя границы для рыночной цѣны.

Но установить границы цѣны не значитъ еще установить самую цѣну, и Бёмъ-Баверкъ нѣсколько странно обрываетъ свой анализъ на этомъ интересномъ пунктѣ. Купля-продажа реализуется на любой точкѣ между оцѣнкой *наиболѣе ловкаго* изъ исключенныхъ покупателей, M, какъ низшей границей, и наиболѣе ловкаго изъ исключенныхъ продавцовъ, F, какъ высшей границей; но въ этомъ анализѣ ничто не укажетъ, гдѣ такая точка будетъ находиться между этими границами. Въ самомъ дѣлѣ, мы можемъ сказать, что если бы къ этому сводился весь процессъ, то ни цѣна не могла бы быть вообще установлена, ни продажа не могла бы состояться ни при какой нормѣ экономическими путями. Непреложная логика конкуррирующихъ интересовъ, установившая *крайнія* цѣны, не въ состояніи опредѣлить *продажную* цѣну, лежащую между этими крайними предѣлами. Конкурренція, бывшая столь дѣйствительной, когда 6 продавцовъ стояли противъ 5 покупателей, или 6 покупателей—противъ 5 продавцовъ, исчезаетъ, повидимому, когда на 5 по-

купателей приходится 5 продавцовъ и нѣтъ такого лица, чтобы дать дѣлу перевѣсъ въ какую-либо сторону. Поскольку рѣчь идетъ объ анализѣ Бёмъ-Баверка, слѣдуетъ замѣтить, что не имѣется большихъ основаній для установленія рыночной цѣны въ указанныхъ предѣлахъ на одной высотѣ предпочтительно передъ другой. Дѣйствительно, мы оказываемся въ томъ же самомъ серьезномъ логическомъ затрудненіи, въ какомъ находились и прежде. Пять продавцовъ хотѣли бы получить цѣну, возможно близкую къ 21 ф. 10 шил., пять же покупателей — заплатить возможно ближе къ 21 ф. ст.: передъ нами въ данномъ случаѣ дѣйствительное различіе интересовъ сторонъ, и нѣтъ фактора конкурренціи, которая могла бы уладить дѣло.

Мы должны прямо признать, что если бы въ этомъ случаѣ продавцы и покупатели были дѣйствительно знакомы не только съ внѣшними условіями рынка, но и съ субъективной оцѣнкой каждымъ акта купли-продажи, то послѣдняя экономическими путями состояться не могла бы. Если продавцы могутъ установить цѣну близко къ верхней границѣ,—выгоды одного изъ покупателей сведутся къ minimum'у, и всѣ продавцы извлекутъ изъ того львиную долю; если же покупатели окажутся въ состояніи понизить цѣну до нижней границы,—для одного изъ продавцовъ выгода сдѣлки сведется къ minimum'у, и, въ общемъ, въ выигрышѣ останутся покупатели. Почему, однако, должна уступить одна изъ двухъ сторонъ? Экономическаго метода опредѣленія предѣльной цѣны въ данномъ случаѣ не существуетъ; пришлось бы либо подѣлить разности, либо рѣшить дѣло жребіемъ. Но ни то, ни другое не можетъ быть уже признано экономическимъ методомъ рѣшенія. Этого и не могло бы случиться въ дѣйствительности, потому что субъективныя оцѣнки, которыя составили себѣ разные покупатели и продавцы, другъ другу неизвѣстны. Не указывая въ своемъ детальномъ анализѣ двухсторонней конкурренціи, какимъ образомъ цѣна устанавливается на извѣстной точкѣ, Бемъ-Баверкъ въ своемъ прежнемъ трудѣ (Positive Theory of Capital, 200), говоря объ «односторонней конкурренціи», при которой возникаютъ тѣ же самыя трудности, намекаетъ, что уровень цѣны зависитъ отъ «умѣлаго веденія торга». Другими словами, конкурренція не установляетъ цѣнъ и не существуетъ такимъ образомъ «конкуррентныхъ цѣнъ».

Конкурренція создаетъ тотъ кругъ, внутри котораго торгующіеся отвоевываютъ окончательную цѣну силой и ловкостью. Если взять нашъ настоящій примѣръ, то для опредѣленія цѣны, повидимому, существенно важно, чтобы одинъ изъ контрагентовъ вводилъ въ заблужденіе другого относительно дѣйствительнаго положенія дѣла (т.-е. своей субъективной оцѣнки), заставляя его предполагать, что не сдѣлаетъ дальнѣйшей уступки. Напримѣръ, одинъ изъ продавцовъ желаетъ скрыть, что готовъ бы былъ продать и за 21 ф. ст., и выдержать цѣну 21 ф. 9 шил.; одинъ изъ покупателей, вѣря этому и опасаясь упустить случай, выразитъ согласіе; такимъ образомъ, при цѣнѣ ниже 21 ф. 9 шил., торгъ снова испытаетъ вліяніе конкурренціи, разъ только 4 продавцамъ противостанетъ 5 покупателей, и 21 ф. 9 шил. оказываются, слѣдовательно, ложной точкой уравновѣшенія спроса съ предложеніемъ. Благодаря подобному обману или принужденію, крайнія цѣны настолько сблизились, что почти совпадаютъ на одной денежной суммѣ, и «выходъ» («standing out») одного изъ 5 продавцовъ можетъ фиксировать цѣну для всѣхъ 5-ти продажъ на 21 ф. 9 шил. Такіе обманы или пріемы насильственнаго характера, повидимому, необходимы для окончательнаго установленія цѣнъ.

Теперь, обращаясь къ тѣмъ, кто участвовалъ въ процессѣ опредѣленія рыночной цѣны, мы можемъ разбить ихъ по различію ролей на разныя группы.

a) Прежде всего — непричастные покупатели и продавцы, крайнія цѣны которыхъ были слишкомъ высоки и слишкомъ низки, чтобы обусловить ихъ участіе въ состоявшихся сдѣлкахъ. Къ этой группѣ относятся G и H изъ числа продавцовъ I, J, K и L — изъ числа покупателей. Желанія и дѣйствія этихъ лицъ не имѣли никакого вліянія ни на рынокъ, ни на цѣны: ихъ отсутствіе не внесло бы никакихъ перемѣнъ.

b) Далѣе слѣдуетъ группа дѣйствительныхъ покупателей и продавцовъ, границы субъективной оцѣнки которыхъ лежатъ выше и ниже границъ, внутри которыхъ помѣстилась окончательная цѣна, и которые хотя и вліяютъ на колебанія рыночной цѣны, однако прямого воздѣйствія на цѣну не имѣютъ. Это — A, B, C, D — съ одной и O, P, Q, R — съ другой стороны.

c) Въ-третьихъ, мы имѣемъ тѣхъ представителей рынка, чья субъективная оцѣнка устанавливаетъ возможныя границы,

внутри которыхъ лежитъ цѣна, за которую 5 продавцовъ согласились бы продать и 5 покупателей — купить. Бемъ-Баверкъ принимаетъ, что къ этой группѣ относятся продавцы E и F и покупатели M и N, ибо онъ принимаетъ, что дѣйствія тѣхъ и другихъ устанавливаютъ верхній и нижніе предѣлы. «Верхняя граница устанавливается оцѣнкой того послѣдняго изъ покупателей, который дѣйствительно совершаетъ сдѣлку (послѣдній покупатель), и оцѣнкой наиболѣе ловкаго изъ исключенныхъ продавцовъ (первый исключенный продавецъ); нижняя же граница устанавливается оцѣнкой наименѣе ловкаго продавца, который дѣйствительно совершаетъ продажу (послѣдній продавецъ) и оцѣнкой наиболѣе ловкаго исключеннаго покупателя (первый исключенный покупатель)». Такимъ образомъ, говоритъ онъ, мы получаемъ весьма простую формулу: «рыночная цѣна ограничивается и опредѣляется субъективной оцѣнкой двухъ крайнихъ паръ (контрагентовъ)» (l. c. ст. 209).

Согласно съ этимъ, верхняя граница устанавливается оцѣнкой F, перваго исключеннаго продавца, и N, послѣдняго дѣйствительнаго покупателя, а нижняя — оцѣнкой M, перваго исключеннаго покупателя, и E, послѣдняго дѣйствительнаго продавца. Но точная оцѣнка N, 22 ф. ст., не устанавливаетъ и не содѣйствуетъ установленію верхней границы, потому что если бы его оцѣнка вмѣсто 22 ф. ст. была бы 21 ф. 11 шил., то не было бы внесено никакой разницы. Точно также оцѣнка E въ 20 ф. ст. не вліяетъ на опредѣленіе нижней границы, потому что, если бы вмѣсто 20 ф. она поднялась до 20 ф. 19 шил., разница не получилась бы.

Такимъ образомъ, повидимому, оцѣнки N и E не имѣли непосредственнаго вліянія на границы, устанавливаемыя прямо и исключительно оцѣнками M и F.

d) Наконецъ, въ границахъ крайнихъ цѣнъ мы имѣемъ воздѣйствіе одного изъ дѣйствительныхъ конкуррентовъ, благодаря образу дѣйствія котораго цѣна доходитъ до извѣстной окончательной точки. Ничто, разумѣется, не указываетъ, кто проявитъ это воздѣйствіе. Положимъ, роль эта достанется E, послѣднему дѣйствительному продавцу, крайняя цѣна котораго — 20 ф. ст. и который окажется, допустимъ, наиболѣе неуступчивой стороной въ торгѣ и наиболѣе имѣющимъ шансовъ установить

цѣну какъ разъ на слѣдующей за 21 ф. 10 шил. нижайшей точкѣ, что̀ въ концѣ-концовъ дастъ ему меньшія субъективныя выгоды, чѣмъ тѣ, какія выпадутъ на долю каждаго изъ прочихъ продавцовъ, крайняя оцѣнка которыхъ ниже. Или даже мы можемъ предположить, что N, субъективныя выгоды котораго — наименьшія среди покупателей, улавливаетъ удачный моментъ и, заставивъ продавцовъ думать, что онъ не купитъ при цѣнѣ значительно высшей 21 ф. ст., устанавливаетъ цѣну немногимъ выше этой точки.

§ 6. Нашъ анализъ, если онъ правиленъ, разъясняетъ два важныхъ вопроса: во-первыхъ, способъ установленія цѣны на рынкѣ; во-вторыхъ, распредѣленіе выгодъ, получающихся въ результатѣ ряда сдѣлокъ по рыночной цѣнѣ.

Что касается способа установленія цѣны, то онъ доказываетъ, а) что конкуренція не опредѣляетъ еще цѣны, а лишь границы ея; б) что внутри этихъ границъ окончательная цѣна устанавливается ловкостью со стороны отдѣльнаго покупателя или продавца въ торгѣ.

Что касается распредѣленія выгодъ, получаемыхъ отъ ряда продажъ по рыночной цѣнѣ, то оно, очевидно, зависитъ, во-первыхъ, отъ превосходства или ловкости одного изъ покупателей или продавцевъ; во-вторыхъ, отъ дифференціальной оцѣнки разныхъ покупателей и продавцовъ, получаемой изъ сопоставленія ихъ оцѣнки съ окончательной цѣной.

Согласно условіямъ взятаго нами рынка, гораздо больше выгоды въ цѣломъ пришлось на долю продавцовъ, потому что рыночная цѣна, упала ли она близъ 21 ф. или 21 ф. 10 шил., значительно превосходитъ границы цѣнъ, какъ онѣ установляются разными продавцами. При 21 ф. общія выгоды покупателей = 25 ф., между тѣмъ какъ продавцовъ = 32 ф. ст. При 21 ф. 10 шил. первые выгадываютъ 22 ф. 10 шил., вторые — 34 ф. 10 шил.

Очевидно, въ процессѣ установленія цѣны не существуетъ гарантій для равнаго или «справедливаго» дѣлежа выгодъ, проистекающихъ изъ обмѣна. Ни въ одномъ случаѣ, гдѣ имѣетъ мѣсто продажа по рыночной цѣнѣ, выгоды обѣихъ вступающихъ въ сдѣлку сторонъ не будутъ равными. Въ каждой продажѣ для той и другой оказываются извѣстныя выгоды, но онѣ не будутъ

одинаковы. Если цѣна стоитъ непосредственно ниже 21 ф. 10 шил., N, послѣдній дѣйствительный покупатель, выгадаетъ также на непосредственно бо́льшую 10 шиллинговъ сумму; E же, послѣдній дѣйствительный продавецъ, выгадаетъ немного менѣе 1 ф. 10 шил. Каковы бы ни были комбинаціи, связывающія покупателей и продавцовъ въ пяти сдѣлкахъ, ни одна изъ послѣднихъ не представитъ одинаковыхъ выгодъ для обѣихъ сторонъ, хотя извѣстная выгода для нихъ должна быть въ каждомъ случаѣ.

§ 7. Цѣль настоящаго изслѣдованія показать, что выгоды доставляемыя рынкомъ покупателямъ и продавцамъ, слагаются изъ двухъ элементовъ. Во-первыхъ, это — разница между высшей и низшей границей цѣны, представляющая въ вышеприведенномъ случаѣ около 1 ф. ст. въ каждой сдѣлкѣ. Она распредѣляется сообразно превосходству или ловкости наиболѣе энергичныхъ изъ покупателей или изъ продавцовъ. Не легко рѣшить, какъ можно наилучше охарактеризовать эту выгоду. Съ точки зрѣнія происхожденія, она принадлежитъ къ «вынужденнымъ барышамъ» (forced gains). Эта выгода можетъ обозначать и прибыль, общую для всѣхъ покупателей и продавцовъ на рынкѣ, въ отличіе отъ частныхъ выгодъ отдѣльныхъ лицъ, возникающихъ изъ разницы, опредѣляемой на основаніи индивидуальныхъ оцѣнокъ, и въ этомъ отношеніи ее можно наименовать «специфическимъ барышомъ» («specific gain»). Намъ придется пользоваться, касаясь ея, тѣмъ и другимъ терминомъ.

83003

Продавцы и покупатели, оцѣнки которыхъ лежатъ внѣ границъ, внутри которыхъ установилась окончательная цѣна, въ добавленіе къ той доли (specific gain), которая можетъ имъ достаться или не достаться, имѣютъ еще диференціальную выгоду, представляющую разницу между ихъ индивидуальной оцѣнкой и верхней или нижней границей, смотря по тому, беремъ ли мы покупателей или продавцовъ.

Напр., при предположеніи, что рыночная цѣна установилась на 21 ф. ст. 9 шил., A выгадалъ бы 9 шил., которые составляютъ «вынужденный» или «специфическій» элементъ по отношенію къ нижней границѣ 21 ф. ст.,— и 11 ф. ст., представляющихъ разницу между 10 ф., наименьшей суммой, за которую онъ согласился бы продать, и 21 ф. ст., наименьшей цѣной, до которой конкурренція подняла рыночныя цѣны.

Экономическая литература, несомнѣнно, вполнѣ достаточно останавливалась на идеѣ дифференціальныхъ выгодъ, разсматриваемыхъ обыкновенно, какъ ренты производителя и потребителя, но природа другого элемента, т.-е. вынужденная выгода, выясняемая, очевидно, анализомъ рыночной цѣны, не обратила на себя вниманія, какого заслуживаетъ.

Можно сказать, что установленіе цѣны представляетъ ахиллесову пяту конкурренціи и въ теоріи, и на практикѣ. Если бы конкурренція покупателей и продавцовъ могла опредѣлить конечную цѣну, слабѣйшіе покупатель и продавецъ одинаково получили бы отъ сдѣлки minimum выгоды, и такимъ образомъ пришлось бы признать существованіе тенденціи къ равному распредѣленію дифференціальныхъ выгодъ сдѣлки для обѣихъ сторонъ. Но открытое поле конкурренціи, какъ мы видѣли,[1] не въ состояніи довести до рыночной цѣны и въ концѣ-концовъ уступаетъ мѣсто тому же вліянію обмана или принужденія, которое, мы видѣли, опредѣляетъ цѣну въ торгѣ съ участіемъ одного покупателя и одного продавца.

§ 8. Иными словами, если вышеприведенный примѣръ основателенъ, то принужденіе (*force*) является послѣднимъ опредѣлителемъ рыночной цѣны.

Но вѣренъ ли примѣръ?

Подвигаясь послѣдовательно впередъ отъ примитивной сдѣлки, нашли ли мы вѣрныя условія современнаго рынка и дѣйствительно ли рыночная цѣна опредѣляется вышеописаннымъ образомъ?

Примѣръ, очевидно, не соотвѣтствуетъ никакому дѣйствительному или возможному конному рынку. Въ немъ принимается, во-первыхъ, что восемь продавцовъ предлагаютъ лошадей, въ одинаковомъ качествѣ которыхъ вполнѣ увѣрены и всѣ они, и всѣ предполагаемые покупатели, и во-вторыхъ, что, несмотря на это, продавцы столь рѣзко расходятся въ своихъ крайнихъ цѣнахъ: одинъ готовъ продать за 26 ф. ст., между тѣмъ какъ другой—за такую низкую сумму, какъ 10 ф. ст., хотя ему и извѣстно, что его лошади столь же высокаго качества. Дѣйствительный конный рынокъ будетъ отличаться такимъ предложеніемъ лошадей, гдѣ не найдется двухъ, оцѣниваемыхъ въ одну сумму покупателями или продавцами; здѣсь не произой-

детъ никакого прочнаго соглашенія относительно одинаковости цѣны даже между двумя присутствующими на рынкѣ лицами; точно такъ же дѣйствительныя условія торга не будутъ таковы, чтобы каждый зналъ, какія предложенія дѣлаютъ другіе, если только продажа не носитъ характера аукціона,—случай, когда въ сущности нѣтъ двусторонней, а лишь рядъ односторонних ъ конкурренцій.

На дѣйствительномъ конномъ рынкѣ, гдѣ торгуются другъ съ другомъ разные покупатели и продавцы, въ результатѣ не получится точной рыночной цѣны для лошадей даннаго качества; дѣйствительно уплачиваемыя цѣны не только не давали бы равнаго распредѣленія субъективныхъ выгодъ отъ сдѣлокъ, но не было бы и объективнаго равенства, выражающагося въ нашемъ теоретическомъ примѣрѣ, въ равенствѣ денежныхъ цѣнъ, уплачиваемыхъ за равную «стоимость». Индивидуальная справка, скрытность и настойчивость играютъ въ дѣйствительности бо̀льшую роль, нежели въ нашемъ случаѣ. Если брать совокупныя выгоды отъ ряда сдѣлокъ на подобномъ рынкѣ, то дифференціальный элементъ окажется гораздо незначительнѣе, чѣмъ въ теоріи, «вынужденная же прибыль» — гораздо больше.

Бемъ-Баверкъ ставитъ дифференціальныя выгоды въ зависимость отъ субъективныхъ оцѣнокъ. Въ случаѣ коннаго рынка это оказывается очевиднымъ, поскольку дѣло идетъ о покупателяхъ. Но въ необыкновенныхъ промышленныхъ рынкахъ, гдѣ покупатели пріобрѣтаютъ, чтобы снова продать, долженъ существовать объективный базисъ дифференціальныхъ выгодъ. А можетъ оцѣнивать тѣ же самыя блага дороже В на 20% только потому, что онъ имѣетъ извѣстныя торговыя или промышленныя (объективныя) преимущества, которыя даютъ ему возможность извлечь изъ купленнаго болѣе значительную торговую выгоду.

Но эти практическія соображенія, мнѣ кажется, не уничтожаютъ общей справедливости и полезныхъ результатовъ теоретическаго анализа. Нашъ примѣръ былъ вправѣ не считаться съ незначительными, противорѣчащими условіями; всѣ матеріальные факты получили, благодаря ему, болѣе ясную перспективу, которая даетъ намъ возможность правильно истолковывать истинную природу процесса купли-продажи.

§ 9. Но въ избранномъ нами примѣрѣ есть одинъ пунктъ,

на которомъ важно остановиться. Продавецъ лошадей долженъ сразу продавать цѣлую лошадь, и покупатель не можетъ купить менѣе одной лошади. Иначе говоря, отдѣльныя единицы предложенія поступаютъ на рынокъ, отстоя другъ отъ друга по оцѣнкѣ на опредѣленные, достаточно большіе интервалы. Послѣдняя проданная лошадь различается въ цѣнѣ отъ первой непроданной на опредѣленную значительную сумму: не менѣе 30 шил. Теперь, если вмѣсто 8 лошадей, оцѣненныхъ въ разныя суммы—отъ 10 ф. до 26 ф. ст., мы будемъ имѣть безконечное ихъ количество, придется допустить, что конкурренція (для проявленія которой, боюсь, потребовалась бы цѣлая вѣчность) сблизитъ верхнюю и нижнюю границу цѣнъ до точки совпаденія, т.-е. разстояніе между ними станетъ безконечно малымъ [1]). Въ такомъ случаѣ пара контрагентовъ будетъ заключать свою сдѣлку при равныхъ ставкахъ съ обѣихъ сторонъ, безъ всякаго участія «вынужденной прибыли», составляющей элементъ рыночной цѣны.

Впрочемъ, предположеніе, что на ограниченномъ рынкѣ можетъ оказаться не 8 или 80, но практически неограниченное число единицъ предложенія, оцѣненныхъ въ крайне мало различающихся суммахъ, является плодомъ одного воображенія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ близко къ дѣйствительности. Между предложеніемъ 1-ой и 2-хъ лошадей не можетъ быть промежуточнаго количества, но при предложеніи золота между предложеніемъ 1 и 2 фунтовъ можетъ быть безконечное число возможныхъ промежутковъ. Если взять безконечно дѣлимыя блага, то можно разсматривать рыночное предложеніе въ данный моментъ, какъ состоящее изъ безконечнаго числа единицъ, оцѣнка которыхъ продавцами съ незамѣтными промежутками спускается отъ высшей къ крайней нижней цѣнѣ. Къ такимъ благамъ относятся: золото, хлѣбъ, хлопокъ.

---

[1]) Джевонсъ въ своей Theory of Political Economy (гл. IV) насилуетъ истину, утверждая, будто теорія конкурренціи, какъ опредѣлителя окончательной цѣны, основывается на предположеніи безконечной дѣлимости предложенія (ст. 108). Въ дѣйствительности весь математическій методъ Джевонса основывается на этомъ самомъ предположеніи и то обстоятельство, что предложеніе никогда не можетъ безконечно длиться, ослабляетъ практическую пригодность всего математическаго метода.

Значеніе этого слѣдующее. Если взять для примѣра рынокъ, гдѣ торгуютъ подобными благами, то, повидимому, получится рыночная цѣна путемъ одной конкурренціи покупателей и продавцовъ. Взглянемъ, напримѣръ, на мѣстный хлѣбный рынокъ, которымъ Маршалль иллюстрируетъ опредѣленіе рыночной цѣны. Здѣсь мы имѣемъ извѣстное число фермеровъ, каждый, скажемъ, съ 100 квартами продажной пшеницы, и извѣстное число хлѣбныхъ торговцевъ, являющихся на этомъ рынкѣ покупателями. При цѣнѣ 36 шил., всѣ фермеры готовы были бы продать весь свой запасъ, но покупателей за эту цѣну нашлось бы, если бы таковые вообще нашлись, мало. Если бы возможной цѣной оказались 35 шил., то большинство фермеровъ согласилось бы продать весь свой хлѣбъ; нѣкоторые же оставили бы часть своей пшеницы, разсчитывая въ будущемъ на цѣну въ 36 ш. Болѣе низкая цѣна каждый разъ, разумѣется, уменьшала бы дѣйствительное предложеніе и повышала бы спросъ; дѣйствительно установившаяся цѣна, напр. 27 шил., создаетъ такъ называемое равновѣсіе между предложеніемъ и спросомъ, т.-е. продавцы оказываются согласными продать, скажемъ, $^2/_3$ своей пшеницы по 27 ш., а покупатели—пріобрѣсти то же количество по той же цѣнѣ въ 27 ш.

Итакъ, подобный рынокъ разнится отъ нашего коннаго въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, поскольку дѣло касается единицъ предложенія и спроса: на конномъ рынкѣ нельзя ни купить, ни продать менѣе 1 лошади; 1 лошадь, слѣдовательно, представляетъ минимальную единицу предложенія; продавецъ, выведшій 10 лошадей, не можетъ предложить болѣе 10 любыхъ единицъ. Между тѣмъ фермеръ съ 100 кварт. пшеницы способенъ къ болѣе эластичному и дѣлимому предложенію; хотя для простоты счета онъ можетъ раздѣлить свой запасъ на десятки квартъ и оцѣнивать 100 по 36 ш., 90—по 34 и т. д., однако, ничто не мѣшаетъ ему произвести болѣе дробные расчеты; въ теоріи, во всякомъ случаѣ, онъ согласился бы продать 79 кварт. по немного болѣе низкой оцѣнкѣ, чѣмъ сколько бы онъ взялъ за 80 кварт. при повысительной тенденціи на рынкѣ. Какъ бы то ни было, легко видѣть, что на хлѣбномъ рынкѣ спросъ и предложеніе отличаются гораздо большей эластичностью, нежели на конномъ, гораздо большимъ разнообразіемъ возможныхъ цѣнъ

при гораздо меньшихъ между ними интервалахъ. Это объясняетъ, почему здѣсь конкурренція отличается болѣе тѣсными границами и болѣе дѣйствительна какъ среди покупателей, такъ и среди продавцовъ. На этомъ основаніи границы, въ предѣлахъ которыхъ прекращается дѣйствіе обыкновенной конкурренціи, здѣсь гораздо болѣе узки.

Второй пунктъ различія еще болѣе важенъ. Онъ состоитъ въ томъ, что хлѣбный рынокъ гораздо болѣе связанъ съ обширнымъ міровымъ, чѣмъ мѣстный конный. Если товары пользуются широкимъ и общимъ спросомъ, представляя въ то же время цѣну, пропорціональную своей величинѣ и вѣсу, отличаются достаточной прочностью, чтобы ихъ можно было перевозить на дальнія разстоянія безъ риска или порчи, то подобные товары становятся предметами міровой торговли. Это значитъ, что, гдѣ бы они ни продавались, цѣна, вырученная въ извѣстный день на какомъ-нибудь мѣстномъ рынкѣ, опредѣлена была вполнѣ или главнымъ образомъ не даннымъ мѣстнымъ предложеніемъ и спросомъ, а общимъ міровымъ. Къ равновѣсію стремятся и равновѣсіе находятъ на рынкѣ не только 1000 кварт., принадлежащихъ продавцамъ, или покупательная сила въ 1500 ф. ст., принадлежащая покупателямъ: тѣ и другіе, т.-е. продавцы и покупатели, находятся при сдѣлкахъ по разнымъ цѣнамъ подъ вліяніемъ курса болѣе широкаго рынка, гдѣ играютъ роль не только наличные, но и ожидаемые спросъ и предложеніе пшеницы.

Такимъ образомъ, возможныя границы конкурренціи на мѣстномъ хлѣбномъ рынкѣ зависятъ отъ условій, создаваемыхъ рынкомъ національнымъ или тѣми крупными центрами, гдѣ наиболѣе полно обнаруживаютъ свое дѣйствіе національныя экономическія силы. Въ свою очередь, на національномъ рынкѣ довольно незначительны колебанія въ зависимости интернаціональнаго рынка, который строго принимаетъ въ расчетъ настоящіе и вѣроятные будущіе запасы пшеницы и спросъ на нее.

§ 10. Всякій мѣстный рынокъ, даже рынокъ сильно портящихся и дешевыхъ громоздскихъ товаровъ, испытываетъ, разумѣется, до извѣстной степени вліяніе болѣе обширныхъ районовъ сбыта и до извѣстной степени—общаго предложенія и спроса однородныхъ благъ. Но относительно нѣкоторыхъ това-

ровъ это внѣшнее соприкосновеніе такъ незначительно и вліяетъ съ такой медленностью, что цѣны устанавливаются всего болѣе мѣстнымъ предложеніемъ и спросомъ. Обыкновенный печеный хлѣбъ или сливы, напр., имѣютъ большое число небольшихъ рынковъ, цѣны которыхъ могутъ сильно расходиться. На небольшихъ мѣстныхъ рынкахъ продавцы хлѣба или сливъ въ малой степени могутъ выдерживать свое предложеніе или переносить свои товары въ другое мѣсто, и точно также ограниченнымъ является и покупательскій спросъ; поэтому давленіе мѣстныхъ или временныхъ обстоятельствъ, благопріятствующихъ то покупателямъ, то продавцамъ, будетъ играть въ опредѣленіи рыночной цѣны большую роль, естественная конкурренція будетъ прекращать свои дѣйствія въ болѣе ранній моментъ, и принужденіе или превосходство явятся болѣе важнымъ факторомъ въ процессѣ сдѣлки. Съ другой стороны, на рынкѣ золота, хлопка, шерсти или пшеницы, при нормальныхъ условіяхъ, покупатели и продавцы мѣстнаго рынка находятся менѣе подъ давленіемъ необходимости продать или купить въ данномъ мѣстѣ и въ данную минуту: все міровое предложеніе, настоящее и ожидаемое, вліяетъ на условія конкурренціи каждаго мѣстнаго рынка и мѣстныя рыночныя цѣны отражаютъ бо̀льшую сложность рынка мірового. Отсюда слѣдуетъ, что касательно благъ, принадлежащихъ міровому рынку, можно сказать, что ихъ цѣна устанавливается свободной конкурренціей, потому что количество дѣйствительно и потенціально конкуррирующихъ единицъ тутъ столь значительно, что дѣйствію силы и ловкости отдѣльныхъ участниковъ торговъ, которые играютъ крупную роль на небольшомъ мѣстномъ рынкѣ, остается мало мѣста. Дѣйствительно, гдѣ мѣстный рынокъ находится въ такой тѣсной и постоянной органической связи съ міровымъ, тамъ цѣна, достигнутая въ одномъ случаѣ, стремится быть не только рыночной, но и нормальной, т.-е. цѣна, средняя изъ предложенія и спроса на всемъ настоящемъ рынкѣ, окажется средней и при учетѣ вѣроятныхъ перемѣнъ предложенія и спроса въ будущемъ для ряда временныхъ цѣнъ.

Такъ, напр., на рынкѣ золота или любой подобной цѣнности,— при условіи, что конкурренція покупателей и продавцовъ дѣйствуетъ свободно и не испытываетъ постоянныхъ преградъ и

ложныхъ отклоненій, благодаря махинаціямъ спекуляторскихъ союзовъ — рыночныя цѣны будутъ стремиться къ среднему уровню, или, короче, къ обращенію въ нормальныя цѣны. То же самое имѣетъ мѣсто и со всѣми товарами, обращающимися на міровомъ рынкѣ. Конкурренція здѣсь происходитъ между большимъ числомъ конкуррирующихъ покупателей и продавцовъ, единицы предложенія и спроса которыхъ представляютъ безконечное разнообразіе различныхъ равновѣсій: при такихъ условіяхъ, конкурренція имѣла бы такой успѣхъ, что любой мѣстной группѣ покупателей и продавцовъ оставалось бы на рынкѣ очень мало дѣла.

§ 11. Если мы возьмемъ одинъ изъ такихъ большихъ высоко организованныхъ рынковъ съ конкурренціей между очень большимъ числомъ покупателей и продавцовъ, имѣющихъ дѣло съ большими массами дѣлимыхъ товаровъ, то конкурренція покупателей и продавцовъ сближаетъ крайнія цѣны настолько, что, повидимому, устанавливается предѣльная цѣна. Въ теоріи случай коннаго рынка подходитъ и сюда, при чемъ торгъ, когда онъ является упорнымъ, устанавливаетъ цѣну и здѣсь, какъ вездѣ; но вліяніе его здѣсь такъ мало, что практически можно его игнорировать.

Болѣе того, на хлопковомъ или пшеничномъ рынкѣ этотъ элементъ не только не играетъ роли, но и сводятся къ гораздо меньшимъ, чѣмъ на мѣстномъ конномъ рынкѣ, размѣрамъ дифференціальныя выгоды разныхъ покупателей и продавцовъ. Рынки, которые отличаются столь высокой организаціей, обыкновенно имѣютъ то свойство, что продавцы и покупатели здѣсь находятся въ почти одинаковомъ положеніи: продавцы поставлены настолько въ одинаковыя условія, что предложеніе, будучи реализовано по данной цѣнѣ, доставляетъ равную прибыль разнымъ продавцамъ. Что касается до покупателей на хлопковомъ или хлѣбномъ рынкѣ, то они пріобрѣтаютъ товаръ не для потребленія, а для перепродажи его въ той или иной формѣ, при при чемъ сами условія этихъ перепродажъ содѣйствуютъ уравненію субъективныхъ выгодъ ихъ сдѣлокъ. Можно считать, что различные покупатели и продавцы сырого хлопка въ Ливерпулѣ, при данной цѣнѣ, получатъ такія субъективныя выгоды, которыя не будутъ сильно различаться въ разныхъ случаяхъ,

если только продавцу не придется испытывать въ томъ или другомъ случаѣ давленія финансовыхъ обстоятельствъ.

§ 12. Обстоятельства, повидимому, практически уничтожающія въ рыночной цѣнѣ элементъ принужденія и дѣлающія ее результатомъ одной конкурренціи, сводятся къ слѣдующему:

Когда на рынкѣ присутствуетъ большое число покупателей и продавцовъ, совершенно равныхъ между собою въ отношеніи денежныхъ средствъ и знакомства съ товарами; когда продавцы получаютъ свой товаръ при совершенно одинаковыхъ коммерческихъ условіяхъ, а покупатели пріобрѣтаютъ для перепродажи, а не для потребленія; когда покупаемые и сбываемые товары представляютъ предметы міровой торговли, способные къ значительной количественной дѣлимости и не подверженные быстрой порчѣ.

Но, какъ извѣстно, эти обстоятельства въ значительномъ большинствѣ случаевъ отсутствуютъ. Сдѣлаемъ бѣглый обзоръ цѣлаго ряда сдѣлокъ, анализируя различные роды товаровъ, равно какъ условія ихъ обмѣна въ разныхъ процессахъ производства. Какъ часто встрѣтимся мы съ вышеупомянутыми условіями?

Возьмемъ, прежде всего, крупныя отрасли добывающей промышленности; разсмотримъ сдѣлки, производимыя фермерами, горнопромышленниками, рыболовами и т. д. съ купцами, пріобрѣтающими ихъ продукты, или съ желѣзными дорогами, которыя ихъ перевозятъ; постоянныя попытки грузоотправителей, импортеровъ и спекуляторовъ съузить предложеніе и воздѣйствовать на цѣны; выгоды, представляемыя въ наиболѣе организованныхъ отрасляхъ лучшей постановкой предложенія, патентами или тайными способами производства, комбинаціями, направленными къ ограниченію сбыта или регулированію цѣнъ; колебанія, производимыя мѣстными корнерами (corners) и ожесточенная конкурренція въ большинствѣ отраслей розничной торговли—эти и ихъ подобныя причины парализуютъ свободу и подвижность конкурренціи въ огромномъ большинствѣ торговыхъ процессовъ. Эти черты конкурренціи, какъ извѣстно, отсутствуютъ, въ сдѣлкахъ по продажѣ и арендѣ земель. Изслѣдуя сдѣлки по отдачѣ въ ссуду капиталовъ, мы увидимъ, насколько узки границы такихъ помѣщеній, гдѣ заимодавцы и должники стоятъ

въ равныхъ условіяхъ. Что касается того очень значительнаго класса сдѣлокъ, которыя встрѣчаются въ промышленной сферѣ на каждомъ шагу и имѣютъ предметомъ продажу рабочей силы, то здѣсь врядъ ли въ нѣсколькихъ случаяхъ встрѣтится равенство условій торга—даже тамъ, гдѣ отчуждаемымъ объектомъ служитъ профессіональная ловкость или рабочая сила иной высокой квалификаціи. Кромѣ обыкновенныхъ промышленныхъ отраслей, въ случаяхъ, гдѣ сдѣлка заключается между авторомъ и издателемъ, хозяйкой и слугой, содержателемъ гостинницы и пріѣзжающимъ, учителемъ и родителями, конкурренція дѣйствуетъ настолько слабо и косвенно, знаніе обѣими сторонами другъ друга настолько неполно, что равенства положеній, исключая отдѣльные случаи, никогда не встрѣчается.

Такимъ образомъ оказывается, что лишь небольшая часть сдѣлокъ купли-продажи можетъ считаться заключаемой при условіи открытой, двусторонней конкурренціи на рынкѣ, гдѣ цѣны остальныхъ рынковъ вліяютъ настолько непосредственно, что уравниваютъ выгоды отдѣльныхъ лицъ, выступающихъ на рынкѣ покупателями или продавцами.

§ 13. Вышеприведенное краткое обслѣдованіе экономическихъ условій рыночной цѣны приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Каждый «экономическій» покупатель и продавецъ на рынкѣ (т.-е. каждый покупатель и продавецъ, руководимый личнымъ интересомъ) извлекаетъ изъ своей сдѣлки извѣстную выгоду. Замѣчаніе, сдѣланное мыслителями столь различнаго характера, какъ Бэконъ и Рескинъ,—что въ коммерческой сдѣлкѣ «выигрышъ одного составляетъ проигрышъ другого» расходится съ нашимъ анализомъ. Какъ бы то ни было, пришлось принять, что во всякомъ рядѣ сдѣлокъ по рыночной цѣнѣ покупатель или продавецъ заключитъ свою куплю-продажу при условіяхъ, которыя дадутъ ему minimum чистой выгоды.

2) Экономическая природа рынка не обусловливаетъ равенства выгодъ для двухъ заключающихъ сдѣлку сторонъ.

3) Итогъ выгоды, получаемой каждой стороной, зависитъ отъ трехъ условій, отъ: а) превосходства или ловкости торгующагося, за которымъ остается послѣднее слово; б) дѣйствія конкурренціи между покупателями и продавцами, чѣмъ устанавливаются границы, въ предѣлахъ которыхъ можетъ вліять упомянутое

превосходство или ловкость; в) разницы между крайней цѣной каждаго покупателя и продавца и цѣной дѣйствительно установившейся при продажѣ.

4) Гдѣ размѣръ рынка какъ по территоріи, такъ и по времени великъ, тамъ дифференціальные элементы и вліяніе торга относительно маловажны; при обратныхъ же условіяхъ они становятся сравнительно гораздо важнѣе.

Добавленіе къ I главѣ.

Сравнительныя преимущества покупателя и продавца.

Анализъ процесса сдѣлки показываетъ, что болѣе крѣпкую позицію, позволяющую выгодамъ сдѣлки склониться въ одну сторону болѣе, чѣмъ въ другую, иногда занимаютъ покупатели, иногда—продавцы. Нельзя установить закона, объясняющаго эти преимущества той или другой стороны и имѣющаго всеобщее значеніе, но существуютъ нѣкоторыя присущія спеціальнымъ рынкамъ условія, дѣйствующія съ очевидностью въ пользу той или другой стороны. Выдѣливъ для отдѣльнаго и болѣе полнаго разсмотрѣнія рынки, гдѣ происходятъ сдѣлки съ землею, капиталомъ и трудомъ, и ограничиваясь здѣсь рынками обыкновенныхъ товаровъ, мы находимъ, что сравнительныя преимущества покупателей или продавцовъ нерѣдко прямо связаны, а) съ большимъ или меньшимъ давленіемъ необходимости купить или продать что-либо, и б) съ большимъ или меньшимъ умѣньемъ или ловкостью въ торгѣ.

Гдѣ покупатель пріобрѣтаетъ не для личнаго потребленія, тамъ за нимъ вообще можно признать преимущество въ процессѣ сдѣлки или обмѣна, частью потому, что онъ—собственникъ денегъ,—т.-е. наименѣе спеціализированнаго товара,—стоящій противъ владѣльца товара спеціальнаго, частью потому, что давленіе коммерческихъ интересовъ менѣе сильно, чѣмъ давленіе личныхъ потребностей. Тамъ же, гдѣ покупатель—непосредственный потребитель, выгоды его позиціи нерѣдко болѣе чѣмъ парализуются давленіемъ нуждъ настоящей минуты, заставляющимъ его совершать покупку теперь же у лица, которое ничѣмъ не вынуждается продать товаръ немедленно. Такъ, напр., содержатели буфетовъ или книгопродавцы на же-

лѣзнодорожныхъ станціяхъ имѣютъ въ сдѣлкахъ явныя преимущества.

Какъ общее правило, однако, слѣдуетъ признать преимущество за владѣльцемъ денегъ, которыя въ торговлѣ зачастую болѣе желательны, нежели номинальный эквивалентъ ихъ въ видѣ спеціальныхъ товаровъ. Кажется страннымъ, что въ дѣйствительныхъ цѣнахъ не учитывается преимущество денегъ, заключающееся въвысшей устойчивости ихъ стоимости и ихъ способности къ обмѣну; между тѣмъ на практикѣ найдено, что всякій собственникъ продаваемыхъ товаровъ, назначающій ихъ «стоимость», «предпочелъ бы имъ деньги». Если, однако, потребитель, которому нельзя выждать со своими нуждами, терпитъ невыгоды неотложнаго пріобрѣтенія, то современный производитель часто подверженъ неудобствамъ «неотложной (forced) продажи», либо потому, что его производственные расходы связаны были съ кредитомъ (т.-е. онъ нуждается въ деньгахъ, чтобы расплатиться за сырой матеріалъ, купленный по векселямъ, уплатить проценты по занятому капиталу или закладнымъ, или уплатить заработную плату и другія оборотныя производственныя издержки), либо потому, что продаваемые имъ товары, при замедленіи сбыта, уменьшаются въ своей стоимости или теряютъ ее. Яркимъ примѣромъ производителя, подверженнаго вліянію всѣхъ этихъ невыгодныхъ обстоятельствъ, является сельскій хозяинъ, но къ той же категоріи подходятъ и всѣ продавцы быстро портящихся товаровъ.

Если считается, что собственники денегъ обладаютъ преимуществами по сравненію съ собственниками продаваемыхъ товаровъ, то слѣдовало бы предполагать, что собственники сырья, необходимаго для многихъ различныхъ промышленныхъ цѣлей, какъ и вообще собственники товаровъ менѣе узкаго назначенія, будутъ имѣть преимущества при продажѣ разнымъ группамъ покупателей, которые, принадлежа къ различнымъ промышленнымъ отраслямъ, не могутъ дѣйствовать сплоченно. Лѣсоторговцы, продавцы шерсти или желѣза (при прочихъ равныхъ условіяхъ) занимаютъ, кажется, болѣе выгодную позицію, нежели покупатель. Во всякомъ случаѣ, совершенно неправильно приписывать бо̀льшую желательность обладанія деньгами сравнительно съ обладаніемъ товарами общему господству первыхъ

надъ вторыми. Ибо, если существуетъ оживленный и совершенно обезпеченный спросъ, владѣльцы товаровъ, хотя каждый изъ нихъ и болѣе далекъ отъ обладанія какимъ-либо инымъ родомъ товаровъ, чѣмъ владѣлецъ денегъ, вознаграждаются тѣмъ, что обладаютъ предметами первостепеннаго потребительнаго значенія. Если владѣлецъ хлѣба, шерсти или кожи можетъ положиться на быстрый сбытъ своихъ товаровъ по разсчитываемой цѣнѣ, то его господство надъ товарами, въ общемъ, не будетъ меньше, чѣмъ господство собственника денегъ, являясь лишь нѣсколько болѣе медленнымъ въ своемъ дѣйствіи. Въ этомъ случаѣ едвали можно считать покупателя, предлагающаго деньги, сильнѣйшей стороной въ торгѣ. Такимъ образомъ, неувѣренности въ нахожденіи покупателя по разсчитываемой цѣнѣ и должна быть приписана бо̀льшая слабость позиціи продавца по сравненію съ покупателемъ. Она рѣшительно возрастаетъ подъ воздѣйствіемъ нѣкоторыхъ тенденцій машиннаго производства и механическаго транспорта, которыя, повидимому, постоянно или періодически производятъ переполненіе рынковъ. Стремленіе продавцовъ найти покупателей при этомъ проявляется въ крайней энергіи разсовыванія и рекламированія товаровъ и въ томъ, что они довольствуются минимальной прибылью при каждой продажѣ. Значительное преобладаніе этихъ условій является непреложнымъ доказательствомъ упомянутой слабости владѣльцевъ товаровъ по сравненіи съ собственниками денегъ [1]). Превосходство послѣднихъ, нормаль-

---

[1]) Любопытно, что м-ръ и м-съ Веббъ, такъ сильно подчеркивающіе въ главѣ о „рыночномъ торгѣ“ своей *Промышленной Демократіи* преимущества положенія покупателя, „какое бы мы ни взяли звено въ процессѣ торга“, упускаютъ изъ виду, что „экономически“ это объясняется ни чѣмъ инымъ, какъ существованіемъ общаго перепроизводства сравнительно съ размѣрами текущаго спроса. Если дѣйствительно „въ каждый моментъ процесса торга преимущества независимости такъ рѣшительно становятся на сторону покупателя, что продавецъ чувствуетъ лишь одно стѣсненіе“; если „весьма знаменательно, что заискиваетъ всегда продавецъ, а не покупатель“ (Пром. Демокр., т. 2), то это говоритъ лишь въ пользу постоянной тенденціи дѣйствительнаго рыночнаго предложенія къ превышенію существующаго спроса; это является другимъ лишь путемъ констатированія факта преимущества. Обращаетъ на себя вниманіе, что Веббъ не даютъ экономическаго объясненія отмѣчаемому ими любопытному явленію.

ное, быть можетъ, во многихъ промышленныхъ отрасляхъ, въ состояніи измѣняться сообразно условіямъ денежнаго предложенія покупателей. Гдѣ доступъ къ кредиту свободенъ, покупатель теряетъ часть своихъ преимуществъ какъ обладатель денегъ—обстоятельство, которое можно иначе выразить такъ, что покупатель дастъ больше, если ему не приходится расплачиваться наличными деньгами.

Видъ сдѣлки или условія, при которыхъ сдѣлки были заключены, сильно вліяютъ на успѣхъ покупки и продажи. Можно принять въ общемъ, что производители (makers) занимаютъ въ торгѣ худшую позицію, чѣмъ коммерсанты, поскольку торговля составляетъ обычную дѣятельность послѣднихъ, почему ихъ и можно считать лучше спеціализировавшимися въ этомъ дѣлѣ. Гдѣ производственные процессы находятся въ условіяхъ, лишающихъ производителей возможности пріобрѣсти широкій коммерческій опытъ, и особенно, гдѣ—какъ въ сельскомъ хозяйствѣ—они сами не являются крупными закупщиками сырья и т. п., тамъ скупщики ихъ продуктовъ имѣютъ очевидныя преимущества. Покупатели розничныхъ товаровъ въ этомъ отношеніи находятся въ свою очередь въ невыгодномъ положеніи сравнительно съ продавцами. Они являются настолько менѣе опытными въ этомъ дѣлѣ, что должны разсматриваться, какъ любители, вступающіе въ сдѣлку со спеціалистами относительно какого-либо рода товаровъ, нужныхъ имъ для потребленія.

Въ свою очередь и условія розничной торговли стремятся закрѣпить такія преимущества за розничнымъ торговцемъ. Какъ говоритъ Кернсъ: «на оптовомъ рынкѣ продавцы встрѣчаются на одномъ мѣстѣ, давая такимъ образомъ взаимную возможность сопоставить прямо и сразу условія, на которыхъ они предполагаютъ торговать. Въ розничной торговлѣ дѣло обстоитъ иначе. Въ каждомъ случаѣ покупатель имѣетъ передъ собой лишь одного продавца; и хотя его условія можно сравнить съ цѣнами, назначаемыми въ другомъ мѣстѣ другими продавцами, сдѣлать этого уже нельзя одновременно, и само сравненіе влечетъ за собою неудобства и промедленія.» («Leading Principles», p. 112).

Однимъ изъ особенныхъ преимуществъ крупныхъ промышленныхъ предпріятій надъ мелкими является то, что размѣры пер-

выхъ даютъ имъ возможность имѣть искусныхъ спеціалистовъ по покупкѣ и продажѣ.

Таковы различія экономическихъ преимуществъ или умѣлости въ торгѣ. Заслуживаетъ упоминанія еще одинъ пунктъ, касающійся процесса торга—относительная невыгодность положенія стороны, назначающей цѣну. Существующее въ розничной торговлѣ обыкновеніе вывѣшиванія расцѣночныхъ билетиковъ, публикованія прейсъ-курантовъ или же назначенія цѣны по запросу покупателя даетъ послѣднему извѣстныя преимущества, сущность которыхъ явствуетъ изъ нашего анализа коннаго рынка. Сторона, напередъ называющая свою цѣну, даетъ указаніе своей субъективной оцѣнки; покупатель могъ бы согласиться въ случаѣ необходимости на высшую, чѣмъ названная, цѣну, если бы обѣ стороны были одинаково незнакомы съ принятой каждой сравнительной оцѣнкой. Въ открытомъ торгѣ прямо признается дѣломъ умѣнія убѣдить другую сторону назвать свою цѣну, хотя бы цѣна эта имѣла мало или не имѣла совсѣмъ шансовъ удовлетворить обѣ стороны.

Въ заключеніе слѣдуетъ напомнить, что тамъ, гдѣ существуютъ условія идеальнаго (perfect) рынка, въ томъ смыслѣ, что одной и той же оцѣнки придерживаются, съ одной стороны, всѣ покупатели, съ другой,—всѣ продавцы, умѣніе-ли вести торгъ или иныя спеціальныя преимущества распредѣлены одинаково, тамъ исходъ зависитъ отъ числового отношенія. Въ такомъ случаѣ одна сторона (содержащая меньшее количество конкуррентовъ) останется въ полномъ выигрышѣ отъ сдѣлки, такъ какъ цѣна установится на верхней или нижней границѣ, или близъ нихъ. Обратимся, чтобы выяснить это, къ приведенному въ текстѣ примѣру коннаго рынка. Измѣнимъ условія его такъ, чтобы было 10 продавцовъ, минимальная цѣна которыхъ—20 ф. ст., и 9 покупателей, готовыхъ въ случаѣ необходимости заплатить 21 ф. ст.; тогда цѣна станетъ на 20 или немногимъ болѣе ф. ст., ибо десятый продавецъ, изъ опасенія остаться съ непроданной лошадью, собьетъ цѣну до этого уровня. Это значитъ, что при существующихъ промышленныхъ условіяхъ тамъ, гдѣ вообще является при данной цѣнѣ больше желающихъ продать, чѣмъ желающихъ купить, послѣдніе остаются обыкновенно въ выигрышѣ.

ГЛАВА II.

Ренты производителя и потребителя.

§ 1. Прежде чѣмъ продолжать анализъ рыночной цѣны и содержащагося въ ней элемента и «вынужденной прибыли», желательно выяснить недоразумѣніе, относящееся до дифференціальныхъ выгодъ (gains), играющихъ столь выдающуюся роль въ нашемъ анализѣ. Дифференціальнымъ рентамъ экономисты удѣлили много вниманія при изложеніи отношеній между производителями и потребителями. И вотъ эти ренты производителя и потребителя, какъ онѣ именуются, благодаря общепринятому способу ихъ измѣренія, явились источникомъ крупнаго недоразумѣнія. Сущность ошибки станетъ понятнѣе при разсмотрѣніи конкретныхъ примѣровъ.

Возьмемъ, напр., пассажировъ, пріобрѣтающихъ по 32 ш. 8 пен. билеты въ поѣздѣ отъ Лондона до Эдинбурга. Мы имѣемъ здѣсь извѣстное число покупателей, платящихъ однѣ и тѣ же деньги за свои билеты, но, вѣроятно, далеко не одинаково относящихся къ пріобрѣтенію ихъ. *A* съ неохотой оставляетъ свои дѣла въ неудобное время, чтобы посѣтить своихъ родныхъ, и мы можемъ принять, что,если бы цѣна билета была нѣсколько болѣе 32 ш. 8 п., онъ отказался бы отъ поѣздки. Онъ стоитъ на одномъ концѣ покупателей, и его дифференціальная выгода или рента = *нулю*. Переходя къ другой крайности, мы находимъ *B*, которому предстоитъ получить 1000 ф. ст. барыша, если только онъ въ теченіе извѣстнаго числа часовъ успѣетъ побывать въ Эдинбургѣ. *B* готовъ былъ бы уплатить за билетъ всякую сумму, меньшую всей разницы между 32 ш. 8 п. и 1000 ф. ст., если бы у него не было другого выбора. Его дифференціальная выгода, такимъ образомъ, равняется, скажемъ, 998 ф. ст. Таковъ обыкновенный способъ измѣренія рентъ производителя и потребителя. Онъ, однако, очевидно, ошибоченъ. Ибо предполагаемый барышъ *B* въ 998 ф. ст. отъ сдѣлки съ желѣзной дорогой въ дѣйствительности проистекаетъ не изъ этой сдѣлки, а изъ извѣстныхъ дѣловыхъ выгодъ, которыя *B* получаетъ въ торговой сдѣлкѣ въ Эдинбургѣ. Сумма эта, очевидно, явится дифференціальнымъ или специфическимъ выигрышемъ на рынкѣ, гдѣ имѣетъ мѣсто такая сдѣлка, и если покупка билета до Эдин-

бурга считается отдѣльнымъ актомъ, то одинъ и тотъ же барышъ будетъ сосчитанъ два раза. Это, очевидно, недопустимо. Ошибка заключается въ мнимой самостоятельности, приписываемой покупкѣ билета. На самомъ же дѣлѣ послѣдняя относится къ числу добавочныхъ, или, въ нашемъ случаѣ, вспомогательныхъ по отношенію къ торговой сдѣлкѣ, приносящей 998 ф. ст. барыша. Чтобы ко времени поспѣть въ Эдинбургъ, *B* можетъ телеграфировать, нанять экипажъ и сдѣлать различные другіе небольшіе расходы. Каждый изъ нихъ можетъ служить необходимымъ средствомъ для его цѣли, и потому, слѣдуя принятому способу вычисленія дифференціальныхъ выгодъ, придется еще не разъ снова принимать въ расчетъ 998 ф. ст. Очевидно, подобный методъ обособленія каждаго акта неправиленъ. Извѣстное число связанныхъ между собой актовъ должно приниматься за органическую группу, и истиннымъ дифференціальнымъ барышомъ будетъ чистый дифференціальный барышъ на всю группу. Торговый обычай, считая цѣну билета и другія случайныя издержки въ числѣ расходовъ, вычитаемыхъ изъ барыша отъ сдѣлки, вспомогательными средствами которой они служили, является, очевидно, логическимъ пріемомъ. Гдѣ издержки можно частью считать самостоятельнымъ расходомъ, потому что онѣ влекутъ непосредственное удовлетвореніе нуждъ расходующаго лица частью ли средствами извлеченія дальнѣйшей выгоды, тамъ трудно или даже невозможно сдѣлать вѣрный расчетъ дифференціальныхъ барышей. Издержки коммерсанта въ теченіе даннаго періода времени распредѣлить по отдѣльнымъ группамъ, статьямъ, связаннымъ съ разными коммерческими дѣлами (business «deal»); даже въ томъ случаѣ, когда значительная часть дѣйствій признана совершенно случайною, главные ихъ роды, изъ которыхъ непосредственно создается прибыль, могутъ быть въ тѣсной между собою связи или во взаимной зависимости.

Но какъ бы ни было затруднительно на практикѣ найти въ данномъ количествѣ коммерческихъ дѣйствій групповую единицу, теорія требуетъ, чтобы мы вели разсчетъ дифференціальныхъ барышей по группамъ, а не произвольно выдѣленнымъ итогомъ.

Ошибочность такого обособляющаго метода еще болѣе бро-

сится въ глаза, если мы возьмемъ примѣръ дифференціальной выгоды, получаемой покупателемъ предметовъ первой необходимости. Всякій разъ, какъ онъ закупаетъ необходимые предметы продовольствія или одежды, онъ, повидимому, получаетъ дифференціальную выгоду, измѣряемую разницей между заплаченной имъ цѣной и той, которую согласился бы и былъ бы въ состояніи онъ дать, если бы къ этому его принудили обстоятельства. «Все, что человѣкъ имѣетъ, онъ отдаетъ за свою жизнь», такъ что разница между дѣйствительно уплачиваемой цѣной и всѣмъ достояніемъ покупателя служитъ дифференціальной выгодой при *всякой* покупкѣ предметовъ первой необходимости.

§ 2. Эти соображенія, повидимому, требуютъ важныхъ измѣненій въ анализѣ рентъ производителя и потребителя. По обычному представленію потребительская рента равняется долѣ дохода потребителя, израсходованнаго на предметы необходимости, значеніе которыхъ безконечно велико съ точки зрѣнія полезности; и, если вести разсчетъ въ деньгахъ, рента равна всей остающейся у потребителя наличности, которую онъ согласился бы прибавить къ дѣйствительно уплаченной за предметы необходимости суммѣ, разъ онъ былъ бы къ тому вынужденъ. Такъ, предположивъ, что извѣстное лицо расходуетъ въ годъ 400 ф. ст. дохода, причемъ первые 100 ф. идутъ на предметы необходимости, вторые 100 ф.—на предметы удобства, третьи 100 ф. на предметы комфорта и четвертые 100—на предметы роскоши (беремъ обычное распредѣленіе), мы будемъ имѣть въ качествѣ потребительской ренты при расходованіи первыхъ 100 ф. ст.—300 ф. ст., вторыхъ 100 ф.—200 ф. ст., третьихъ 100 ф.—100 ф. ст.; послѣдняя категорія не заключаетъ потребительской ренты, потому что здѣсь не остается запаса, изъ котораго потребитель могъ бы уплатить высшую сумму за покупаемые предметы роскоши. Такой анализъ даетъ 600 ф. ст. ренты при расходованіи 400 ф. ст. Тщательнѣе различая относительно субъективныхъ оцѣнокъ разнообразныя категоріи каждой группы благъ мы получили бы, конечно, болѣе сложные разсчеты (всѣ предметы роскоши, напр., исключая наименѣе цѣнныхъ, могутъ давать ренту); но иллюстраціей нашихъ соображеній явится слѣдующій грубый разсчетъ: возьмемъ лицо, въ распоряженіи ко-

тораго, всякій разъ какъ оно совершаетъ покупку, находятся всѣ 400 ф. ст. его дохода. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, когда оно закупаетъ недѣльный запасъ необходимыхъ предметовъ, у него въ распоряженіи, можно сказать, находится потребительская рента, измѣряемая разницей между суммой, которую онъ уплатилъ, и 400 ф. ст., такъ что чистая годовая рента будетъ зависѣть отъ того, сколько разъ онъ произведетъ покупки предметовъ необходимости. То же самое и относительно иныхъ покупокъ (не предметовъ первой необходимости). Или же, если извѣстное лицо имѣетъ въ банкѣ сбереженія въ 100 ф. ст., то эта сумма явится рентой всякій разъ, какъ это лицо покупаетъ предметы необходимости, потому что оно предпочло бы и могло бы уплатить ее въ добавленіе къ дѣйствительно платимымъ имъ деньгамъ, чѣмъ согласилось бы остаться безъ этихъ предметовъ. То же будетъ имѣть силу и относительно другихъ второстепенныхъ покупокъ, удобствъ и т. д., разъ покупатель предпочелъ бы уплатить, по крайней мѣрѣ, часть 100 ф. ст., нежели испытать соотвѣтствующія лишенія.

Отсюда очевидно, что пріуроченіе потребительской ренты къ отдѣльнымъ покупкамъ неправильно. Она можетъ быть правильно учтена лишь съ принятіемъ въ расчетъ всей суммы покупокъ за данный періодъ и всего текущаго дохода за то же время. Когда поэтому проф. Маршалль говоритъ (Principles, Bk. III, Ch. VI, § 1), что «разница между цѣной, которую покупатель предпочелъ заплатить, чѣмъ обойтись безъ покупки, и той цѣной, въ которую покупка обошлась дѣйствительно, является экономическимъ масштабомъ добавочнаго удовлетворенія (pleasure) потребителя и можетъ быть названа потребительской рентой», онъ даетъ вдвойнѣ невѣрное опредѣленіе. Прежде всего одна *готовность* платить не можетъ быть источникомъ потребительской ренты и самъ проф. Маршалль въ дѣйствительности не имѣетъ въ виду сказать это. Готовность платить должна быть въ соотвѣтствіи съ возможностью платить. Но эта послѣдняя, какъ мы показали, не можетъ быть правильно учитываема при единичной покупкѣ. Для этого намъ необходимо взять группу ихъ и, если мы имѣемъ дѣло съ рентой, возникающей при расходованіи дохода, удовлетворяющаго, предположимъ, извѣстному періоду времени, то группа должна со-

стоятъ изъ всего количества покупокъ впродолженіе этого времени *).

§ 3. Можно, правда, спросить, не уничтожаетъ ли совсѣмъ этотъ способъ измѣренія, — столь логически неизбѣжный для насъ,—сущность потребительской ренты. Въ самомъ дѣлѣ, если мы предположимъ, что (а) или всѣ годовыя покупки дѣлаются заразъ съ выплатой всего годового дохода, или что (б) каждая часть дохода расходуется тотчасъ по полученіи, то окажется, что потребительской ренты не возникнетъ ни на всю сумму покупокъ въ первомъ, ни на отдѣльныя покупки во второмъ случаѣ. Дѣйствительно, ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ въ рукахъ покупателя не остается денежнаго резерва, который онъ скорѣе согласился бы и могъ бы истратить, чѣмъ остаться безъ необходимыхъ покупокъ. Если я истрачиваю свой доходъ немедленно по полученіи, — потребительской рентѣ нѣтъ мѣста. Лишь запасныя деньги, остающіяся въ моемъ кошелькѣ послѣ покупки, всѣ или часть ихъ образуютъ потребительскую ренту: если бы мой доходъ былъ распредѣленъ у меня для каждой отдѣльной покупки, то, хотя бы за извѣстный періодъ времени онъ и представлялъ одинаково большую сумму, потребительская рента не могла бы возникнуть.

Одна оговорка необходима для такого заключенія. Если я не расходую, а сберегаю часть моего дохода, то подобныя сбереженія можно, по справедливости, считать потребительской рентой, если даже сумма покупокъ уравновѣшена суммой дохода, ибо я скорѣе пожертвовалъ бы всѣми этими сбереженіями, чѣмъ лишился бы необходимыхъ предметовъ, и скорѣе пожертвовалъ бы частью тѣхъ же сбереженій, чѣмъ остался бы безъ удовлетворенія второстепенныхъ нуждъ.

Я подразумѣваю вмѣстѣ съ тѣмъ, что сбереженія могутъ установить потребительскую ренту лишь тогда, когда мы беремъ органически связанную группу покупокъ за извѣстный періодъ времени и сравниваемъ ее съ полученнымъ за то же время доходомъ.

Можно, правда, доказывать, что терминъ «потребительская рента» долженъ оставаться приложимымъ къ 300 ф. ст., кото-

---

*) Проф. Никольсонъ (Principles of Political Economy, т. I, стр. 58) убѣдительно выясняетъ призрачность попытокъ измѣрять сумму полезности цѣною.

рые нашъ покупатель согласился бы затратить на предметы необходимости, будь онъ къ тому вынужденъ; но въ подобномъ употребленіи термина, какъ кажется, мало выгоды. Нашъ первый грубый примѣръ вычисленія потребительной ренты, при предположеніи, что первые 100 ф. ст. дохода, равнаго 400 ф. ст., идутъ на предметы необходимости, вторые 100 — на предметы удобства, третьи 100—на комфортъ и четвертые 100—предметы роскоши, далъ бы, какъ мы нашли, общую сумму ренты въ 600 ф. ст.: 300 на первую, 200 на вторую и 100 на третью категоріи. Но этотъ расчетъ также долженъ быть оставленъ, потому что, очевидно, одинаково нелогично искусственно раздѣлять расходы на четыре группы и поступать со всѣмъ доходомъ, какъ дѣлается относительно каждой группы, брать въ расчетъ всѣ 400 ф. ст. каждый разъ, какъ происходитъ отдѣльная покупка предметовъ необходимости или удобства.

Если еще считать удобнымъ сохраненіе категоріи потребительной ренты, то надо понимать дѣло такъ, что, беря нашъ примѣръ, итогъ потребительной ренты на покупки въ теченіе года ограничится только 300 ф. ст., расходуемыми на другія статьи, кромѣ предметовъ необходимости. Понимаемая въ этомъ смыслѣ потребительная рента будетъ измѣряться не отдѣльной покупкой, а всѣмъ итогомъ расходовъ за данный періодъ, и будетъ равняться той долѣ дохода, которая либо расходуется на иныя статьи, нежели предметы необходимости, либо сберегается *).

---

*) Это заключеніе можно иллюстрировать болѣе детальнымъ разсмотрѣніемъ примѣра потребительной ренты, приводимаго Маршаллемъ (Bk. III, Ch. VI). Онъ беретъ лицо, покупающее 7 тоннъ угля по 1 ф. ст. за тонну. Это лицо скорѣе заплатитъ 10 ф. ст., чѣмъ лишится первой тонны; 7 ф. ст., чѣмъ лишится второй, 5 ф. ст., чѣмъ лишится третьей, 3 ф.—четвертой, 2 ф.—пятой, 30 шил.—шестой. При уплатѣ же лишь по 1 ф. ст. за каждую тонну, потребительная рента этого покупателя на 7 тоннъ составитъ $22^1/_2$ ф. ст. Далѣе, хотя ни одинъ изъ такихъ расходовъ не можетъ считаться „необходимымъ“ (ибо въ такомъ случаѣ покупатель согласился бы заплатить всѣ $7 + 22^1/_2$ ф. ст. за первую тонну), предметъ издержекъ принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ удобствъ. Когда, поэтому, мы говорили, что нашъ покупатель охотно заплатилъ бы на $22^1/_2$ ф. ст. больше, чтобы не остаться безъ угля, мы подразумѣвали, что онъ пожертвовалъ бы прочими удовольствіями или предметами роскоши, на которые онъ уже истратилъ $22^1/_2$ ф. ст. (или $22^1/_2$ ф.

§ 4. Теперь обратимся къ рентѣ производителя. Ее образуетъ разница между дѣйствительно вырученной суммой и той, которую продавецъ согласился бы получить. Дифференціальныя преимущества производства можно считать источникомъ этихъ рентъ въ области торговой конкурренціи. Предположимъ, что одни изъ велосипедовъ, конкуррирующихъ по цѣнѣ 18 ф. ст., обходятся производителямъ, благодаря очень высокой нормѣ издержекъ, въ 15 ф. ст., тогда какъ другіе, вышедшіе отъ производителей, производственныя условія которыхъ болѣе благопріятны, могутъ фабриковаться по 12 ф. ст.; тогда 3 ф. ст. явятся производственной рентой. На первый взглядъ кажется, что она исчисляется на каждую отдѣльную продажу, но въ дѣйствительности это не такъ. Дѣло въ томъ, что фабрикантъ можетъ изготовить по 12 ф. ст. не к. л. особенный велосипедъ, продаваемый за 18 ф. ст., а значительное количество ихъ, включая и данный. Сдѣлать послѣдній за 12 ф. ст. можно лишь при условіи, что онъ является лишь составной частью крупнаго производства. Такимъ образомъ, производственная рента въ 3 ф. ст. основывается на допущеніи значительнаго числа другихъ продажъ. Производственныя издержки нельзя брать, какъ совершенно опредѣленную величину при каждой единичной продажѣ, точно такъ же, какъ исчисляемая въ деньгахъ полезность предмета потребленія не можетъ считаться самостоятельной и опредѣленной величиной при покупкѣ отдѣльнаго предмета потребленія.

сбереженій, если онъ ихъ дѣлалъ). Но если бы вмѣсто угля мы взяли хлѣбъ или иные предметы первой необходимости, то легко видѣть, что тѣ же $22^1/_2$ ф. ст. + вся часть дохода нашего покупателя, затраченная на предметы удобства, комфорта и роскоши, будутъ фигурировать въ качествѣ потребительной ренты при покупкѣ хлѣба. Пусть годовой фондъ = 1000 ф. ст., изъ которыхъ 40 ф. ст. расходуются на необходимую провизію, тогда остатокъ въ 960 ф. ст. явится потребительной рентой при покупкахъ провизіи, ибо покупатель уплатилъ бы ихъ скорѣе, чѣмъ остался безъ хлѣба. Ту же самую сумму или часть ея нельзя засчитывать снова въ качествѣ потребительной ренты на уголь и проч. товары, которые потребитель цѣнитъ дороже того, что за нихъ онъ платитъ.

Итогъ потребительной ренты не можетъ превышать 960 ф. ст. и соотвѣтствуетъ въ дѣйствительности части дохода, затрачиваемой на не-необходимыя статьи, со включеніемъ дѣлаемыхъ сбереженій.

При способѣ вычисленія Маршалля одна и та же сумма сосчитывается всякій разъ, какъ совершается покупка.

Истиннымъ базисомъ вычисленія производственной ренты оказывается все количество произведенныхъ продуктовъ предпріятія за данный періодъ времени, подобно тому, какъ было съ расходованіемъ дохода потребителя. Такимъ образомъ, чистая мѣсячная или годовая прибыль въ извѣстномъ предпріятіи могутъ служить основой правильнаго опредѣленія производственной ренты.

Терминъ «чистая прибыль», какъ говорятъ, двусмысленъ. Производственной рентой, во всякомъ случаѣ, можно считать излишекъ прибыли, который можетъ получиться въ предпріятіи за данный періодъ, кромѣ и сверхъ minimum'а прибыли, необходимой для продолженія предпріятія. Эта добавочная прибыль, несомнѣнно, реализуется въ каждой продажной сдѣлкѣ; но ее нельзя правильно вычислять по отдѣльнымъ продажамъ, разъ издержки производства одного предмета органически связаны съ издержками производства другихъ предметовъ. Истинная производственная рента, такимъ образомъ, представляетъ денежное выраженіе дифференціальной экономіи въ производствѣ по сравненію съ экономіей наиболѣе производительно работающаго предпріятія, конкуррирующаго съ нимъ на рынкѣ, и вычисляется на все предпріятіе въ теченіе извѣстнаго періода времени. Истинная потребительская рента представляетъ дифференціальную экономію потребленія, выраженную въ денежной стоимости той части потребленія и сбереженій, которыя накопляются за данный періодъ, за вычетомъ расходовъ на необходимыя средства существованія. Мы, слѣдовательно, ставимъ оба вида ренты на одну линію: производственную ренту измѣряемъ крайними издержками производства (т.-е. наименьшей суммой, необходимой для покрытія производственныхъ издержекъ той части предложенія, которая фабрикуется при наименѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ), ренту потребительную — крайними издержками потребленія (наименьшей суммой, необходимой для поддержанія жизни потребителя при наименѣе благопріятныхъ условіяхъ).

§ 5. Потребительную ренту ставятъ иногда въ прямую связь съ пониженіемъ цѣны товаровъ. Напр., уменьшеніе крайнихъ издержекъ производства хлопчатобумажныхъ товаровъ, отражающееся пониженіемъ цѣнъ, разсматривается, какъ источникъ потребительной ренты. Такой взглядъ, во всякомъ случаѣ, заклю-

чаетъ принятіе постоянства денежнаго дохода потребителей, что недопустимо. Можетъ быть, что паденіе цѣны товаровъ является также экономической причиной уменьшенія дохода въ классѣ потребителей; въ такомъ случаѣ уменьшеніе цѣны не создаетъ для членовъ этого класса настоящей потребительной ренты, потому что бюджетная граница, за которою начинается пріобрѣтеніе не-необходимаго, не измѣняется. Хотя можетъ быть вѣрно, что паденіе денежныхъ цѣнъ обыкновенно увеличиваетъ покупательную силу потребителей и тѣмъ повышаетъ ихъ потребительную ренту, но постоянство денежнаго дохода предполагается безъ основанія тамъ, гдѣ доходы, въ концѣ-концовъ, выплачиваются изъ цѣнъ, получаемыхъ при продажѣ товаровъ.

§ 6. Этотъ анализъ производственной и потребительной рентъ объясняетъ тенденцію дифференціальныхъ рентъ покупателей и продавцовъ принимать бо̀льшіе размѣры при условіи независимости и изолированности небольшой мѣстной или временной группы сдѣлокъ.

На первый взглядъ критика потребительной ренты можетъ показаться неприложимой къ дифференціальнымъ взглядамъ покупателей, пріобрѣтающихъ не для «потребленія» или непосредственно личнаго пользованія, а для перепродажи или использованія ихъ въ качествѣ средствъ производства. Но если покупатели являются фабрикантами, пріобрѣтающими сырой матеріалъ для переработки, или розничными торговцами, то ихъ дифференціальные барыши могутъ либо вычисляться аналогично потребительной рентѣ, либо разсматриваться, какъ источникъ будущихъ производственныхъ рентъ на фабрикѣ или въ розничномъ предпріятіи, для которыхъ покупатель предназначаетъ покупаемые имъ товары. При вычисленіи потребительной ренты, мы признали потребительную полезность за разными товарами, служащими производственными элементами, которые необходимы на разныхъ ступеняхъ производства, согласно анализу Визера и Австрійской школы. Вышеуказанный способъ разсужденія, быть можетъ, является наиболѣе практичнымъ расчетомъ. Если покупателями являются фабриканты, пріобрѣтающіе матеріалы для фабричной переработки, то получаемая ими дифференціальная выгода приметъ видъ дифференціальнаго барыша, который, благодаря болѣе низкимъ производственнымъ затратамъ въ ихъ

предпріятіи, достанется имъ при продажѣ фабрикатовъ, включающихъ упомянутые матеріалы.

Такъ какъ другой элементъ рыночной цѣны,—принудительная или специфическая прибыль въ рыночной цѣнѣ—зависитъ и измѣряется посредствомъ дифференціальныхъ оцѣнокъ крайнихъ покупателя и продавца, то характеръ количественной точности, приписываемой прибыли въ примѣрѣ рынка, заимствованномъ у Бёмъ Баверка, будетъ подлежать соотвѣтственной же квалификаціи.

Вообще группа сдѣлокъ, взятая для характеристики рынка въ данномъ мѣстѣ и въ данное время, придавала ему независимость, лишенную реальнаго характера. Отсюда вытекаетъ тотъ фактъ, что барыши, извлекаемые изъ заключаемыхъ сдѣлокъ разными сторонами, какъ можно предположить, при этомъ опредѣляются неправильно.

Но признаніе этой истины не подрываетъ основного значенія анализа рынка. Оба элемента,—дифференціальный и специфическій барышъ,—существованіе которыхъ констатировано этимъ анализомъ, дѣйствительно существуютъ, хотя настоящія условія, въ которыхъ находится рынокъ, исключаютъ возможность точнаго ихъ измѣренія, что̀ признавалось за ними въ нашемъ ошибочно изолированномъ примѣрѣ.

ГЛАВА III.

Опредѣленіе долгосрочныхъ цѣнъ и цѣнности.

Часть I.

§ 1. Итакъ оказалось, что процессъ, устанавливающій рыночную цѣну, ни въ одномъ изъ случаевъ, когда на рынкѣ вступаютъ въ сдѣлку пара лицъ, не содѣйствуетъ одинаковому распредѣленію выгодъ отъ торга. Равнымъ образомъ ясно, что сумма прибыли (gain), приходящаяся на долю каждой стороны въ извѣстномъ числѣ сдѣлокъ по рыночной цѣнѣ, будетъ опредѣляться извѣстными факторами, лежащими внѣ сферы конкурренціи и торга на рынкѣ. Эти факторы сообщаютъ продавцамъ и покупателямъ нѣкоторую экономическую силу, выражающуюся въ дѣйствительной прибыли, которую каждый получаетъ отъ сдѣлки,

Если же, употребляя болѣе общія выраженія, мы скажемъ, что рыночную цѣну опредѣляетъ отношеніе спроса къ предложенію, то намъ придется для дальнѣйшаго выясненія вопроса разсмотрѣть факторы, придающіе значеніе спросу и предложенію.

Прежде всего надо сказать нѣсколько словъ о нормальной цѣнѣ. Иногда утверждаютъ, что хотя рыночная цѣна въ силу преходящихъ и мѣстныхъ условій можетъ склоняться въ пользу то покупателей, то продавцовъ, но что все-таки существуетъ такъ называемая нормальная цѣна, около которой колеблются рыночныя цѣны. Эта цѣна, повидимому, приводитъ къ одному среднему уровню всѣ колебанія рыночныхъ цѣнъ за извѣстный періодъ времени, распредѣляя выгоды сдѣлокъ равномѣрно между покупателями и продавцами. Этотъ терминъ «нормальная цѣна» примѣняется въ различныхъ случаяхъ. Не надо, однако, забывать, что «нормальная цѣна» есть въ сущности не что иное, какъ средняя изъ всѣхъ рыночныхъ цѣнъ и сама измѣняется соотвѣтственно числу различныхъ цѣнъ, изъ которыхъ она выводится. Крайне проблематичнымъ является, поэтому, представленіе, что будто въ нормальной цѣнѣ устраняется неравенство экономическихъ силъ продавцовъ и покупателей, участвующихъ въ конкурренціи и торгѣ, и что будто она выражаетъ абсолютно свободную конкурренцію. Отожествленіе нормальной или средней цѣны съ тѣмъ, что экономисты-теоретики до сихъ поръ еще называютъ естественной цѣной, при которой обмѣнъ происходитъ въ полнѣйшемъ соотношеніи съ издержками производства или какимъ-нибудь другимъ критеріемъ цѣнности, не имѣетъ подъ собой почвы. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, мы не имѣемъ никакихъ основаній думать, что нормальная цѣна, выражающая собою рыночныя цѣны на пшеницу или на лошадей за періодъ времени въ одинъ или два года, представляетъ собой дѣйствительно цѣну, которая, если бы была постоянной въ теченіе всего этого періода, поровну распредѣляла бы между продавцами и покупателями общую сумму прибыли отъ сдѣлокъ. Если бы выгода, получаемая на рынкѣ одной стороной, зависѣла просто отъ случая (отъ какихъ-нибудь неожиданныхъ и не поддающихся опредѣленію фактовъ) и если-бы каждая сторона съ равной вѣроятностью могла разсчитывать на нее, то при такомъ

предположеніи средняя или нормальная цѣна устраняла бы на рынкѣ всякую выгоду вообще. Но какъ же быть, если превосходство въ конкурренціи остается лишь за одной стороной не только въ одномъ какомъ-нибудь случаѣ рыночной цѣны, а въ цѣломъ рядѣ ихъ? если выгода въ общемъ среднемъ выводѣ оказывается на одной только сторонѣ? Очевидно, нормальная цѣна не устранитъ этой односторонней выгоды, но будетъ точно отражать ее и не будетъ представлять собою естественной цѣны или цѣны, созданной «свободной конкурренціей». Если одна изъ вступающихъ въ сдѣлку сторонъ постоянно обладаетъ преимуществомъ, заключающимся въ умѣньи получать выгоду при преходящихъ обстоятельствахъ или въ экономической силѣ, основанной на какомъ-нибудь особомъ источникѣ полученія благъ, то изъ этого слѣдуетъ, что нормальная цѣна, представляющая собою лишь среднюю изъ всѣхъ дѣйствительныхъ рыночныхъ цѣнъ, будетъ включать въ себѣ элементъ неравенства. Выведите среднюю цифру всѣхъ сдѣлокъ между мелкими ростовщиками и ихъ кліентами за рядъ лѣтъ, и вы получите нормальный процентъ подобныхъ ссудъ, причемъ % этотъ отражаетъ на себѣ нормальное преимущество такихъ ростовщиковъ.

Для извѣстныхъ цѣлей теоретики, безъ сомнѣнія, могутъ игнорировать эти нормальныя односторонніе преимущества и разсматривать промышленность съ точки зрѣнія абсолютно свободной конкурренціи между капиталомъ и трудомъ. Но уже достаточно вреда нанесли экономисты тѣмъ, что пренебрегли анализомъ дѣйствительной рыночной цѣны и поспѣшили перейти къ разсмотрѣнію нормальной цѣны, на которую они опрометчиво смотрятъ то какъ на среднюю, то какъ на «естественную» цѣну, выражающую относительную оцѣнку продуктовъ при чисто идеальныхъ условіяхъ.

§ 2. Законы распредѣленія, лежащіе въ основѣ купли-продажи, лучше всего можно изучить въ ихъ вліяніи на силы, дѣйствующія на рынкѣ. Какъ разъ нѣкоторые изъ факторовъ, устраняемыхъ, какъ обыкновенно принято думать, нормальной цѣной, имѣютъ весьма существенное значеніе для такого изученія.

Итакъ, вернемся къ нашей рыночной цѣнѣ. Мы видѣли, какъ она въ дѣйствительности устанавливается на рынкѣ при дан-

номъ числѣ покупателей и продавцовъ, сдѣлавшихъ оцѣнку своимъ товарамъ, но намъ надо далѣе узнать, какія внѣшнія экономическія силы заставляютъ такихъ-то и такихъ-то продавцовъ и покупателей явиться на рынокъ и вступать въ торгъ, назначая извѣстныя цѣны.

Эти-то болѣе глубокія экономическія силы, управляющія рыночными цѣнами, лучше поддаются изслѣдованію въ ихъ вліяніи на измѣненія цѣнъ.

Какова же причина измѣненій цѣнъ? Вопросъ кажется простымъ, и экономисты обыкновенно довольно согласны въ своихъ отвѣтахъ на него. Измѣненіе цѣнъ зависитъ непосредственно отъ измѣненія количественныхъ отношеній между спросомъ и предложеніемъ товаровъ по прежней цѣнѣ. Но что понимать здѣсь подъ предложеніемъ и спросомъ? Предложеніе, вліяющее такимъ образомъ на измѣненіе цѣнъ, очевидно, не обозначаетъ всей суммы существующихъ благъ, но лишь то ихъ количество, какое продавцы желаютъ и могутъ продать по прежней цѣнѣ. То же самое можно сказать и относительно спроса.

Если поставить его въ правильное отношеніе къ этому предложенію, то спросъ долженъ обозначать или количество благъ, которое покупатели желаютъ и могутъ купить по прежней цѣнѣ, или количество денегъ, которое они могутъ и желаютъ заплатить за блага по прежней цѣнѣ. Если же мы, установивъ такимъ образомъ значеніе этихъ терминовъ, обратимся съ ними къ механизму рынка, то найдемъ ихъ недостаточными для его объясненія, такъ какъ они даютъ лишь статическое разрѣшеніе проблемы, динамической по существу. Предложеніе и спросъ, понимаемые въ указанномъ выше смыслѣ, представляютъ собою постоянныя, стаціонарныя количества. Между тѣмъ измѣненіе цѣнъ есть процессъ, и чтобы понять его, намъ надо оцѣнить норму увеличенія и уменьшенія массы благъ на рынкѣ, — мы имѣемъ, слѣдовательно, дѣло съ массой движущихся количествъ, а не съ постояннымъ фондомъ. Но разумѣя подъ спросомъ и предложеніемъ количества благъ (или денегъ) въ извѣстный лишь моментъ времени, мы тѣмъ самымъ считаемъ ихъ какъ бы фондами. Чтобы надлежащимъ образомъ изслѣдовать измѣненія цѣнъ, мы должны разсматривать предложеніе и спросъ какъ нѣчто движущееся, т.-е. измѣ-

рять ихъ какъ процессы, совершающіеся во времени. Соотвѣтственно этому, предложеніе можетъ обозначать все количество благъ, предназначающееся въ теченіе извѣстнаго періода времени для продажи по извѣстной цѣнѣ, а спросъ—количество покупокъ, совершенныхъ по извѣстной цѣнѣ въ періодъ даннаго времени, или количество денегъ, издержанныхъ за это время. Но, пожалуй, еще лучше будетъ придать указаннымъ терминамъ болѣе узкое значеніе, ограничивая понятіе предложенія нормой возрастанія запаса благъ, а спроса—нормой отлива благъ изъ запаса ихъ (или нормой уплаты денегъ при отливѣ благъ изъ запаса). Только такимъ образомъ придемъ мы къ правильному взгляду на предложеніе и спросъ, какъ на процессы или движущіеся ряды, и то предложеніе и спросъ, съ которыми мы будемъ имѣть дѣло, будутъ эквивалентны нормѣ производства и потребленія [1]). Тамъ, гдѣ отливъ благъ изъ общей ихъ массы, имѣющейся на рынкѣ, идетъ наравнѣ съ ихъ притокомъ, цѣна остается неизмѣнной, и спросъ и предложеніе, какъ говорятъ, уравновѣшиваютъ другъ друга; тамъ, гдѣ приливъ быстрѣе отлива, цѣны падаютъ, и предложеніе, какъ говорятъ, превышаетъ спросъ; тамъ, гдѣ отливъ благъ съ рынка происходитъ быстрѣе, цѣны подымаются, и предложеніе превышаетъ спросъ. Все это касается спроса, разсматриваемаго прежде всего какъ норму отлива благъ съ рынка. Но если мы спросъ будемъ разсматривать какъ экономическую силу покупателя, то спросъ будетъ обозначать и будетъ измѣряться притокомъ денегъ. Количественное отношеніе спроса и предложенія можетъ быть выражено въ той или другой мѣрѣ спроса. Изслѣдуя механизмъ обмѣна, лучше разсматривать спросъ какъ нѣкоторый актъ со стороны покупателя и измѣрять его покупательной силой.

Всякій приростъ или убыль въ деньгахъ, издерживаемыхъ на блага по данной цѣнѣ и въ границахъ даннаго періода време-

---

[1]) Терминъ „потребленіе“ берется здѣсь въ широкомъ смыслѣ, въ какомъ примѣняютъ его, говоря, напримѣръ, что хлопокъ или желѣзо потребляются при утилизаціи ихъ въ мануфактурныхъ процессахъ. Въ строго теоретическихъ трактатахъ по экономіи желательно было бы пользоваться этимъ терминомъ лишь для обозначенія потребленія отдѣльныхъ благъ такъ называемыми потребителями.

ни, ведетъ за собой соотвѣтственное возрастаніе или уменьшеніе въ количествѣ покупаемыхъ благъ, такъ что не произойдетъ никакой ошибки, если мы станемъ измѣрять спросъ деньгами, а не благами, и будемъ видѣть въ немъ притокъ на рынокъ денегъ отъ покупателя, а не отливъ благъ изъ рукъ продавца.

Ясно установивъ это понятіе о предложеніи и спросѣ какъ о нормѣ движенія, едва-ли возможно впасть въ ошибку при установленіи закона измѣненія цѣнъ.

Пока группа продавцовъ на рынкѣ, имѣя въ своемъ распоряженіи одно и то же количество благъ, будетъ въ состояніи продавать эти блага съ той же быстротой, какъ они продавали до сихъ поръ, они не захотятъ понизить и не смогутъ повысить цѣну. Если они понизятъ цѣну, то это будетъ указывать или на замедленіе темпа спроса на блага со стороны покупателей, или на то, что масса продаваемыхъ благъ увеличилась и что, въ цѣляхъ уравновѣшенія числа продажъ съ возросшей нормой предложенія, продавцы должны усилить спросъ путемъ пониженія цѣнъ; если же они повысятъ свою цѣну, то это будетъ указывать или на уменьшеніе предложенія, при неизмѣнности или увеличеніи спроса, или на возрастаніе нормы покупокъ, при неизмѣнности или уменьшеніи предложенія.

Такимъ образомъ, существуютъ двѣ непосредственныя причины повышенія цѣнъ именно—относительное уменьшеніе предложенія или относительное увеличеніе спроса, и двѣ причины паденія цѣнъ—относительное увеличеніе предложенія или относительное уменьшеніе спроса.

§ 3. Эта нѣсколько педантичная формулировка закона измѣненія цѣнъ становится необходимой въ виду того, что мыслители-экономисты, разрабатывая спеціальныя проблемы, довольно часто игнорируютъ этотъ законъ, указывая на отдаленные весьма факторы какъ на причины измѣненія цѣнъ и не выясняя, какъ дѣйствуютъ они, вызывая колебанія въ количественномъ отношеніи между предложеніемъ и спросомъ. Я могъ бы иллюстрировать это примѣрами, взятыми чуть не съ каждой страницы сочиненія по денежному вопросу. Цѣлыя поколѣнія экономистовъ обсуждали вліяніе количества золота или денегъ на цѣны, не считая себя обязанными показать, какъ увеличеніе или уменьшеніе количества денегъ отразится на нормѣ пред-

ложенія или нормѣ спроса полезностей. Это-то послѣднее звено, необходимое, чтобы поставить въ связь количество денегъ съ измѣненіями цѣнъ, обходится или игнорируется, а настоящій выводъ дѣлается болѣе или менѣе искусственно. Лица, столь увѣренно утверждающія, что увеличеніе количества золота или другихъ денегъ необходимо повыситъ цѣны, должны еще показать, что это увеличеніе денегъ необходимо обозначаетъ въ то же время увеличеніе нормъ купли полезностей или уменьшеніе ихъ предложенія; а это они дѣлаютъ очень рѣдко или никогда.

Конечно, существуютъ многочисленные факторы (между прочимъ и деньги), которые съ полнымъ правомъ можно считать причинами измѣненія цѣнъ, но всѣ они, дѣйствуя черезъ свое вліяніе на норму спроса и предложенія, могутъ служить для нихъ критеріемъ.

§ 4. Возвращаясь теперь къ нашему исходному пункту—измѣненію цѣнъ, мы встрѣчаемся съ продавцами и покупателями какъ представителями предложенія и спроса.

Всякое измѣненіе въ экономической силѣ той или другой стороны, нарушая существующее равновѣсіе между предложеніемъ и спросомъ, вліяетъ на цѣну, а также и на цѣнность. Недавно весь споръ о цѣнности возникъ оттого, что цѣнность неправильно разсматривалась и изучалась отдѣльно отъ цѣны. Твердо уяснивъ себѣ основную истину, что цѣна есть цѣнность, выраженная въ деньгахъ, мы поймемъ, что самымъ удобнымъ путемъ для изученія природы цѣнности является изслѣдованіе факторовъ, вызывающихъ измѣненіе цѣнъ. Представленіе же, что цѣнность есть естественно присущее свойство богатства, совершенно ускользающее отъ мелкихъ колебаній рыночныхъ цѣнъ, не имѣетъ подъ собой почвы [1]).

---

[1]) Еще болѣе неправильно значеніе, придаваемое слову цѣнность профессоромъ Хедли, отождествляющимъ цѣнность съ „настоящей и законной цѣной въ отличіе отъ неправильной и незаконной“.

„Цѣна предмета или услуги“, говоритъ онъ, „въ обыкновенномъ коммерческомъ смыслѣ обозначаетъ сумму денегъ, уплачиваемыхъ, требуемыхъ или предлагаемыхъ за нихъ. Цѣнность предмета или услуги есть сумма денегъ, которую собственно можно заплатить, потребовать или предложить за нихъ“. Hadley's Economics, 92.

Стоитъ только отрѣшиться отъ мысли, что цѣнность есть какое-то врожденное качество и обладаетъ бо́льшей устойчивостью, чѣмъ рыночная цѣна, и станетъ вполнѣ яснымъ, что изученіе измѣненій цѣнъ вѣрнѣе всего приведетъ насъ къ правильному пониманію цѣнности [1]).

§ 5. Односторонніе теоретики, ставившіе цѣнность въ зависимость исключительно лишь отъ «издержекъ» производства или отъ «полезности», впадаютъ въ аналогичную же ошибку. Хотя формально они и опредѣляютъ цѣнность какъ отношеніе между полезностями, но на дѣлѣ видятъ въ ней свойство, присущее полезностямъ. Экономисты, считающіе издержки производства причиной или опредѣляющимъ моментомъ цѣнности, въ дѣйствительности думаютъ, что блага обладаютъ цѣнностью въ формѣ труда и капитала, употребляемыхъ на ихъ изготовленіе, и бываютъ принуждены такимъ образомъ отрицать прямое вліяніе на цѣнность тѣхъ факторовъ, которые оказываютъ это вліяніе не при посредствѣ издержекъ производства. Школа «полезности» равнымъ образомъ приходитъ къ взгляду на цѣнность какъ на свойство или силу, присущія благамъ, вслѣдствіе ли непосредственнаго удовлетворенія ими потребностей или благодаря ихъ содѣйствію въ производствѣ другихъ благъ, которыя могутъ удовлетворить потребности. Значеніе издержекъ производства признается при этомъ лишь постольку, поскольку онѣ оказываютъ видимое вліяніе на полезность.

Съ широкой исторической точки зрѣнія двѣ противоположныя теоріи цѣнности представляютъ большой интересъ. Экономикѣ, вышедшей изъ рукъ либеральнаго Адама Смита, была придана

Здѣсь заключается двойная ошибка. Во-первыхъ, что бы ни представляла собой цѣнность, она не есть „сумма денегъ“, хотя и можетъ измѣряться денежными суммами. Во-вторыхъ, идея, что цѣнность есть „настоящая“ или „законная“ цѣна, приводитъ, какъ допускаетъ и самъ Хедли, къ нѣкоторому этическому критерію, котораго онъ, однако, и не пытается установить. Приписывать цѣнности (мѣновой) большую устойчивость, чѣмъ цѣнѣ, было бы совершенно неправильно. Цѣнность всякаго количества благъ (количество другихъ благъ, на которыя они могутъ быть обмѣнены) измѣняется въ зависимости отъ всего, что оказываетъ вліяніе на рыночную цѣну.

[2]) Бёмъ-Баверкъ, настаивающій на различеніи цѣнности и цѣны какъ понятій, допускаетъ, что „законы ихъ совпадаютъ“. (Положит. теорія капитала, стр. 132).

форма науки торговли стараніями классическихъ экономистовъ съ Рикардо во главѣ. Характерной чертой этой школы было то, что она считала производство торговаго богатства конечной цѣлью промышленности: въ этихъ видахъ она извратила всю терминологію политической экономіи. Самое потребленіе оправдывалось лишь какъ средство, служащее извѣстной цѣли — содѣйствію производства [1]). Школа эта совершенно не развила теоріи потребленія или удовлетворенія человѣческихъ потребностей, и, согласно ея пониманію задачъ науки, было вполнѣ естественно игнорировать факторъ полезности и разсматривать издержки производства какъ причину цѣнности. Такова чисто коммерческая точка зрѣнія. Коммерческому человѣку нѣтъ прямого дѣла до полезности его благъ—это дѣло покупателя (caveat emptor!); главное дѣло его—слѣдить за издержками производства и продажи. Отношеніе къ труду, какъ къ простому товару, т.-е. какъ къ части стоимости «издержекъ» производства, нужно причислить сюда же. Съ другой стороны, Джевонсъ и его единомышленники въ Англіи, Австріи и Америкѣ приписываютъ полезности причину или опредѣляющій моментъ цѣнности, оставивъ коммерческую мѣрку и замѣнивъ ее критеріемъ «значенія для человѣка». По ихъ мнѣнію, экономическая дѣятельность служитъ не «дѣловымъ» цѣлямъ, а удовлетворенію человѣческихъ потребностей: цѣлью ея не является болѣе производство, а потребленіе. Для экономиста, стоящаго на коммерческой точкѣ зрѣнія, вполнѣ естественно было смотрѣть на «издержки» какъ на силу, порождаемую въ различныхъ стадіяхъ процесса производства, накопляемую, облекающуюся въ форму благъ и дѣлающую ихъ такимъ образомъ «цѣнными»; для лицъ же, разсматривающихъ ходъ промышленнаго процесса съ другого его конца—со стороны потребленія, вполнѣ естественно было взять критерій цѣнности потребителя—полезность и вернуться къ ней какъ къ свойству, потенціально существующему въ различныхъ классахъ коммерческихъ благъ, которыя становятся истинно полезными благами лишь въ рукахъ потребителя.

---

[1]) Теорія свободной торговли формально, правда, признавала первенство интересовъ потребителя, но она никогда не затрагивала главное основаніе или терминологію политической экономіи.

Если вы, такъ сказать, стоите на одномъ концѣ потока промышленности, то вы увидите, какъ блага впитываютъ въ себя издержки, по мѣрѣ того, какъ они переходятъ изъ одной стадіи процесса производства въ другую; въ этомъ случаѣ издержки представляются цѣнностью, которая возрастаетъ. Станьте на другомъ концѣ, и вамъ покажется, что цѣнность возникаетъ лишь благодаря способности производительныхъ процессовъ доставлять потребительныя блага. Эта цѣнность состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ полезности потребляемаго предмета, выражающейся и въ болѣе раннихъ стадіяхъ процесса производства—въ потенціальной возможности удовлетворять человѣческимъ потребностямъ.

Обѣ эти точки зрѣнія возникли благодаря почти матеріалистическому представленію цѣнности какъ свойства или силы, присущей матеріальнымъ формамъ богатства и передаваемой отъ одного конца цѣпи промышленныхъ процессовъ къ другому. Неправильно исходя изъ дѣйствительныхъ процессовъ, происходящихъ на рынкѣ, экономисты пришли къ абстракціи столь же нереальной, какъ измышленія средневѣковыхъ схоластиковъ. Подобно послѣднимъ, они проявили при изложеніи своей теоріи догматизмъ, который былъ бы смѣшонъ, не будь онъ такъ вреденъ и предосудителенъ. Вообще всѣ приверженцы теоріи цѣнности, основанной на «издержкахъ», допускаютъ, что предметы, обладающіе цѣнностью, должны быть полезны, но полезность эта является лишь условіемъ, а издержки—рѣшающимъ моментомъ; адепты теоріи «полезности», наоборотъ, допускаютъ, что издержки оказываютъ вліяніе на цѣнность всѣхъ свободно производимыхъ благъ, но утверждаютъ, что издержки—лишь условіе, а рѣшающій моментъ—полезность [1]).

---

[1]) Если допустить вмѣстѣ съ Бёмъ-Баверкомъ, что „для возникновенія цѣнности столь же необходима рѣдкость (scarcity) благъ, какъ и ихъ полезность—рѣдкость не абсолютная, но относительная, по сравненію со спросомъ на особый классъ благъ“, то трудно понять, почему бы ему не приписать рѣдкости благъ (а при ея посредствѣ—и издержкамъ) независимаго вліянія на непосредственное опредѣленіе цѣнности. Онъ въ дѣйствительности не пользуется дальше этимъ положеніемъ, ставя экономическую рѣдкость благъ въ зависимое отношеніе къ спросу; въ самомъ дѣлѣ, хотя колебанія спроса, безъ сомнѣнія, могутъ оказывать вліяніе на „относительную“ рѣдкость, но, съ дру-

§ 6. Теперь, если мы, оставивъ абстракціи, вернемся къ измѣненіямъ дѣйствительныхъ цѣнъ и признаемъ, что со всякимъ измѣненіемъ цѣны мѣняется и цѣнность массы благъ, то тѣмъ самымъ мы установимъ, что на цѣнность оказываютъ вліяніе, и притомъ вліяніе непосредственное, силы, дѣйствующія съ обѣихъ сторонъ, и что указанное выше разграниченіе причинъ и условій цѣнности не имѣетъ окончательнаго значенія.

Лишь обратившись къ дѣйствительной игрѣ экономическихъ силъ на рынкѣ, мы будемъ въ состояніи понять органическое отношеніе между издержками и полезностью, проявляющееся въ предложеніи и спросѣ и необходимое для установленія той истины, что цѣнность опредѣляется взаимодѣйствіемъ этихъ двухъ факторовъ. Большой заслугой со стороны профессора Маршалля было ясное установленіе и констатированіе равенства и взаимной зависимости издержекъ и полезности какъ опредѣляющихъ моментовъ цѣнности. Этого онъ достигъ, разрабатывая при помощи кривыхъ, выражающихъ спросъ и предложеніе, законы регулированія цѣнъ. Онъ кратко лишь разсмотрѣлъ теорію цѣнности, въ ея независимости отъ теоріи цѣнъ, но его краткій очеркъ заключаетъ такое сокрушительное опроверженіе теоріи «предѣльной полезности» Джевонса, какого только могъ пожелать самъ Hyndman. Съ характерной академической скромностью профессоръ Маршалль помѣстилъ эту критику системы Джевонса въ маленькой замѣткѣ, названіе которой лишь очень мало указываетъ на ея содержаніе. Озаглавлена она: «Замѣтка о теоріи цѣнности Рикардо» и, хотя заключаетъ въ себѣ выясненіе недостатковъ теоріи стоимости, основанной на издержкахъ производства, но центръ тяжести ея лежитъ въ краткомъ

гой стороны, и колебанія, происходящія въ силу естественныхъ причинъ или человѣческихъ ухищреній, а они вовсе не вызываются колебаніями спроса, могутъ также вліять на эту относительную рѣдкость. Трудно понять, почему измѣненіе въ цѣнности извѣстнаго запаса пшеницы, вызванное благопріятной погодой или проведеніемъ новой желѣзной дороги, надо приписывать спросу, который или не измѣнился вовсе или перемѣна котораго была слѣдствіемъ расширенія предложенія. Но ужъ если „рѣдкость“ благъ, испытывающую подобнаго рода вліяніе, можно законно считать истинной опредѣляющей причиной *измѣненія* цѣнности, то почему бы не причислить ее вмѣстѣ съ скрывающимся за нею факторомъ издержекъ къ истиннымъ опредѣляющимъ моментамъ *самой* цѣнности? („Положит. теорія капит.“ Кн. III, гл. II, стр. 135).

и безусловно послѣдовательномъ опроверженіи силлогизма, въ которомъ Джевонсъ нѣсколько поспѣшно сформулировалъ свою теорію цѣнности. Тотъ фактъ, что много лицъ, изучающихъ политическую экономію, въ истолкованіи цѣнности все еще причисляютъ себя къ приверженцамъ Джевонса, я могу объяснить лишь предположеніемъ, что замѣтка проф. Маршалля ускользнула отъ ихъ вниманія.

Какъ указываетъ проф. Маршалль, Джевонсъ, съ искусствомъ профессіональнаго логика, подготовилъ опроверженіе самому себѣ. Свою теорію, что цѣнность предложенія благъ опредѣляется ихъ предѣльной (final) полезностью, т.-е. полезностью, связанной съ наименьшей частицей, годной къ употребленію, которая уже потреблена, онъ формулируетъ въ слѣдующемъ силлогизмѣ (Principles, 2 ed., Bk. IV, Ch. XV):

Издержки производства опредѣляютъ предложеніе.

Предложеніе опредѣляетъ предѣльную степень полезности.

Предѣльная степень полезности опредѣляетъ цѣнность.

Если принять во вниманіе небрежность и неточность положенія, что издержки производства опредѣляютъ предложеніе, между тѣмъ какъ конечныя издержки являются непосредственнымъ опредѣляющимъ моментомъ, силлогизмъ этотъ, какъ указываетъ Маршалль, обнаруживаетъ самую отличительную черту теоріи Джевонса. Джевонсъ желаетъ подчеркнуть, что предѣльная полезность, но не предѣльныя издержки представляютъ собой реальный опредѣляющій факторъ. Но силлогизмъ его, хотя и устанавливаетъ, что цѣнность непосредственно зависитъ отъ предѣльной полезности, показываетъ однако, что конечная полезность опредѣляется конечными издержками, такъ что послѣднимъ въ концѣ концовъ принадлежитъ первая роль.

Все разсужденіе, какъ показываетъ Маршалль, можно совершенно опрокинуть, если перевернуть силлогизмъ Джевонса и замѣнить его слѣдующимъ, «нѣсколько менѣе неправильнымъ»:

«Полезность опредѣляетъ количество благъ, подлежащихъ предложенію; количество подлежащихъ предложенію благъ опредѣляетъ издержки производства. Издержки производства опредѣляютъ цѣнность».

Одинаково ошибочно считать опредѣляющимъ моментомъ цѣнности (или цѣны) предѣльныя издержки или предѣльную полез-

ность. Предѣльная полезность не можетъ быть окончательнымъ опредѣляющимъ моментомъ цѣнности, потому что она будетъ зависѣть отъ того, сколько покупается; это будетъ зависѣть отъ количества благъ, предлагаемыхъ по различнымъ цѣнамъ, а послѣднее, въ свою очередь, зависитъ отъ предѣльныхъ издержекъ. Равнымъ образомъ, обратно, цѣнность не можетъ опредѣляться предѣльными издержками, такъ какъ издержки на производство послѣдней части предлагаемыхъ благъ будутъ въ значительной мѣрѣ зависѣть отъ общей массы производства, а она зависитъ отъ дѣйствительнаго спроса по различнымъ цѣнамъ или, въ конечномъ разсчетѣ, отъ предѣльной полезности, присущей различнымъ количествамъ потребляемыхъ благъ.

Профессоръ Маршалль очень точно выяснилъ это положеніе, сравнивши два этихъ фактора въ ихъ дѣйствіи съ лезвіями ножницъ. «Когда одно лезвіе остается неподвижнымъ и разрѣзыванье производится движеніемъ другого, то мы для краткости можемъ сказать, что рѣжемъ только вторымъ; но это положеніе нельзя выставлять формально и защищать его».

Фактъ тотъ, что обѣ школы экономистовъ вносили каждая свое особое представленіе въ понятіе о цѣнности, которое рѣшало вопросъ бездоказательно. Экономистъ, сторонникъ промышленности, видѣлъ, что блага пріобрѣтали высокую цѣну потому, что ихъ трудно добыть или дорого изготовить; экономистъ-утилитаристъ находилъ, что обычное значеніе цѣнности болѣе приближается къ полезности. Въ обыкновенной жизни на одну и ту же сдѣлку двѣ стороны часто смотрятъ со столь же различныхъ точекъ зрѣнія. Возьмите носильщика, требующаго съ васъ шиллингъ за доставку чемодана къ вамъ на домъ. Онъ оцѣниваетъ свою услугу въ шиллингъ, разсматривая ее со стороны издержекъ; онъ пробѣжалъ вмѣсто лошади двѣ мили, рискуя послѣ всего этого не получить работы: шиллингъ отнюдь не особенно высокая плата за его старанія и рискъ. Съ другой стороны, вы и сами могли бы легко втащить свой чемоданъ по лѣстницѣ, а потому дѣйствительное благо, получаемое вами отъ носильщика, очень невелико. Или возьмите случай съ мистеромъ Бичемъ, продающимъ намъ пилюли, которыя, по его справедливому, быть можетъ, замѣчанію, «стоятъ для насъ гинею за

коробку» и за которыя онъ съ рѣдкимъ самоотреченіемъ соглашается взять 1 шиллингъ и 10 пенсовъ, установляя такимъ образомъ цѣну скорѣе сообразно со стоимостью товара для него самого, чѣмъ сообразно съ пользой, доставляемой имъ намъ. Неясность, связанная такимъ образомъ съ понятіемъ о цѣнности, неизбѣжно почти возникаетъ всякій разъ, какъ ходячая абстракція переносится въ научную терминологію.

§ 7. Другой интересный примѣръ закоренѣлой односторонности приверженцевъ конечной полезности въ недавнее время доставили Бёмъ-Баверкъ и его школа своимъ своеобразнымъ употребленіемъ термина «субъективная цѣнность», которую они старались отождествить со старой потребительной цѣнностью (use value). «Весьма важно», пишетъ Бёмъ-Баверкъ (Положит. теорія капитала, кн. III, гл. 1), «дать правильныя названія тому, что традиція передала намъ подъ неподходящими обозначеніями потребительной и мѣновой цѣнности. Двѣ группы явленій, которымъ въ обычномъ словоупотребленіи дается двусмысленное названіе «цѣнность», мы будемъ различать какъ цѣнность въ субъективномъ и цѣнность въ объективномъ смыслѣ. Цѣнность въ субъективномъ смыслѣ есть значеніе, какое благо или комплексъ благъ имѣетъ для благополучія субъекта». И вотъ это-то «благополучіе» онъ отождествляетъ далѣе съ «удовлетвореніемъ потребности». Но подобному отождествленію субъективной цѣнности съ цѣнностью потребительной онъ придалъ весьма важное значеніе (issue). Я сформулирую его въ формѣ вопроса и скажу: почему бы терминъ «субъективная цѣнность» не примѣнить ко всей совокупности субъективныхъ или относящихся вообще къ человѣку фактовъ, скрывающихся за объективной или мѣновой цѣнностью — фактовъ, касающихся не только полезности блага, обладающаго мѣновой цѣнностью, но также и издержекъ его производства? Силы, непосредственно опредѣляющія объективную цѣнность, происходятъ какъ отъ издержекъ, такъ и отъ полезности блага. Почему же терминъ «субъективная цѣнность» отражаетъ субъективную сторону лишь однихъ факторовъ, зависящихъ отъ полезности? «Благополучіе субъекта» связано въ той же мѣрѣ съ уменьшеніемъ издержекъ, какъ и съ увеличеніемъ полезности. Субъективная цѣнность, если только она должна стоять въ какомъ-либо естественномъ или понятномъ соотвѣт-

ствіи съ цѣнностью объективной, должна была бы выражать отношеніе субъективныхъ издержекъ къ субъективной полезности. Быть можетъ, вовсе не странно что Бёмъ-Баверкъ старается загладить эту ошибку, давая столь же односторонее истолкованіе объективной цѣнности, подъ которой, по его словамъ, надо разумѣть «свойство или способность блага давать какой-нибудь объективный результатъ. Въ этомъ смыслѣ существуетъ столько же видовъ цѣнности, сколько есть внѣшнихъ продуктовъ, съ которыми можетъ быть связанъ человѣкъ. Существуетъ, такимъ образомъ, питательная цѣнность пищи согрѣвательная цѣнность дровъ и угля, оплодотворяющая (fertilising) цѣнность удобренія, взрывчатая цѣнность взрывчатыхъ веществъ и такъ далѣе» (Ibidem, стр. 131). Поэтому Бёмъ-Баверкъ, пожалуй, не безъ достаточныхъ основаній примѣняетъ терминъ «объективная цѣнность» къ этимъ объективнымъ полезностямъ. Но когда онъ старается отождествить ее съ мѣновой цѣнностью, какъ это онъ дѣлаетъ въ только что цитированномъ параграфѣ, то я могу лишь замѣтить, что онъ отступаетъ отъ значенія, которое придавали этому термину вполнѣ согласно и основательно прежніе экономисты. Фактъ тотъ, что въ своемъ предварительномъ опредѣленіи объективной и субъективной цѣнности онъ отождествилъ ихъ съ объективной и субъективной полезностью, отрицая всякое значеніе за «издержками». А подобный взглядъ, высказываемый на первыхъ страницахъ трактата о цѣнности, является настоящимъ «petitio principii».

§ 8. Но хотя въ специфической проблемѣ о непосредственномъ опредѣленіи цѣнности предѣльная или конечная (marginal or final) полезность оказываетъ не больше вліянія, чѣмъ предѣльныя или крайнія издержки, въ одномъ извѣстномъ смыслѣ высшее рѣшающее значеніе надо признать за полезностью, какъ за causa causans. Если бы «экономика» приняла размѣры болѣе широкой науки, охватывающей въ своемъ вѣдѣніи всѣ формы жизненнаго богатства, экономическая антиномія производства и потребленія разрѣшилась бы въ болѣе глубокое единство, о которомъ свидѣтельствуютъ біологія и этика, настаивающія на томъ, что трудъ или производство могутъ быть столь же истиннымъ и жизненнымъ источникомъ удовлетворенія, какъ и самое по-

требленіе. Съ этой точки зрѣнія утвержденіе Бёмъ-Баверка, что причинная связь «непрерывной цѣпью переходитъ отъ цѣнности и цѣны продуктовъ къ цѣнности и цѣнѣ издержекъ», представляется неправильнымъ, такъ какъ намъ извѣстна «полезность» или другое жизненное удовлетвореніе, доставляемое непосредственно процессами производства въ изящныхъ искусствахъ и ремеслахъ.

Истинно философскій анализъ, съ физіологической или психологической точки зрѣнія, долженъ, повидимому, привести къ установленію такого тѣснаго органическаго отношенія между процессами производительной и потребительной дѣятельности и наслажденіемъ, что ни въ чисто біологической, ни въ сознательной области нельзя ихъ будетъ разграничить или признать бо̀льшее значеніе за однимъ изъ нихъ.

Но придерживаясь обычныхъ границъ экономической науки, приверженцы теоріи полезности имѣютъ право игнорировать эти соображенія и утверждать, что теоріи цѣнности вовсе нѣтъ дѣла до окончательныхъ объясненій пользованія и функціи усилія и удовлетворенія, но что ея касаются лишь тѣ непріятныя ощущенія при производствѣ и удовольствія—при потребленіи, которыя дѣйствительно играютъ роль въ современныхъ человѣческихъ критеріяхъ цѣнности. Такъ, напримѣръ, всякій трудъ, который самъ по себѣ есть удовольствіе и признается таковымъ, не включаетъ въ себѣ «издержекъ, затратъ» въ экономическомъ смыслѣ, и производимыя имъ «блага» не будутъ обладать «цѣнностью», но будутъ «свободными» благами за исключеніемъ того лишь случая, когда трудъ встрѣчаетъ препятствіе въ недостаткѣ матеріала. Адепты теоріи полезности правильно указываютъ, что разъ экономическія затраты сами по себѣ ex hypothesi «непріятны», то нельзя думать, что ихъ переносятъ ради ихъ самихъ; нѣтъ, на нихъ смотрятъ лишь какъ на средства для полученія извѣстной полезности. Такимъ образомъ, сознательная движущая сила, направляющая всю массу силъ производительныхъ, происходитъ отъ спроса со стороны потребителей, а полезность потребительныхъ благъ становится конечной причиной, въ силу которой какое-либо количество производительныхъ благъ пріобрѣтаетъ цѣнность.

Мы можемъ даже утверждать, что именно полезность, при

посредствѣ спроса, порождаетъ силы, вызывающія и регулирующія затраты, направляя промышленную энергію по правильному пути и стимулируя тѣ самыя улучшенія въ организаціи и промышленномъ искусствѣ, которыя представляются потомъ главными причинами измѣненій цѣнности въ зависимости отъ издержекъ.

Но хотя полезность фигурируетъ, такимъ образомъ, въ качествѣ конечной причины цѣнности, ее неправильно считаютъ единственной дѣйствительной причиной или единственнымъ опредѣляющимъ моментомъ количества цѣнности, принадлежащей той или другой массѣ благъ. Различіе, установляемое здѣсь нами, далеко не безплодно. Въ экономической проблемѣ цѣнности насъ касаются собственно не конечныя, но производящія причины, и ошибка теоретиковъ школы «полезности» заключается въ томъ, что обсужденіе послѣднихъ причинъ они замѣняютъ обсужденіемъ первыхъ. Какъ непосредственная, независимая, производящая причина цѣнности данной массы благъ, издержки стоятъ наравнѣ съ полезностью. Считая полезность конечной причиной цѣнности, мы не дѣлаемъ никакого вклада въ проблему опредѣленія цѣнностей и цѣнъ. Бёмъ-Баверкъ иногда, повидимому, чувствуетъ это, и принужденъ бываетъ признавать за полезностью еще нѣкоторую высшую силу, не только какъ за конечной, но и какъ за производящей причиной, утверждая, напримѣръ, что цѣнность «переходитъ отъ желѣзныхъ товаровъ на желѣзо, а не обратно». Желѣзные товары придаютъ, кажется, цѣнность желѣзу и опредѣляютъ количество цѣнности лишь до тѣхъ поръ, пока мы игнорируемъ вліяніе издержекъ (вслѣдствіе недостаточности предложенія) на желѣзные товары. Но лишь только мы примемъ во вниманіе это вліяніе, какъ окажется, что цѣнность предполагаемаго единственнаго опредѣляющаго момента сама отчасти опредѣляется издержками. Другими словами, рядъ накопляющихся издержекъ, идущій отъ желѣза и угля, оказывается столь же дѣйствительной производящей причиной цѣнности желѣзныхъ товаровъ, какъ полезность послѣднихъ служитъ причиной цѣнности желѣза. Такимъ образомъ, даже если бы намъ пришлось допустить, что цѣнность желѣза зависѣла отъ цѣнности желѣзныхъ товаровъ, издержки все-таки не устранялись, какъ производящая причина цѣнности желѣза. Нѣсколько

запутанное и сложное разсужденіе, путемъ котораго Бёмъ-Баверкъ пытался отдѣлаться отъ издержекъ, какъ отъ прямыхъ и независимыхъ моментовъ, вліяющихъ на цѣнность производительныхъ благъ, будетъ подвергнуто болѣе подробному разсмотрѣнію въ приложеніи къ этой главѣ. Несостоятельность попытки отвергнуть независимое причинное вліяніе «издержекъ» на опредѣленіе цѣнности потребительныхъ и производительныхъ благъ выясняется тамъ достаточно опредѣленно.

§ 9. Краткій синтезъ дѣйствительныхъ отношеній, существующихъ между издержками и полезностью и между цѣнностью производительныхъ и потребительныхъ благъ, приметъ слѣдующую форму.

Если взять промышленность, какъ «дѣло уже въ ходу» (going concern), и твердо помнить настоящее положеніе отраслей ея въ различныхъ процессахъ, то найдемъ, что существуетъ опредѣленное количественное отношеніе между массой цѣнности производительныхъ благъ и орудій на различныхъ стадіяхъ (процесса производства) и между массой цѣнности потребительныхъ благъ, отъ нихъ происходящихъ. Если мы станемъ разсматривать (что мы вполнѣ разумно можемъ сдѣлать) потребительныя блага какъ цѣль промышленности, то окажется, что производительныя блага пріобрѣтаютъ свою цѣнность лишь какъ средства для этой цѣли и что масса этой цѣнности зависитъ отъ массы цѣнности потребительныхъ благъ. Если же вполнѣ правильно можно считать, что цѣнность этихъ потребительныхъ благъ опредѣляется ихъ предѣльной (final) полезностью, то эту послѣднюю слѣдуетъ разсматривать какъ истинный опредѣляющій факторъ всѣхъ цѣнностей. Но даже самъ Бёмъ-Баверкъ, становясь лицомъ къ лицу съ этимъ вопросомъ, допускаетъ, что предѣльная полезность потребительныхъ благъ сама опредѣляется отношеніями между «потребностями и запасомъ благъ».

А вѣдь за «запасомъ» благъ или «предложеніемъ» скрывается факторъ издержекъ. Такимъ образомъ тамъ, гдѣ цѣнность потребительныхъ благъ повидимому опредѣляетъ цѣнность благъ производительныхъ, происходитъ это не столько потому, что предѣльная полезность потребительныхъ благъ опредѣляетъ предѣльную полезность благъ производительныхъ, сколько потому,

что конечныя издержки на производительныя блага уже опредѣлили издержки на блага потребительныя и содѣйствовали такимъ образомъ той самой цѣнности, которая представляется намъ какъ бы отраженной. Если мы предпочтемъ игнорировать «высасываніе» (suction), производимое спросомъ на потребительныя блага, и будемъ слѣдить лишь за «теченіемъ» потока промышленности отъ самыхъ раннихъ стадій производства до конечнаго ихъ пункта—полученія уже готовыхъ потребительныхъ благъ, то все-таки окажется столь же законнымъ представлять себѣ цѣнность производительныхъ благъ опредѣляющимъ моментомъ для цѣнности благъ потребительныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, теченіе накопляющей силы полезностей и затратъ идетъ въ противоположныхъ направленіяхъ. Поэтому, поскольку дѣло касается дѣйствительнаго опредѣленія цѣнности массы (stock) производительныхъ благъ, мы должны утверждать, что для этого существуетъ двѣ группы производящихъ причинъ — причины, дѣйствующія при посредствѣ предѣльной полезности, проистекающія и зависящія отъ предѣльной полезности потребительныхъ благъ, и причины, дѣйствующія при посредствѣ конечныхъ, предѣльныхъ издержекъ (исключая того случая, когда естественная ограниченность количества благъ занимаетъ мѣсто издержекъ).

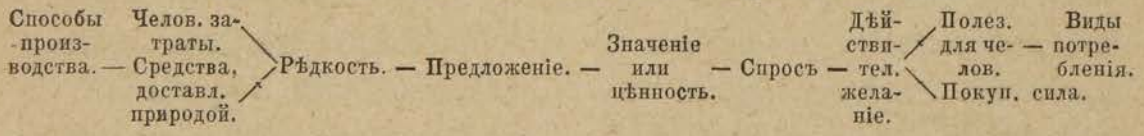
§ 10. Тогда какъ въ научной физіологіи промышленности предѣльная полезность имѣетъ крайне важное значеніе какъ показатель истиннаго источника промышленной жизни, какъ движущая сила, проистекающая изъ дѣйствительнаго спроса со стороны потребителей благъ и, подъ давленіемъ его «конечной» или «предѣльной» дѣятельности, направляющая и привлекающая нужныя производительныя силы въ каждый каналъ промышленности, она не можетъ по справедливости занять того мѣста, какое требуютъ для нея въ специфической проблемѣ опредѣленія цѣнности какой-либо массы полезныхъ благъ въ любомъ пунктѣ промышленнаго потока. Мы въ своей постановкѣ вопроса объ измѣненіи цѣнъ и цѣнности, имѣя дѣло съ «производящими» причинами, должны по возможности установить равновѣсіе между предѣльной полезностью и предѣльными издержками.

Для выполненія такой задачи существенно важна тщательно выработанная терминологія. Чтобы освободиться, насколько воз-

можно, отъ спорныхъ недоразумѣній, я предлагаю прежде всего замѣнить терминъ «цѣнность» (value) его узаконеннымъ эквивалентомъ, который австрійская школа выдвинула на первый планъ. Цѣнность предлагаемыхъ благъ или какого-либо отдѣльнаго предмета выражаетъ «экономическое значеніе» съ ними связанное. Въ замѣнѣ термина цѣнность терминомъ, «значеніе» (importance) есть двѣ выгоды [1]). Во-первыхъ, онъ prima facie такъ сказать, безпартіенъ, поскольку дѣло касается теоріи цѣнности, между тѣмъ какъ терминъ «цѣнность» по привычной ассоціаціи напоминаетъ о полезности. Во-вторыхъ, онъ помогаетъ отдѣлаться отъ представленія о «цѣнности» какъ о качествѣ или свойствѣ благъ и подчеркиваетъ истинное, правильное представленіе о ней какъ объ отношеніи. Безпартійность эта, правда, неполная, такъ какъ нѣкоторые австрійскіе экономисты, употребляя этотъ терминъ, уже обнаруживаютъ склонность гнуть его въ сторону «полезности», какъ источника «экономическаго значенія» [2]).

Если, однако, принявши нижеслѣдующую терминологическую таблицу, мы приблизимся къ центральному понятію объ экономическомъ «значеніи» въ его отношеніи къ конкретной проблемѣ опредѣленія цѣны, то равновѣсіе цѣнъ со стороны издержекъ и со стороны полезности будетъ установлено неоспоримо.

Терминологическая таблица для теоріи цѣнности.



---

[1]) Менгеръ первый, кажется, ясно отождествилъ цѣнность съ экомическимъ „значеніемъ“.

„Die Bedeutung, welche concrete Güter oder Güterquantitäten für uns dadurch erlangen, dass wir in der Befriedigung unserer Bedürfnisse von der Verfügung über dieselben anhängig zu sein uns bewusst sind. (Grundzüge, стр. 78). Профессоръ Смартъ такъ перефразируетъ это опредѣленіе: „Цѣнность есть значеніе, какое благо пріобрѣтаетъ въ качествѣ признаннаго условія чего-то, содѣйствующаго благополучію человѣка, и чего нельзя было бы получить независимо отъ этого блага“. (Введеніе къ „Theory of Value“, стр. 14).

[2]) Бёмъ-Баверкъ, напримѣръ, предлагаетъ опредѣлять цѣнность „недвусмысленно и точно“ какъ „то значеніе, какое пріобрѣтаютъ блага или комплексы благъ, какъ признанное условіе полезности, содѣйствующее благополучію человѣка и недостижимое независимо отъ нихъ“. (Положит. теорія, кн. III, гл. II).

Значеніе или цѣнность, связанныя съ извѣстной массой благъ, измѣняются пропорціонально съ измѣненіемъ въ относительной степени предложенія и спроса. Но предложеніе и спросъ, чтобы быть экономическими факторами, чтобы пріобрѣсти экономическое значеніе благъ, должны управляться извѣстными силами, скрывающимися за ними. Неограниченное или неопредѣленно широкое предложеніе не имѣетъ экономическаго значенія. Сравнительная рѣдкость управляетъ спросомъ. Аналогично этому, спросъ пріобрѣтаетъ экономическое значеніе и силу отъ дѣйствительнаго желанія (желанія и возможности отдать что-нибудь для полученія другой вещи). Подобно тому, какъ не можетъ существовать экономическаго предложенія «свободныхъ» благъ, потому что въ нихъ никогда не бываетъ недостатка, такъ нѣтъ на нихъ и экономическаго спроса, потому что никто не соглашается дать что-нибудь взамѣнъ ихъ. Дѣйствительное желаніе со стороны спроса представляетъ собой то же, что «рѣдкость» благъ на другой сторонѣ.

Недостаточность предложенія въ свою очередь зависитъ отъ разныхъ условій: то отъ ограниченности количества благъ, которая можетъ быть естественной, какъ, напримѣръ, когда рѣчь идетъ объ опредѣленныхъ сортахъ почвы; или она можетъ являться продуктомъ обстоятельствъ, какъ, напримѣръ, недостатокъ пищи при осадѣ или недостатокъ, вызванный организаціей какого-нибудь «союза» (corner) или синдиката. Рѣдкость картинъ «старыхъ художниковъ» и т. д. можетъ быть тоже разсматриваема, какъ «естественная».

Для большинства благъ, впрочемъ, рѣдкость зависитъ отъ того факта, что для доставленія ихъ требуются извѣстныя затраты со стороны человѣка. Насколько эта необходимость затраты человѣческой энергіи для производства благъ вліяетъ на ихъ рѣдкость, зависитъ въ широкой степени отъ отношенія человѣческихъ условій къ естественнымъ источникамъ, доставляющимъ блага. Тамъ, гдѣ существуетъ извѣстная естественная граница для полученія блага или легко доступнаго матеріала, тамъ должно быть затрачено больше человѣческихъ усилій при всякомъ увеличеніи предложенія благъ.

Въ этомъ случаѣ рѣдкость благъ даетъ себя чувствовать, и подъ ея вліяніемъ увеличивающееся экономическое значеніе

благъ оказываетъ давленіе со стороны затратъ. Тамъ, гдѣ существуетъ свободный доступъ къ естественнымъ источникамъ полученія благъ, нужно бываетъ затратить меньше человѣческихъ усилій для увеличенія массы доставляемыхъ благъ. Здѣсь вліяніе рѣдкости, недостатка благъ устранено, и силы, вліяющія на предложеніе, содѣйствуютъ пониженію цѣнностей или экономическаго значенія каждой штуки блага. Здѣсь мы имѣемъ передъ собой хорошо знакомые законы возрастающихъ и уменьшенія доходовъ.

Обращаясь въ сторону спроса, мы видимъ аналогичный механизмъ экономическихъ силъ. Дѣйствительно желаніе регулируетъ спросъ тѣмъ же способомъ, какъ рѣдкость или недостаточность благъ регулируетъ предложеніе. Дѣйствительное желаніе обозначаетъ желаніе, опирающееся на покупательную силу; оно является продуктомъ двухъ факторовъ: a) полезности благъ для человѣка, или, говоря иначе, стремленія къ удовлетворенію потребности, доставляемому полезностью блага, и b) покупательной силы.

Полезность благъ для человѣка стоитъ въ такомъ же отношеніи къ спросу, въ какомъ человѣческія затраты стоятъ къ предложенію. Экономическими силами, вліяющими на затраты являются способы производства. Способы производства или успѣшность его будутъ зависѣть отчасти отъ научныхъ соображеній, отъ количества знаній, примѣняющихся въ промышленности, отчасти отъ характера или качества людей, занимающихся этими отраслями промышленности, отъ ихъ индивидуальной и коллективной способности пользоваться своими знаніями. При одинаковомъ абсолютномъ знаніи естественныхъ силъ въ ихъ отношеніи къ матеріалу и способамъ работы, различія физической природы, расы, климата, соціальныхъ и политическихъ учрежденій и массы другихъ вліяній будутъ отзываться на дѣйствительныхъ издержкахъ производства даннаго количества благъ. И опять-таки успѣшность примѣненія различныхъ способовъ промышленности, какъ мы видѣли, постоянно измѣняется въ зависимости отъ границъ, полагаемыхъ природой доставкѣ матеріала и полученію естественной энергіи. Совершенно аналогично дѣйствуютъ силы, вліяющія на спросъ. Какъ за издержками производства скрываются способы производства, такъ за полезностью благъ или

ихъ способностью удовлетворять потребности стоятъ способы потребленія. Реальное удовлетвореніе, доставляемое данной массой цѣнныхъ благъ, будетъ зависѣть, конечно, отъ степени развитія вкусовъ потребителя и отъ сложившихся у него привычекъ потребленія. Существуетъ особое умѣнье въ потребленіи, основывающееся на физическихъ законахъ, касающихся частью составныхъ элементовъ потребительныхъ благъ, частью — характера потребителя, и состоящее въ правильной и тонкой гармоніи или приспособленіи способности обезпечивать за собой различные виды и количества потребительныхъ благъ. Совершенно аналогичное умѣнье въ производствѣ заключается въ искусной обработкѣ при помощи человѣческой энергіи и силъ природы разнообразныхъ, предназначенныхъ для этого количествъ сырого матеріала. Какъ человѣческія затраты или усилія нисколько не содѣйствуютъ доставкѣ и продолженію благъ, исключая лишь то, поскольку они имѣютъ доступъ къ естественнымъ источникамъ благъ, такъ и полезность благъ для человѣка и способность ихъ удовлетворять человѣческія потребности остаются пустыми звуками, пока онѣ не найдутъ себѣ выраженія въ покупательной силѣ. Это послѣднее условіе дѣлаетъ желаніе (купить) экономически дѣйствительной силой, подобно тому, какъ ограниченіе естественныхъ источниковъ полученія благъ дѣлаетъ дѣйствительными производительныя усилія человѣка.

Устраните границы, вліяющія на количество матеріала и естественныхъ силъ, и издержки производства какого-либо количества благъ понизятся до безконечно малой величины. Съ другой стороны, увеличьте до безконечности сумму доходовъ или покупательную силу, и самое незначительное желаніе купить что-нибудь выразится въ безконечно широкомъ спросѣ [1]).

---

[1]) Установленіе субъективнаго базиса цѣнности вовсе не противорѣчитъ и не ослабляетъ объективнаго обозначенія, отождествляющаго цѣнность съ количествомъ другихъ благъ, на которыя можно обмѣнить данное благо. Мы можемъ принять также, если предпочитаемъ, различеніе, установленное Визеромъ между объективной и субъективной мѣновой цѣнностью, понимая подъ первой количество другихъ благъ, на которыя блага обмѣниваются, а подъ второй—значеніе, приписываемое благамъ въ виду ихъ рѣдкости и полезности. Отношеніе между этими двумя видами цѣнности таково, что субъективное значеніе, важность благъ измѣряются его объективной мѣновой цѣн-

§ 11. Значеніе за вышеприведенной таблицей я признаю не только потому, что она улаживаетъ споръ о терминологіи, но прежде всего и главнымъ образомъ потому, что она приводитъ къ необходимости признать органическое отношеніе между затратами и полезностью и строго одинаковую или аналогичную роль, какую играетъ каждый изъ этихъ факторовъ въ опредѣленіи цѣнности.

Она убѣждаетъ насъ, что существуютъ силы, постоянно вліяющія со стороны обоихъ указанныхъ факторовъ на цѣнность или экономическое значеніе массы благъ.

Она совершенно отвергаетъ предлагаемый иногда компромиссъ, въ силу котораго признается, что цѣнность нѣкоторыхъ видовъ благъ опредѣляется издержками, а цѣнность другихъ— полезностью. Безъ сомнѣнія, есть извѣстныя блага, которыя можно классифицировать, какъ абсолютная рѣдкость или весьма ограниченная въ своемъ предложеніи, и по отношенію къ которымъ всѣ измѣненія цѣнности будутъ представляться продуктомъ силъ, дѣйствующихъ со стороны спроса. Картины художниковъ старой школы, пища во время осады—вотъ относящіеся сюда примѣры. Въ этомъ случаѣ человѣческія затраты не вліяютъ, повидимому, непосредственно на опредѣленіе цѣнности, которая устанавливается отношеніями между абсолютной рѣдкостью благъ и дѣйствительнымъ желаніемъ; а такъ какъ послѣднее есть единственный измѣняющійся факторъ, то можно сказать, что оно представляетъ собой единственный непосредственный регуляторъ цѣнности подобнаго рода благъ во всякое данное время. Быть можетъ, кто-нибудь замѣтитъ, что даже и въ такихъ случаяхъ затраты, хотя и сведенныя до минимума, не абсолютно лишаются вліянія на цѣнность. Рынки предложенія не абсолютно изолированы другъ отъ друга, потому что различные виды спроса, на основаніи которыхъ ихъ классифицируютъ, не являются совершенно обособленными. Поэтому можно сказать,

---

ностью, которая выражается въ формѣ (терминахъ) другихъ благъ или, лучше, въ формѣ денегъ, какъ цѣны. Впрочемъ, точнѣе будетъ сказать, что количество благъ, на которое обмѣнивается данное благо, составляетъ не цѣнность его, но мѣру его цѣнности, хотя самую эту мѣру относятъ обыкновенно къ принятымъ денежнымъ единицамъ.

что ни спросъ, ни предложеніе картинъ старыхъ мастеровъ не изолированы всецѣло отъ спроса и предложенія другихъ картинъ или предметовъ искусства въ широкомъ смыслѣ. Обращаясь къ конкретному примѣру, «копіи» старыхъ мастеровъ или ихъ же поддѣльныя картины должны считаться предназначенными на удовлетвореніе тѣхъ же самыхъ вкусовъ, какъ и ограниченныя въ своей численности подлинныя картины. На этомъ основаніи можно считать, что поддѣльныя картины увеличиваютъ «предложеніе», значительно ограничивая тѣмъ самымъ дѣйствительную рѣдкость настоящихъ картинъ. Разъ «затраты» будутъ вліять на эту часть предложенія, какъ и на всякія другія «свободно произведенныя блага», то вліяніе это, надо предполагать, отразится отчасти и на цѣнности произведеній «старыхъ мастеровъ». Аналогично, дѣйствительное предложеніе пищи въ осажденномъ городѣ не представляетъ собой количества совершенно неизмѣннаго; масса ея, фигурирующая въ качествѣ объекта предложенія въ данное время, будетъ зависѣть отъ экономности, съ которой отдѣльныя лица пользовались имѣющимися въ ихъ распоряженіи запасами, и даже такія «затраты», какъ напр., заключающіяся въ сбереженіи пищи для позднѣйшаго періода осады, будутъ оказывать извѣстное вліяніе въ качествѣ опредѣляющаго момента ея цѣнности. Едва ли возможно совершенно устранить вліяніе на цѣнность «затраты», издержекъ, не прибѣгая къ какимъ-либо невѣроятнымъ гипотезамъ.

Въ обоихъ этихъ случаяхъ, лицами, подчеркивающими значеніе полезности, какъ конечной причины цѣнности, можетъ быть справедливо указано, что человѣческія желанія, обнаруживающія свое дѣйствіе при посредствѣ спроса, суть реальныя силы, вызывающія «издержки», необходимыя для того, чтобы уничтожить исключительность монополіи путемъ расширенія дѣйствительнаго предложенія. Но подобное допущеніе, что человѣческія желанія являются основными причинами цѣнности, какъ мы показали, не должно вліять на экономическое установленіе фактовъ. Вліяніе жизненныхъ расходовъ и естественной рѣдкости благъ какъ прямыхъ производящихъ причинъ цѣны и цѣнности не можетъ быть устранено даже апеллированіемъ къ крайнимъ инстанціямъ, лежащимъ почти внѣ экономической сферы.

Но даже если допустить, что человѣческія затраты въ такихъ случаяхъ не оказываютъ вліянія на предложеніе, а слѣдовательно и на цѣнность, значеніе предложенія, какъ опредѣляющаго момента цѣнности, все-таки находитъ себѣ выраженіе въ «рѣдкости» благъ. Имѣемъ ли мы дѣло съ естественной рѣдкостью благъ, она никогда не бываетъ абсолютной и постоянной; все, что является предметомъ предложенія, постоянно разрѣшается или увеличивается, такъ что хотя давленіе спроса оказывается, повидимому, единственнымъ источникомъ измѣненій цѣнности и цѣны, тѣмъ не менѣе всегда существуетъ на нихъ извѣстное живое вліяніе со стороны предложенія. Хотя одно только лезвіе ножницъ, если пользоваться сравненіемъ проф. Маршалля, повидимому, производитъ всю работу, а другое остается неподвижнымъ, но, присмотрѣвшись ближе, мы найдемъ, что и второе тѣмъ не менѣе движется. «Рѣдкость» благъ никогда не бываетъ лишь чисто статическимъ «условіемъ» цѣнности, но всегда силой активной.

Но мы не можемъ стать и на другую сторону и заключать вмѣстѣ съ Миллемъ, что цѣнность свободно произведенныхъ благъ происходитъ отъ издержекъ производства и опредѣляется ими. Въ цѣляхъ коммерческаго удобства лучше было бы сравнивать цѣнности большинства «свободныхъ» благъ, сопоставляя ихъ съ относительными затратами или издержками. Въ самомъ дѣлѣ, силы, дѣйствующія со стороны спроса, будутъ отражаться въ нормальныхъ издержкахъ такъ же точно, какъ силы, дѣйствующія со стороны издержекъ, будутъ отражаться въ полезности. Но при выборѣ издержекъ для болѣе подходящаго измѣренія цѣнностей и измѣненій цѣнъ не надо предполагать, что въ теоріи или на практикѣ силы, дѣйствующія при посредствѣ издержекъ, болѣе важны, чѣмъ силы, находящія свое выраженіе въ полезности [1]).

---

[1]) Безсмысленность признанія двухъ законовъ цѣнности одного при ограниченномъ предложеніи благъ и другого при возможности увеличенія предложенія, хорошо обнаружилась въ спорѣ Бёмъ-Баверка съ проф. Дитцелемъ на страницахъ Конрадовскихъ Jahrbücher für National-Oekonomie въ теченіе 1890—1892 годовъ. Дитцель нѣсколько разъ ясно формулировалъ истинную теорію, приписывающую опредѣленіе цѣнности не издержкамъ и не полезности, но отношенію между рѣдкостью благъ и ихъ полезностью (такъ какъ издерж-

Профессоръ Маршалль, въ самомъ дѣлѣ, указываетъ то, что «какъ общее правило можно установить, что чѣмъ короче разсматриваемый нами періодъ, тѣмъ больше вниманія должны мы обращать на вліяніе спроса на цѣнность; и чѣмъ длиннѣе періодъ, тѣмъ болѣе важно будетъ вліяніе на цѣнность издержекъ производства» [2]). Но даже и это разграниченіе, какъ оно ни основательно для практическихъ цѣлей, должно быть отброшено, разъ за нимъ скрывается предположеніе, что въ конечномъ счетѣ издержки являются болѣе важнымъ регуляторомъ или опредѣляющимъ моментомъ цѣнности. Перемѣны во вкусахъ, превращеніе недавней привычки въ прочное условіе комфорта будутъ оказывать столь же сильное и прочное вліяніе на цѣнность извѣстнаго класса благъ, какъ и любая перемѣна, происходящая въ способѣ производства этихъ благъ. Можетъ случиться, что большее число и болѣе устойчивыя силы станутъ вліять на цѣнность со стороны измѣненій въ способахъ и условіяхъ производства, чѣмъ со стороны потребленія, но фактъ этотъ установить не легко. Конечно, существуютъ извѣстные классы благъ, на цѣнность которыхъ чаще и въ болѣе широкой мѣрѣ оказываютъ вліяніе силы, дѣйствующія съ той или другой стороны. Мы можемъ сказать, что на цѣнность пшеницы больше вліяетъ предложеніе, а на цѣнность элегантныхъ костюмовъ, главнымъ образомъ,—спросъ; и въ практическихъ соображеніяхъ относительно рыночной цѣны и торга факты эти должны имѣть должный вѣсъ; изученіе относительной важности этихъ различныхъ силъ въ ихъ вліяніи на рыночную цѣну

ки производства являются однимъ изъ источниковъ рѣдкости благъ). Тѣмъ не менѣе онъ малодушно согласился уступить приверженцамъ школы предѣльной полезности, что цѣнность, ограниченная въ своемъ числѣ благъ, опредѣляется одной только предѣльной полезностью, между тѣмъ какъ онъ твердо долженъ былъ настаивать на томъ, что хотя „издержки“ и не вліяли здѣсь въ качествѣ причины, „рѣдкость“ благъ, будучи опредѣлена иначе, играла ту же роль въ качествѣ опредѣляющаго фактора, какъ и въ случаѣ свободно произведенныхъ благъ. Тотъ фактъ, что въ одномъ случаѣ „рѣдкость“ благъ устойчива, а въ другомъ измѣнчива (благодаря приложенію новыхъ затратъ), нисколько не вліяетъ на всеобщность закона цѣнности, хотя для практическихъ цѣлей измѣренія колебаній цѣнности и цѣны этотъ фактъ содѣйствуетъ ихъ уравненію, склоняя вѣсы въ сторону полезности.

[2]) Econ. of industry, p. 223.

составляетъ самую деликатную, самую трудную и самую практически-важную задачу современнаго искателя прибыли.

Но если встать на болѣе широкую теоретическую точку зрѣнія, то надо установить абсолютное равенство въ отношеніи издержекъ производства и полезности къ цѣнности.

§ 12. Въ недавней исторіи экономической теоріи любопытенъ фактъ, что тотъ самый Джевонсъ, который настойчиво пытался опровергнуть теорію цѣнности, основанную на издержкахъ, бросившись въ другую крайность, является единственнымъ англійскимъ писателемъ, положившимъ истинное объективное основаніе правильнаго анализа цѣнности. Въ своей главѣ о «теоріи труда» онъ разрабатываетъ вполнѣ неопровержимую теорію отношеній между издержками и полезностью для индивидуума Онъ точно показываетъ, какъ работникъ, собственными усиліями доставляющій себѣ полезныя блага, будетъ аккуратно соразмѣрять чувство тягости или сознаніе безполезности, сопряженныя съ производствомъ, съ удовольствіемъ или пользой, доставляемыми потребленіемъ. Онъ показываетъ далѣе, что число рабочихъ часовъ, интенсивность усилій, распредѣленіе рабочей энергіи по различнымъ родамъ работы будутъ старательно уравновѣшены различными степенями и степенью удовлетворенія, получаемаго отъ потребленія различныхъ количествъ благъ, произведенныхъ дневнымъ трудомъ.

Въ концѣ-концовъ, дѣйствительно выясняется, что на экономическую цѣнность продукта дневного труда аналогично и въ равной степени вліяютъ какъ безполезность или издержки производства, такъ и польза или удовлетвореніе, доставляемое потребленіемъ; для подобнаго человѣка будетъ имѣть одинаковое значеніе, увеличить ли на одну единицу затрату дневного труда или уменьшить на единицу удовлетвореніе, получаемое имъ въ одинъ день.

Анализъ же „неполезности“ (disutility) или издержекъ у Джевонса одинаковъ съ его анализомъ полезности или потребленія. Онъ предлагаетъ вполнѣ установить индивидуальную экономику, въ дѣйствительности же онъ полагаетъ основаніе правильной теоріи цѣнности, которую онъ въ другихъ мѣстахъ искажаетъ. Можно, пожалуй, возразить, что нельзя теорію цѣнности выражать въ терминахъ индивидуальной экономики, такъ какъ въ

ней не имѣетъ мѣста актъ обмѣна. Но вѣдь индивидуальная задача уже заключаетъ въ себѣ всѣ существенные факторы; если пожелаемъ, мы можемъ разсматривать индивидуальный случай, какъ случай обмѣна, происходящаго между двумя сторонами нашего «я»,—между лѣнивымъ «я», избѣгающимъ всякія усилія и затраты энергіи, и жаднымъ «я», ищущимъ удовлетворенія своихъ потребностей. Способъ установленія равновѣсія будетъ аналогиченъ, хотя онъ здѣсь и болѣе точенъ, чѣмъ въ случаѣ, когда онъ устанавливается при обмѣнѣ благами между двумя лицами, вступающими въ сдѣлку. Но крайне странно то, что Джевонсъ не примѣняетъ къ обществу этой теоріи обмѣна, установленной для отдѣльныхъ лицъ. Его формальная теорія индивидуальной экономики устанавливаетъ двѣ въ высшей степени важныхъ истины: 1) одинаковую важность и непрерывное органическое взаимодѣйствіе между предѣльными издержками и конечной полезностью; 2) существенную субъективность проблемы обмѣна [1]).

И при всемъ томъ Джевонсъ въ «теоріи обмѣна» игнорируетъ вліянія, идущія со стороны издержекъ, или считаетъ ихъ косвенными факторами, дѣйствующими черезъ посредство предѣльной полезности. Его разсужденія о «неполезности» въ этой части его работы относятся не къ издержкамъ, но къ ущербу или непріятностямъ, присущимъ нѣкоторымъ видамъ потребленія.

Въ заключительной главѣ появляется слабый проблескъ правильной проблемы, когда Джевонсъ утверждаетъ: «задача экономики, по моему мнѣнію, можетъ быть формулирована такъ: при данномъ извѣстномъ населеніи съ различными нуждами и силами производства, обладающемъ извѣстными землями и другими источниками сырья для производства, найти такой способъ примѣненія всего этого труда, который довелъ бы до максимума полезность получаемыхъ продуктовъ». Если бы Джевонсъ добавилъ слова: «и свелъ бы къ минимуму неполезную работу при ихъ производствѣ», то его формулировка была бы полна. Но въ дѣйствительности трудъ его, какъ и труды

[1]) Анализъ его („Теорія полит. экономіи“, стр. 189) кладетъ основаніе субъективной теоріи издержекъ и полезности, созданной австрійскими и американскими экономистами.

всѣхъ, считающихъ полезность спеціальной мѣрой и опредѣляющимъ моментомъ цѣнности, представляется весьма одностороннимъ и несовершеннымъ.

Представленіе о томъ, что издержки и полезность въ видѣ субъективныхъ ихъ элементовъ, затраты усилій и удовлетворенія потребностей существенно и органически связаны въ индивидуальной экономикой, должно быть дополнено прямымъ допущеніемъ аналогичнаго же ихъ отношенія въ экономикѣ соціальной, которая выражается въ соціальной цѣнности и цѣнѣ. Научное изложеніе ученія о цѣнности должно признать существованіе подобнаго же отношенія между силами, вліяющими на цѣнность со стороны двухъ указанныхъ факторовъ.

Часть II.

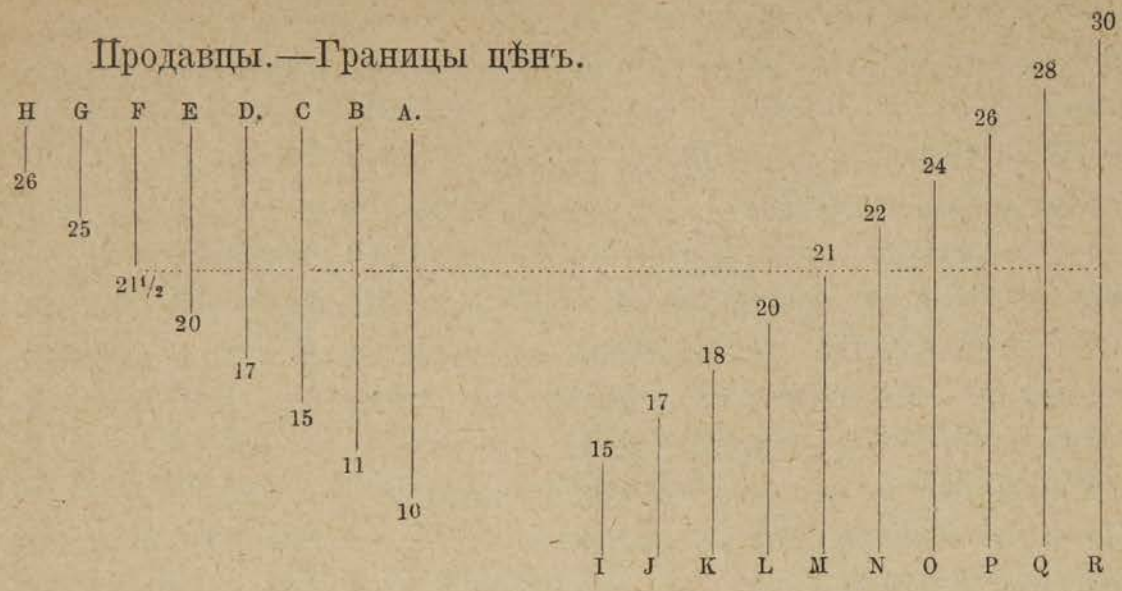
§ 13. Быть можетъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, эта обширная экскурсія въ область теоріи цѣнности имѣетъ слишкомъ отдаленное отношеніе къ болѣе опредѣленной проблемѣ объ окончательной цѣнѣ (price-point) и измѣненіи цѣнъ. Но это не такъ. Пока не будетъ точно установлено равенство конечныхъ издержекъ и предѣльной полезности, какъ опредѣляющихъ моментовъ цѣнности, мы не въ состояніи вполнѣ оцѣнить процессъ конкурренціи и торга, приводящій къ установленію цѣны.

Я началъ съ указанія на фактъ, что за предложеніемъ, фигурирующимъ на какомъ-нибудь рынкѣ, скрывается извѣстное количество силъ или факторовъ, имѣющихъ отношеніе къ рѣдкости благъ и издержкамъ производства на болѣе широкомъ рынкѣ и опредѣляющихъ количество благъ, которое можно получить по различнымъ цѣнамъ. Тѣ же самыя силы приводятъ къ тому, что нѣкоторыя порціи предлагаемыхъ на рынкѣ благъ производятся дешевле, чѣмъ другія части. Собственники болѣе дешево производимыхъ благъ въ случаѣ необходимости могутъ согласиться продать ихъ по болѣе низкой цѣнѣ, чѣмъ та, которую согласятся взять собственники болѣе дорогихъ, предлагаемыхъ на рынкѣ благъ. Другими словами, различіе предѣльной цѣны, назначаемой, какъ мы видѣли, различными продавцами за свои блага, происходитъ отъ различій въ издержкахъ или затратахъ при ихъ производствѣ. Если вся масса предлагаемыхъ благъ такимъ образомъ градуируется, такъ сказать, сообразно

со стоимостью производства отдѣльныхъ ея частей, то установляющаяся въ дѣйствительности цѣна, какъ утверждаютъ, будетъ такова, что какъ разъ только покроетъ издержки производства наиболѣе дорогой въ этомъ отношеніи части предлагаемыхъ благъ. Лица, особенно подчеркивающія эту сторону вопроса, утверждаютъ, что цѣна опредѣляется издержками производства этой послѣдней части благъ или предѣльными издержками производства. Аналогично,—различная оцѣнка, приписываемая покупщикамъ обусловливается высшимъ «дѣйствительнымъ желаніемъ», проявляемымъ однимъ по сравненію съ другимъ. Полученіе лошади или квартера пшеницы удовлетворитъ въ однихъ или болѣе сильное желаніе, чѣмъ въ другихъ, или желаніе одинаковой силы, но соединенное съ болѣе полнымъ кошелькомъ. Склоняющіяся въ эту сторону лица говорятъ, что полезность (дѣйствительное желаніе) послѣдней купленной части благъ опредѣляетъ цѣнность всей массы предлагаемыхъ благъ.

§ 14. Теперь вернемся къ нашей діаграммѣ рыночныхъ цѣнъ и посмотримъ, какъ выражаются въ ней предѣльныя издержки (marginal cost) и предѣльная полезность. Мы найдемъ, что ихъ можно отождествить съ послѣдней парой (final pair), передъ оцѣнкой которой отступаетъ конкурренція покупщиковъ и продавцовъ, предоставляя опредѣленіе окончательной цѣны (price-point) торгу этихъ двухъ послѣднихъ лицъ.

Конкурренція и торгъ, какъ мы видѣли (гл. I, стр. 11—19), приводятъ къ пяти актамъ продажи, въ которыхъ A, B, C, D, E были продавцами, а N, O, P, Q, R — покупщиками, по цѣнѣ, которая въ концѣ-концовъ установлена была торгомъ одной только пары, въ границахъ, установленныхъ конкурренціей. Послѣдней парой, сдѣлка которой установила границы цѣны, а слѣдовательно, и цѣну, оказались F съ предѣльной продажной цѣной въ L 21 10 sh. (21 ф. стерл. 10 шил.) и M съ предѣльной покупной цѣной въ 21 ф. ст. Изъ всѣхъ дѣйствительныхъ продавцовъ у F самая высокая предѣльная цѣна. Онъ не можетъ продать менѣе чѣмъ за 21 ф. ст. 10 шил. Почему?



Потому что онъ разсчитываетъ, что цѣна эта только что покроетъ его издержки производства, или, точнѣе говоря, дастъ ему лишь минимумъ прибыли, требуемой отъ одной продажи. Другими словами, F представляетъ собой наиболѣе дорогую часть возможнаго предложенія конечныхъ или предѣльныхъ издержекъ производства. R есть дѣйствительный покупщикъ, предѣльная цѣна котораго наибольшая; онъ заплатитъ болѣе всякаго другого покупателя, потому что онъ наиболѣе нуждается въ единицѣ предлагаемыхъ благъ или потому, что въ его распоряженіи больше денегъ, такъ что его «дѣйствительное желаніе» является самымъ значительнымъ. Другими словами, R есть лицо, для котораго благо имѣетъ высшую полезность, а M есть представитель конечной или предѣльной полезности. Такимъ образомъ оказывается, что дифференціальныя выгоды, полученныя A, B, C, D, E среди продавцовъ и N, O, P, Q, R среди покупателей, соотвѣтствуютъ реальнымъ различіямъ стоимости (издержекъ) производства, съ одной, и полезности, съ другой стороны. Если, не внося никакихъ другихъ измѣненій, мы примѣнимъ нашу иллюстрацію не къ лошадиному рынку, а къ рынку какихъ-нибудь мануфактурныхъ товаровъ, то окажется, что бо́льшая по сравненію съ E прибыль, получаемая D, C, B и A при каждой продажѣ, основывается на особыхъ преимуществахъ, которыми каждый изъ нихъ обладаетъ въ экономіи мануфактуры.

Равнымъ образомъ надо признать, что особыя выгоды, получаемыя O, P, Q, K, какъ покупщиками, по сравненію съ M, основываются на особыхъ количествахъ полезности, приписываемой ими тѣмъ же самымъ благамъ, служащимъ для торговли или для потребленія.

Съ той и другой стороны, со стороны покупателей и продавцовъ, дифференціальная прибыль или «рента» должна измѣряться сообразно съ положеніемъ члена послѣдней пары, представляющей предѣльную (marginal) стоимость производства или предѣльную полезность. Въ нашей діаграммѣ пунктирная линія, связывающая F съ M, сразу даетъ намъ возможность опредѣлить относительную величину этихъ дифференціальныхъ прибылей, включающихъ со стороны продавцовъ тѣ части A, B, C, D, которыя падаютъ ниже линіи цѣны, и тѣ части N, O, P, Q, со стороны покупателей, которыя поднимаются выше этой линіи.

Извѣстное неудобство при этомъ анализѣ происходитъ отъ того факта, что F и M, конечная или опредѣляющая пара, въ оцѣнкахъ которой мы встрѣчаемся съ относительною предѣльною стоимостью и полезностью, не фигурируетъ въ дѣйствительно совершонныхъ продажахъ, но исключена изъ нихъ. Происходитъ это отъ того, что въ нашемъ примѣрѣ для удобства мы положили извѣстные опредѣленные промежутки между двумя оцѣнками покупателей и продавцовъ съ той и другой стороны.— При условіяхъ полной конкурренціи промежутки эти будутъ безконечно малы и относительно E и N, крайнихъ элементовъ дѣйствительнаго предложенія и спроса, можно будетъ съ полнымъ правомъ принять, что они представляютъ собой предѣльныя издержки и предѣльную полезность. Но для настоящихъ нашихъ цѣлей надо предположить, что эти предѣлы лежатъ внѣ дѣйствительнаго предложенія и спроса.

Значеніе этого анализа для теоріи цѣнности и цѣны мы можемъ резюмировать въ слѣдующихъ словахъ: Если признать допущеніе экономиста - математика, что предложеніе и спросъ на рынкѣ дѣлимы до безконечности, то каждый участвующій въ предѣльной или послѣдней парѣ, сдѣлка которой непосредственно опредѣляетъ цѣну, получаетъ безконечно малую прибыль. Въ подобномъ случаѣ за мѣру или опредѣляющій

моментъ цѣнности и цѣны съ одинаковою правильностью можно принимать предѣльныя издержки или предѣльную полезность. Если предполагать, что различные участники спроса и предложенія пользуются совершенно одинаковыми выгодами при производствѣ и подчиняются совершенно одинаково давленію нуждъ и потребностей, то не будетъ никакихъ дифференціальныхъ прибылей, и съ помощью рыночной цѣны прибыль, хотя и безконечно малая при каждой сдѣлкѣ, будетъ съ равною точностью распредѣляться между всѣми участниками сдѣлокъ. Между тѣмъ дѣйствительныя условія реальнаго рынка оказываются совершенно иными. Возьмемъ ли мы короткій или долгій періодъ, «рыночную» или «нормальную» цѣну, мы найдемъ, что ни предѣльныя издержки, ни предѣльная полезность не опредѣляютъ точно цѣны или цѣнности въ качествѣ независимой причины, хотя на какомъ-нибудь данномъ рынкѣ тотъ или другой факторъ и дастъ истинную мѣру цѣны или цѣнности. Въ сдѣлкѣ предѣльной пары, опредѣляющей цѣну и цѣнность, всегда появляется элементъ «вынужденнаго барыша», болѣе незначительный при широкомъ и свободномъ рынкѣ, болѣе крупный при рынкѣ маленькомъ и ограниченномъ. Колебанія въ экономическихъ средствахъ различныхъ покупателей и продавцовъ еще болѣе увеличиваютъ неравенство распредѣленія, происходящаго при продажѣ по средней цѣнѣ, прибавляя къ этой «насильственной» прибыли еще прибыль дифференціальную [1]).

---

[1]) Взглядъ, будто издержки производства представляютъ собой болѣе удобную *мѣру* цѣнности (даже если ихъ наравнѣ съ полезностью считаютъ *причиной* цѣнности), основанный на предположеніи, что различныя издержки легче можно свести и выразить въ какихъ-нибудь общеупотребительныхъ терминахъ въ родѣ „рабочей силы“ или „рабочаго времени“, — неосновательенъ. Рабочее время, игнорирующее различные виды, интенсивность и другія условія затраты рабочей силы, не лучше можетъ служить мѣрой „издержекъ“, чѣмъ абстрактное „удовлетвореніе“—мѣрой полезности; тотъ же фактъ, что первое болѣе обыкновенно и ради извѣстныхъ цѣлей болѣе удобно измѣряется часами, чѣмъ послѣднее, все-таки не дастъ ему практическаго преимущества въ качествѣ законной и точной мѣры цѣнности. Любопытно, что столь остроумный писатель, какъ Дитцель, обращается къ этой грубѣйшей ошибкѣ Марксовскаго анализа въ своей критикѣ теоріи предѣльной полезности (Jahrbücher für National - Oekonomie, B. XX, стр. 587—8) и заключаетъ, что „оперирую ли я съ цѣнностью издержекъ или съ потребительною цѣнностью, результатъ получается одинъ и тотъ же. Но съ цѣнностью издержекъ (cost-value) я могу оперировать легче и съ большею точностью, чѣмъ съ цѣнностью потребительною“.

Первое приложеніе къ главѣ III.

Субъективное основаніе цѣнности.

Чтобы отмѣтить существенно субъективный характеръ теоріи цѣнности, желательно отличать точнѣе и опредѣленнѣе субъективную стоимость производства, субъективныя издержки и полезность отъ объективныхъ издержекъ и полезности.

Надо принять, что субъективныя затраты заключаются въ дѣйствительномъ усиліи рабочихъ, измѣряемомъ степенью получаемаго ими непріятнаго ощущенія, и разсматриваемомъ, какъ количество, т.-е. какъ «вредная» работа, съ точки зрѣнія индивидуальнаго сознанія рабочаго. Объективная же затрата должна обозначать производительную энергію, связанную съ этимъ усиліемъ и относимую для измѣренія къ какому-нибудь объективному критерію въ родѣ часовъ, тоннъ и т. д. Субъективная полезность будетъ представлять собою пріятное ощущеніе, получаемое потребителемъ при потребленіи и разсматриваемое какъ количество, т.-е., напр., количество удовольствія, получаемаго при ѣдѣ хлѣба или отъ сжиганія угля для теплоты. Объективная полезность будетъ измѣрять оказываемыя потребительными благами услуги какимъ-нибудь объективнымъ критеріемъ, т.-е., напр., способностью поддерживать жизнь или доставлять физическую силу, заключающуюся въ бушелѣ зернового хлѣба или дѣйствительною согрѣвающею силою, содержащеюся въ килограммѣ угля.

Подобное разграниченіе имѣетъ громадную важность для экономики. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ субъективныя затраты и субъективная полезность, связанныя съ производствомъ и потребленіемъ богатства очевидно представляютъ собою истинную мѣру экономическаго благополучія, какъ понимаются онѣ въ сознательныхъ оцѣнкахъ отдѣльныхъ ли лицъ, классовъ или обществъ, такъ равнымъ образомъ очевидно, что операціи дѣйствительнаго промышленнаго міра въ томъ видѣ, какъ онѣ выражены во многихъ оцѣнкахъ, имѣютъ прямое отношеніе лишь къ объективнымъ затратамъ и объективной полезности.

Теперь легко представить себѣ, что данное количество объективныхъ затратъ (издержекъ) можетъ быть отнесено къ безконечно расходящимся количествамъ субъективныхъ издержекъ

сообразно съ ихъ распредѣленіемъ. Данное количество рабочей силы предполагаетъ извѣстное количество непріятныхъ усилій, измѣняющееся: 1) съ характеромъ и условіями труда, т.-е. въ зависимости отъ того, однообразенъ ли онъ, напрягаетъ ли непрерывно одни и тѣ же мускулы и нервы, или разнообразенъ; въ зависимости отъ того, грозитъ ли онъ опасностью, болѣзнью или несчастною случайностью со стороны тѣхъ условій, среди которыхъ онъ совершается; 2) со способомъ его распредѣленія между рабочими, т.-е. въ зависимости отъ того, выпадаетъ ли онъ на долю сильныхъ мужчинъ или болѣе слабыхъ женщинъ и дѣтей, въ зависимости отъ длины или краткости рабочаго дня и т. д.

Соотвѣтственный анализъ полезности покажетъ, что данное количество объективной полезности, будучи выражено въ терминахъ субъективной полезности, будетъ варьировать неопредѣленно въ зависимости: 1) отъ характера и условій потребленія, для котораго предназначаются объективныя полезности, т.-е. въ зависимости отъ умѣнья и способовъ удовлетворенія потребностей со стороны дѣйствительныхъ потребителей; 2) въ зависимости отъ распредѣленія объективныхъ полезностей среди потребляющей публики, т.-е., напр., субъективная полезность пищи будетъ измѣняться отъ безконечности до нуля, смотря по тому, попадаетъ ли она въ руки голодающаго или хорошо упитаннаго человѣка.

Въ анализѣ этомъ, надо замѣтить, мы ничуть не отступаемъ отъ общепринятаго экономическаго критерія. Здѣсь мы не апеллируемъ къ какому-либо этическому или жизненному критерію цѣнностей, въ родѣ того, которымъ Рескинъ пытается замѣнить обыкновенныя рыночныя оцѣнки. Настоящій критерій основывается строго на томъ, что «есть», а не на томъ, что «должно» быть; за этотъ критерій приняты существующія сознательныя оцѣнки желательнаго и нежелательнаго со стороны работниковъ и потребителей.

Въ примѣненіи къ нашей теоріи цѣнности или экономическаго значенія благъ указанные термины можно расположить слѣдующимъ образомъ:

Субъективныя затраты.	Объективныя издержки.		Объективная полезность.	Субъективная полезность.
Измѣряемыя въ единицахъ нежелательности усилій.	Измѣряемыя часами или другими мѣрами продолжительности усилій.	Экономическое значеніе или цѣнность.	Измѣряемая способностью поддерживать жизненную энергію или доставлять механическ. силу, т.-е. единицами азотистыхъ веществъ или градусами температуры.	Измѣряемая единицами, выражающими степень желанія потребителей.

Профессоръ Смартъ (Value, стр. 6) даетъ къ этой таблицѣ удобную иллюстрацію изъ области производства и потребленія даннаго количества угля.

Субъективныя затраты.	Объективныя затраты.		Объективная полезность.	Субъективная полезность.
Доставляющій непріятныя ощущенія трудъ рудокоповъ.	Часовая работа на поднятіе угля.	Предложеніе угля.	Согрѣвающая способность.	Чувство удовлетворенія, получаемое отъ теплоты.

Дѣйствительность и плодотворность подобнаго различенія субъективной и объективной цѣнности можно хорошо иллюстрировать, показавъ на примѣрѣ, какъ она просто разрѣшаетъ одно затрудненіе, служащее камнемъ преткновенія для обыкновенной коммерческой точки зрѣнія на цѣнность. Возьмемъ случай предложенія продуктовъ: первая проданная ихъ порція идетъ на удовлетвореніе наиболѣе настоятельныхъ желаній потребителей; слѣдующая — на удовлетвореніе желаній, нѣсколько болѣе слабыхъ, и такъ далѣе; наконецъ, послѣдняя проданная порція удовлетворяетъ лишь самое слабое желаніе или, говоря обыкновеннымъ языкомъ, имѣетъ наименьшую полезность. А между тѣмъ всѣ проданныя порціи имѣютъ одну и ту же цѣнность и одну и ту же цѣну. Для лицъ, упорно считающихъ полезность сущностью цѣнности, трудно будетъ объяснить, почему, несмотря на уменьшающуюся полезность послѣдовательныхъ проданныхъ порцій благъ, цѣнность и цѣна той ихъ части, которая служитъ для удовлетворенія наиболѣе широкихъ потребностей, столь же велики, какъ цѣнность и цѣна благъ, доставляющихъ лишь одно только необходимое въ жизни.

Но наша схема, приравнивающая цѣнность экономическому значенію или важности благъ, показываетъ, что экономическое значеніе всѣхъ проданныхъ порцій предлагаемыхъ благъ одинаково. Въ самомъ дѣлѣ, по мѣрѣ того какъ уменьшается субъек-

тивная полезность, доставляемая потребленіемъ послѣднихъ порцій предлагаемыхъ благъ, субъективныя затраты на ихъ производство возрастаютъ. Вполнѣ правильно будетъ предположить, что первая порція потребленія, удовлетворяющая наиболѣе настоятельно ощущаемую потребность, будетъ устранять ту порцію предлагаемыхъ благъ, которая была бы изготовлена, даже если бъ не были изготовлены всѣ прочія — именно благодаря наибольшей легкости ея производства. Всякая слѣдующая порція предлагаемыхъ благъ удовлетворяетъ все болѣе слабую потребность, но производится она съ бо̀льшими затратами, а такъ какъ издержки производства играютъ ту же непосредственную роль въ опредѣленіи экономической важности или цѣнности штуки блага, какъ и полезность, то при уменьшеніи полезности не происходитъ пониженія цѣнности, потому что оно сопровождается соотвѣтственнымъ повышеніемъ издержекъ производства. Послѣдней порціи предлагаемыхъ благъ съ наименьшею субъективною полезностью соотвѣтствуютъ наивысшія субъективныя затраты.

Мы иллюстрировали это положеніе тѣмъ фактомъ, что послѣдняя бутылка вина на банкетѣ милліонера, доставляющая пьющимъ наименьшее удовольствіе, есть какъ разъ та бутылка, содержимое которой представляетъ собой продуктъ труда послѣдняго часа крайне утомленнаго производителя, т.-е. связано съ наивысшими субъективными затратами.

Такимъ образомъ, мы легко показали, что каждая отдѣльная единица предлагаемыхъ благъ, обладающая различною полезностью и связанная съ различными затратами по сравненію съ какой-нибудь другой единицей, обладаетъ однако же одинаковыми съ ней цѣнностью и полезностью.

Профессоръ Скоттъ, изъ Уисконсинскаго университета, въ письмѣ, гдѣ онъ обсуждаетъ сравнительную важность вліянія «человѣческихъ затратъ» и «человѣческихъ полезностей» на цѣнность, дѣлаетъ слѣдующія интересныя и правильныя замѣчанія касательно «плотности и эластичности среды при посредствѣ которой человѣческія затраты оказываютъ свое вліяніе на цѣнность». — «При современныхъ условіяхъ производства длинный путь лежитъ между затратой человѣческой энергіи и измѣненіями въ предложеніи благъ. Людьми, прино-

сящими такія жертвы (затрачивающими энергію), являются по большей части рабочіе и довольно часто измѣненіе спроса, связанное для нихъ съ большей жертвой, вовсе можетъ не быть связано съ большими затратами для человѣка, отъ дѣйствій котораго непосредственно зависятъ измѣненія въ предложеніи. Поэтому человѣческія затраты могутъ измѣняться, не производя никакихъ измѣненій въ предложеніи или цѣнности». Эта невозможность для человѣческихъ затратъ точно отражать свои измѣненія въ издержкахъ производства и вліять такимъ образомъ при посредствѣ предложенія на цѣнность, имѣетъ значительную практическую важность, и, когда я въ слѣдующей главѣ буду разбирать спеціальныя условія рабочаго рынка, причины этому факту станутъ очевидны.

Второе приложеніе къ главѣ III.

Общая теорія цѣнности Бёмъ-Баверка.

Тщательная попытка, сдѣланная Бёмъ-Баверкомъ въ его выдающемся произведеніи «Положительная теорія капитала»,—вывести всякую «цѣнность» изъ полезности предѣльныхъ или потребительныхъ благъ и опровергнуть теорію цѣнности, основанную на «издержкахъ», показавъ конечную зависимость издержекъ отъ полезности, заслуживаетъ особаго разсмотрѣнія. Остроумный, а подчасъ блестящій анализъ, съ помощью котораго онъ показалъ, какъ потокъ полезности растекается отъ потребительныхъ благъ во всѣхъ производительныхъ процессахъ по венамъ промышленности, и представилъ такимъ образомъ передъ своими читателями органическое единство всей промышленной системы, заставилъ многихъ принять его истолкованіе причинъ, создающихъ цѣнность, какъ результатъ строгаго и систематическаго разсужденія.—Но мы попробуемъ прослѣдить всѣ шаги Бёмъ-Баверка въ этомъ направленіи, исходя изъ его отождествленія «цѣнности» съ экономическою важностью или значеніемъ благъ и пользуясь, насколько возможно, его же изложеніемъ.

Простое отождественіе цѣнности со «значеніемъ» благъ еще не заключаетъ въ себѣ указаній на то, какимъ образомъ или поскольку «значеніе» блага происходитъ и зависитъ отъ

издержекъ его производства или отъ удовлетворенія, доставляемаго его потребленіемъ. Но не успѣлъ Бёмъ-Баверкъ принять терминъ «значеніе, важность (importance)» въ качествѣ синонима цѣнности, какъ онъ уже старается «направить» его въ сторону полезности. На стр. 138 мы читаемъ: «Если цѣнность блага есть его значеніе для человѣческаго благополучія, и если это «значеніе» указываетъ на то, что извѣстная часть нашего благополучія зависитъ отъ *нашего обладанія* благомъ, то ясно, что масса цѣнности благъ должна опредѣляться массой зависящаго отъ нея благополучія». Изъ этихъ словъ очевидно, что «значеніе» понимается уже въ смыслѣ качества благъ, достающагося ихъ обладателю, и что «благополучіе» разсматривается просто какъ слѣдствіе потребленія,—такъ что, когда на слѣдующей страницѣ снова ставится вопросъ: «что такое выгода для нашего благополучія, зависящая, при всякихъ данныхъ обстоятельствахъ, отъ блага», отвѣтъ, уже заключающійся въ самомъ вопросѣ, гласитъ: «полезность». Въ этомъ Бёмъ-Баверкъ, правда, открыто признается, объявляя, что «мѣра *полезности*, зависящая отъ блага, есть всюду и въ дѣйствительности мѣра цѣнности для этого блага». Такимъ образомъ «полезность» и «значеніе» блага сразу и ясно отождествляются.

Далѣе Бёмъ-Баверкъ отождествляетъ это «благополучіе» или «полезность» съ «удовлетвореніемъ потребности» и утверждаетъ, что масса благополучія», происходящаго отъ «блага», опредѣляется изъ отвѣта на слѣдующіе два вопроса: «первый, *какая* изъ двухъ или болѣе потребностей находится въ зависимости отъ этого блага? и второй, какова *настоятельность* зависящей отъ него потребности или ея удовлетворенія?» (стр. 140). Можетъ придти въ голову, что самое употребленіе имъ слова «настоятельность» (которое при объясненіи въ сущности даетъ понятіе, уже заключающееся первоначально въ терминѣ «значеніе») могло бы навести Бёмъ-Баверка на мысль, не можетъ ли «настоятельная необходимость» обладанія какимъ-нибудь особымъ благомъ въ той же мѣрѣ зависѣть отъ издержекъ на полученіе способнаго его замѣнить блага, какъ и отъ интенсивности желанія потребителя. Но пока «значеніе» блага въ глазахъ Бёмъ-Баверка имѣетъ исключительно отношеніе къ удовлетворенію потребности въ потребленіи, и онъ переходитъ

къ тщательному и весьма важному анализу родовъ потребности, съ одной стороны, и степеней потребностей—съ другой. На этомъ-то базисѣ онъ уже развиваетъ и иллюстрируетъ теорію предѣльной полезности по отношенію къ различнымъ видамъ и количествамъ потребительныхъ благъ.

Затѣмъ, довольно-таки странно, уже отождествивъ полезность съ цѣнностью и «значеніемъ» благъ и взявъ уже предѣльную полезность въ качествѣ критерія, авторъ нашъ снова смѣшиваетъ все вмѣстѣ, ставя вопросъ: «чѣмъ опредѣляется предѣльная полезность?» И вотъ на нѣкоторое короткое время оказывается, что «значеніе» (или цѣнность) блага вовсе не идентичны, какъ это только что утверждалось, съ ихъ полезностью въ потребленіи. Напротивъ того, шестая глава начинается здравымъ установленіемъ закона цѣнности, который правиленъ по существу, хотя и сформулированъ не совсѣмъ ясно и опредѣленно.

«Полезность и рѣдкость благъ суть конечныя опредѣляющія причины цѣнности благъ». Такимъ образомъ рѣдкость благъ не только выхватывается изъ части уравненія, относящейся къ предложенію, въ качествѣ опредѣляющаго момента цѣнности, независимаго отъ полезности, но превращается даже въ опредѣляющій моментъ самой «предѣльной полезности», такъ какъ «именно рѣдкость благъ рѣшаетъ, до какой степени дѣйствительно поднимается предѣльная полезность въ какомъ-нибудь конкретномъ случаѣ» (стр. 160).

А такъ какъ «конкретные случаи» и суть какъ разъ тѣ, къ которымъ должна примѣняться теорія цѣнности, то Бёмъ-Баверка рѣшительно можно считать охваченнымъ маніей самоубійства, когда онъ «предѣльную полезность» выдаетъ головой «рѣдкости» благъ. Вѣдь «рѣдкость», по крайней мѣрѣ по отношенію къ большинству благъ, зависитъ отъ предѣльныхъ издержекъ производства, и поэтому оказывается, что въ этихъ случаяхъ предѣльныя издержки будутъ опредѣлять предѣльную полезность. Здѣсь мы замѣчаемъ, что Бёмъ-Баверкъ покинулъ свою первоначальную позицію аналогично тому, какъ раньше него сдѣлалъ это профессоръ Джевонсъ. Это вовсе не случайный lapsus calami, такъ какъ дальше нашъ писатель развиваетъ теорію, въ которой, хотя за «рѣдкостью» и не сохраняется только

что приписанное ей доминирующее положеніе, но равнымъ образомъ отвергается для настоящаго времени и господство предѣльной полезности. Намъ говорятъ теперь, что «высота предѣльной полезности опредѣляется отношеніями между потребностями и запасами благъ» (стр. 160) [1]).

Но, хотя Бёмъ-Баверкъ въ подстрочномъ примѣчаніи заходитъ такъ далеко, что провозглашаетъ здравую теорію цѣнности, утверждая, что «отношеніе между потребностями и запасомъ благъ есть конечный всеобщій опредѣляющій моментъ цѣнности благъ» (стр. 160), онъ не даетъ анализа понятій «рѣдкости» и «запаса», которымъ онъ приписываетъ такую важную роль, и не намѣчаетъ связи между ними и «издержками». Напротивъ того, въ слѣдующихъ главахъ, VII, VIII и IX, онъ снова возвращается къ своей теоріи опредѣленія цѣны предѣльною полезностью, словно онъ ни на минуту не покидалъ ея. Но не ранѣе X главы приходится ему сталкиваться съ «издержками». Скоро становится очевиднымъ, что и здѣсь ему суждено прибѣгнуть къ тому же бездоказательному методу, съ помощью котораго онъ «значеніе» благъ первоначально отождествилъ съ ихъ полезностью. Изслѣдовать намъ собственно приходится «цѣнность» производственныхъ благъ такъ какъ «издержки», по мнѣнію адептовъ теоріи «издержекъ», доминирующія надъ цѣнностью, выражаются и заключаются въ производственнныхъ благахъ. И вотъ, вмѣсто того чтобы доказать, что «цѣнность» производственныхъ благъ, подобно цѣнности благъ потребительныхъ, производится отъ полезности, Бёмъ-Баверкъ просто утверждаетъ этотъ фактъ какъ «самъ собою очевидный». «Съ точки зрѣнія нашего представленія о цѣнности должно быть само собою очевидно, что производственное благо, какъ и всякое другое

---

[1]) „Классическіе экономисты,—замѣчаетъ Дитцель, — имѣютъ нѣкоторое основаніе для неудовольствія по поводу того, что имъ послѣ длиннаго ряда изслѣдованій былъ представленъ законъ „предѣльной полезности“, который въ концѣ-концовъ оказался хорошо всѣмъ извѣстнымъ „закономъ спроса и предложенія“. „Цѣнность блага зависитъ отъ массы его „предѣльной полезности“, послѣдняя же—отъ отношенія между потребностями и запасомъ благъ—говоритъ Бёмъ;—другіе съ своей формулой, что цѣна зависитъ отъ отношенія между спросомъ (потребностью, нуждой) и предложеніемъ (запасомъ благъ), приходятъ къ тому же результату“. (Jahrbücher für National-Oekonomie, Neue Folge, Bb. XX, стр. 570.)

благо, можетъ получить для насъ цѣнность лишь при признаніи съ нашей стороны того, что отъ обладанія или необладанія имъ зависитъ пріобрѣтеніе или потеря нами какой-либо полезности, возможности удовлетворенія какой-либо потребности. Равнымъ образомъ очевидно само собою, что цѣнность его будетъ высока, когда зависящее отъ него удовлетвореніе потребности представляетъ для насъ важность,—и низка, когда оно для насъ не важно. Единственная разница заключается лишь въ томъ, что въ случаѣ благъ, производимыхъ для немедленнаго потребленія, благо и удовлетвореніе потребности стоятъ въ прямомъ причинномъ отношеніи, тогда какъ въ случаѣ благъ производственныхъ между ними и удовлетвореніемъ зависящихъ отъ нихъ въ конечномъ счетѣ потребностей находятся болѣе или менѣе длинные ряды промежуточныхъ членовъ, ихъ послѣдовательныхъ продуктовъ» (стр. 181).

Затѣмъ старательно и подробно иллюстрируется способъ, какимъ полезность потребительныхъ благъ отражается обратно на благахъ производительныхъ и составляетъ ихъ цѣнность. «Цѣнность каждой группы непосредственно измѣряется цѣнностью ея продуктовъ, т.-е. послѣдующей группы» (стр. 182). Такимъ образомъ «отъ одной стадіи производственнаго процесса до другой названіе опредѣляющаго элемента цѣнности мѣняется, но подъ разными названіями дѣйствуетъ постоянно одинъ и тотъ же факторъ — предѣльная полезность окончательнаго продукта» (стр. 183). Теперь мы имѣемъ передъ собой совершенно цѣльную и понятную теорію, въ которой всѣ притязанія со стороны «издержекъ» на опредѣленіе цѣнности исчезаютъ (хотя позже они снова возродятся по поводу одного «особаго случая» цѣнности). Аргументы мы можемъ выразить собственными же словами Бёмъ-Баверка. «Издержки суть не что иное, какъ комплексъ тѣхъ производительныхъ благъ, которыя имѣютъ цѣнность—трудъ, конкретный капиталъ и т. д.—и которыя должны быть затрачены на производство продукта» (стр. 183).

«Сумма этихъ благъ, ихъ («средствъ производства», а слѣдовательно, и издержекъ) обычная цѣнность, регулируется прежде всего суммой предѣльной полезности ихъ окончательнаго продукта» (стр. 182). «Вообще говоря, цѣнность производительной единицы приспособляется къ предѣльной полезности и цѣнно-

сти продукта, обладающаго наименьшею предѣльною полезностью среди всѣхъ продуктовъ, для производства которыхъ эта единица экономически могла бы быть употреблена (стр. 186). Здѣсь мы имѣемъ совершенно послѣдовательное изложеніе ученія о предѣльной полезности, какъ окончательномъ опредѣляющемъ моментъ цѣнности всѣхъ производительныхъ благъ. Но что же стало съ «рѣдкостью», занимавшей прежде въ теоріи такое важное мѣсто, и куда исчезло взаимное отношеніе «потребностей и запасовъ» благъ?

Избавиться отъ «издержекъ» производства, превративъ ихъ въ «производственныя блага» [1]), и затѣмъ объявить само собой очевиднымъ, что цѣнность производственныхъ благъ зависитъ отъ предѣльной полезности потребительныхъ благъ, для производства которыхъ они назначены,—признаюсь, это одна изъ самыхъ смѣлыхъ petitiones principii, какія только мнѣ приходилось встрѣчать въ лѣтописяхъ нелогичностей. Строгій читатель во всякомъ случаѣ напомнитъ Бёмъ-Баверку о «рѣдкости» и «запасѣ» благъ, факторахъ, опредѣляющихъ, по допущенію автора, ту самую предѣльную полезность потребительныхъ, благъ, которую онъ теперь старается сдѣлать сущностью и конечною цѣлью экономической дѣятельности.

Если онъ имѣетъ въ виду оставить въ силѣ своей аргументъ, заключающійся въ главѣ подъ заглавіемъ: «Чѣмъ опредѣляется предѣльная полезность», то мы должны требовать устраненія тамъ же имѣющагося утвержденія, «что именно рѣдкость благъ рѣшаетъ, до какой степени доходитъ дѣйствительно предѣльная полезность въ конкретномъ случаѣ», и связаннаго съ нимъ, хотя и непослѣдовательно допущенія, что «высота предѣльной полезности опредѣляется отношеніями между потребностями и запасами благъ», и должны настаивать на необходимости изслѣдованія вліянія «издержекъ» на рѣдкость благъ и ихъ запасы.

Если рѣдкость благъ есть непосредственный опредѣляющій

---

[1]) Дитцель правильно замѣчаетъ, что „если бы теоретики предѣльной полезности посвятили свое вниманіе разсмотрѣнію „значенія производства“, а не значенія обладанія предложеніемъ, они не могли бы такъ сфальсифицировать необходимое отношеніе между цѣнностью продукта и цѣнностью производственныхъ благъ, составляющихъ издержки (Jahrbücher für Nat.-Oekonomie, N. F., Bd. XX, стр. 580).

моментъ предѣльной полезности, а слѣдовательно, и цѣнности въ благахъ потребительныхъ, то она должна быть также и опредѣляющимъ моментомъ цѣнности благъ производственныхъ и не въ качествѣ только отраженной, такъ сказать, рѣдкости потребительныхъ благъ, но особой самостоятельной рѣдкостью каждой предлагаемой порціи производственныхъ благъ. Едва ли можно утверждать въ самомъ дѣлѣ, что рѣдкость каминныхъ приборовъ вліяетъ на цѣнность желѣзной руды, но что рѣдкость самого желѣзняка не вліяетъ на его цѣнность. Если отношеніе между потребностями и запасомъ благъ, или, говоря обычнымъ языкомъ, между спросомъ и предложеніемъ, опредѣляетъ предѣльную полезность и цѣнность въ потребительныхъ благахъ, какъ утверждаетъ это Бёмъ-Баверкъ, то крайне неразумно заявлять, что отношеніе тѣхъ же самыхъ силъ не вліяетъ на цѣнность благъ производственныхъ. Было бы вопіющимъ противорѣчіемъ утверждать, что цѣнность потребительныхъ благъ опредѣляется не предѣльною полезностью, но отношеніями между «потребностями и запасами благъ» и что цѣнность всѣхъ промежуточныхъ благъ опредѣляется предѣльною полезностью благъ потребительныхъ. Правда, открыто Бёмъ-Баверкъ не говоритъ этого, но изъ его же собственныхъ словъ можно вывести подобное заключеніе.

Все недоразумѣніе возникаетъ отъ его нежеланія анализировать «рѣдкость» благъ, послѣ того какъ онъ объявилъ, что она опредѣляетъ «предѣльную полезность» въ «конкретномъ случаѣ». Произведи онъ этотъ анализъ, онъ не могъ бы не допустить, что «издержки» являются непосредственнымъ опредѣляющимъ моментомъ «рѣдкости» для большинства классовъ благъ На первыхъ страницахъ X главы мы встрѣчаемся съ частичнымъ возстановленіемъ значенія «издержекъ» въ качествѣ «регулятора» цѣнности. Но даже здѣсь, гдѣ вполнѣ допускается законъ издержекъ, «издержки являются не конечною а лишь посредствующею причиной цѣнности. Въ послѣднемъ счетѣ онѣ придаютъ цѣнность продукту, но сами получаютъ ее отъ него (стр. 185)». Примѣръ, приводимый для уясненія этого положенія, представляетъ собой, быть можетъ наиболѣе убѣдительное доказательство той petitio principii, въ которую впалъ, по-моему, Бёмъ-Баверкъ при своемъ первоначальномъ догматическомъ отождест-

вленіи «значенія» благъ съ ихъ «полезностью».—«Никто не станетъ отрицать, что токайское вино цѣнится не потому, что существуютъ токайскіе виноградники, а что токайскіе виноградники цѣнятся оттого, что токайское вино обладаетъ высокою цѣнностью, или что цѣнность ртутнаго рудника зависитъ отъ цѣнности ртути, цѣнность пшеничнаго поля отъ цѣнности пшеницы, цѣнность кирпичной печи отъ цѣнности кирпичей, а не обратно (стр. 189)». Напротивъ того, какъ разъ это и отрицали всегда большинство мыслящихъ экономистовъ; даже соглашаясь, что полезность токайскихъ виноградниковъ зависитъ отъ полезности токайскаго вина, они отказываются сдѣлать допущеніе, что цѣнность тождественна съ полезностью, и склонны утверждать, что «высокая цѣнность» самого токайскаго вина отчасти опредѣляется ограниченнымъ количествомъ токайскихъ виноградниковъ. А это Бёмъ-Баверкъ допустилъ, когда (160 стр.) предѣльную полезность ставилъ въ зависимость отъ «рѣдкости» благъ. Какую роль въ случаѣ съ токайскими виноградниками играетъ естественная рѣдкость благъ, ту же «издержки» играютъ въ случаѣ благъ свободно произведенныхъ. Бёмъ-Баверкъ правъ, заявляя, что «издержки представляютъ не конечную, но посредствующую причину цѣнности». Но экономическія проблемы цѣнности касаются именно посредствующихъ или производящихъ, а не конечныхъ причинъ. Мы по всей линіи можемъ сдѣлать уступку Бёмъ-Баверку относительно роли полезности, какъ конечной причины, но мы утверждаемъ, что отношенія между издержками (или рѣдкостью) благъ и полезностью представляютъ именно то, что экономисты считаютъ «причинами» цѣнности.

ГЛАВА IV.

Законъ ренты, какъ основаніе координаціи факторовъ производства.

Часть I.

§ 1. При выясненіи способа установленія цѣны благъ, мы узнали практически, какъ устанавливается мѣновое отношеніе между однимъ классомъ благъ и какимъ-либо другимъ. Можно допустить, что продажа благъ за деньги есть лишь половина

акта обмѣна; онъ становится законченнымъ только тогда, когда полученныя за благо деньги вновь истрачены при покупкѣ и когда такимъ образомъ блага обмѣнены на блага.

Но чтобы полнѣе понять природу этого акта, мы должны разсматривать всякіе два обмѣниваемые товара (commodity), какъ комплексы различныхъ количествъ факторовъ производства, вошедшихъ въ ихъ составъ на различныхъ стадіяхъ процесса производства.

Сдѣлка по продажѣ или обмѣнѣ уже готовыхъ продуктовъ будетъ зависѣть, поскольку дѣло касается предложенія, отъ условій предшествовавшихъ сдѣлокъ относительно пользованія различными видами и количествами земли, капитала и рабочей силы. Насколько же нашъ анализъ рыночной цѣны (и цѣнности) товаровъ примѣнимъ также къ сдѣлкамъ по продажѣ пользованія этими факторами? — Рыночная цѣна продуктовъ заключала въ себѣ, сверхъ мѣры предѣльныхъ издержекъ или предѣльной полезности, нѣкоторый остатокъ «вынужденной прибыли (forced gain)», и такимъ образомъ цѣлый рядъ дифференціальныхъ прибылей доставался на долю болѣе сильныхъ продавцовъ и покупателей, по сравненію съ предѣльными покупателемъ и продавцомъ.

§ 2. Примѣнимы ли тѣ же условія при покупкѣ права пользованія факторами производства? Если мы станемъ разсматривать наемъ факторовъ производства какъ равносильный съ продажей права пользованія ими, то мы очутимся лицомъ къ лицу съ необходимостью изслѣдовать рынокъ для продажи правъ пользованія различными предметами предложенія землей, трудомъ и капиталомъ.

Рынки эти въ одномъ отношеніи кореннымъ образомъ отличаются отъ рынка простыхъ товаровъ, именно — въ способѣ измѣренія предложенія. Въ случаѣ коннаго или какого-либо другого рынка для благъ мы въ цѣляхъ торга предполагали предложеніе состоящимъ изъ нѣкотораго числа единицъ равнаго количества и качества. Тамъ, гдѣ предлагаемая на рынкѣ масса пшеницы или шерсти состоитъ изъ различныхъ качествъ или сортовъ, въ теоріи, а обыкновенно и на практикѣ, мы разсматриваемъ эти массы какъ состоящія изъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ частей или порцій, подлежащихъ каждая осо-

бой продажѣ. На такомъ рынкѣ наши дифференціальныя прибыли опредѣлялись различными оцѣнками, производимыми покупателями или продавцами относительно товаровъ, которые они считали совершенно тождественными по размѣрамъ и качеству. Между тѣмъ на рынкѣ для продажи труда и пользованія землей не происходитъ формальнаго приведенія предложенія къ одинаковымъ единицамъ. Хотя реальный объектъ продажи есть количество производительной силы, воплощенной въ землѣ или рабочихъ, но номинально покупается и продается не эта сила, а право пользованія столькими-то акрами земли или столькими-то рабочими, при чемъ каждый изъ нихъ обладаетъ неопредѣленно бо̀льшимъ или меньшимъ количествомъ производительной силы. Но, хотя ведущія торгъ лица говорятъ объ акрахъ и рабочихъ, реальнымъ объектомъ ихъ сдѣлки является пользованіе силами земли и силами труда, и при продажѣ и покупкѣ они постоянно приводятъ акры и рабочихъ къ единицамъ производительной силы. Неудобство этого способа измѣренія труда и земли и необходимость найти какой-нибудь критерій, къ которому можно было бы относить количество производительной силы, заключающейся въ акрѣ земли или въ рабочемъ, подали поводъ къ установленію градацій этихъ факторовъ производства, сыгравшему значительную роль въ экономической теоріи. Въ частности эти же обстоятельства подали поводъ къ возникновенію обыкновенія брать наименѣе производительную землю и трудъ въ качествѣ нормы для сравненія (standart of reference) и вычислять производительность лучшей земли и труда по сравненію съ ними. Такимъ образомъ, считается что при предложеніи лучшая земля или лучшій трудъ получаютъ дифференціальную прибыль или ренту, измѣряющую превосходство ихъ производительной силы надъ производительной силой худшей земли и худшаго труда. Если акръ худшей эксплоатируемой земли содержитъ въ себѣ 4 единицы производительности (4 units of land-use), то акръ лучшей земли, содержащій 8 единицъ, имѣетъ дифференціальную ренту въ 4 единицы. Весьма важно замѣтить, что эти дифференціальныя ренты ни въ какомъ смыслѣ не эквивалентны дифференціальнымъ прибылямъ, получающимся на товарномъ рынкѣ. Послѣднія представляютъ собою различныя оцѣнки, даваемыя различными продавцами и покупателями *однороднымъ*,

объективнымъ количествамъ, между тѣмъ какъ первыя представляютъ оцѣнки *различныхъ* объективныхъ количествъ. Чтобы свести къ одному знаменателю продажу факторовъ производства и продажу простыхъ благъ, необходимо будетъ устранить эти объективныя различія, основанныя на обычныхъ способахъ измѣренія, принятыхъ для вмѣстилищъ производительной силы (т.-е. земли и труда).

Но экономическая теорія оказалась вынужденной ради многихъ цѣлей прибѣгнуть къ условнымъ способамъ измѣренія производительной силы и вывела отсюда извѣстные законы, играющіе важную роль въ теоріи распредѣленія; поэтому, пока мы не открыли еще способа общаго измѣренія факторовъ производства, какого требуетъ всякая удовлетворительная теорія распредѣленія, мы примемъ ходячій способъ измѣренія земли ея поверхностью, измѣренія труда рабочаго — часами и недѣлями, а капитала — его денежною цѣнностью въ фунтахъ стерлинговъ.

Общая тенденція экономической науки, особенно въ Англіи, сводилась къ тому, чтобы слить воедино и ассимилировать теорію продажи правъ пользованія капиталомъ и рабочей силой съ теоріей продажи обыкновенныхъ благъ, но совершенно выдѣлить и обособить продажу правъ пользованія землей (land-use), какъ подчиняющуюся совершенно инымъ экономическимъ законамъ.

Я предлагаю подвести продажу факторовъ производства подъ общіе законы цѣнности и цѣны, обнаруженные при изслѣдованіи купли-продажи (bergaining) товаровъ.

Для этой цѣли необходимо: 1) координировать три указанные фактора по отношенію къ условіямъ, регулирующимъ ихъ цѣны; 2) показать, что продажа ихъ, какъ экономическій процессъ, тождественна съ продажей товаровъ.

Къ первой изъ этихъ задачъ наиболѣе удобно подойти путемъ изслѣдованія, въ какой степени является основательнымъ стремленіе установить отдѣльный законъ, опредѣляющій земельную ренту.

Эту сепаратистскую доктрину можно сформулировать такимъ образомъ. Основное положеніе Рикардо, на которомъ все еще она зиждется, заключается въ томъ, что пользованіе землей есть пользованіе извѣстными «первоначальными и неразрушимыми свойствами почвы», извѣстными прочными и неизмѣнными ко-

личествами земли даннаго плодородія и положенія; что человѣческія усилія не могутъ ни увеличить, ни уменьшить естественныхъ богатствъ. Такимъ образомъ, между тѣмъ какъ цѣна за право пользованія капиталомъ и трудомъ можетъ быть установлена конкурренціей и сдѣлками, основанными на желаніи отдѣльныхъ торгующихся лицъ увеличить или уменьшить дѣйствительное предложеніе, цѣна за право пользованія землей будетъ непосредственно опредѣляться обстоятельствами, имѣющими отношеніе не къ землѣ, но къ производительности капитала и труда въ тѣхъ производствахъ, въ которыя пользованіе землей входитъ въ качествѣ необходимаго элемента. Другими словами, рента есть излишекъ, такъ какъ за пользованіе землей берется остатокъ, получающійся послѣ того, какъ человѣческія усилія и жертвы были вознаграждены по цѣнѣ, установленной конкурренціей.

§ 3. Объектомъ нашего анализа служитъ установленіе цѣны; поэтому для насъ весьма полезно будетъ разслѣдовать основательность подобнаго рода отдѣльнаго изученія вопроса о пользованіи землею и разобрать аргументы, приводимые въ пользу той теоріи, что земельная рента не является составною частью цѣны, «не входитъ въ цѣну въ качествѣ составного элемента» и не содѣйствуетъ установленію цѣнъ.

Два ряда аргументовъ приводились въ защиту указаннаго положенія: первый касается экстенсивной культуры, границей которой являются наихудшіе участки эксплоатируемой земли; второй касается культуры интенсивной, и границей (margin) здѣсь является наихудшая подвергающаяся эксплоатаціи производительная сила, заключающаяся въ отдѣльномъ участкѣ земли.

Два этихъ аргумента какъ взаимно другъ съ другомъ логически связанные приводятся часто для доказательства одного и того же положенія. Я постараюсь показать, что это не такъ.

Съ первымъ аргументомъ мы хорошо знакомы изъ Рикардо, изъ II главы его «Политической экономіи». Надо предположить, что различныя количества земли входятъ постепенно въ область культуры для доставленія одного продукта: худшая (marginal) земля, находящаяся въ пользованіи въ любое время, не будетъ давать ренты; продуктъ, полученный съ этого участка земли

при наибольшей затратѣ труда и капитала на единицу продукта, будетъ «регуляторомъ» цѣны всей массы предлагаемыхъ на рынкѣ продуктовъ. Такъ какъ на ренту не идетъ никакой доли цѣнности продукта съ этого худшаго участка земли, то «рента не есть составная часть цѣны товаровъ». Рикардо предоставляетъ своимъ читателямъ выводить заключеніе, что такъ какъ даже самыя худшія качества труда и количество капитала, занятыя въ производствѣ, доставляютъ нѣкоторую плату и процентъ ихъ собственникамъ, то заработная плата и процентъ должны всегда входить въ цѣну товаровъ въ качествѣ ея составныхъ частей.—Разсужденіе это, поскольку оно касается дифференціальныхъ рентъ, измѣряющихъ превосходство какихъ-либо особенныхъ земель надъ худшимъ участкомъ, конечно, неопровержимо. Но утвержденіе, что граница культуры (margin of cultivation) необходимо состоитъ изъ земель, не приносящихъ ренты, высказано было еще Адамомъ Смитомъ и потомъ уже многочисленными писателями послѣ Рикардо. Совершенно нѣтъ надобности прибѣгать къ историческимъ аргументамъ, какъ это дѣлали Кэри и другіе, для доказательства, что расширеніе границы культуры не необходимо идетъ. и шло въ дѣйствительности отъ лучшихъ земель къ худшимъ. Подобные аргументы грѣшатъ тѣмъ, что игнорируютъ роль, какую положеніе земли по отношенію къ рынку играетъ въ опредѣленіи хорошихъ или дурныхъ качествъ земли.

Утвержденіе, что экстенсивный маргинальный участокъ земли необходимо не приноситъ ренты, происходитъ отъ ошибочнаго упрощенія вопроса, допускаемаго Рикардо при разрѣшеніи проблемы. Если всю землю разсматривать, какъ доставляющую только единственный продуктъ—пшеницу—и если земли оказывается болѣе, чѣмъ нужно, причемъ нѣкоторые ея участки бываютъ очень немногимъ худшаго качества, чѣмъ наихудшая земля, уже эксплоатируемая, то наихудшими участками будутъ участки, не приносящіе ренты.

Но ни одно изъ этихъ предположеній не оправдывается вполнѣ.—Если предположить, что вслѣдствіе прироста населенія и увеличенія спроса на пшеницу въ сферу культуры вводятся всѣ имѣющіеся налицо и могущіе быть использованными участки земли, то даже самая худшая земля, уже эксплоатируемая, мо-

жетъ или должна приносить дѣйствительную ренту. Конечно, это будетъ не дифференціальная рента, но вынужденная или обусловленная рѣдкостью и опредѣляемая въ своемъ повышеніи лишь давленіемъ потребности въ землѣ, и выражающая собою лишь превосходство экономически болѣе сильнаго участника изъ двухъ договаривающихся лицъ, окончательно устанавливающихъ рыночную цѣну [1]). Подобную вынужденную ренту, очевидно, будутъ причислять къ издержкамъ, связаннымъ съ производствомъ всего количества доставляемой на рынокъ пшеницы, и она будетъ входить въ составъ цѣнъ. Но подобный случай можно считать лежащимъ внѣ сферы практической экономики для страны, стоящей въ открытыхъ торговыхъ отношеніяхъ съ міровымъ земельнымъ рынкомъ (world supply of land).

Больше всего ослабляетъ теорію Рикардо тотъ фактъ, что большинство находящихся въ пользованіи земель могутъ одинаково имѣть то различное употребленіе, то могутъ доставлять нѣсколько различныхъ продуктовъ.

Хотя худшая, находящаяся подъ пастбищами, земля можетъ не приносить ренты, но въ то же время худшая, находящаяся подъ пшеницей можетъ болѣе подходить для пастбищъ, чѣмъ первая; въ этомъ случаѣ послѣднюю можно употребить для пшеничной культуры, заплативъ немного больше ея дифференціальной ренты, которую даетъ она при употребленіи ея подъ пастбище; такая рента для худшей производящей пшеницу земли будетъ рентой положительной и войдетъ въ составъ цѣны пшеницы; далѣе худшая садовая земля, конкуррирующая съ другими на данномъ рынкѣ, можетъ быть достаточно хорошей землей для пшеницы, а разъ это такъ, то рента, которую она даетъ, составляетъ предѣльную ренту для садовой земли на рынкѣ. Такимъ образомъ, восходя къ высшимъ и болѣе спеціальнымъ случаямъ эксплоатаціи земли, мы найдемъ, что дифференціальныя ренты должны измѣряться не по сравненію съ пре-

---

[1]) Экономисты часто называютъ подобную ренту, вызываемую рѣдкостью предмета, „монопольной“; однако, хотя у этой ренты и есть нѣкоторая аналогія съ монополіей или „рынкомъ изъ одного человѣка“ (one-man market), вслѣдствіе диктаторскаго значенія собственниковъ крайнихъ участковъ, ее лучше всего называть рентой рѣдкостности (scarcity rent.) или вынужденною прибылью (forced gain).

дѣльными участками, не дающими ренты, но по сравненію съ минимальной видовой рентой все высшаго и высшаго порядка, пока мы не перейдемъ, наконецъ, къ городской землѣ, оцѣниваемой, начиная съ минимума, превосходящаго ренту, которую могла бы дать земля эта, будучи употреблена наиболѣе производительнымъ образомъ въ земледѣліи. — Прилагаемая схема можетъ служить иллюстраціей. Предположимъ, что городъ А лежитъ въ срединѣ плодородной равнины и окруженъ поясами земли, предназначенной для различныхъ видовъ эксплоатаціи. Крайній поясъ Е представляетъ собой невоздѣланныя пастбища, улучшающіяся по качеству и по положенію по мѣрѣ приближенія къ D, такъ что, въ то время какъ внѣшняя полоса пояса Е не приноситъ ренты, по мѣрѣ приближенія къ кругу D, постепенно возникаетъ дифференціальная рента. Аналогично предположимъ, что поясъ земли между D и C служитъ для культуры зерновыхъ хлѣбовъ, при чемъ самые худшіе участки находятся въ D, а съ приближеніемъ къ C качество земли улучшается. Если худшая земля въ D, находящаяся подъ зерновыми хлѣбами, для пастбищъ окажется равноцѣнной съ луговой землей между D и E, то при пользованіи ею для культуры зерновыхъ хлѣбовъ она будетъ давать ренту одинаковую или нѣсколько высшую, чѣмъ дифференціальная луговая рента земли между D и E. Такимъ образомъ мы найдемъ, что предѣльный участокъ земли подъ культурой зернового хлѣба будетъ приносить положительную ренту и дифференціальныя ренты за зерновой хлѣбъ будутъ насчитываться на эту предѣльную ренту. Далѣе, приближаясь къ городу и пересѣкая кругъ C, мы приходимъ къ поясу земли, утилизируемой для промышленнаго садоводства и улучшающейся по качеству и по положенію съ приближеніемъ къ окружности B. Если худшіе участки этой садовой земли въ C могутъ быть утилизируемы какъ пахотная земля средняго качества, что предѣльная садовая земля будетъ приносить ренту одинаковую съ крайней рентой пахотной земли и съ дифференціальной рентой для пахотныхъ земель средняго качества. Точно такъ же худшая земля слѣдующаго пояса B въ качествѣ пригодной будетъ приносить еще высшую предѣльную ренту, вслѣдствіе того что худшая подгородняя земля въ B можетъ дать высокую дифференціальную ренту, если ее утилизи-

ровать для промышленнаго садоводства. Наконецъ, когда мы достигаемъ А, самого города, то худшая городская земля можетъ давать болѣе высокую ренту, чѣмъ крайняя пригородняя земля [1]).

Ради простоты я предполагалъ, что крайняя предѣльная рента непосредственно и точно установляется одинаковою возможностью употребленія худшей находящейся подъ культурой земли для разныхъ видовъ эксплоатаціи. Но, конечно, это вовсе не необходимо. Вовсе не необходимо, чтобы худшіе участки земли могли быть использованы разнымъ способомъ; въ этомъ положеніи могутъ находиться какіе-нибудь лучшіе участки земли, приносящіе какъ дифференціальную, такъ и предѣльную (marginal) ренту. Худшая земля подъ пшеницей можетъ дать предѣльную ренту въ 20 шиллинговъ на акръ; участки высшаго качества той же земли могутъ дать высшія ренты до 40 шиллинговъ. Предположимъ, что нѣкоторые участки земли съ рентой въ 30 шилл. употребляются для какихъ-нибудь другихъ цѣлей, при чемъ въ этомъ случаѣ даютъ лишь 29 шилл. ренты; очевидно, предѣльная рента будетъ установляться этими участками; на нихъ должно затратить 30 шилл., чтобы заставить ихъ производить пшеницу, и 20 шилл., идущіе на худшую землю, служатъ мѣрой болѣе низкой степени ея производящей силы по сравненію съ землей, дающей 30 шилл. Возможно, что земля въ 20 шилл. могла бы продолжать производить пшеницу, несмотря на незначительность ренты;

---

[1]) Разсужденіе это, ставящее „предѣльныя ренты“ (marginal rents) въ зависимость отъ „разныхъ одинаково возможныхъ способовъ эксплоатаціи“ земли, неправильно, повидимому, склоняется къ той теоріи, что „предѣльная полезность“ опредѣляетъ цѣнности. Теорія предѣльной полезности можетъ ясно иллюстрировать измѣненія цѣнностей въ связи съ различными способами эксплоатаціи. Но, съ другой стороны, подобною же иллюстраціей могутъ явиться и естественныя измѣненія, находящіяся въ зависимости отъ рѣдкости предлагаемыхъ благъ. Различіе оцѣнки земель, эксплоатируемыхъ разнообразными способами, можетъ быть объяснено или различіемъ химическихъ и другихъ свойствъ почвы (при данной интенсивности различныхъ потребностей), или ростомъ и интенсивностью различныхъ человѣческихъ потребностей (при разнообразіи качествъ почвы). При правильномъ же объясненіи, цѣнность „различныхъ способовъ пользованія землей“ надо поставить въ прямую зависимость отъ отношенія между естественными качествами почвы и человѣческими потребностями. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, „предѣльную полезность“ можно разсматривать, какъ конечную причину цѣнности, но не какъ единственную производящую причину.

рента ея непосредственно опредѣляется издержками, необходимыми для того, чтобы удержать въ составѣ предложенія пшеничной земли высшую землю, рентирующуюся въ 30 шилл.

Въ этомъ случаѣ на рынкѣ для продажи производительной силы земли со стороны предложенія цѣну непосредственно будетъ опредѣлять земля съ рентой въ 30 шилл., а не въ 20. Въ анализѣ ренты Рикардо неправильно подчеркивалось значеніе худшей земли, входящей въ составъ предложенія такъ называемой границы (margin) культуры. Весьма важно вполнѣ понять, что эта граница не имѣетъ никакого особаго значенія за исключеніемъ того, что даетъ удобную мѣру для подсчета уже готовыхъ, данныхъ дифференціальныхъ рентъ; она не имѣетъ значенія въ качествѣ опредѣляющаго момента. Цѣну со стороны предложенія опредѣляетъ земля, которая можетъ быть, но можетъ и не быть предѣльной, если она употребляется то для тѣхъ, то для другихъ цѣлей; она опредѣляетъ не только цѣну, но и все, что касается этихъ предѣльныхъ земель.

Это ясно можно показать при ближайшемъ разсмотрѣніи только что приведеннаго примѣра. Мы допускаемъ, что при сдѣлкѣ между собственниками пшеничной земли и фермерами, обрабатывающими землю, истиннымъ объектомъ продажи являются въ сущности единицы производительной силы земли. Тотъ фактъ, что номинальнымъ объектомъ сдѣлки служатъ акры различнаго качества пшеничной земли, не долженъ заслонять отъ насъ этой истины. Предположимъ теперь, что цѣна за единицу производительной силы, установленная на рынкѣ, находящемся въ аналогичныхъ условіяхъ съ нашимъ коннымъ рынкомъ, будетъ 5 шиллинговъ. Цѣна эта, предполагаемъ мы дальше, устанавливается собственникомъ пшеничной земли съ рентой въ 30 шилл., земли, которая даетъ на акръ 6 единицъ этой производительной силы; въ этомъ случаѣ собственникъ, благодаря существующей для него возможности выбора, благодаря иныхъ способовъ эксплоатаціи земли, дающихъ немногимъ меньше 30 шилл., занялъ положеніе продавца въ «послѣдней парѣ». Цѣна въ 5 шиллинговъ со стороны предложенія была установлена тѣмъ фактомъ, что она необходима для того, чтобы включить этотъ участокъ земли въ составъ предлагаемыхъ земель, производящихъ пшеницу. Какъ же быть съ землей, дающей 20 шилл. ренты, съ этой худ-

шей землей, занятой подъ пшеницу, съ этой крайней полосой культурной земли, которая ex hypothesi обладаетъ лишь 4 единицами производительной силы на акръ? Совершенно законно будетъ предположить, что собственникъ этой земли, не будучи въ состояніи дать ей никакого иного употребленія по цѣнѣ, близкой къ 20 шилл., можетъ согласиться включить ее въ составъ предлагаемыхъ земель даже при 4 шилл. цѣны за единицу производительной силы, и рента съ одного акра спускается съ 20 шилл. до 16. Въ этомъ случаѣ очевидно будетъ, что размѣръ ренты на акръ земли въ предѣльной полосѣ культуры будетъ установлять собственникъ земли, дающей 30 шилл. ренты, назначая со стороны предложенія за единицу производительной силы цѣну въ 5 шилл. Имѣя дѣло съ цѣной за пользованіе землею, какъ и всякимъ другимъ видомъ благъ, при прямомъ и конечномъ (final) установленіи цѣны мы должны обращать все свое вниманіе на экономически наиболѣе сильное изъ вступающихъ въ сдѣлку лицъ, и дифференціальная прибыль другихъ будетъ правильно измѣряться по сравненію съ нимъ. Лишь условные способы продажи и взглядъ на продажу правъ пользованія факторами производства заставляютъ насъ отступать отъ этого правила и вынуждаютъ насъ, имѣя дѣло съ землей, при измѣреніи дифференціальныхъ рентъ брать критеріемъ худшую изъ находящихся въ продажѣ культурныхъ земель.

Диференціальныя ренты, вычисленныя, такимъ образомъ, не на основаніи субъективныхъ оцѣнокъ «послѣдней пары» участвующихъ въ сдѣлкѣ лицъ, исходя отъ предѣльныхъ земель, находящихся подъ культурой (margin of cultivation), по суммѣ (amount) оказываются неодинаковыми съ «дифференціальными прибылями», высчитанными для нашего рынка, гдѣ объектомъ продажи служатъ обыкновенные товары. Тѣмъ не менѣе экономическая природа первыхъ не разнится существенно отъ экономической природы, «дифференціальныхъ прибылей», такъ какъ установляются онѣ тѣмъ же путемъ. Поскольку цѣна за право пользованія факторами производства устанавливается конкурренціей сдѣлками (а такова была все время наша гипотеза), способъ опредѣленія и установленія ренты, процента (interest) и заработной платы будетъ совершенно тотъ же, что и при установленіи цѣны на лошадей или пшеницу; поэтому, чтобы понять теорію распредѣ-

ленія, принимая для удобства различныя категоріи, которыя характеризуютъ факторы производства, мы должны опредѣлить ихъ составныя единицы. Когда дѣло касается земли, мы должны признать, что рента или цѣна за пользованіе землей, подобно цѣнѣ товаровъ, опредѣляется сравнительной экономической силой покупателей и продавцовъ, торгующихся изъ-за права пользованія даннымъ количествомъ земли (land - use), а не изъ-за участка земли данной величины, хотя при этихъ сдѣлкахъ и идетъ рѣчь лишь о послѣднихъ. Субъективныя оцѣнки одного собственника и одного арендатора (послѣдняя пара) устанавливаютъ предѣлы цѣнѣ за единицу этой производительной силы земли, при чемъ окончательную цѣну назначаетъ болѣе сильный изъ двухъ. Послѣ этого, рента на акръ опредѣляется количествомъ чистаго продукта, доставляемаго производительной силой земли въ каждой категоріи ея. Если торгомъ на рынкѣ установляется цѣна въ 20 шил. за единицу этой силы, то и лучшая земля, годная для производства даннаго продукта, можетъ дать 2 единицы этой силы на акръ, и въ этомъ случаѣ рента на акръ будетъ равна 40 шил., а у худшей земли съ $^1/_2$ единицы производительной силы — 10 шил. на акръ [1]).

Такимъ образомъ оказывается, что нормирующее возрастаніе предложенія вовсе не обязательно связано съ худшей землей, входящей въ составъ этого предложенія и извѣстной въ обще-

---

[1]) Взглядъ на ренту, какъ на покупную сумму за извѣстное количество производительной силы земли или за пользованіе землею, найдетъ свое оправданіе, когда мы вполнѣ разовьемъ теорію координаціи факторовъ производства. Здѣсь же надо устранить лишь одно поверхностное возраженіе. Изъ моихъ словъ о рентѣ, какъ о цѣнѣ извѣстныхъ количествъ производительной силы земли, можно, пожалуй, вывести заключеніе, что я придерживаюсь того взгляда, будто всякая земля, обладающая какимъ-либо количествомъ производительной силы, можетъ имѣть вліяніе на цѣну. Чтобы избѣжать возможности подобнаго рода ложнаго заключенія, я употребилъ терминъ „чистый продуктъ производительной силы земли“ (net yiold of land power), чтобы обозначить силу, могущую имѣть вліяніе на цѣну. Если цѣнность производительности участка земли не превосходитъ издержекъ на ея обработку, то „чистаго продукта производительной силы земли“ не получается, и потому не можетъ быть и цѣны за эту силу. Терминъ „чистый продуктъ производительной силы земли“ при пользованіи землей обозначаетъ тоже, что получается отъ машины или другого конкретнаго предмета, являющагося капиталомъ, за покрытіемъ издержекъ на ихъ изготовленіе.

житіи подъ названіемъ границы культурной земли. Если пониженіе спроса на пшеничную землю приведетъ къ паденію ренты, то и въ этомъ случаѣ не является необходимымъ, чтобы изъ-подъ культуры была изъята земля съ 20 шил. ренты; это можетъ быть и земля съ 30 шил. ренты, если только ее окажется возможнымъ использовать съ выгодою для какихъ-нибудь другихъ цѣлей, тогда какъ съ первой этого сдѣлать нельзя.

Опредѣленіе ренты этимъ путемъ, конечно, осложняется тѣмъ фактомъ, что обыкновенно не одна только часть земли, предлагаемой на рынкѣ, но нѣсколько—могутъ употребляться для различныхъ цѣлей и употребляются дѣйствительно, лишь только цѣна (или рента) при одномъ способѣ пользованія оказывается ниже извѣстной цифры. Но мы вполнѣ основательно можемъ предположить, что цѣна за единицу права пользованія землей всегда опредѣляется обычными условіями, въ которыхъ находится одна часть предлагаемой земли, именно та, которая при этой цѣнѣ можетъ быть включена въ составъ предлагаемыхъ на рынкѣ земель предпочтительно передъ другими; тотъфактъ, что какая-нибудь другая земля при иной цѣнѣ за единицу пользованія могла бы занять ея мѣсто, насъ не касается.

Разъ мы сочли удобнымъ удержать терминъ «граница эксплуатаціи» или «пользованія» для обозначенія худшей или наименѣе производительной части предложенія, то намъ необходимъ какой-нибудь другой терминъ для обозначенія той части, которая занимаетъ рѣшающее положеніе на всякомъ данномъ рынкѣ: я предлагаю ее назвать «опредѣляющей частью предложенія», а ея владѣльца—«опредѣляющимъ владѣльцемъ». Худшая культурная земля, предназначенная для какой-либо спеціальной цѣли, получитъ обычное названіе «предѣльной земли», а ея рента—«предѣльной ренты». «Диференціальными рентами» будутъ ренты, получаемыя съ земель высшей производительности, доставляющихъ тотъ же продуктъ, и будутъ измѣряться по сравненію съ предѣльной рентой.

По временамъ, впрочемъ, термины «предѣльный и диференціальный» полезно будетъ замѣнять словами «видовой» (specific) и «индивидуальный» или соединять эти прилагательныя вмѣстѣ, чтобы подчеркнуть нѣкоторые наши способы примѣненія закона ренты.

Затѣмъ надо сдѣлать еще слѣдующее разграниченіе. Будетъ ли состоять «опредѣляющая» часть предложенія изъ худшей земли или нѣтъ — безразлично; цѣна за производительную силу земли, а также и рента за землю разнаго качества будетъ непосредственно опредѣляться, повидимому, тѣмъ фактомъ, что нѣкоторыя земли могутъ быть использованы съ различными цѣлями и что ими можно пользоваться для культуры извѣстнаго продукта лишь въ томъ случаѣ, когда установится на эти земли опредѣленная цѣна. Но хотя цѣна, получаемая за землю при другомъ ея употребленіи, опредѣляетъ низшую границу предѣльной ренты, ничто, однако, не можетъ помѣшать ей подняться выше этой нормы. Если земля съ 30 шил. ренты можетъ быть использована какимъ-либо другимъ способомъ, то возможно, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ она дастъ лишь 25 шил.; и вотъ, хотя собственникъ этой земли и согласился бы на 26 шил. ренты, но онъ могъ бы получить и 30 шил., такъ какъ на извѣстное время земля, годная для производства этого продукта, становится абсолютно рѣдкою. Однимъ словомъ, нашъ владѣлецъ можетъ въ качествѣ послѣдняго продавца взять 5 шил. «вынужденной прибыли», вполнѣ точно соотвѣтствующей «вынужденной прибыли», заключающейся въ цѣнѣ лошади, какъ это мы видѣли при нашемъ анализѣ рынка обыкновенныхъ товаровъ.

Въ этомъ случаѣ лучше всего было бы отличать эти 5 шил. отъ другихъ 25 шил. и считать ихъ третьей формой ренты. Такъ, напримѣръ, беря землю съ наивысшей рентой въ 40 шил., мы отнесли бы 25 шил. къ предѣльной рентѣ, 5 шил. къ вынужденной рентѣ вслѣдствіе рѣдкостности предмета (scarcicy rent) и 15 шил. — къ диференціальной рентѣ, измѣряющей болѣе высокую степень производительности этой земли по сравненію съ землей, находящейся на границѣ даннаго рода эксплуатаціи. Это значило бы, что 25 шил. есть цѣна, необходимая для того, чтобы выключить эту землю изъ рода какой-нибудь иной культуры и заставить ее производить данный спеціальный продуктъ; что ея экономическая сила въ предѣлахъ этого рынка давала возможность брать за нее на 5 шил. больше и что 15 шил. служили мѣрой ея превосходства надъ абсолютно худшей землей, способной производить тотъ же продуктъ.

Хотя въ дѣйствительности распредѣленіе пользованія землею

въ странѣ никогда не можетъ быть такъ правильно, какъ въ нашей схемѣ, послѣдняя все же стоитъ ближе къ дѣйствительнымъ фактамъ, чѣмъ гипотеза Рикардо, и заставляетъ насъ признать, что во многихъ, если не въ большинствѣ случаевъ земля на границѣ культуры будетъ давать положительную ренту.

Аргументъ, берущій за исходную точку экстенсивную культуру, вполнѣ дѣйствителенъ для доказательства того, что диференціальныя ренты не входятъ въ цѣну; но онъ допускаетъ присутствіе въ цѣнѣ рентъ, уплачиваемыхъ за пользованіе предѣльной землею, способной производить тотъ или иной продуктъ. Земля можетъ быть раздѣлена на категоріи соотвѣтственно съ способами ея эксплуатаціи; диференціальныя ренты будутъ исключены, а положительныя предѣльныя ренты будутъ включены въ рыночныя (и даже нормальныя) цѣны.

§ 4. Хотя Адамъ Смитъ, говоря о виноградникахъ и другихъ земляхъ, предложеніе которыхъ ограничено, Д. С. Милль—въ своей формулировкѣ законовъ цѣнности, Джевонсъ и другіе современные экономисты утверждали ясно, что надбавка къ цѣнѣ вслѣдствіе рѣдкости земли (scarcity prices of land) цѣликомъ входитъ въ дѣйствительныя цѣны, тѣмъ не менѣе профессоръ Маршалль и не мало другихъ мыслителей отвергаютъ эту точку зрѣнія.

Крайне важно понять причины, на которыхъ основано это несогласіе. Джевонсъ допускаетъ, что предѣльная рента входитъ въ составъ издержекъ производства. «Если земля, дававшая 2 ф. стерл. ренты на акръ, находясь подъ пастбищемъ, будетъ вспахана и употреблена подъ посѣвъ пшеницы, то развѣ эти 2 ф. стерлинговъ не войдутъ въ составъ издержекъ производства пшеницы?» [1]) Маршалль, комментируя это мѣсто, возражаетъ, что «не существуетъ никакой связи между особой суммой въ 2 ф. стерл. и издержками производства пшеницы, окупающей только самое себя» [2]). Другими словами, хотя худшая

---

[1]) Предисловіе ко 2 изд. Theory of Political Economy.

[2]) Книга V, гл. VIII, § 6 (примѣч.). Однако, есть крайне любопытное мѣсто непосредственно передъ приведенной цитатой, гдѣ самъ Маршалль, повидимому, допускаетъ, что предѣльная рента вліяетъ на цѣну. Одно изъ главныхъ условій, дѣйствующихъ на нормальную цѣнность овса, заключается „въ количествѣ земли, способной родить овесъ, на которую, однако, существуетъ столь большой спросъ для другихъ цѣлей, что въ послѣднемъ случаѣ она даетъ болѣе

земля, производящая овесъ, приноситъ 2 ф. стерл. ренты на акръ, но ни одна часть этой ренты не входитъ въ составъ цѣны. Это исключеніе предѣльной ренты изъ цѣны достигается обращеніемъ отъ экстенсивной границы культуры къ интенсивной.

Къ такому способу разсужденія прибѣгаютъ экономисты, утверждающіе, что ни въ какомъ случаѣ рента не входитъ въ составъ цѣны, и переносящіе этотъ принципъ отъ земельной ренты на всѣ другіе ея виды. Аргументація ихъ, ясно формулированная впервые Джемсомъ Миллемъ, въ краткомъ видѣ и при случаѣ примѣняемая Рикардо, такова:—

Возьмемъ данный участокъ земли, приложимъ къ нему «доли» капитала и труда, вознаграждаемыхъ сообразно съ обычной нормой процента и заработной платы. Продуктъ, полученный при болѣе раннихъ приложеніяхъ къ землѣ капитала и труда, послѣ уплаты процента и заработной платы даетъ остатокъ, который будетъ представлять собою ренту. Экономные земле-

---

высокую ренту, чѣмъ при употребленіи ея подъ посѣвъ овса. Издержки производства овса, лишь окупающаго себя, оказываются больше, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы значительная часть земель, могущихъ давать максимальные урожаи овса при минимальныхъ посѣвахъ не отходила подъ другія растенія, при посѣвѣ которыхъ получается для земли болѣе высокая рента, чѣмъ при посѣвѣ овса; хотя рента, которую можно получать съ земли, производящей овесъ, при употребленіи послѣдней для другихъ цѣлей, не входитъ прямо въ составъ издержекъ производства и нормальной цѣнности овса, тѣмъ не менѣе косвенно она вліяетъ на нихъ“ (кн. V, гл. VIII, § 5).

Маршалль не объясняетъ, какъ это „она косвенно вліяетъ нанихъ“. Въ приведенномъ мѣстѣ допускается, повидимому, что предѣльная рента съ земли подъ овсомъ, получаемая отъ употребленія этой земли для другихъ цѣлей, можетъ повысить цѣну овса, не входя, однако, въ составъ предѣльныхъ издержекъ производства. Но это положеніе несовмѣстимо съ начальными словами того же параграфа, гдѣ заявляется, что „издержки производства того овса, который только окупаетъ себя, бываютъ больше, чѣмъ въ томъ случаѣ“, если прежняя земля подъ овсомъ могла бы быть получена безъ уплаты ренты. Дѣло въ томъ, что Маршалль совершенно неправъ съ своей точки зрѣнія, допуская, что „издержки производства того овса, который только окупаетъ себя, бываютъ больше, чѣмъ въ томъ случаѣ“ если и т. д. Примѣненіе принципа „дѣленія“ на доли къ предѣлу интенсивной культуры, на которомъ (принципѣ) онъ основываетъ свой главный аргументъ, заставляетъ его также игнорировать положительную ренту, которую надо платить за крайнія земли подъ овсомъ.

дѣльцы будутъ до тѣхъ поръ увеличивать число этихъ долей капитала и труда, пока, наконецъ, послѣднія доли станутъ давать лишь доходъ, достаточный для уплаты процента и заработной платы, не оставляя ничего для ренты. Ни одна часть дохода (продукта), полученнаго такимъ образомъ отъ приложенія послѣдней «доли» труда и капитала, не можетъ быть разсматриваема какъ рента; между тѣмъ какъ издержки для полученія этой послѣдней части продукта служатъ мѣрой цѣны всего предложенія. Слѣдовательно, рента въ составъ цѣны не входитъ.

Экономисты часто обнаруживали нѣкоторое колебаніе при примѣненіи той теоріи, что рента не входитъ въ составъ цѣнъ мануфактурныхъ товаровъ; но профессоръ Маршалль ясно показалъ, что расширеніе болѣе стараго доказательства требуетъ отъ насъ признанія, «что земельная рента не входитъ въ издержки мануфактурныхъ товаровъ». (Principles of Economics, 2 ed., p. 462).

Наиболѣе любопытной чертой этой аргументаціи является то, что она со столь же большимъ удобствомъ можетъ быть употреблена для доказательства, что процентъ предпринимателя и заработная плата тоже не входятъ въ составъ цѣны.

Вмѣсто того, чтобы брать данное количество земли и прилагать къ ней добавочныя доли капитала и труда, возьмемъ извѣстное количество капитала и станемъ прилагать къ нему добавочныя доли труда, оставляя пока въ сторонѣ землю. Допустимъ, что капиталъ нашъ заключается въ недвижимости, товарахъ, имѣющихъ отношеніе къ торговлѣ. Приложимъ къ этому капиталу добавочныя доли труда въ лицѣ приказчиковъ. Приказчики, нанятые вначалѣ, будутъ отрабатывать не только свою заработную плату, но и еще значительный излишекъ, который въ качествѣ предпринимательской прибыли и процента пойдетъ въ карманъ хозяина магазина. Предположимъ, что дѣло требуетъ многихъ рабочихъ рукъ. Владѣлецъ магазина будетъ постепенно увеличивать число своихъ приказчиковъ, до тѣхъ поръ, пока жалованіе, получаемое послѣдними, при наймѣ имъ приказчиковъ, еще будетъ покрываться цѣнностями, имъ вырабатываемыми. Наконецъ, онъ дойдетъ до «крайняго» приказчика, производящаго лишь цѣнность своего жалованья. Товары въ магазинѣ, на которые употребляетъ свой трудъ этотъ послѣдній приказчикъ, не

приносятъ ни процента, ни прибыли, но продаются они за ту же самую цѣну, что и другіе товары, такъкакъ производятся они при наименѣе благопріятныхъ условіяхъ, т.-е. при крайнихъ условіяхъ, при которыхъ трудъ оплачивается, то надо считать, что они служатъ мѣрой цѣны. Но ни одна часть цѣнности, прибавленная къ этимъ благамъ въ процессѣ мелочной торговли (retail process), не можетъ считаться процентомъ, поэтому проценты на вложенный въ магазинъ капиталъ не входятъ въ составъ цѣны. Или возьмемъ машины, инвентарь и т. д., составляющіе капиталъ данной фабрики. Здѣсь тоже, послѣ того какъ достигнутъ извѣстный пунктъ въ приложеніи труда, вступаетъ въ силу законъ уменьшенія доходности; каждыя новыя «рабочія руки», за предѣлами извѣстной цифры, начинаютъ давать все меньшій и меньшій избытокъ цѣнности (все меньше и меньше прибавочной цѣнности) надъ заработной платой; это продолжается до тѣхъ поръ, пока мы не дойдемъ до рабочаго, цѣнность труда котораго покрываетъ лишь его заработокъ. «Блага», изготовленныя подобнымъ рабочимъ, очевидно, не даютъ процента или прибыли, а такъ какъ ихъ вполнѣ можно сопоставить съ зерновымъ хлѣбомъ, произведеннымъ благодаря приложенію послѣдней доли труда и капитала къ данному участку земли, которыми регулируются цѣны, а потому процентъ не входитъ въ составъ цѣны мануфактурныхъ товаровъ [1]).

Маршалль, правда, въ одномъ мѣстѣ прибѣгаетъ къ примѣру подобнаго раздѣленія капитала на «доли», чтобы показать, что одного изъ пастуховъ, служащихъ на большой овцеводной фермѣ, надо считать послѣднимъ предѣльнымъ пастухомъ, трудъ котораго покрываетъ лишь его жалованье (Principles, 2 ed., Vol. I, стр. 567). Но любопытно отмѣтить слѣдующее: далѣе онъ не признаетъ своей аргументаціи за доказательство того, что издержки на содержаніе овецъ опредѣляются жалованьемъ этого пастуха и что процентъ или прибыль на вложенный въ ферму капиталъ не входятъ въ составъ цѣны овцы.

---

[1]) Долженъ указать, что подъ словомъ процентъ (interest) я разумѣю доходъ (return), получаемый отъ пользованія конкретными формами капитала вообще, не только капитала денежнаго. Гдѣ нужно, я различаю оба эти вида процента, какъ „реальный“ и „денежный“ процентъ. Лишь такимъ способомъ можно избавиться отъ протеевскаго термина „прибыль“ (profit).

Наконецъ, мы можемъ взять опредѣленное количество рабочей силы и прилагать къ нему послѣдовательныя доли капитала или земли. Возьмемъ сначала одного дѣлового человѣка съ обычной энергіей и ловкостью, который занимаетъ извѣстныя части капитала для коммерческаго предпріятія. Послѣдняя часть этого занятаго капитала даетъ ему минимальный или номинальный доходъ послѣ уплаты необходимаго процента, т.-е. за этимъ предѣломъ онъ не получитъ уже прибыли ничего. Такимъ образомъ оказывается, что послѣднее расширеніе производства не вознаграждаетъ веденія дѣла, а слѣдовательно вознагражденіе за веденіе дѣла не является составнымъ элементомъ издержекъ производства или цѣны.

Или возьмемъ земледѣльца въ странѣ, гдѣ есть достаточное количество годной земли даннаго качества съ установившейся или обычной рентой. Продуктъ, полученный такимъ человѣкомъ съ немногихъ акровъ впервые арендованной имъ земли, послѣ уплаты аренды дастъ ему значительный излишекъ, который онъ возьметъ себѣ въ качествѣ вознагражденія Пусть этотъ земледѣлецъ расширитъ арендуемый имъ участокъ; за извѣстнымъ предѣломъ онъ найдетъ, что часть продукта, получаемая при каждомъ послѣдующемъ расширеніи участка и идущая ему въ вознагражденіе, будетъ становиться все меньше и меньше, пока, наконецъ, при послѣднемъ расширеніи участка, послѣ уплаты аренды онъ не получитъ чистаго излишка, идущаго ему въ качествѣ вознагражденія. Другими словами, продуктъ, полученный при этомъ послѣднемъ приложеніи земли къ труду, не даетъ вознагражденія. А такъ какъ послѣдній продуктъ измѣряетъ и показываетъ цѣну всего предложенія, то заработокъ не войдетъ въ эту цѣну. Относительно цѣны, по которой предлагаются земледѣльческіе продукты на данномъ рынкѣ, признается, что рента не входитъ въ составъ ея, потому что часть этихъ предлагаемыхъ на рынкѣ продуктовъ производится при условіяхъ, исключающихъ возможность считать рентой хотя бы часть ихъ. Точно также надо признать, что заработная плата не входитъ въ составъ цѣны, потому что другая часть этого предложенія, какъ мы видѣли, можетъ быть получена при условіяхъ, которыя не позволяютъ включить ее въ заработную плату; процентъ же не входитъ въ цѣну потому, что третья часть получается при усло-

віяхъ, требующихъ, чтобы вся она цѣликомъ шла на ренту и заработную плату, а не на процентъ. Чтобы придти къ заключенію, что ни рента, ни процентъ, ни заработная плата не входятъ въ составъ «цѣны», мы лишь должны себѣ вообразить трехъ производителей: у перваго изъ нихъ есть опредѣленное количество земли, къ которой онъ прилагаетъ все новыя доли капитала и труда; у второго имѣется опредѣленное количество капитала, который онъ прилагаетъ къ всевозрастающимъ количествамъ земли и труда; наконецъ, у третьяго въ распоряженіи есть опредѣленное количество рабочей силы, къ которой онъ прилагаетъ всевозрастающія доли земли и труда.

Къ такому неизбѣжному reductio ad absurdum приводитъ насъ рядъ аргументовъ, употребляемыхъ обыкновенно для доказательства положенія, что рента не входитъ въ составъ цѣны.

§ 5. Хотя подобный ходъ разсужденія вынуждаетъ насъ признать присутствіе коренной ошибки въ примѣрахъ раздѣленія капитала на «доли», когда рѣчь идетъ объ интенсивной культурѣ, но онъ не выясняетъ характера этой ошибки. Истина же заключается въ томъ, что для различныхъ производственныхъ цѣлей существуетъ извѣстная гармонія въ сочетаніи факторовъ производства. Въ данномъ какомъ-либо случаѣ извѣстная пропорціональность въ сочетаніи трехъ факторовъ производства является наиболѣе производительной. Но если предложеніе одного изъ нихъ при прежнихъ качествахъ и по прежней цѣнѣ незначительно, то его можно замѣнить болѣе чѣмъ пропорціональнымъ увеличеніемъ предложенія одного или обоихъ изъ остальныхъ факторовъ; конечно, это будетъ сопряжено съ увеличеніемъ издержекъ на каждую единицу возросшаго предложенія.

Такимъ образомъ, когда послѣдняя доля труда и капитала, предлагаемыхъ къ данному участку земли подъ пшеницей, даетъ продуктъ, не приносящій ренты, то это значитъ, что къ тому же количеству земли, которое было достаточно для производства меньшаго количества продукта приложено было большее количество капитала и труда и что разъ не было использовано большее количество земли, то и въ зависимости отъ этого не возросли издержки.

Или, если намъ кажется это болѣе разумнымъ, мы можемъ вообразить, что извѣстный участокъ земли заключаетъ въ себѣ

различныя производственныя силы какъ значительныя, такъ и незначительныя; нѣкоторыя изъ нихъ настолько незначительны, что требуютъ для эксплоатаціи такихъ количествъ труда и капитала, при которыхъ лишь окупаютъ себя. Эти низшія, незначительныя естественныя силы земли не даютъ экономическаго излишка въ производствѣ.

Возьмемъ теперь случай, когда часть количества пшеницы, поступившей на рынокъ въ качествѣ послѣдней прибавочной части предложенія, получается при положительной рентѣ въ 2 единицы, а часть — съ интенсивной границы, гдѣ она (пшеница) не даетъ ренты. Очевидно, что издержки производства въ обоихъ случаяхъ будутъ одинаковы, хотя рента въ одномъ случаѣ составляетъ 2 единицы издержекъ (допустимъ, изъ 10), а въ другомъ — ни одной. Тамъ, гдѣ мы брали интенсивную границу, оказалось двѣ лишнихъ единицы издержекъ по эксплуатаціи капитала и труда. Человѣкъ, выбирающій между возможностью пріобрѣсти худшую землю или большее количество капитала и труда, дѣлаетъ выборъ между факторами производства, предполагая ихъ способность замѣщать другъ друга. Или производительныя силы земли, или сила труда и капитала могутъ выполнить лишнюю работу, необходимую для полученія продукта, составляющаго послѣднюю часть предложенія; если мы беремъ первую, то выплачивается рента; если берутся вторыя, то рента не уплачивается, но получается больше прибыли и заработной платы. Эта способность факторовъ производства замѣщать другъ-друга крайне важна для пониманія теоріи распредѣленія.

Такъ какъ эксплуатацію земли можно замѣнить эксплоатаціей капитала то, строго говоря, мы будемъ правы, если скажемъ, что рента не входитъ въ составъ денежныхъ издержекъ производства. Но съ помощью аналогичнаго же аргумента можно показать, что и процентъ, и заработная плата обязательно входятъ въ составъ денежныхъ издержекъ производства.

Послѣдняя часть хлопчато-бумажной ткани, вошедшая въ качествѣ прибавочной доли въ составъ предложенія, можетъ быть продуктомъ худшаго ткацкаго станка на плохо устроенной фабрикѣ (т.-е. произведена при условіяхъ экстенсивной границы капитала) или она можетъ быть изготовлена на хорошемъ ткацкомъ станкѣ, на хорошей фабрикѣ, работающей сверхурочное

время; въ первомъ случаѣ она отчасти произведена путемъ эксплоатаціи капитала, которая можетъ быть оплачена процентомъ; въ послѣднемъ случаѣ избыточнаго спроса на капиталъ не проявляется (Или, по аналогіи съ низшими неоплаченными силами земли, мы можемъ сказать, что низшія силы капитала входятъ сюда неоплаченными). Въ первомъ случаѣ послѣдняя добавленная къ предложенію часть хлопчато-бумажной матеріи даетъ процентъ въ послѣднемъ случаѣ она окупаетъ только заработную плату за сверхурочное время; если взять послѣдній случай, мы устанавливаемъ, что процентъ не входитъ въ качествѣ составного элемента въ цѣну хлопчато-бумажной ткани. Надо, однако, замѣтить, что денежныя издержки и цѣна послѣдней прибавленной части (порціи) хлопчато-бумажной ткани останутся неизмѣнны, включаютъ ли онѣ прибыль или нѣтъ.

§ 6. Мы показали, что рента можетъ не входить въ составъ денежныхъ издержекъ производства и цѣны пшеницы, если послѣдняя ея доля произведена на интенсивной границѣ. Примѣняя аналогичнымъ образомъ законъ замѣщенія можно показать, что заработная плата можетъ входить или не входить въ составъ цѣны той же самой послѣдней доли пшеницы. Допустимъ, что ее производитъ фермеръ-арендаторъ и она составляетъ часть продукта, получаемаго имъ при послѣдней перепашкѣ и бороньбѣ земли, въ такомъ случаѣ пшеница эта даетъ ему лишнюю заработную плату, но не ренту; если, однако, вмѣсто перепашки и усиленной обработки прежняго участка, фермеръ рѣшится заарендовать еще одинъ акръ земли того же качества и распредѣлить то же количество трудовой силы на болѣе широкую площадь земли, то продуктъ этого послѣдняго акра принесетъ ренту, но не будетъ окупать заработной платы.

Или возьмемъ опять ткача съ 4 станками [1]), который рѣшаетъ, что стоитъ еще пріобрѣсти и пятый станокъ; продуктъ съ этого пятаго станка, за вычетомъ прибыли и вознагражденія ткача, за его излишнюю ломку и порчу станковъ въ сущности вовсе не увеличиваетъ его заработной платы. Реальная заработная плата или чистая прибыль, получаемая имъ при работѣ на 5 станкахъ,

[1]) Мы предполагаемъ здѣсь, что ткачъ получаетъ плату поденно, а не сдѣльно. Рѣдкость подобнаго рода случая нисколько не ослабляетъ силы нашего примѣра.

лишь номинально превосходитъ чистую прибыль отъ работы на четырехъ станкахъ.

Трудъ ткача на 5-мъ станкѣ или обработка послѣдняго акра земли вознаграждаются, конечно, заработной платой въ той же пропорціи, какъ и работа на другихъ станкахъ и обработка другихъ акровъ. Почему же въ такомъ случаѣ, на основаніи примѣра раздѣленія капитала или земли на «доли», оказывается, что продуктъ послѣдняго станка или послѣдняго акра не даетъ заработной платы?

Возможны лишь два отвѣта. Во-первыхъ, можно предположить, что способности ткача были оцѣнены вначалѣ слишкомъ низко и что его приставили къ 4-мъ станкамъ, тогда какъ его нормальной энергіи хватило бы на 5 станковъ. Очевидно, что если ткачъ, способный работать на 5 станкахъ, работаетъ на четырехъ только, то происходитъ абсолютно безполезная потеря рабочей силы; если ошибка обнаруживается, и потеря возмѣщается прибавленіемъ пятаго станка, то ткачъ, предполагая, что онъ получалъ плату поденно, можетъ не получить добавочной платы. Равнымъ образомъ мы можемъ предположить, что фермеръ беретъ слишкомъ незначительное количество акровъ, которые онъ можетъ обработать съ наибольшимъ успѣхомъ; обнаруживъ свою ошибку, онъ можетъ прибавить лишній акръ, который, повидимому, уплачиваетъ только свою ренту и ничего не оставляетъ для заработной платы.

Вся софистичность подобныхъ примѣровъ очевидна. Если предприниматель нанимаетъ рабочаго и неумѣло примѣняетъ его рабочую силу, онъ долженъ платить столько, какъ если бы вполнѣ использовалъ ее; если фермеръ не умѣетъ экономить свою рабочую силу, онъ можетъ на меньшую площадь земли затрачивать то же количество труда, которое долженъ былъ бы употребить на площадь болѣе обширную. Если арендаторъ арендуетъ участокъ земли и прилагаетъ къ нему 5 частей капитала, тогда какъ долженъ былъ бы употребить для этой цѣли шесть, то онъ платитъ такую же ренту, какъ въ томъ случаѣ, если бы онъ вполнѣ использовалъ землю, т.-е. приложилъ къ ней 6 частей капитала.

Если, обнаруживъ свою ошибку, онъ приложитъ и шестую часть, то только потому будетъ казаться, что онъ не платитъ ренты изъ

полученнаго отъ нея продукта, что все время онъ уже платилъ ренту, основанную на предположеніи, что онъ прилагалъ къ землѣ всѣ 6 долей капитала. Заключеніе, выводимое отсюда, крайне просто. Если мы экономно распоряжаемся факторомъ производства, то все-таки должны платить за него ту же цѣну, какъ если бы пользовались имъ вполнѣ разумно.

Такимъ образомъ, нѣкоторые примѣры «распредѣленія земли или капитала на доли» грѣшатъ тѣмъ, что владѣлецъ факторовъ производства разсматривается въ нихъ какъ человѣкъ «неразсчетливый», между тѣмъ какъ именно правильное примѣненіе принципа, въ родѣ закона уменьшенія доходностей, не допускаетъ такого предположенія [1]).

§ 7. Но всѣ примѣры «раздѣленія капитала и земли на доли» страдаютъ еще болѣе капитальнымъ недостаткомъ. Предполагая, что каждая такая доля оказываетъ свое особое дѣйствіе, мы игнорируемъ органическую связь элементовъ предпріятія между собою. Вовсе нѣтъ необходимости предполагать, что пятый ткацкій станокъ (въ нашемъ примѣрѣ) прибавленъ былъ потому, что, какъ оказалось, ткачъ получалъ плату за работу на 5 станкахъ, тогда какъ онъ работалъ только на четырехъ. Мы можемъ предположить, что онъ вполнѣ знакомъ съ положеніемъ дѣла и имѣетъ полную свободу выбора; въ результатѣ онъ приходитъ къ заключенію, что ему стоитъ работать на 5 станкахъ вмѣсто четырехъ. Почему же теперь оказывается, что ткачъ, работая на 4-хъ станкахъ, имѣлъ остатокъ, шедшій на заработную плату а, работая на пятомъ, онъ зарабатываетъ только номинальную? Вѣдь прибавленный 5-й станокъ оказывается столь же производителенъ, какъ и каждый изъ 4-хъ другихъ станковъ? Отвѣтъ ясенъ. Пятый станокъ своей работой только окупаетъ себя, потому что, прибавивъ его, ткачъ повредилъ своей работѣ на 4-хъ другихъ станкахъ;

---

[1]) Если я арендую участокъ земли въ Пиккадилли, гдѣ всѣ дома 3-хъ или 4-хъэтажные, то при уплатѣ мною аренды будетъ приниматься въ соображеніе господствующій въ этой мѣстности типъ 3-хъ или 4-хъэтажныхъ домовъ. Если я предпочту построить одноэтажный домъ, я все-таки заплачу ту же аренду, какъ если бы я вполнѣ утилизировалъ это мѣсто. Если я потомъ надстрою эти этажи, то, повидимому, я не буду платить за добавочное улучшеніе ихъ аренды, тогда какъ въ дѣйствительности я все время дѣлалъ это.

на пяти станкахъ онъ долженъ работать медленнѣе, чѣмъ на четырехъ, долженъ чаще останавливаться, чистить ихъ и т. д. Если на пять станковъ ткачъ будетъ затрачивать столько же трудовой энергіи, сколько прежде на 4 (а подобное предположеніе уже заключается въ нашей гипотезѣ, что къ опредѣленному количеству рабочей силы прилагается новая часть капитала), то усилія на прибавленіе новаго станка можно оцѣнить только по его вліянію на производительность другихъ 4-хъ станковъ.

Теперь вернемся къ нашему примѣру съ опредѣленнымъ количествомъ капитала для магазина, для возможно выгодной эксплуатаціи котораго требуется 10 приказчиковъ. Послѣдній, десятый приказчикъ, каковъ бы онъ ни былъ самъ по себѣ, производитъ, повидимому, ровно столько, чтобы окупить свое жалованье, такъ что, очевидно, наемъ одиннадцатаго приказчика вовсе бы не окупился. Но производительность труда этой послѣдней единицей труда никакъ нельзя рѣзко отдѣлить отъ производительности другихъ единицъ, какъ это мы дѣлаемъ, считая, что, благодаря ея присутствію, получается добавочное увеличеніе продукта. Дѣятельность этого послѣдняго представителя труда заключается, главнымъ образомъ, въ содѣйствіи установленію бо̀льшаго порядка въ магазинѣ и лучшему раздѣленію труда; другими словами, своей дѣятельностью онъ содѣйствуетъ повышенію общей успѣшности и производительности труда всѣхъ занятыхъ въ магазинѣ рабочихъ силъ.

То же самое справедливо, хотя и въ болѣе узкихъ границахъ, относительно вліянія и роли послѣдней доли капитала, прилагаемой къ данному участку земли; вліяніе его оказывается неизолированнымъ, но заключается отчасти въ содѣйствіи общей производительности всѣхъ приложенныхъ раньше единицъ. Допустимъ, что послѣднюю долю капитала мы употребили на улучшеніе ограды и дренажа; очевидно, это окажетъ значительное вліяніе на увеличеніе производительности всѣхъ ранѣе затраченныхъ долей капитала.

Въ примѣрахъ «дѣленія на доли» заключается искусственное разъединеніе, игнорирующее органическое единство всякаго промышленнаго предпріятія. Мы не прольемъ свѣта ни на теорію, ни на практику промышленности, если будемъ разсматривать

одинъ факторъ производства какъ постоянное количество, а два другихъ—какъ количества перемѣнныя.

§ 8. Такимъ образомъ, мы видимъ, что ошибочность примѣра раздѣленія факторовъ производства «на доли» заключается въ признаніи особаго количества производительной силы (производительности), а слѣдовательно и «продукта» за каждой отдѣльной долей. Профессоръ Маршалль, говоря о предѣльной долѣ труда въ земледѣліи (т.-е. о послѣдней перепашкѣ поля), допускаетъ, что «доходъ съ этой послѣдней нельзя отдѣлить отъ дохода съ другихъ долей», но при этомъ добавляетъ: «мы приписываемъ ей всю ту часть продукта, которая, по нашему мнѣнію, не была бы произведена, если бы фермеръ не рѣшился на послѣднюю, лишнюю вспашку». (Кн. IV, гл. III, § 2.)

Здѣсь мы у самаго корня ошибки. Предполагается, что продуктъ послѣдней доли труда долженъ измѣряться тѣмъ уменьшеніемъ количества общаго продукта на фермѣ, которое произошло бы отъ нежеланія приложить эту послѣднюю долю труда. А между тѣмъ это продположеніе совершенно неосновательно. Исключеніе или нежеланіе приложить эту послѣднюю долю труда было бы равносильно уменьшенію производительности не только другихъ единицъ труда, но и единицъ капитала и земли, и часть уменьшившейся производительности другихъ долей неправильно приписывается одной лишь этой послѣдней долѣ труда.

Посмотримъ, какъ примѣняется подобный способъ измѣренія производительности послѣдней доли. Предположимъ, что въ составъ элементовъ производства на фермѣ входятъ 4 доли труда, 6 долей земли, 3 доли капитала, причемъ подобное сочетаніе факторовъ производства оказывается экономически выгоднымъ. Чтобы измѣрить производительность послѣдней доли труда, исключимъ ее пока. Сумма общаго продукта уменьшится на 8%. Эти 8%, согласно способу Маршалля, мы должны отнести на счетъ послѣдней доли труда. Если затѣмъ, снова включивъ въ производство эту долю труда, мы выключимъ изъ него послѣднюю долю капитала, то уменьшеніе общаго продукта можетъ быть равно 10%. Эти 10% разсматриваются какъ продуктъ послѣдней доли капитала. Аналогично исключеніе изъ производства послѣдней доли земли могло бы уменьшить общую сумму продукта на 10%. Что произошло бы при одновременномъ исклю-

ченіи изъ производства послѣднихъ долей всѣхъ факторовъ? Согласно методу Маршалля, общая сумма продукта уменьшилась бы на 28%. Но правильно ли это? Не могло ли это одновременное выключеніе послѣднихъ долей всѣхъ факторовъ производства уменьшить общую сумму продукта не на 28%, а, положимъ, на 18%? По Маршаллю, всѣ восемь процентовъ, исчезающіе при выключеніи послѣдней доли труда, надо разсматривать какъ продуктъ этой доли. Но вѣдь часть этихъ 8% надо отнести на счетъ уменьшенія производительности не только другихъ долей труда, но и долей капитала и земли. Вполнѣ можно предположить, что исключеніе послѣдней доли труда особенно уменьшитъ полезность (производительность) двухъ послѣднихъ долей капитала и земли, обоихъ этихъ факторовъ, имѣющихся теперь въ избыткѣ. Равнымъ образомъ, выключеніе изъ производства послѣдней доли капитала отзовется на производительности послѣднихъ долей земли и труда. Выключеніе послѣдней доли земли также отзовется на послѣднихъ доляхъ труда и капитала.

Такимъ образомъ, мы найдемъ, что одновременное исключеніе изъ производства послѣдней доли всѣхъ трехъ факторовъ уменьшитъ общій продуктъ гораздо менѣе, чѣмъ на 28%, какъ требуетъ того вычисленіе Маршалля. Въ самомъ дѣлѣ, выключеніе изъ производства послѣдней доли труда ведетъ за собой упраздненіе извѣстной части производительности послѣднихъ долей капитала и земли, и часть результата, приписываемаго такимъ образомъ труду, надо отнести на счетъ уменьшенія производительности другихъ факторовъ. Поставьте тотъ же экспериментъ на болѣе широкое основаніе, и скрытая ошибка станетъ очевидной. Предположите, что трудъ, капиталъ и земля состоятъ каждый изъ одной доли, удалите теперь одну долю труда, и все значеніе услугъ, оказываемыхъ капиталомъ и землей, рушится. Есть ли уничтоженіе всего продукта настоящая мѣра производительности одной только доли труда? Очевидно, нѣтъ; потому что, если бы вмѣсто нея была удалена послѣдняя доля капитала или земли, результатъ получился бы тотъ же самый.

§ 9. Подобное причинное отношеніе можно установить съ помощью такъ называемаго въ логикѣ метода различія, но составъ этихъ причинъ не позволяетъ намъ подобнымъ же образомъ

опредѣлить ихъ количественный результатъ. Примѣры раздѣленія факторовъ производства на доли представляютъ собой не что иное, какъ нѣсколько болѣе запутанный случай ошибки, заключающейся въ смѣшеніи понятія о механическомъ составѣ съ понятіемъ объ органическомъ соотношеніи. Гдѣ для успѣшности производства необходимо сочетаніе земли, капитала и труда, тамъ невозможно относить на счетъ какого-нибудь одного изъ этихъ факторовъ получаемый продуктъ и приписывать его отдѣльному дѣйствію ихъ производительной силы. Равнымъ образомъ, гдѣ существуетъ необходимое органическое количественное отношеніе между факторами, тамъ нельзя считать какой-либо отдѣльной части продукта результатомъ дѣйствія одной какой-нибудь доли каждаго изъ этихъ факторовъ.

Такимъ образомъ, коренная ошибка всѣхъ примѣровъ раздѣленія факторовъ производства на доли заключается въ неправильномъ ихъ обособленіи другъ отъ друга, причемъ игнорируются органическая природа производства и законъ замѣщенія. Истинный опредѣляющій моментъ цѣны предлагаемыхъ благъ со стороны «издержекъ» будетъ заключаться въ сравнительной выгодѣ примѣненія различныхъ комбинацій (сочетаній) факторовъ производства. Если мы станемъ разбирать, какъ производится новое прибавочное количество пшеницы (поступающее на рынокъ) въ виду повышенія цѣнъ, то предположеніе, что оно получается благодаря приложенію новыхъ долей капитала и труда къ землѣ, уже эксплуатируемой, не дастъ намъ ровно ничего. Настоящій вопросъ, подлежащій нашему разсмотрѣнію, будетъ собственно такой: «при какомъ измѣненіи сочетанія факторовъ производства легче всего увеличится общая масса предлагаемыхъ продуктовъ?» Нужно ли приложить больше труда къ прежнему участку земли или слѣдуетъ тѣмъ же количествомъ труда обрабатывать бо̀льшую площадь земли, или надо прибавить капитала, или, наконецъ, надо произвести какое-нибудь особое сочетаніе всѣхъ этихъ факторовъ?

Конечнымъ результатомъ всѣхъ этихъ разсужденій будетъ тотъ, что примѣненіе закона ренты къ интенсивной эксплуатаціи одного только фактора должно быть отвергнуто какъ ошибочное.

Главное значеніе примѣровъ «раздѣленія факторовъ производства на доли» заключалось въ поддержкѣ теоріи, что зе-

мельная рента кореннымъ образомъ отличается отъ всѣхъ платежей за пользованіе другими необходимыми элементами производства въ томъ отношеніи, что она представляетъ собой излишекъ, который, будучи измѣряемъ по сравненію съ границей, не дающей ренты, не входитъ въ составъ цѣны. Такъ какъ земля на экстенсивной границѣ культуры для всѣхъ высшихъ способовъ эксплуатаціи (пользованія) давала положительную ренту, то была сдѣлана попытка выключить эту ренту изъ цѣны въ силу того соображенія, что часть этихъ продуктовъ могла быть произведена на интенсивной границѣ, гдѣ не уплачивалась рента даже съ тѣхъ продуктовъ, производству которыхъ не содѣйствовала земля, лишенная ренты.

§ 10. Полное банкротство этихъ экспериментовъ съ интенсивной границей возвращаетъ насъ снова къ экстенсивной границѣ, гдѣ единственно возможно правильное примѣненіе закона ренты.

Мы уже видѣли, какъ слѣдуетъ квалифицировать этотъ законъ. Общепринятая формулировка этого закона вполнѣ годится для случая наименѣе простого и наименѣе доходнаго пользованія землей, гдѣ она, находясь внѣ границы культуры, не приноситъ ренты. Если же рѣчь идетъ о землѣ, употребляемой для высшихъ видовъ эксплуатаціи, при существованіи цѣлаго ряда градацій границъ культуры, гдѣ положительная рента получается и отъ худшей, находящейся въ пользованіи земли, то этотъ законъ требуетъ квалифицированія. Дифференціальныя ренты для каждаго отдѣльнаго участка земли будутъ измѣряться сравненіемъ съ предѣльнымъ участкомъ, не платящимъ ренты только въ томъ случаѣ, когда мы имѣемъ дѣло съ землями, конкуррирующими изъ-за простѣйшихъ видовъ эксплуатаціи; дифференціальныя ренты земель для высшихъ родовъ пользованія будутъ измѣряться сравненіемъ со спеціальной границей, платящей ренту. Тогда какъ эти дифференціальныя ренты не будутъ входить составнымъ элементомъ въ цѣны, предѣльныя ренты войдутъ въ составъ издержекъ производства всего количества продуктовъ. Если предѣльная земля подъ хмелемъ, находящаяся въ употребленіи, приноситъ 2 ф. стерл. ренты на акръ, то часть этой суммы будетъ входить въ цѣну каждаго мѣшка хмеля.

Часть II.

§ 1 Хотя среди новѣйшихъ экономистовъ все рѣзче обнаруживалась тенденція распространить терминъ «рента» и примѣненіе закона ренты къ капиталу и труду, но обыкновенно это дѣлалось въ видѣ попытки, скорѣе путемъ аналогіи, чѣмъ посредствомъ признанія необходимости установить одинъ общій законъ.

Истинное сочетаніе факторовъ производства, которое даетъ намъ возможность подвести ихъ всѣ (по отношенію къ продажѣ права пользованія ими) подъ общіе законы цѣны, дѣйствующей на товарномъ рынкѣ, требуетъ прежде всего, чтобы мы показали, насколько имѣетъ значеніе для каждаго фактора законъ ренты, понимаемый въ широкомъ смыслѣ.

Трудности, встрѣчающіяся при этомъ, происходятъ, главнымъ образомъ, отъ употребленія въ экономическихъ трактатахъ терминологіи, выражающей лишь ходячія представленія о землѣ, трудѣ и капиталѣ. Ихъ главнымъ образомъ двѣ.

§ 2. Первое затрудненіе возникаетъ отъ коренного различія въ обычныхъ представленіяхъ о капиталѣ, съ одной стороны и о трудѣ и землѣ, съ другой. Тогда какъ послѣдніе два фактора разсматриваются въ ихъ конкретныхъ формахъ, причемъ земля измѣряется акрами, а рабочая сила—дневной или недѣльной затратой энергіи, капиталъ мы обыкновенно разсматриваемъ не въ конкретныхъ его формахъ—въ видѣ растенія, сырого матеріала и продуктовъ, представляющихъ собой его годныя для промышленности формы, но въ видѣ денежной цѣнности стольких-то сотенъ фунтовъ стерлинговъ. Тогда какъ платежи за землю и трудъ являются платежами за пользованіе ихъ конкретными формами, платежи за капиталъ представляютъ собой плату за пользованіе нѣкоторымъ количествомъ этой абстрактной силы, измѣряемой сотнями фунтовъ стерлинговъ.

Отсюда очевидно, что нельзя примѣнять какого-либо общаго закона цѣны или цѣнности къ пользованію тремя факторами производства, пока мы не установимъ для нихъ общаго базиса. Мы или должны землю и трудъ измѣрять ихъ абстрактной или денежной мѣрой, капитализируя ихъ и разсматривая ренту и заработную плату какъ платежи за пользованіе столькими-то

сотнями фунт. стерлинговъ этихъ земли—капитала и труда—капитала, или же, говоря о капиталѣ, мы должны говорить о конкретныхъ формахъ его—о продуктахъ, растеніяхъ и т. д., употребляемыхъ въ производствѣ. Жизненный интересъ науки о промышленности заставляетъ насъ избрать послѣдній путь и разсматривать капиталъ не въ денежной его формѣ, но въ конкретныхъ формахъ благъ, годныхъ для цѣлей производства.

Платой за пользованіе (эксплуатацію) такимъ конкретнымъ капиталамъ является процентъ. Такъ какъ послѣдній терминъ, по установившемуся обыкновенію, относится всегда къ цѣнѣ не конкретнаго, но денежнаго капитала, то я предпочелъ бы какой-нибудь другой терминъ. Однако, ничего болѣе подходящаго нѣтъ, кромѣ еще болѣе растяжимаго выраженія «прибыль». Поэтому я предлагаю употреблять терминъ «процентъ» для обозначенія платы за пользованіе конкретнымъ капиталомъ, отличая его, въ случаѣ необходимости, отъ процента денежнаго (financial) прибавленіемъ къ первому выраженію слова «реальный», ко второму «денежный». Отсюда, очевидно, что тамъ, гдѣ капиталъ принимаетъ подвижную денежную форму, никакое сочетаніе капитала и земли при помощи примѣненія закона ренты невозможно: никакихъ «рентъ», ни видовыхъ (specific), ни индивидуальныхъ не можетъ возникнуть при такомъ пользованіи капиталомъ. Поэтому, неправильно было бы сказать, что 100 ф. стерл. капитала въ одномъ предпріятіи даютъ $2^1/_2\%$, а другіе 100 ф., въ другомъ предпріятіи—5%. Лишніе $2^1/_2\%$ въ случаѣ, повидимому, лучшаго приложенія капитала или вовсе не будутъ представлять собой «процента», а лишь вознагражденіе за особый рискъ, или въ силу одного факта своего существованія увеличиваютъ капиталъ со 100 до 200 ф. стерл. Вѣдь при настоящихъ условіяхъ 100 ф. стерл. капитала обозначаетъ просто лишь количество капитала, приносящаго своему обладателю 2 ф. стерл. 10 шил. въ годъ. Настоящая дѣловая оцѣнка всякаго капитала всегда основывается на уровнѣ приносимаго имъ процента. Такимъ образомъ, ex hypothesi, для всѣхъ этихъ текучихъ абстрактныхъ капиталовъ можетъ существовать одна только истинная норма процента. Въ силу дѣловыхъ привычекъ часто продолжаютъ говорить о капиталѣ въ 100 ф. ст., между тѣмъ какъ возросшая годовая

цѣнность его конкретныхъ формъ превратила его въ 200 ф. ст., такъ что про одну стофунтовую часть можно говорить, что она приноситъ 5%, но рыночная или продажная цѣнность его, конечно, будетъ 200 ф. ст. и истинный процентъ попрежнему $2^1/_2$.

Между такимъ капиталомъ и другими нашими факторами производства нельзя установить никакого отношенія. Мы должны имѣть дѣло съ конкретными формами, оцѣниваемыми соотвѣтственно. То, что платится за пользованіе ими, есть реальный процентъ.

§ 3. Установивъ общій конкретный базисъ для всѣхъ факторовъ производства и согласившись относительно термина для обозначенія платежей за пользованіе конкретнымъ капиталомъ, мы встрѣчаемся со вторымъ затрудненіемъ. При измѣреніи цѣнности земли, граница культурной площади оказалась имѣющей существенную важность, а наше изслѣдованіе закона ренты ясно показало необходимость замѣнить границу для одной только земли сложной границей, опредѣляемой всѣми факторами производства. Но имѣемъ ли мы законное основаніе распространять понятіе о границѣ эксплуатаціи земли на капиталъ и трудъ? Первоначальное затрудненіе принимаетъ теперь такую форму. Худшая земля подъ культурой, предназначенная для простѣйшаго вида эксплуатаціи (положимъ, земля подъ пастбищемъ), не приноситъ ренты; можемъ ли мы сказать, что наиболѣе дурно помѣщенный капиталъ не дастъ прибыли, а худшій трудъ въ предпріятіи не будетъ оплаченъ?

Прежде всего, что касается капитала, то, справедливо или нѣтъ утвержденіе, будто надежда на полученіе процента есть единственный мотивъ къ созданію капитала, во всякомъ случаѣ можно сказать, что процентъ необходимъ, чтобы сохранить экономическія формы существованія капитала, которыя уже разъ возникли. Для непрерывнаго существованія формъ капитала необходимо охраненіе ихъ отъ изнашиванія и порчи или отъ обезцѣненія; эти издержки, ложащіяся на крупныя прибыли, составляютъ не процентъ, а вычетъ, предшествующій вообще платежу процента. Дѣловое выплачиваніе минимальнаго или только номинальнаго процента на помѣщенный капиталъ, если оно ведется, какъ слѣдуетъ, должно также содѣйствовать сохраненію орудій и другихъ формъ капитала. Хотя нѣкоторый по-

ложительный процентъ и можетъ быть необходимъ для внесенія въ дѣло новыхъ формъ капитала, его вовсе не требуется для поддержанія и сохраненія старыхъ формъ. Это вполнѣ правильно призналъ Уокеръ, утверждая, что представленіе о землѣ, не приносящей ренты, должно быть распространено и на предпріятія, не дающія прибыли, и что прибыли болѣе выгодныхъ предпріятій могутъ измѣряться сравненіемъ съ этимъ предѣломъ, подобно тому, какъ земельныя ренты измѣряются сравненіемъ съ крайнимъ участкомъ земли, не дающимъ ренты.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ ближе мы присматриваемся къ реальному предложенію земли и капитала, тѣмъ болѣе искусственнымъ и незаконнымъ кажется намъ рѣзкое ихъ разграниченіе прежними экономическими теоріями. Земля въ первоначальномъ ея видѣ (mere land) никогда не фигурируетъ въ качествѣ предложенія. Земля въ естественномъ ея видѣ, «земля дѣвственныхъ степей», не представляетъ собою фактора производства. Ея такъ называемыя «первоначальныя и неразрушимыя свойства» не имѣютъ цѣнности до тѣхъ поръ, пока земля не расчищена и не поднята, пока на нее не затрачено нѣкоторое количество труда. Въ этомъ смыслѣ существуютъ издержки подготовки земли къ предложенію, въ грубыхъ чертахъ соотвѣтствующія издержкамъ производства капитала [1]). Равнымъ образомъ, подобно тому, какъ непрерывному существованію капитала содѣйствуетъ постоянное предохраненіе его отъ обезцѣненія, такъ и силы земли для большинства цѣлей не неразрушимы, но требуютъ постоянныхъ затратъ. Абстрактное представленіе объ экономической землѣ, за которую платится экономическая рента, въ общемъ, крайне безплодно и смутно. Худшій капиталъ и худшая земля въ экономическомъ пользованіи одинаково требуютъ затратъ для возмѣщенія ихъ изнашиванія и порчи; эти затраты не представляютъ собой ни процента, ни ренты, между

---

[1]) Профессоръ С. Н. Партенъ показалъ (Premises of Political Economy), какъ эти „издержки производства“ земли уменьшаютъ точность измѣренія ренты, потому что „законы, регулирующіе введеніе новыхъ земель въ обработку, и тѣ, на основаніи которыхъ земля выключается изъ обработки, весьма различны“, охватывая „большія границы, въ предѣлахъ которыхъ цѣна продукта можетъ измѣняться безъ измѣненій въ произведенномъ его количествѣ“.

тѣмъ какъ процентъ и рента, платимые за пользованіе ими, представляютъ собою только номинальныя количества.

§ 4. Совершенно инымъ представляется намъ дѣло, когда рѣчь идетъ о трудѣ; но различіе это происходитъ исключительно отъ примѣненія неправильной и противорѣчивой терминологіи. Между тѣмъ какъ фондъ для поддержанія формъ земли и капитала не называется рентой или прибылью (profit), фондъ для поддержанія экономическаго существованія лицъ, воплощающихъ въ себѣ рабочую силу, включается въ составъ «заработной платы». Такимъ образомъ, происходитъ, что въ то время какъ границей земли является земля, не платящая ренты, границей капитала—капиталъ, не дающій процента, границей труда оказывается трудъ, оплачиваемый, скажемъ, 15-ю шиллингами.

Для выясненія проблемы цѣны въ распредѣленіи необходимо устранить эту аномалію. Эти 15 ш. вознагражденія ни въ какомъ смыслѣ не соотвѣтствуютъ проценту или рентѣ. Они представляютъ собой просто фондъ, идущій на возмѣщеніе «изнашиванія и порчи труда», издержки, необходимыя для возмѣщенія рабочей силы, затраченной въ теченіе дня, и для сохраненія нормальнаго количества рабочаго населенія и его настоящей производительности. Логическое сочетаніе факторовъ производства требуетъ, чтобы мы отличали этотъ фондъ, идущій на возмѣщеніе изнашиванья и порчи или обезцѣненія капитала, отъ добавочныхъ платежей, получаемыхъ большинствомъ рабочихъ. Положительной рентѣ или проценту будетъ соотвѣтствовать заработная плата сверхъ 15 шил. Если терминъ «заработная плата» примѣнить исключительно къ фонду, идущему на поддержаніе рабочей силы, а другой какой-нибудь терминъ, въ родѣ «трудовая рента» (rent of labour), можно было бы употреблять для обозначенія высшихъ платежей, то соотношеніе было бы полнымъ.

Въ такомъ случаѣ мы могли бы съ достаточной точностью примѣнять ко всѣмъ тремъ факторамъ общія положенія, которыя часто находили себѣ приложеніе, когда дѣло касалось одной только земли.

§ 5. Высказаннаго положенія нисколько не ослабляетъ тотъ фактъ, что земля ниже границы обработки можетъ оставаться не эксплуатируемой, между тѣмъ какъ формы капитала ниже

границы, не дающія прибыли, перестаютъ существовать, и никакая рабочая сила не можетъ существовать ниже границы цѣны, оплачивающей однѣ только издержки существованія. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь земля ниже границы существуетъ для хозяйства лишь потенціально и можетъ быть включена въ составъ предложенія лишь при цѣнахъ, создающихъ положительную ренту на предѣльныхъ участкахъ (расширяя границы культурной земли). Точно такъ же надо предполагать существованіе потенціальнаго фонда капитала, начинающаго функціонировать, въ случаѣ если предѣльный капиталъ даетъ положительный процентъ. Между тѣмъ всякое повышеніе платежа за предѣльный маргинальный 15-тишиллинговый трудъ увеличитъ предложеніе рабочей силы, вслѣдствіе ли увеличенія роста населенія или вслѣдствіе повышенія производительности труда, или же вслѣдствіе обѣихъ этихъ причинъ.

Причины, повышающія и понижающія границу во всѣхъ трехъ случаяхъ, въ дѣйствіяхъ своихъ будутъ одинаковы. Изученіе этихъ причинъ лежитъ, впрочемъ, за предѣлами настоящаго изслѣдованія. Главнымъ нашимъ вопросомъ было: какіе платежи за пользованіе землей, капиталомъ и трудомъ входятъ въ качествѣ элементовъ въ рыночную цѣну благъ? Сочетаніе земли, капитала и труда приводитъ насъ къ заключенію, что, подобно тому, какъ земельная рента не должна необходимо входить въ качествѣ элемента въ составъ стоимости или цѣны земледѣльческихъ продуктовъ, часть которыхъ производится на землѣ, не платящей ренты, такъ и процентъ не долженъ необходимо фигурировать въ качествѣ составного элемента издержекъ или цѣны мануфактурныхъ товаровъ, часть которыхъ производится предпріятіями, не приносящими процента; равнымъ образомъ стоимость труда выше 15 шил., идущихъ на возмѣщеніе изнашиванія, не должна входить въ цѣну продуктовъ, произведенныхъ отчасти маргинальными рабочими.

То же разсужденіе, которое показываетъ, что дифференціальная земельная рента не должна входить въ составъ цѣны, показываетъ также, что дифференціальные платежи за капиталъ и трудъ не входятъ въ цѣну.

§ 6. Итакъ, можетъ ли рыночная цѣна состоять изъ такихъ издержекъ, идущихъ на возмѣщеніе потерь и поддержаніе фак-

торовъ производства, безъ всякаго элемента положительной ренты или процента?

Такой случай возможенъ. Если бы часть предлагаемой на рынкѣ пшеницы была собрана съ земли, не платящей ренты, фермерами, не получавшими процента на ихъ капиталъ и уплачивавшими минимальную, лишь достаточную для поддержанія жизни, заработную плату своимъ рабочимъ, то подобная пшеница, собранная при наибольшихъ экономическихъ затрудненіяхъ, могла бы регулировать рыночныя цѣны [1]).

Но нормально послѣдняя и связанная съ наибольшими издержками часть предложенія, регулирующая цѣну со стороны предложенія, не производится при условіяхъ, исключающихъ всякую ренту и всякую прибыль. Тамъ, гдѣ нѣкоторое число фермеровъ, работающихъ при крайне различныхъ условіяхъ, одни въ старыхъ, другіе—въ новыхъ странахъ, доставляютъ на рынокъ одинъ и тотъ же продуктъ, пшеницу, тѣмъ болѣе вѣроятно, что послѣдняя часть этого предлагаемаго продукта будетъ произведена частью на землѣ, не платящей ренты, но платящей процентъ на капиталъ и быть можетъ заработную плату много выше 15 ш.; частью фермерами-арендаторами, платящими аренду (rent), но не получающими процента на вложенный въ дѣло капиталъ; частью крестьянами, платящими ренту или процентъ аммортизаціи (mortgage interest), но живущими на заработную плату, достаточную лишь для пропитанія. Другими словами, всегда надо принимать во вниманіе законъ замѣщенія. Возможность такого выбора или замѣщенія показываетъ всю безплодность аргументовъ, основанныхъ на примѣненіи одного только закона ренты Рикардо. Если бы можно было послѣдовательно намѣтить исторію полученія части предлагаемой пшеницы, производство которой было сопряжено съ наибольшими издержками, то оказалось бы, что нѣкоторые квартеры ея были получены съ земли, не платящей ренты, другіе—при помощи капитала, не дающаго прибыли, третьи—при помощи минимальной заработной платы; но оказа-

---

[1]) Тѣмъ самымъ предполагается, что маргинальный покупатель сильнѣе крайняго продавца на хлѣбномъ рынкѣ и что вслѣдствіе этого цѣна понижается до низкаго уровня и не включаетъ въ себя элемента „вынужденной, насильственной прибыли“.

лось бы также, что средній квартеръ этой сопряженной съ наибольшими издержками части предлагаемой пшеницы заключалъ въ себѣ нѣкоторые элементы ренты или процента, или болѣе высокой заработной платы, а то и всѣхъ трехъ.

Другими словами, законъ замѣщенія требуетъ, чтобы при измѣреніи цѣны мы брали, вмѣсто границы эксплуатаціи земли, сложную границу эксплуатаціи земли, капитала и труда, при которыхъ не необходимо платятся минимальная рента, процентъ и заработная плата, но низшая средняя сумма, получаемая отъ сочетанія этихъ трехъ факторовъ. Цѣна со стороны предложенія будетъ состоять (при абсолютно свободной конкуренціи) изъ этихъ крайнихъ издержекъ.

Дифференціальныя издержки производства выше этого сложнаго (составного) уровня, будь то рента или процентъ, или заработная плата, не войдутъ въ рыночную цѣну предлагаемыхъ благъ.

ГЛАВА V.

Скалы труда и капитала. Предѣльные и дифференціальные проценты и заработная плата.

I.

§ 1. Указавъ на измѣненія въ экономическихъ понятіяхъ и терминологіи, необходимыя намъ для общаго сочетанія трехъ факторовъ производства и общаго примѣненія идеи измѣренія цѣны отъ точки, не вознаграждающей обработки или эксплоатаціи, мы можемъ теперь болѣе подробно остановиться на томъ, насколько примѣнима къ другимъ производственнымъ элементамъ дифференціальная и маргинальная скалы, принятыя въ отношеніи земли, и насколько аналогично дѣйствуютъ, при предложеніи труда и капитала, законы, управляющіе увеличеннымъ предложеніемъ земли на разныхъ рынкахъ.

Прежде всего возьмемъ трудъ. Насколько можемъ мы здѣсь примѣнить систему градацій, которой пользовались, когда имѣлась въ виду земля?

Прежніе экономисты отличались стремленіемъ—объясняемымъ теоретическими соображеніями — приписывать труду слишкомъ

большую подвижность, а отдѣльнымъ рабочимъ—слишкомъ большую свободу выбора занятій и (какъ показываетъ часто цитируемое мѣсто изъ Адама Смита) недостаточно считаться съ различіями въ природныхъ свойствахъ индивидуумовъ. Прежніе теоретики слишкомъ много говорили о рабочемъ рынкѣ въ такомъ смыслѣ, какъ будто всѣ наклонности и потребности имѣютъ одинъ рынокъ, какъ будто каждому кандидату труда открыто для выбора все поле профессій, какъ будто устраненіе извѣстныхъ законодательныхъ препонъ въ родѣ «Law of Settlement» или гильдейскихъ уставовъ могутъ дать труду, уже спеціализовавшемуся въ извѣстной отрасли, возможность легко и свободно покинуть ее и искать другой, гдѣ заработная плата или выгода работы выше. Они упускали изъ виду дать соотвѣтственное признаніе тому факту, что существуетъ не одинъ, а много рабочихъ рынковъ, различныхъ между собою не только по мѣсту, но и по многимъ племеннымъ, образовательнымъ, промышленнымъ и соціальнымъ особенностямъ. Ко многимъ изъ этихъ рабочихъ рынковъ доступъ даже въ современной Англіи настолько ограниченъ и затруднителенъ, что едва ли можно говорить о существованіи тенденціи къ уравненію выгодъ въ разныхъ видахъ труда. Крупныя различія заработныхъ платъ, даже мѣстныхъ, за одну и ту же работу являются убѣдительнымъ доказательствомъ этой истины.

Намъ нѣтъ необходимости разсматривать здѣсь, насколько слѣдуетъ именовать «естественными»—въ томъ ли смыслѣ, въ какомъ естественны законы, опредѣляющіе приспособленіе земледѣлія къ измѣненіямъ въ спросѣ—причины, препятствующія полному осуществленію тенденціи уравненія выгодъ труда. Нашему разсмотрѣнію подлежитъ тотъ фактъ, что данная категорія рабочихъ, въ силу естественныхъ и соціально-экономическихъ причинъ, является ограниченной въ приложеніи своей рабочей силы точно такъ же, какъ эксплоатація даннаго рода земли въ данныхъ условіяхъ поставлена, въ силу тѣхъ же причинъ, въ рамки существующаго предложенія. Можетъ быть, и легче измѣнить обстоятельства, опредѣляющія приложеніе труда, чѣмъ сдѣлать то же относительно земли, хотя агрономія и примѣненіе механической силы къ транспорту сильно повысили годность земли. Но, хотя подвижность и пригодность для экс-

плоатаціи у труда и больше, чѣмъ у земли, трудъ—если брать существующее его предложеніе—долженъ разсматриваться какъ факторъ, по своимъ категоріямъ представляющій аналогію тому, что мы говорили о землѣ, хотя и въ меньшей степени.

§ 2. Какъ у насъ есть земля, годная лишь для простой пастьбы,—при чемъ худшіе ея участки даютъ только номинальную ренту,—такъ у насъ есть и широкая категорія низкопробнаго, неквалифицированнаго труда, на долю котораго, въ низшихъ его видахъ, приходится лишь заработокъ, поддерживающій только физическое существованіе. Въ дѣйствительности, наиболѣе низкая заработная плата ниже и такого заработка, если подъ существованіемъ человѣка разумѣть поддержаніе его жизни въ теченіе полнаго естественнаго ея періода или даже всего періода трудоспособнаго его существованія. Рабскій трудъ, находясь въ распоряженіи интеллигентнаго эксплоататора, можетъ требовать обезпеченія полнаго періода рабочей жизни, хотя даже и при рабствѣ иногда можетъ быть выгоднымъ использовать человѣческую силу, заставляя раба работать чрезмѣрно въ теченіе болѣе краткаго времени. Законы о бѣдныхъ (poor laws), гарантирующіе трудоспособнымъ лицамъ достаточную поддержку и помимо ихъ заработковъ, на условіяхъ, для нихъ не унизительныхъ, въ состояніи создать экономическія условія, которыя могутъ возвысить minimum заработка низшаго разряда рабочихъ до уровня, удовлетворяющаго поддержанію существованія. Такая система представляла бы для обыкновеннаго наемнаго рабочаго двойной выходъ. Minimum'омъ заработной платы при нормальныхъ современныхъ промышленныхъ условіяхъ долженъ считаться такой заработокъ, который даетъ рабочему возможность продолжать трудиться до тѣхъ поръ, пока у него не явится замѣститель. Разумѣется, если ожидать въ будущемъ возрастанія спроса на трудъ, то этотъ minimum долженъ быть таковъ, чтобы дать возможность появиться болѣе чѣмъ одному преемнику, т.-е. поддерживать возрастаніе рабочаго населенія въ степени, соотвѣтствующей увеличенному спросу.

Эта зависимость роста рабочаго населенія отъ заработной платы измѣняется, конечно, подъ дѣйствіемъ законовъ о бѣдныхъ, частной благотворительности и общественныхъ вспомоществованій разнаго рода. Такимъ образомъ можетъ оказаться,

что населеніе будетъ расти въ извѣстной мѣрѣ скорѣе, чѣмъ росло бы подъ вліяніемъ одной заработной платы [1]).

Я говорилъ объ извѣстномъ minimum'ѣ заработной платы, проводя аналогію съ деньгами, идущими на покрытіе обезцѣненія или снашиванія капитала. Сумму эту, варіирующую конечно соотвѣтственно разнымъ родамъ труда,—какъ варіируютъ издержки обезцѣненія при разныхъ видахъ капитала,—я оцѣнивалъ въ 15 шил. Въ передовой промышленной странѣ, гдѣ требуется возрастаніе рабочаго населенія, достаточное для образованія резервной арміи, которую можно бы было использовать въ періодѣ промышленнаго оживленія, minimum заработной платы, или издержки существованія, должны, конечно, быть болѣе 15 шил., нужныхъ для удержанія населенія на постоянномъ численномъ уровнѣ; и эту добавочную заработную плату (напр., 3 шил.), требуемую для увеличенія населенія, надо разсматривать какъ аналогичную minimum'у процента, нужнаго, чтобы вызвать необходимость въ добавочномъ капиталѣ.

§ 3. Если бы, такимъ образомъ, низшая категорія труда оплачивалась 18-ю шил. для ея наименѣе производительныхъ представителей, мы нашли бы за этой категоріей различныя другія, оплачиваемыя въ высшемъ размѣрѣ. Вообще, мы могли бы представить рабочихъ въ видѣ слоевъ, начиная съ низко опла-

---

[1]) Прежніе экономисты преувеличивали значеніе и размѣры вліянія однихъ экономическихъ силъ (заработной платы) на предложеніе труда. Въ настоящее время существуетъ стремленіе умалять ихъ значеніе. Въ особенности указывалось на то, что высшій уровень заработка въ странѣ, подобной Англіи, не вызываетъ соотвѣтственнаго возрастанія рабочаго населенія. По этому поводу можно высказать три соображенія. Во-первыхъ, часто забывалось, что однимъ изъ важныхъ результатовъ повышенія жизненнаго уровня является то обстоятельство, что большее количество дѣтей доживаетъ до зрѣлаго возраста. Во-вторыхъ, съ такимъ повышеніемъ возрастаетъ дѣйствительное предложеніе труда, не только въ смыслѣ числа рабочихъ, но также и количества рабочей силы, развиваемой каждымъ рабочимъ, т.-е. средняя рабочая жизнь становится продолжительнѣе, и рабочій можетъ въ данное время затратить большее количество производительной рабочей силы. Наконецъ, препятствія, создаваемыя росту населенія въ болѣе интеллигентныхъ классахъ предусмотрительностью и предупредительными мѣрами, на міровыхъ рынкахъ труда играютъ очень небольшую роль.

До сихъ поръ остается вѣрнымъ, что поднятіе заработной платы влечетъ за собою увеличенное предложеніе рабочей силы.

чиваемыхъ внизу, приходя затѣмъ къ различнымъ слоямъ фабричныхъ рабочихъ, рабочихъ строительныхъ, опытныхъ механиковъ вплоть до классовъ, члены которыхъ состоятъ на жалованьи, принадлежатъ къ разнымъ профессіямъ и къ разряду руководителей. Норма платы для наименѣе производительнаго труда, прилагаемаго въ различныхъ отрасляхъ, будетъ подниматься по мѣрѣ движенія по этой скалѣ. Иначе говоря, мы найдемъ аналогію между извѣстнымъ числомъ разрядовъ минимальной заработной платы и различными видовыми предѣльными рентами, размежевывающими пастбищную землю, землю подъ пшеницею, подъ хмѣлемъ, городскія земли и проч. Такая классификація труда является теперь общепринятой, хотя были экономисты, которымъ казалось новостью, когда Кэрнсъ рѣшительно высказался за эту идею. «Въ дѣйствительности мы находимъ, что не все населеніе конкуррируетъ между собою изъ-за всѣхъ родовъ занятій безъ различія, а промышленныя наслоенія, внутри которыхъ искатели того или другого труда обладаютъ полной возможностью выбора, при чемъ представители этихъ различныхъ слоевъ являются во всемъ, что касается конкурренціи, въ сущности другъ отъ друга изолированными. (The Slave Power, p. 73)». Нѣтъ необходимости слишкомъ рѣзко подчеркивать эту «существующую изолированность». Представители одного слоя могутъ переходить въ другой; новый видъ труда расширяетъ поле для примѣненія человѣческой силы. Достаточно признанія того, что во всякое данное время мы находимъ скалу труда съ различными нормами заработной платы для наименѣе производительныхъ членовъ каждаго ея дѣленія. Въ свою очередь, въ каждой категоріи будетъ встрѣчаться извѣстное число различныхъ качественныхъ оттѣнковъ труда, каждый—съ своей нормой заработной платы. Ее мы можемъ измѣрять также, начиная отъ границы «опредѣляющаго рабочаго» въ каждомъ разрядѣ.

Условія, создающія «предѣльнаго рабочаго», требуютъ той-же поправки, какъ «предѣльная обработка» земли. То, что дѣйствительно продается на рабочемъ рынкѣ, есть не рабочее время, а единицы рабочей силы; опредѣляющій рабочій, слѣдовательно, не долженъ непремѣнно быть работникомъ наименѣе производительнымъ,—онъ можетъ быть и работникомъ высшаго каче-

ства, будучи «опредѣляющимъ» въ томъ смыслѣ, что заработная плата даннаго разряда является какъ разъ только той, которой онъ можетъ удовлетвориться.

Наименѣе производительный рабочій могъ бы, не имѣя альтернативы въ другой работѣ, согласиться и на болѣе низкую заработную плату, если бы былъ къ тому вынужденъ. Лучшій же рабочій того же разряда могъ бы имѣть альтернативу въ другой работѣ, такъ что его заработная плата должна быть такой, чтобы привлекать его къ расходованію рабочей силы въ данномъ занятіи. Экономическое положеніе этого «опредѣляющаго» рабочаго устанавливаетъ для предпринимателя стоимость единицы рабочей силы и опредѣляетъ не только ту заработную плату, которую получаетъ онъ самъ, но и заработную плату разныхъ другихъ рабочихъ на томъ же рабочемъ рынкѣ, по тому числу единицъ рабочей силы, которое они могутъ расходовать. Такимъ образомъ производительность наименѣе производительнаго рабочаго данной категоріи не имѣетъ, какъ иногда высказывалось, непосредственнаго опредѣляющаго значенія для заработной платы въ этой категоріи; оно принадлежитъ экономической силѣ «опредѣляющаго рабочаго», устанавливающей вознагражденіе наименѣе производительнаго рабочаго.

Это хорошо выясняетъ система сдѣльной заработной платы (piece wages). Наименѣе производительный работникъ, занятый въ торговлѣ, при задѣльной платѣ, зарабатываетъ, положимъ, 20 шил. въ недѣлю; они могутъ считаться предѣльной заработной платой въ этой категоріи труда, при чемъ дифференціальные заработки болѣе искусныхъ рабочихъ будутъ болѣе значительны. «Опредѣляющимъ» рабочимъ можетъ быть болѣе производительный рабочій, зарабатывающій 30 шил., изъ которыхъ 10 шил. будутъ вознагражденіемъ индивидуальной ловкости въ данной категоріи. Такой рабочій долженъ получать 30 шил., чтобы отдавать предпочтеніе данному виду работы передъ другими. Онъ является рѣшающимъ продавцомъ на этомъ рабочемъ рынкѣ, дѣйствія котораго опредѣляютъ цѣну для всего рынка со стороны продавцовъ.

Но, хотя этотъ 30-ти-шиллинговый рабочій и можетъ считаться опредѣляющимъ, отсюда не слѣдуетъ, чтобы всѣ эти 30 шил. были необходимы, чтобы отвратить его отъ представ-

ляющейся другой работы. Какъ въ нашей земельной скалѣ мы нашли, что, кромѣ предѣльной и дифференціальной рентъ, можетъ быть и рента простая и основанная на «рѣдкости» тамъ, гдѣ усиленный спросъ встрѣчаетъ недостаточное предложеніе,— точно такъ же и здѣсь можетъ быть, что альтернативная работа, представляющаяся «опредѣляющему» рабочему, дала бы ему заработокъ лишь въ 27 шил.; но хотя всякая надбавка къ 27 шил. и склонила бы его, по разсмотрѣніи дѣла, къ принятію на себя работы на такихъ условіяхъ, онъ, въ силу своего положенія опредѣляющаго продавца, можетъ требовать 30 шил. Въ этой суммѣ находится 3-хшиллинговая оплата «рѣдкости» (rent of scarcity), которая соотвѣтствуетъ «вынужденной прибыли», достающейся въ нашемъ примѣрѣ коннаго рынка болѣе сильному изъ послѣдней пары торговавшихся.

Терминъ «рента ловкости («rent of ability»)», часто прилагаемый къ высшей заработной платѣ болѣе искусныхъ рабочихъ, указываетъ, что аналогія въ классификаціи земли и труда уже проложила себѣ достаточную дорогу. Границы въ обоихъ случаяхъ не являются неподвижными, онѣ постоянно измѣняются — скорѣе, несомнѣнно, въ случаѣ труда, нежели земли; тѣмъ не менѣе въ обоихъ случаяхъ приложима одна и та же терминологія.

§ 4. Далѣе, цѣна труда за вычетомъ заработной платы, удовлетворяющей лишь существованіе, (какъ мы вычитаемъ издержки обезцѣненія въ случаѣ земли и капитала)—мы видѣли— входитъ въ цѣну товаровъ точно такъ же, какъ земельная рента. 15 шил., необходимые для простого существованія работника, можно съ полнымъ основаніемъ считать первой закладной продукта вмѣстѣ съ соотвѣтственнымъ обезпеченіемъ издержекъ снашиванія капитала и земли.

Сверхъ этой необходимой суммы, въ цѣну продукта, созданнаго трудомъ низшаго разряда, не входитъ никакого иного элемента настоящей заработной платы (или рабочей прибыли). Но минимальная заработная плата Ланкаширскаго ткача — напр., 21 ш.—будетъ содержать предѣльную ренту, измѣряемую, начиная отъ 15 ш., т.-е. 6 шил. Эта предѣльная или «разрядная» заработная плата войдетъ въ цѣну. Если minimum заработка каменщика будетъ равняться 30 ш., излишекъ этой суммы по

сравненію съ 15 ш. также будетъ входить въ цѣну. Но индивидуальная заработная плата, получаемая болѣе умѣлымъ ткачомъ или каменщикомъ, не составитъ части въ производственныхъ издержкахъ и не войдетъ въ цѣну. Новѣйшіе экономисты часто принимаютъ, что въ цѣну продукта засчитывается лишь заработная плата наименѣе производительнаго работника, но, не ясно представляя себѣ различіе между «опредѣляющимъ» рабочимъ и «маргинальнымъ» рабочимъ, они часто приписывали послѣднему то опредѣляющее значеніе, которое въ дѣйствительности принадлежитъ первому. Намъ остается прибавить, что существуетъ извѣстное количество различныхъ маргинальныхъ рабочихъ для различныхъ рабочихъ рынковъ.

Предѣльныя ренты труда (иногда заключающія также ренту рѣдкостности) входятъ въ составъ цѣны, дифференціальная же—нѣтъ.

II.

§ 5. Насколько можетъ подвергнуться подобному предѣльному и дифференціальному дѣленію и капиталъ? Насколько отличимы различныя (болѣе или менѣе прибыльныя) категоріи капитала и индивидуальныя различія въ каждой категоріи отдѣльно? Насколько опровергаетъ теорію категорій общепринятая «подвижность капитала», стремящаяся объединить предложеніе и нивеллировать вознагражденіе за оказываемыя капиталомъ услуги?

Мы видѣли, что эта вѣра въ равенство доходности капитала проистекаетъ частью изъ того факта, что капиталъ обыкновенно приводится къ условіямъ его денежной стоимости—процессъ, который принимаетъ своей исходной точкой равенство вознагражденія. Обратившись къ дѣйствительнымъ видамъ конкретнаго капитала, мы, несомнѣнно, встрѣчаемъ значительное разнообразіе доходности. Но можемъ ли мы считать эти различія аналогичными видовой и дифференціальной рентамъ или доходамъ отъ земли и труда? Для характеристики доходности капитала необходимо было избрать терминъ «процентъ», но капиталъ не можетъ зарабатывать процентъ самъ по себѣ или же въ соединеніи съ землею и трудомъ. Чтобы функціонировать въ промышленности, капиталъ долженъ находиться въ рукахъ дѣлового человѣка, и всегда можно утверждать, что по крайней

мѣрѣ часть чистаго барыша, за всѣми другими вычетами, приходится на долю искусства или экономіи этого человѣка [1]).

Излишекъ барыша при операціяхъ съ крупнымъ капиталомъ по сравненію съ барышомъ отъ небольшого количества, получаемымъ однако при неменьшей затратѣ усилій или умѣнья,— считается обыкновенно не платой за пользованіе капиталомъ, а платой за умѣлое управленіе (management).

Хотя выдѣлить чистую плату за пользованіе капиталомъ изъ другихъ элементовъ на практикѣ крайне трудно,—быть можетъ, невозможно,—тѣмъ не менѣе такого выдѣленія требуетъ отъ насъ правильная схема экономической теоріи. И я полагаю, что послѣ этого окажется, что % за пользованіе одинаковымъ капиталомъ не будетъ во всѣхъ случаяхъ одинъ и тотъ же. Разныя конкретныя формы, въ которыхъ выражаются равныя количества «сбереженій», будутъ различаться между собою весьма вѣроятно, по приносимымъ ими прибылямъ настолько же значительно, насколько отличается рента одного 10-ти-акроваго поля отъ ренты такого же другого, или заработная плата одного рабочаго отъ заработной платы другого.

Нѣтъ силы, которая бы гарантировала равенство процента, даваемаго сбереженіями, вложенными въ паровую машину, и процента, приходящагося на капиталъ той же величины, употребленнаго на постройку магазина, или равенство доходовъ отъ двухъ одинаковыхъ желѣзнодорожныхъ вагоновъ.

Другими словами, одни помѣщенія капитала выгоднѣе, чѣмъ другія, и—въ предѣлахъ одного и того же помѣщенія — одни части капитала даютъ большій доходъ, чѣмъ другія.

Если эти различія обусловлены различіями въ умѣньѣ пользоваться капиталами, они, конечно, не представляютъ тѣхъ измѣненій въ размѣрѣ %, которыя мы теперь имѣемъ въ виду.

Но если существуютъ извѣстныя условія, препятствующія

---

[1]) Это не относится, конечно, исключительно къ доходности *капитала;* производительность земли и труда также зависитъ отъ умѣлаго распоряженія, и можно претендовать на часть возросшей производительности земли и труда, какъ надлежащее вознагражденіе за такую распорядительность. Что касается труда, то м-ръ Mallock настаивалъ на этомъ требованіи, утверждая, что высокая заработная плата въ дѣйствительности заключаетъ вознагражденіе умѣлаго приложенія труда.

проявленію абсолютной подвижности помѣщенія капитала и разграничивающія извѣстныя области такого помѣщенія для данныхъ капиталистовъ,—условія, дающія въ одной и той же области преимущества однимъ капиталистамъ передъ другими,—то мы будемъ вполнѣ въ правѣ дѣлить капиталы по категоріямъ, какъ мы дѣлимъ землю и трудъ; мы будемъ имѣть, такимъ образомъ, извѣстное число на дѣлѣ не конкуррирующихъ между собою группъ съ дифференціальными прибылями въ каждой группѣ.

§ 6. Если бы для всѣхъ сберегателей существовала возможность полнаго, одинаковаго знакомства со всѣми областями помѣщенія и одинаковаго доступа къ каждой области, то дѣйствительный размѣръ %, подобно денежному %, былъ бы одинаковъ. Такъ ли это на самомъ дѣлѣ?

Генералъ Walker открыто отрицаетъ то мнѣніе, что различные виды помѣщенія различаются размѣромъ % приносимой ими прибыли; при чемъ полагаетъ, что колебанія %, получаемаго различными частями капитала въ одной и той же области, не составляютъ настоящаго %.

«Что различные капиталы даютъ въ дѣйствительности различнаго размѣра %, это слишкомъ очевидно и не нуждается въ доказательствѣ; но это обусловливается многими причинами, независящими отъ природы самого капитала». (Quarterly journal of Economics, July, 1891).

Генералъ Walker называетъ три такихъ главныхъ причины: *a)* разница въ рискѣ; *b)* ошибочный расчетъ въ одномъ, удачный въ другомъ случаѣ; *c)* скрытая рента, скрытая прибыль, а можетъ быть и что-нибудь другое.

Прежде всего можно замѣтить, что *a* и *b* не различныя причины, а двѣ точки зрѣнія на одну и ту же причину. «Рискованное» помѣщеніе—ни что иное, какъ помѣщеніе, могущее оказаться дурно разсчитаннымъ, помѣщеніе, при которомъ, съ другой стороны, успѣхъ является въ значительной мѣрѣ результатомъ удачнаго расчета: *a* выражаетъ объективную, *b* субъективную точку зрѣнія на одинъ и тотъ же факторъ.

Но противорѣчитъ ли это обстоятельство тому, что различные виды помѣщенія различаются по доходности? Ни мало. Оно лишь помогаетъ объяснить, почему въ одной и той же области помѣщенія размѣръ %, даваемаго одной частью капитала, выше,

чѣмъ %, даваемый другою. Утвержденіе, что природа капитала въ извѣстной мѣрѣ вліяетъ на опредѣленіе размѣра %, означаетъ, конечно, что въ однихъ случаяхъ помѣщенія *средній размѣръ* % бываетъ выше, нежели въ другихъ.

Странно, безъ сомнѣнія, что генералъ Walker не понялъ того, что между тѣмъ, какъ его послѣдняя причина (*c*) относится къ разнымъ категоріямъ помѣщенія, *a* и *b* относятся лишь къ отдѣльнымъ помѣщеніямъ въ одной категоріи.

Обращаясь къ *c*, придется признать, что скрытая рента бываетъ *vera causa* того, что, повидимому, является высшимъ % въ извѣстныхъ категоріяхъ помѣщенія. Рента можетъ фигурировать въ качествѣ % различнымъ образомъ.

Нѣкоторые виды промышленныхъ предпріятій даютъ высшій размѣръ % потому, что вложенный здѣсь капиталъ огражденъ отъ дѣйствія свободной конкурренціи благодаря соединенію съ земельной монополіей. При этомъ стоимость земли и капитала не всегда ясно различимы. Если ограничить терминъ «капиталъ» однимъ его логическимъ значеніемъ, взявъ его для обозначенія производственныхъ благъ и орудій, то мы увидимъ, что тѣ, въ чьихъ рукахъ находятся первыя ступени превращенія сырыхъ продуктовъ почвы въ начальныя формы капитала, отчасти являются землевладѣльцами, отчасти капиталистами. Горное дѣло, скотоводство и все промышленное сельское хозяйство—это такія отрасли, гдѣ земельная цѣнность не легко отличима отъ капитальной или рента—отъ %%. Даже тамъ, гдѣ эти операціи производятся на арендованныхъ земляхъ, аренда не позволяетъ намъ ясно и точно опредѣлить, является ли извѣстная прибыль даннаго года экономической рентой и *vice versa*.

Тамъ, гдѣ хозяева предпріятія въ то же время собственники земли, на которой это предпріятіе ведется, возростаніе элемента земельной стоимости будетъ часто проявляться, какъ возростаніе %. Сравненіе со стоимостью окружающей земли не можетъ вполнѣ предотвратить это смѣшеніе. Если это такъ въ обыкновенныхъ предпріятіяхъ, гдѣ земля требуется какъ мѣсто для установки машины и прочихъ орудій, подъ склады etc., то это еще болѣе относится къ тому случаю, гдѣ элементы почвы или качества земли, обусловленные ея размѣрами, играютъ въ предпріятіи непосредственную роль. Таково пивовареніе. Выдѣленіе %,

даваемаго капиталомъ, помѣщеннымъ въ газопроводы, водопроводы, перевозочныя предпріятія, усложняется, какъ мы скоро увидимъ, вліяніемъ монопольнаго начала; и въ дивидендахъ акціонеровъ рѣдко можно различить, что служитъ экономической рентой и что—процентомъ. Наиболѣе важную роль играетъ монополизація земли въ транспортной промышленности. Проф. Маршалль полагаетъ, что «господствующимъ экономическимъ фактомъ нашей эпохи является развитіе не фабричной системы, а перевозочныхъ отраслей промышленности» (Princiles of Economics, 2d. ed., 724). Транспортная же промышленность, поскольку она находится въ частныхъ рукахъ, сопряжена съ монополизаціей земельной поверхности. Между двумя населенными пунктами бываетъ лишь одинъ кратчайшій путь. Будетъ ли то желѣзная дорога, телеграфъ или конная желѣзнодорожная линія, наиболѣе выгодное ихъ направленіе можетъ одновременно принадлежать лишь одной компаніи. Большинство транспортныхъ обществъ получаютъ подобныя наиболѣе выгодныя линіи въ болѣе или менѣе продолжительное пользованіе, находя нерѣдко поддержку этой естественной монополіи въ государственной защитѣ противъ конкурренціи даже внѣ границъ ихъ естественной монополіи. И тутъ снова невозможно опредѣлить, насколько высшій размѣръ получаемаго преуспѣвающимъ желѣзнодорожнымъ или конно-желѣзно-дорожнымъ обществомъ процента является въ дѣйствительности экономической земельной рентой и насколько земельная монополія была добавленіемъ къ другимъ монопольнаго характера факторамъ, отражавшимся на извѣстныхъ функціяхъ капитала.

Если окажется, что капиталъ и трудъ будутъ все въ большей степени помѣщаться въ промышленность распредѣлительную (торговую) сравнительно съ добывающей или обрабатывающей, важность этой тѣсной связи землевладѣнія съ капитализмомъ возрастаетъ. Тамъ, гдѣ владѣнія землею ограничиваютъ конкурренцію съ капиталомъ, помѣщеннымъ въ данномъ предъпріятіи, тамъ можно съ полнымъ правомъ утверждать, что ненормальный размѣръ %, обусловленный ограниченіемъ конкурренціи, или доходность капитала объясняются въ послѣднемъ разсчетѣ вліяніемъ обладанія землею. Но поскольку эта «видовая рента» является процентомъ и не можетъ быть съ удобствомъ

отдѣлена отъ обычнаго процента, ее можно считать элементомъ видовыхъ различій различныхъ формъ помѣщенія.

Подъ «скрытой прибылью» генералъ Walker могъ разумѣть одно изъ двухъ. Она можетъ обозначить высшій %, получаемый извѣстнымъ владѣльцемъ капитала за высшее искусство въ его эксплоатаціи. Здѣсь въ качествѣ % фигурируетъ «рента умѣнья» (rent of ability). Искусство умѣлаго управляющаго, получающаго опредѣленное жалованье, можетъ дать высшіе дивиденды для акціонеровъ, точно такъ же, какъ неумѣнье, неопытность управляющаго могутъ ихъ понизить. Но если не считать того случая, когда извѣстнаго рода предпріятія въ силу своей природы являются особенно привлекательными для проявленія административныхъ способностей, эта форма скрытой прибыли носитъ индивидуальный характеръ и не можетъ быть поставлена на ряду со скрытой рентой, какъ объясненіе видовыхъ различій въ доходности капитала.

Но терминъ «скрытая прибыль» можетъ совпасть и съ дѣйствительно видовымъ (т.-е. не индивидуальнымъ) различіемъ въ доходахъ отъ капиталовъ. Извѣстныя формы помѣщенія, дѣйствительно, доступны лишь капиталамъ, принадлежащимъ людямъ, преимущества, положенія, воспитанія или коммерческія связи которыхъ достигаютъ степени видового отличія. Бѣдному человѣку, скопившему немного денегъ, трудно найти безопасное или доходное помѣщеніе. Распространеніе образованія и усовершенствованіе методовъ кооперації могутъ произвести здѣсь нѣкоторую перемѣну, но пока остается неоспоримымъ, что въ среднемъ капиталъ человѣка со средствами, положеніемъ и развитіемъ окажется болѣе доходнымъ, чѣмъ капиталъ человѣка болѣе бѣднаго и необразованнаго. Ограниченная возможность ознакомленія и выучки тамъ, гдѣ эксплоатація капитала требуетъ спеціальнаго искусства, обезпечиваетъ извѣстнымъ классамъ фактическую монополію въ извѣстныхъ видахъ помѣщенія. Юристы и банкиры вообще обладаютъ большей возможностью выходнаго помѣщенія, чѣмъ обыкновенныя лица.

Всякая высшая норма %, даваемая капиталомъ, помѣщеннымъ при этихъ условіяхъ, можетъ, конечно, считаться за предѣльную ренту, обусловленную особымъ преимуществомъ образованія или другими выгодами положенія и, какъ таковая, быть

занесена скорѣе въ рубрику прибыли, нежели %. Этому благопріятствуетъ неопредѣленность, связанная до сихъ поръ съ выраженіемъ «прибыль», какъ экономическимъ терминомъ. Если же, съ другой стороны, считать ограниченную возможность помѣщенія качествомъ, присущимъ капиталу, то «предѣльная рента» такого капитала можетъ небезосновательно именоваться «рентой» капитала.

Между тѣмъ какъ ограниченный доступъ къ обладанію землей или счастливый случай объясняютъ иногда существованіе высшаго размѣра даваемаго капиталомъ %, другія политическія, соціальныя и экономическія причины придаютъ извѣстнымъ видамъ капитала такую доходность, которую въ свою очередь можно съ полнымъ правомъ считать связанной съ самою природой помѣщенія.

Прежде всего привиллегіи и ограниченія, создаваемыя мѣстной или государственной властью, ограничиваютъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ свободу конкурренціи, т.-е. надѣляютъ извѣстный капиталъ монопольною силою.

Иногда патентъ создаетъ для извѣстной группы капиталистовъ абсолютную монополію путемъ опредѣленія максимальныхъ цѣнъ на предметы ихъ производства или даже безъ такого ограниченія. Никакая непосредственная конкурренція не мѣшаетъ монопольному положенію газовыхъ или водопроводныхъ городскихъ обществъ, если такая монополія предоставлена согласно договору данной группѣ капиталистовъ. Кромѣ установленія максимальной цѣны и максимальнаго размѣра %, иногда содержащагося въ договорѣ, но обыкновенно обходимаго, и другихъ хитростей, для подобныхъ монополій существуетъ два экономическихъ ограниченія. Первое (законъ замѣщенія)—это возможность для потребителя обходиться безъ монополизированнаго продукта и пользоваться вмѣсто него другимъ. Въ случаѣ поднятія цѣны газа выше извѣстнаго предѣла, болѣе широкое примѣненія электричества, керосина, свѣчей или другихъ освѣтительныхъ матеріаловъ помѣшало бы этому вздорожанію. Поэтому водопроводная монополія является болѣе сильной: здѣсь труднѣе, чѣмъ въ случаѣ газа, найти другой суррогатъ или замѣнить предметъ монополіи чѣмъ-либо инымъ.

Второе ограниченіе зависитъ отъ сложности отношеній, суще-

ствующихъ между цѣною предложенія и спросомъ въ отдѣльномъ случаѣ. Всякое повышеніе цѣны газа выше уровня, установленнаго конкурренціей двухъ соперничествующихъ обществъ, вызоветъ извѣстное сокращеніе спроса. Отсюда слѣдуетъ, что наиболѣе высокая цѣна не всегда даетъ наибольшую чистую прибыль. Вообще можно установить, что наиболѣе выгодная цѣна бываетъ высокой въ той мѣрѣ, въ какой монополизированный предметъ является незамѣнимымъ.

Такъ какъ ни одно изъ этихъ квалифицирующихъ условій не принадлежитъ по природѣ къ той конкурренціи, которая стремится подвести подъ одинъ уровень обычные виды помѣщенія капитала, то мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ видовымъ % и можемъ классифицировать эти привиллегированные виды помѣщенія по мѣрѣ различія въ степени монопольнаго давленія, какимъ они отличаются.

Сила тѣхъ, кому принадлежатъ цѣнныя привиллегіи, и тѣхъ, кто, не обладая защитой закона, тѣмъ не менѣе забралъ въ свои руки исключительный контроль надъ извѣстнымъ рынкомъ или продажей извѣстнаго рода товаровъ, бываетъ сходнаго экономическаго характера и даетъ возможность помѣщенному въ соотвѣтственныхъ предпріятіяхъ капиталу получать специфическій %.

Покровительственные тарифы, или преміи, поскольку они содѣйствуютъ въ извѣстныхъ производственныхъ отрасляхъ ограниченію свободы конкурренціи, поддерживаютъ особый размѣръ % въ тѣхъ предпріятіяхъ, къ которымъ затрудненъ доступъ новымъ капиталамъ, лишеннымъ такимъ образомъ возможности извлечь и для себя выгоду изъ гарантированной государствомъ монополіи. Единственный экономическій мотивъ, который можетъ привести какой-нибудь классъ фабрикантовъ въ оправданіе выпрашиванья особыхъ льготъ для производимыхъ ими продуктовъ, это желаніе получить со своего капитала тотъ процентъ, который обезпечивается такими льготами.

Но самое важное основаніе предѣльныхъ рентъ (видового %) капитала заключается въ природѣ самого капитала, какъ производственнаго фактора въ извѣстныхъ классахъ предпріятій, независимо отъ всѣхъ соціальныхъ или политическихъ привиллегій или ограниченій. Во всѣхъ промышленныхъ отрасляхъ,

гдѣ господствуетъ экономическій законъ возрастанія доходности, т.-е. гдѣ является весьма выгоднымъ помѣщеніе капитала и труда въ крупныхъ размѣрахъ, капиталъ можетъ давать особый размѣръ %. Нѣтъ необходимости перечислять отдѣльныя предпріятія, которыя даютъ въ очень многихъ обрабатывающихъ и торговыхъ предпріятіяхъ чистыя экономическія преимущества крупному капиталу. Но нужно не упускать изъ виду, что эти предпріятія гарантируютъ высшую норму % не сами по себѣ. Они содѣйствуютъ этому косвенно, уменьшая число конкурентовъ и уничтожая давленіе конкурренціи. Если бы между небольшимъ числомъ крупныхъ капиталовъ существовала столь же обостренная и упорная конкурренція, какъ между болѣе значительнымъ количествомъ мелкихъ капиталовъ, помѣщенныхъ въ другихъ предпріятіяхъ, то преимущество болѣе высокаго %, обусловленное, повидимому, самой величиной предпріятія, вполнѣ исчезло бы. Но размѣръ помѣщаемыхъ капиталовъ препятствуетъ конкурренціи стать столь обостренной и постоянной. Въ извѣстные періоды, правда, и между двумя или тремя конкуррентами можетъ существовать такая же конкурренція, какъ въ другое время между двумя или тремя тысячами. Но въ среднемъ конкурренція среди ограниченнаго числа капиталовъ является менѣе интенсивной. Разные конкурренты пользуются каждой извѣстной фактической монополіей въ извѣстныхъ участкахъ или въ отношеніи извѣстныхъ родовъ товаровъ. Даже тамъ, гдѣ конкурренція съ крупнымъ соперникомъ отличается упорствомъ, упорство это теряетъ почву, разъ цѣны понижены до уровня, дающаго лишь обыкновенный % прибыли. Кромѣ того, въ отрасляхъ, гдѣ господствуетъ небольшое число крупныхъ капиталовъ, пріостановить конкурренцію или установить соглашеніе объ удержаніи цѣнъ на одной высотѣ, ограничить предложеніе или понизить заработную плату можно гораздо легче, чѣмъ тамъ, гдѣ существуетъ конкурренція многихъ мелкихъ капиталовъ. Заслуживаетъ вниманія преимущества, достающіяся капиталу въ отношеніи контролированія цѣны труда въ предпріятіяхъ, въ наибольшей мѣрѣ подчиненныхъ закону возрастанія доходности, т.-е. такихъ, гдѣ малое количество крупныхъ капиталовъ постоянно сокращается, приближаясь къ вершинѣ, гдѣ находится трѣстъ. Нѣкоторыя невыгоды, об-

щія большей части формы труда въ борьбѣ съ капиталомъ, сильно выростаютъ тамъ, гдѣ конкурренція капиталовъ ограничивается нѣсколькими крупными хозяевами. «Трудъ,—пишетъ проф. Маршалль,—продается часто при особо невыгодныхъ условіяхъ, возникающихъ изъ ряда тѣсно между собою связанныхъ обстоятельствъ, именно, что рабочая сила—товаръ «недолговѣчный» (perishable), что продающія его лица обыкновенно бѣдны и не имѣютъ запасныхъ средствъ, и что они въ виду этого почти не могутъ обойтись безъ рынка». (Principles of Economics, 2 ed., I, 600).

Выгодная позиція при заключеніи сдѣлокъ съ трудомъ является однимъ изъ главныхъ экономическихъ преимуществъ въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ законъ возрастанія доходности отдалъ производство въ руки небольшого числа крупныхъ фирмъ.

Чистыя экономическія преимущества, которыми пользуются крупные капиталы въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ дѣйствіе закона возростанія доходности является болѣе сильнымъ, чѣмъ законъ уменьшенія доходности, обезпечиваютъ за этими капиталами положеніе ограниченной монополіи, т.-е. такой монополіи, уздой которой служитъ опасеніе появленія на рынкѣ новыхъ конкурентовъ при слишкомъ высокихъ цѣнахъ. Барышъ, даваемый такой ограниченной монополіей, является «видовымъ маргинальнымъ процентомъ». Тѣ отрасли, гдѣ монополія сильно ограничена, даютъ небольшой видовой %; тѣ же, гдѣ монополія касается предметовъ потребленія первой необходимости, которые не легко замѣнить какими-либо иными, гдѣ не легко обезпечить предложеніе съ другого, болѣе отдаленнаго, рынка, гдѣ доступъ новому капиталу затрудненъ и гдѣ невозможно значительное пониженіе потребленія—тѣ отрасли въ состояніи извлекать очень высокій предѣльный %. Законъ возростанія доходности служитъ основой экономической классификаціи (grading) капитала, какъ законъ уменьшенія доходности—основой классификаціи земельной стоимости. Соотвѣтственно степени вліянія этого закона, въ различныхъ промышленныхъ отрасляхъ помѣщенный въ нихъ капиталъ пользуется большей или меньшей монопольной силой и даетъ большій или меньшій видовой % вдобавокъ къ минимальному %, необходимому съ соціальной точки зрѣнія для того, чтобы вызвать «сбереженіе» капитала. У самыхъ значительныхъ

представителей крупнаго производства существуетъ тенденція къ полному или наивозможному уничтоженію конкурренціи между соперничествующими капиталами и «экономизированію тренія», что̀ ведетъ къ образованію ринга или трёста, гдѣ дѣйствіе конкурренціи сведено до минимума.

Монополія сильнаго трёста лишь по степени, а не сущности отличается отъ монополіи, присущей въ разной мѣрѣ всѣмъ крупнымъ видамъ капитала, защищаемымъ противъ конкурренціи мелкихъ кандидатовъ преимуществами, созданными дѣйствіемъ закона возростанія доходности. Есть, несомнѣнно, случаи, гдѣ за извѣстной границей этотъ законъ перестаетъ дѣйствовать, или, говоря точнѣе, гдѣ постоянно ухудшающееся управленіе предпріятіемъ превышаетъ выгоды, представляемыя болѣе крупнымъ капиталомъ [1]).

Тѣмъ не менѣе можно по справедливости сказать, что во всякой промышленной отрасли въ предѣлахъ преобладающаго дѣйствія этого закона возростанія доходности существуетъ элементъ экономической монополіи, создающей видовую маргинальную ренту.

Мы можемъ теперь признать, что по экономической теоріи, во всякомъ случаѣ, капиталы могутъ быть классифицированы, подобно классификаціи земель, соотвѣтственно ихъ способности служить различнымъ видамъ предложенія.

Существуютъ различныя причины того, что это заключеніе, столь ясно, повидимому, вытекающее изъ допущеннаго нами вліянія закона возростанія доходности, почти не нашло себѣ мѣста въ экономической наукѣ.

Затемнѣнію классификаціи капитала существеннымъ образомъ содѣйствовали: большое разнообразіе его видовъ, его бо́льшая по сравненію съ землею подвижность и болѣе быстрыя и запутанныя колебанія его цѣнности. Еще болѣе возможнымъ обстоятельствомъ является то, что, такъ какъ капиталъ измѣряется въ денежныхъ рукахъ, существующіе виды его постоянно переоцѣниваются соотвѣтственно ихъ доходности. «Маргинальная

---

[1]) Проф. Маршалль, выяснившій дѣйствіе закона возростанія доходности и его ограниченія, разсматриваетъ это дѣйствіе съ точки зрѣнія отдѣльныхъ формъ, а не категорій помѣщенія. Кн. V, гл. XI.

рента» монополіи постоянно теряется въ высшей оцѣнкѣ, даваемой капиталу. Постороннее лицо, желающее помѣстить 100 ф. ст., пріобрѣтаетъ покупкой акціи предпріятія, дающаго высокую маргинальную ренту, не большій %, чѣмъ покупкой акціи предпріятія, такой ренты не приносящаго.

Наконецъ, затемненію истины способствовало запутанное и нелогичное побочное значеніе, приданное термину «капиталъ» большинствомъ англійскихъ и американскихъ экономистовъ [1]).

Но, въ добавленіе къ причинамъ, содѣйствующимъ затемненію природы капитальныхъ стоимостей, существуютъ спеціальныяоснованія, почему маргинальныя прибыли капитала не нашли признанія среди многихъ, кто ясно усвоилъ понятіе цѣнности рѣдкости въ случаѣ земли и природныхъ способностей.

Прежде всего, затруднительно, на что уже нами обращалось вниманіе, точно разграничить % на капиталъ отъ другихъ спеціальныхъ прибылей, съ которыми онъ является связаннымъ. % на капиталъ, получаемый фирмами *Bass* или *Guinness*, не отдѣлимъ отъ другихъ прибылей, возникающихъ изъ извѣстныхъ формъ земельной и водяной монополіи, присущихъ промышленному «капиталу» этихъ компаній. Невозможно съ точностью опредѣлить, какая доля монопольной ренты гг. *Carnegie* приходится на земельную монополію, какая—обязана покровительственному тарифу и какая—сравнительнымъ выгодамъ въ рельсопрокатномъ дѣлѣ крупнаго капитала передъ мелкимъ. Капиталъ, вложенный въ торговлю химическими продуктами, даетъ, весьма вѣроятно, въ среднемъ большій %, чѣмъ влагаемый въ магазинъ табачный. Но невозможно сказать, какая часть этого преимущества обусловливается тѣмъ, что оборудованіе табачнаго магазина обходится дешевле, нежели химическаго, и что, такимъ образомъ, конкурренція болѣе сильна среди первыхъ, чѣмъ въ послѣднихъ. Можетъ быть, мы имѣемъ дѣло съ рентой, обусловленной умѣньемъ (ability), или рентой отъ законной монополіи (въ виду того, что патентъ на табачную торговлю можетъ пріі-

---

[1]) Проф. Бёмъ-Баверкъ выражаетъ естественное удивленіе, что столь многіе англійскіе экономисты, такъ сильно расходясь въ опредѣленіяхъ капитала, сходятся въ невѣрномъ признаніи капиталомъ потребительныхъ благъ, находящихся въ обладаніи рабочихъ. (Positive Theory of Capital, 67).

обрѣсти каждый, тогда какъ къ личности химическаго торговца предъявляются извѣстныя требованія).

Эта трудность отдѣльныхъ вычисленій—одна изъ главныхъ причинъ того, что видовые предѣльные %% съ капитала ускользнули отъ вниманія экономистовъ и зачислялись обыкновенно за землею, легальной монополіей или естественными преимуществами умѣнья, съ рентами которыхъ эти %% часто находятся въ связи.

Другая причина, почему эти %% ускользнули отъ вниманія, заключается въ томъ, что они вообще заслонялись индивидуальными рентами. Маргинальная рента—лишь приблизительно точный терминъ, избранный въ цѣляхъ извѣстнаго удобства. Прилагая къ различнымъ отраслямъ капитала законъ возростанія доходности, мы видимъ, что онъ дѣйствуетъ въ нихъ съ различной силой. Онъ такимъ образомъ даетъ начало извѣстному числу маргинальныхъ (предѣльныхъ) рентъ капитала. Но внутри каждой группы предпріятій онъ также прилагается съ различной силой, сообразно съ размѣрами предпріятія.

Если бы требовалось какое-нибудь доказательство существованія маргинальнаго и индивидуальнаго % капитала, имъ служили бы постоянныя стремленія владѣльцевъ небольшихъ капиталовъ добиться этихъ особыхъ прибылей, сливая свои мелкіе капиталы въ одинъ крупный. Учрежденіе новыхъ акціонерныхъ банковъ служитъ надежнымъ доказательствомъ вѣры въ преимущества, присущія крупному капиталу сравнительно съ мелкимъ. Однимъ изъ результатовъ успѣшнаго соединенія извѣстнаго числа небольшихъ капиталовъ въ отрасляхъ промышленности, нѣкогда монополизированныхъ немногими богатыми владѣльцами крупныхъ частныхъ капиталовъ, будетъ, конечно, тотъ, что въ данномъ случаѣ обнаружитъ свое дѣйствіе элементъ обостренной конкурренціи, отсутствіе котораго служило основой монопольной ренты. Тамъ, гдѣ небольшіе кооперативные капиталы могутъ на равныхъ правахъ конкуррировать съ крупными частными капиталами, маргинальныя и дифференціальныя ренты съ капитала одинаково будутъ клониться къ исчезновенію. Во всякомъ случаѣ вѣрно, что извѣстный разрядъ предпріятій требуетъ капитала даннаго размѣра, чтобы предпріятіе можно было вести со среднимъ шансомъ на успѣхъ. Въ равной мѣрѣ это

ограничительное условіе можетъ обезпечить маргинальную ренту капиталу, вложенному въ этотъ разрядъ предпріятій при средней умѣлости завѣдыванія, подобно тому, какъ въ такомъ предпріятіи преимущество болѣе крупнаго капитала передъ менѣе крупнымъ является основой индивидуальной ренты.

Еще требуетъ отвѣта одно возраженіе на предлагаемое дѣленіе капитала на разряды. Несомнѣнно, можно указывать, что различія, соотвѣтственно которымъ предполагается производить это дѣленіе, составляютъ не различія, присущія самой природѣ капитала, а скорѣе различія условій его помѣщенія. На это долженъ быть данъ тотъ отвѣтъ, что условія помѣщенія даннаго капитала, его размѣръ, мѣсто, занимаемое имъ въ промышленномъ предпріятіи, все это принадлежитъ природѣ даннаго количества благъ, поскольку они фигурируютъ, какъ капиталъ, совершенно такъ же, какъ условіе мѣстоположенія принадлежитъ природѣ земельной цѣнности. Цѣнность отдѣльныхъ видовъ капитала,—столькихъ-то машинъ, роялей или сувереновъ, зависитъ въ значительной мѣрѣ отъ того, гдѣ они находятся и въ какомъ количествѣ; смотря по большей или меньшей выгодности ихъ положенія въ этихъ отношеніяхъ, они приносятъ большіе или меньшіе видовые %%.

Другое возраженіе того же рода состоитъ въ томъ, что капиталъ неотдѣлимъ отъ руководительства эксплоатирующаго его лица и что размѣры доходности всецѣло отражаютъ искусство или удачу *предпринимателя*; возраженіе это не требуетъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія. Нами было уже признано, что элементъ скрытой прибыли можетъ фигурировать въ качествѣ %, точно такъ же, какъ онъ можетъ фигурировать въ качествѣ земельной ренты, когда алчный землевладѣлецъ чрезмѣрно поднимаетъ арендную плату за успѣшно торгующую лавку. Умственная дѣятельность нужна при распоряженіи капиталомъ въ той же мѣрѣ, какъ при распоряженіи землей или рабочей силой, если ими хотятъ пользоваться для полученія извѣстнаго дохода. Но и умѣлое обращеніе не въ большей степени является причиной рентъ капитала, чѣмъ видовыхъ земельныхъ рентъ.

Исчисляя капитальныя стоимости, мы въ той же мѣрѣ, что и при исчисленіи стоимостей земельныхъ, въ правѣ принимать, что при ихъ эксплоатаціи дѣло не обходится безъ участія сред-

няго человѣческаго ума. Это важно имѣть въ виду, потому что здѣсь заключается полное опроверженіе взгляда, часто высказывавшагося относительно высокаго % въ нѣкоторыхъ разрядахъ предпріятій. Гдѣ преуспѣвающими фирмами получается очень высокій %, тамъ принято предполагать, что эта высокая прибыль непремѣнно уравновѣшивается или низкимъ %, или его отсутствіемъ, или отрицательнымъ %, т.-е. убытками фирмъ, менѣе преуспѣвающихъ. Въ тѣхъ разрядахъ помѣщенія капитала, гдѣ цѣны бываютъ высоки, обязательствъ оказывается больше.

Совершенно естественно, что высокія монопольныя ренты преуспѣвающихъ фирмъ должны побуждать легкомысленныхъ владѣльцевъ капитала пускаться въ безразсудную спекуляцію, чтобы воспользоваться этими монопольными рентами. Но, исчисляя видовую ренту или весь % съ капитала въ такомъ предпріятіи, какъ золотопромышленность, мы не имѣемъ права включать въ наши разсчеты суммы, которыхъ лишаются неопытные люди, вовлеченные въ участіе въ дутыхъ предпріятіяхъ. Мы не считаемъ хорошую пахатную землю убыточною только потому, что не одинъ легкомысленный хозяинъ на ней просадилъ свои деньги, благодаря дурному веденію хозяйства. Видовой рентой даннаго разряда земли служитъ то, что она будетъ давать въ рукахъ арендатора средней руки; точно также видовая рента въ золотопромышленности или какой-либо иной формѣ помѣщенія капитала предполагаетъ участіе обыкновенной дѣловой сметки. Если принять это во вниманіе, то мы увидимъ, что нормы %, фигурирующихъ въ статистическихъ отчетахъ желѣзныхъ дорогъ, банковъ, горнопромышленныхъ и другихъ предпріятій, обыкновенно скрываютъ частью или цѣликомъ видовую ренту, тѣмъ что включаютъ въ капиталъ, — принимая средній уровень % — извѣстную часть его, которая при вышеупомянутыхъ условіяхъ не имѣетъ такого характера. Если необходимо согласиться съ исключеніемъ элемента скрытой прибыли, обязанной умѣлой экспоатаціи, то также необходимо исключить элементъ скрытыхъ убытковъ, обусловливаемыхъ недальновидностью невѣжественныхъ капиталовъ и неумѣлой эксплоатаціей.

§ 7. Бо́льшая легкость при передвиженіи капитала съ одного мѣста въ другое, то обстоятельство, что значительную часть

даже «связаннаго» капитала можно, хоть и не безъ убытка, перемѣстить изъ одного предпріятія въ другое, значительное поле, открывающееся для мелкихъ сбереженій въ выборѣ помѣщенія—все это и другія, быть можетъ, соображенія порождаетъ бо̀льшую подвижность и свободу конкурренціи капиталовъ между собою, чѣмъ земли или даже труда.

Тѣмъ не менѣе, идея въ дѣйствительности неконкуррирующихъ группъ съ дифференціальными подраздѣленіями внутри каждой изъ нихъ, повидимому, вполнѣ приложима къ предложенію всѣхъ трехъ факторовъ производства. Ни въ одномъ изъ трехъ случаевъ мы не должны считать видового и индивидуальнаго уровня строго неподвижнымъ; маргинальныя и дифференціальныя цѣнности подвержены здѣсь постояннымъ колебаніямъ. Допустимъ, что въ какой-либо моментъ лишь извѣстное количество земли, капитала и труда можетъ быть годно для предложенія: тогда худшіе участки изъ этой земли могутъ платить ренту и эта рента войдетъ въ цѣну; трудъ худшаго качества можетъ зарабатывать высшую плату, чѣмъ простые чернорабочіе — и эта заработная плата войдетъ въ цѣну; мельница или копь, находящіяся въ наименѣе благопріятныхъ условіяхъ, разъ онѣ содѣйствуютъ полученію извѣстнаго продукта, могутъ давать % большій минимальнаго, и онъ войдетъ въ цѣну.

Индивидуальныя преимущества, приходящіяся на долю опредѣленныхъ единицъ земли, труда и капитала, хотя и даютъ своимъ обладателямъ особыя нормы ренты, заработной платы и %, но въ цѣну не войдутъ.

Если, слѣдуя этому анализу, мы взяли бы рыночную цѣну на фабрикаты, готовые къ продажѣ, то нашли бы, что цѣна эта представляетъ большое разнообразіе маргинальныхъ денежныхъ стоимостей; послѣднія служатъ выраженіемъ маргинальныхъ рентъ земли, капитала и труда, требуемыхъ каждой стадіей въ различныхъ процессахъ производства. Въ однихъ случаяхъ можетъ эксплоатироваться не дающая ренты земля; въ другихъ—худшая земля даетъ при эксплоатаціи ренту; въ третьихъ—могутъ явиться конкуррирующія, не дающія % предпріятія, причемъ прибыли не будутъ фигурировать въ стоимости; въ четвертыхъ—предпріятія могутъ пользоваться чернорабочимъ (unskilled) трудомъ, оплачиваемымъ цѣнами, лишь обезпечиваю-

щими существованіе, причемъ въ стоимость производства войдетъ лишь «изнашиваніе» («wear and tear») труда.

Очень важно отмѣтить необходимость тѣсной связи между тремя факторами производства. Всякая цѣна должна содержать приблизительную стоимость изнашиванія земли, капитала и труда, прилагаемыхъ къ каждой стадіи производства (какъ бы ни называли капиталъ, предназначенный на покрытіе этого изнашиванія), и эта цѣна должна въ то же время заключать разные виды положительныхъ издержекъ, связанныхъ съ эксплоатаціей маргинальной части земли, капитала и труда. Издержки эти могутъ быть лишь номинальными, какъ бываетъ при эксплоатаціи не дающей ренты земли, не дающаго % капитала и труда, вознаграждаемаго лишь въ размѣрѣ необходимаго для существованія (15 шил.); или же онѣ могутъ быть положительными, если эксплоатація худшаго рода земли, капитала или труда требуетъ положительную маргинальную ренту.

ГЛАВА VI.

Взаимное соотношеніе факторовъ производства. Вліяніе ихъ на теоріи цѣнъ и распредѣленія.

§ 1. Результатами нашего анализа было: 1) выясненіе соотношенія различныхъ производственныхъ факторовъ съ точки зрѣнія примѣненія закона о рентахъ; 2) расширеніе этого закона путемъ различенія извѣстнаго числа границъ эксплоатаціи съ дифференціальными рентами, измѣряемыми отъ этихъ границъ, предполагая, что маргинальныя ренты входятъ въ цѣну, а дифференціальныя — нѣтъ; 3) замѣнить границу земельной обработки сложной границей, къ которой приводитъ анализъ вліянія возростанія спроса на факторы производства.

Эта идея ренты въ ея широкомъ примѣненіи проливаетъ важный свѣтъ на два тѣсно связанныхъ факта: 1) на образованіе цѣны какъ цѣлаго (amalgam), предназначеннаго для уплаты за эксплоатацію разныхъ производственныхъ факторовъ, и 2) на теорію распредѣленія или на пропорцію въ которой цѣна, какъ доходъ, дѣлится между владѣльцами производственныхъ факторовъ.

Возростаніе спроса на извѣстный продуктъ, поднятіе его цѣны усиливаютъ размѣры его производства, а это въ большинствѣ случаевъ понижаетъ границу эксплоатаціи всѣхъ трехъ факторовъ, вызывая эксплоатацію низшаго качества земли, труда и капитала. Новая эксплоатація, не только земли, но и труда, и капитала, будетъ, разсматриваемая въ отдѣльности, стоить дороже тѣхъ же самыхъ размѣровъ прежней, потому что та самая рента, которую прежде давалъ акръ маргинальной земли, теперь будетъ поступать съ акра болѣе низкаго качества. При этихъ условіяхъ плата за пользованіе единицею земли повысится, такъ какъ потребуется бо́льшее количество акровъ для обезпеченія данной производительности. Точно такъ же, чтобы получить извѣстное приращеніе рабочей силы, потребовалось бы привлечь за ту самую заработную плату, которая ранѣе платилась маргинальнымъ рабочимъ, рабочихъ низшаго качества; пришлось бы платить высшую цѣну и за пользованіе въ извѣстныхъ предѣлахъ новыми формами капитала.

Послѣдній случай надо вполнѣ выяснить. Если у насъ имѣются находящіеся внѣ употребленія виды капитала, орудій, машинъ и т. д. низшаго качества по сравненію съ находившимися до сихъ поръ въ употребленіи, то они занимаютъ совершенно анологичное положеніе съ землей, лежащей внѣ границы эксплоатаціи; для того, чтобы извлечь изъ нихъ данную сумму производительности, должна назрѣть потребность въ эксплоатаціи большаго ихъ количества, чѣмъ даваемое эксплоатацiей высшихъ категорій; плата же будетъ той же, что и при послѣднихъ. Это совершается лишь благодаря повышенію платы за пользованіе каждой мельницей, машиной или иными конкретными родами капитала, что равносильно и соотвѣтствуетъ повышенію цѣны единицы капитала и поднятію дифференціальной ренты или % высшихъ разрядовъ капитала, бывшихъ до той поры въ употребленіи. То же самое происходитъ, если вмѣсто привлеченія къ эксплоатаціи низшихъ разрядовъ капитала, стараться полнѣе использовать уже эксплоатируемый капиталъ. Это аналогично попыткѣ извлечь изъ даннаго земельнаго участка большее количество продукта посредствомъ болѣе интенсивной обработки. Въ обоихъ случаяхъ получаемое усиленіе производительности достигается съ большими издержками,

возможными лишь при томъ условіи, что вліяніемъ спроса и предложенія повышена цѣна единицы производительной силы. Точно такъ же, если имѣются формы капитала, которыми совсѣмъ не пользуются или пользуются лишь наполовину, и если новые виды приложенія капитала должны быть созданы путемъ новыхъ сбереженій для рыночнаго предложенія, то эти новыя сбереженія могутъ быть использованы лишь путемъ поднятія нормы %, такъ что эксплоатація новыхъ капиталовъ будетъ оплачиваться выше, чѣмъ оплачивалась эксплоатація прежнихъ.

§ 2. На первый взглядъ это указываетъ, повидимому, на всеобщее господство закона уменьшенія доходности во всей промышленной области. Если спросъ на увеличившуюся потребность каждаго производственнаго фактора привлекаетъ къ производству низшіе его разряды съ повышеніемъ издержекъ на данное количество каждаго рода производительной силы, то при всякомъ увеличеніи предложенія будутъ подниматься маргинальныя издержки, и цѣна всего предложенія также увеличится.

Дѣйствительно, если признавать за дѣйствіемъ производительныхъ силъ лишь чисто механическій характеръ и каждую новую единицу ихъ разсматривать просто, какъ добавленіе къ прежнимъ, то въ данномъ случаѣ нельзя избѣжать закона уменьшенія доходности. Почему же мы говоримъ, что законъ уменьшенія доходности господствуетъ въ сельскомъ хозяйствѣ и добывающей промышленности, въ обрабатывающей же и др. отрасляхъ промышленности дѣйствителенъ лишь постольку, поскольку въ издержкахъ производства участвуютъ сырье и производительныя силы природы? Какимъ образомъ встрѣчаемъ мы во многихъ отрасляхъ промышленности законъ возростанія доходности?

Это можно объяснить такимъ образомъ. Съ пониженіемъ предѣла земельной обработки и привлеченіемъ къ эксплоатаціи земель худшаго качества добавленіе это не можетъ поднять продуктивности прежнихъ расширеній обработки. Несомнѣнно, тѣ самыя причины, которыя понизили границу обработки, подняли цѣну производительности лучшихъ участковъ, но абсолютно не сдѣлали ихъ болѣе производительными. Различные участки земли не находятся въ тѣсной органической связи такъ, чтобы то, что имѣетъ силу относительно одного, отразилось и на производительности другихъ. Въ извѣстныхъ границахъ справедливо, что рас-

ширеніе хозяйства привлеченіемъ къ обработкѣ худшей пустующей земли можетъ сдѣлать хозяйство болѣе самодовлѣющимъ (self-sustaining), создавая болѣе выгодное распредѣленіе культуръ, напр. такимъ образомъ, что новая земля худшаго качества позволитъ отвести лучшіе участки подъ болѣе выгодную эксплоатацію. Но всюду для большинства хозяйствъ, касательно ихъ размѣровъ, существуетъ ясно установленные предѣлы, причемъ всякое дальнѣйшее расширеніе земельной площади, не считающееся съ этой экономической границей, не возмѣститъ для хозяина худшее качество новой земли какими либо достаточными выгодами въ хозяйствѣ.

Экономія раздѣленія труда, связанная часто съ крупными хозяйствами въ противоположность хозяйствамъ мелкимъ, не можетъ, разумѣется, быть приписываема большей производительности земледѣлія, такъ какъ она не достигается простымъ расширеніемъ земельной площади новыми участками.

Такъ какъ новыя единицы худшей земли, вводимыя въ обработку съ пониженіемъ границы культурной земли, не имѣютъ большаго или соотвѣтственнаго вліянія на поднятіе производительности другихъ участковъ земли, то тамъ, гдѣ къ эксплоатаціи привлекаются земли худшаго качества, мы получаемъ съ даннаго количества труда, приложеннаго въ сельскомъ хозяйствѣ, болѣе низкій доходъ [1]).

§ 3. Другое дѣло трудъ. Если разсматривать новое добавленіе рабочей силы какъ нѣчто особенное, то можетъ казаться, что оно сопряжено съ уменьшеніемъ доходности, однако, уменьшеніе это можетъ быть болѣе чѣмъ уравновѣшено его вліяніемъ на общее количество рабочей силы, съ которой новая сила связана узами кооперації. Намъ необходимо обратить при этомъ вниманіе на ту сплошную органическую структуру промышленности, благодаря которой пониженіе границъ эксплоатаціи труда можетъ сопровождаться такимъ плюсомъ въ результатахъ работы всей кооперирующей массы, что дастъ возможность выработать увеличенное количество продукта съ меньшими от-

[1]) Тамъ гдѣ сельское хозяйство становится болѣе капиталистическимъ, чѣмъ простымъ сельскохозяйственнымъ предпріятіемъ, оно иногда можетъ подчиняться закону возростанія доходности, напр., въ нѣкоторыхъ видахъ bonanza farming (крупныя хозяйства въ Сѣв. Америкѣ).

носительными издержками на трудъ, чѣмъ то случилось бы при прежнемъ меньшемъ количествѣ. Это равносильно утвержденію, что законъ уменьшенія доходности есть законъ матеріи, законъ же возростанія доходности—есть законъ умственнаго развитія. Въ той самой мѣрѣ, въ какой рабочая сила является неквалифицированной и физической, ея производительность менѣе зависитъ отъ интеллигентнаго сотрудничества и менѣе доступна спеціализаціи. Пониженіе качественнаго уровня труда въ землекопной работѣ или огородничествѣ можетъ ясно указывать на то, что эта промышленность подчиняется закону уменьшенія доходности, т.-е. что худшее качество труда при той же платѣ, не уравновѣшивается улучшеніемъ раздѣленія труда или иными органическими особенностями даннаго предпріятія. По мѣрѣ же того, какъ мы поднимаемся къ тѣмъ видамъ труда, гдѣ физическая сила играетъ сравнительно не важную роль, мы встрѣчаемся съ дѣйствіемъ закона возростанія доходности.

Дѣйствіе закона уменьшенія доходности объясняется неэластичностью, неорганическимъ характеромъ производительныхъ силъ природы, характеромъ, которому Рикардо далъ эпитеты: «имманентный (inherent) и неустранимый». Производительныя же силы человѣка должны быть такъ организованы посредствомъ интеллигентной кооперації, чтобы присоединеніе къ прежнимъ факторамъ новыхъ, болѣе низкаго качества, могло увеличить массу производительной силы на большее количество, чѣмъ которое соотвѣтствуетъ числовому выраженію, вновь приложенныхъ единицъ рабочей силы.

§ 4. Трудно рѣшить: должны ли мы классифицировать капиталъ съ точки зрѣнія возростанія или уменьшенія доходности вмѣстѣ съ землей или трудомъ. Добавленіе къ извѣстному количеству капитала, получаемое путемъ пониженія границы эксплоатаціи, можно разсматривать какъ увеличеніе его дѣйствительной силы, принадлежавшей ему при прежнемъ пользованіи, такъ какъ оно даетъ ему возможность больше спеціализироваться. Но такъ какъ повышеніе производительности капитала будетъ сопряжено съ привлеченіемъ большаго количества рабочей силы и большимъ раздѣленіемъ труда, то такое возростаніе доходности, повидимому, будетъ очень тѣсно связано съ увеличеніемъ рабочей силы.

Дѣйствительнымъ результатомъ спроса на болѣе крупные капиталы часто оказывается преобразованіе ихъ въ болѣе совершенныя формы, которыя, вовсе не требуя для своего пользованія добавочнаго количества рабочей силы, ведутъ, если разсматривать предпріятіе какъ цѣлое, лишь къ новымъ перемѣщеніямъ въ непосредственной эксплоатаціи. Но случай этотъ не является иллюстраціей пониженія границы эксплоатаціи, ибо новыя формы капитала, привлеченныя къ дѣлу, по качеству не ниже старыхъ; его можно уподобить открытію новаго участка плодородной земли, который можетъ на извѣстное время извратить основанную на увеличившемся спросѣ нормальную тенденцію привлекать къ эксплоатаціи земли худшаго качества. Но если улучшеніе качества извѣстныхъ формъ капитала аналогично пониженію границы эксплоатаціи, то необходимо будетъ признать фактъ очевидной примѣнимости къ капиталу закона возростанія доходности справедливымъ и по отношенію къ труду принимающему, благодаря увеличенію капитала, новыя формы. Ниже границы эксплоатаціи капиталистъ, какъ таковой, можетъ ввести въ промышленную жизнь лишь капиталъ обычнаго вида; %, получаемый имъ при этомъ, является платой за производство добавочнаго количества старыхъ видовъ капитала. Я полагаю, что въ этихъ новыхъ копіяхъ старыхъ формъ капитала, врядъ ли справедливо видѣть причину возростанія дѣйствительной силы подобныхъ формъ капитала, которыя ранѣе функціонировали въ данной промышленной отрасли, и такимъ образомъ приписывать имъ увеличеніе дохода общей суммы капитала.

Если поэтому я утверждаю, что формамъ земли и капитала слѣдуетъ приписать непосредственную производительность, то увеличеніе спроса на ихъ эксплоатацію, заставляющее прибѣгать къ единицамъ худшаго качества или дороже обходящимся, можетъ проявлять эту принудительную силу въ соотвѣтствіи съ закономъ уменьшенія доходности путемъ увеличенія прежней цѣны на каждую единицу пользованія землею или капиталомъ. Это, конечно, совершенно согласуется съ общей тенденціей къ пониженію нормы прибыли или дѣйствительнаго %. Хотя мы и можемъ встрѣтить возростающую склонность дѣлать сбереженія и при болѣе низкой нормѣ прибыли, однако, сравнивая

дѣйствительныя сбереженія, которыя приняли форму капитала съ потенціальными, которыя могутъ принять эту форму, мы должны признать послѣднія лежащими ниже границы эксплоатаціи, и могущими перейти въ дѣйствительную жизнь лишь при условіи болѣе высокой нормы %, нежели та, которой пользуется уже эксплоатируемый капиталъ.

Мы заходимъ за предѣлы, создаваемые для промышленности матеріальными условіями, лишь тогда, когда беремъ цѣны на рабочую силу, функціонирующую по желанію человѣка. Пока мы будемъ настаивать на измѣреніи рабочей силы въ видѣ *независимыхъ единицъ*, мы не въ состояніи будемъ понять жизненный законъ промышленнаго роста. Законъ возростанія доходности есть въ сущности законъ интеллектуальной кооперації.

§ 5. Вышеизложенное составляетъ лишь необходимое теоретическое введеніе къ изученію прогрессивнаго производства въ разныхъ промышленныхъ отрасляхъ.

Принявъ, что для земельной эксплоатаціи должна существовать сложная граница, мы должны будемъ въ каждомъ случаѣ возростанія предложенія изслѣдовать вопросъ, насколько оно понижаетъ границу и какъ эта болѣе низкая граница образуется. Здѣсь мы замѣчаемъ тождественность теоріи образованія цѣны съ теоріей распредѣленія.

Для иллюстраціи значенія закона ренты, какъ опредѣляющаго момента въ распредѣленіи, лучше взять случай, когда предстоитъ распредѣлить увеличенное количество продуктовъ. Тогда вопросъ будетъ заключаться въ томъ: что опредѣляетъ отношеніе, въ которомъ добавочный продуктъ распредѣляется между владѣльцами трехъ производственныхъ факторовъ? Или, иными словами,—обращаясь къ нашему общему приложенію закона ренты: что опредѣляетъ увеличеніе маргинальной и дифференціальной рентъ для земли, капитала и труда? Примемъ для удобства, что увеличеніе продукта требуетъ для производства послѣдняго добавочныхъ количествъ земли, капитала и труда, причемъ увеличеніе во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ будетъ пропорціонально-равнымъ, напр., 10% для каждаго фактора производства. Какъ повліяетъ на пропорцію распредѣленія самого продукта это увеличеніе спроса на эксплоатацію производственныхъ факторовъ?

Возьмемъ случай, когда спросу на увеличенную эксплоатацію земли, капитала и труда сопутствуетъ предложеніе такихъ новыхъ количествъ каждаго изъ нихъ, которыя лежатъ непосредственно ниже предшествовавшей эксплоатаціи и лишь номинально уступаютъ по качеству уже эксплоатировавшимся землѣ, капиталу и труду. При этомъ условіи цѣны за эксплоатацію этихъ трехъ факторовъ не поднимутся сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ и новый продуктъ будетъ распредѣляться между всѣми тремя факторами совершенно въ прежней пропорціи. Въ этомъ случаѣ пониженіе границы эксплоатаціи и повышеніе доходности каждой дающей ренту единицы земли, капитала и труда будетъ сравнительно съ прежнимъ очень незначительно: именно, оно будетъ какъ разъ достаточно для того, чтобы вызватькъ экономической жизни требуемое увеличеніе предложенія. При обиліи подходящихъ земли и капитала нѣсколько низшаго качества сравнительно съ тѣми, которые составляютъ границу эксплоатаціи, не легко заручиться одинаковымъ увеличеніемъ предложенія труда. Возростаніе спроса на трудъ въ соотвѣтствіи съ неизмѣннымъ его предложеніемъ, будетъ поднимать цѣну или ренту труда выше возможнаго предѣла, и это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока эта граница эксплоатаціи труда не опустится настолько, чтобы вызвать требуемое новое предложеніе. Это значитъ, что въ то время, какъ въ случаѣ земли и капитала лишь *номинальное* пониженіе границы, сопровождавшееся лишь *номинальнымъ* увеличеніемъ ренты, уже создало новое предложеніе, въ случаѣ труда для соотвѣтственнаго увеличенія его предложенія требуется уже *значительное* пониженіе границы при *значительномъ* повышеніи ренты. Такимъ образомъ въ то время, какъ ренты земли и капитала остаются въ сущности на прежнемъ уровнѣ, рента труда будетъ значительно большей и поглотитъ почти все увеличившееся количество продукта, нарушая такимъ образомъ равновѣсіе въ распредѣленіи всего количества продукта въ средѣ хозяйственной общины.

Выгодное положеніе, которое предоставляется въ этомъ случаѣ труду, можетъ съ равнымъ основаніемъ распространено на землю или капиталъ. Возвышеніе цѣны каждой уже эксплоатируемой единицы этихъ послѣднихъ факторовъ будетъ пропорціонально

трудности появленія на рынкѣ добавочнаго количества различныхъ элементовъ, необходимыхъ для производства. Механизмъ этого процесса очень простъ. Поднятіе цѣны будетъ вызвано недостаточностью подходящаго предложенія, сравнительно съ возросшимъ спросомъ при неизмѣнномъ уровнѣ цѣнъ; новое предложеніе можетъ быть приведено въ то самое количественное соотношеніе съ новымъ спросомъ путемъ удержанія новой цѣны за единицу производительной силы, причемъ новая цѣна будетъ выражать сравнительно со старой большую трудность при эксплоатаціи опредѣляющаго количества предложенія этого фактора производства.

Такимъ образомъ мы получаемъ тотъ законъ, что доли всего продукта, уплачиваемыя какъ земельная рента, рента капитала и рента труда измѣняются соотвѣтственно съ трудностью эксплоатаціи того количества каждаго производительнаго фактора, которое необходимо для сохраненія нормальнаго хода производства. Существуютъ пустующія пространства земли, находящіяся непосредственно за границей обработки (т.-е. содержащія меньше производительной силы на акръ, чѣмъ можетъ быть утилизировано при данной суммѣ издержекъ его обработки). Точно такъ же существуетъ потенціальный капиталъ (т.-е. капиталъ недостаточно производительный, чтобы покрыть, считая по прежней нормѣ, издержки помѣщенія, но могущій перейти въ жизнь наравнѣ съ функціонирующимъ капиталомъ разъ явятся необходимыя условія). Существуютъ, наконецъ, не находящія примѣненія рабочія руки болѣе низкого качества (т. е. такія, которыя могутъ дать извѣстную сумму рабочей силы лишь будучи приложимы въ большемъ количествѣ). Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ потенціальный или непримѣняемый факторъ привлекается къ эксплоатаціи послѣ того, какъ произошло достаточное поднятіе ренты соотвѣтствующаго фактора, находящагося выше существующей границы эксплоатаціи.

Эта теорія, что перемѣны въ пропорціи распредѣленія платежей между землей, капиталомъ и трудомъ зависятъ отъ сравнительной легкости или трудности увеличенія предложенія каждаго изъ этихъ факторовъ, повидимому, настолько очевидно соотвѣтствуетъ истинѣ, что не могла бы не встрѣтить признанія. То обстоятельство, что этого не случилось, должно быть приписано

крайнему несочувствію экономистовъ той истинѣ, что единственной *непосредственной* причиной перемѣнъ цѣны является предшествующая перемѣна въ количественномъ отношеніи предложенія и спроса при существующихъ цѣнахъ. Разъ бы было ясно понятно, что уменьшеніе предложенія при данныхъ цѣнахъ служитъ единственно-возможной непосредственной причиной возвышенія цѣны и разъ это имѣлось бы въ виду при анализѣ цѣнъ эксплоатаціи земли, капитала и труда, исчезла бы главная трудность выработки удовлетворительной теоріи распредѣленія.

Здѣсь будетъ умѣстнымъ резюмировать все вышеизложенное въ трехъ слѣдующихъ положеніяхъ:

1. Если имѣется неопредѣленно-большое количество каждаго изъ факторовъ производства, лежащихъ тотчасъ за границей годности ихъ примѣненія и по своему качеству почти одинаковыхъ съ находящимися на самой границѣ, то расширеніе производства не можетъ ни измѣнить пропорцію распредѣленія между собственниками трехъ факторовъ, ни сколько-нибудь значительно повысить дифференціальную ренту каждой части фактора, которая стоитъ выше границы эксплоатаціи.

2. Если не имѣется на лицо нѣкотораго запаса для новаго предложенія какого-либо изъ производственныхъ факторовъ и трудность такого обезпеченія каждой единицы добавочнаго предложенія одинаково для каждаго изъ нихъ, то дифференціальная рента каждой дающей ренту единицы земли, капитала и труда поднимется, но пропорція въ распредѣленіи всей суммы продукта останется неизмѣнной.

3. Если обезпеченіе добавочнаго предложенія представляетъ различную степень трудности для каждаго изъ трехъ факторовъ, то масштабомъ этого различія будутъ служить относительное увеличеніе ренты той части каждаго изъ факторовъ, которая приноситъ ренту, и соотвѣтственныя измѣненія въ пропорціи, въ которой происходитъ распредѣленіе продукта между факторами. Если, напр., желательно увеличить на 20% количество каждаго фактора производства, чтобы достигнуть требуемаго увеличенія продукта, и если добыть увеличеніе количества земли вдвое труднѣе, чѣмъ капитала и труда, то половина добавочнаго продукта послужитъ рентой земли, одна четверть — рентой капитала и другая—рентой труда.

Мы брали здѣсь случай, гдѣ увеличеніе производства вызываетъ пропорціонально-равное расширеніе эксплоатаціи всѣхъ трехъ факторовъ. Но, конечно, рѣдко бываетъ, чтобы отношеніе, существующее между факторами производства, оставалось тѣмъ же, когда происходитъ расширеніе производства. Никоимъ образомъ нельзя думать, что если числа 3, 2, 5 обозначаютъ сравнительныя доли земли, капитала и труда при прежнемъ производствѣ, то съ удвоеніемъ производства между всѣми этими элементами удержится то же отношеніе. Законъ замѣщенія находится въ постоянномъ дѣйствіи, давая возможность капиталу перемѣщать трудъ, или экономизируя землю путемъ усиленной эксплоатаціи капитала или труда [1]).

Дѣйствительно, мы знаемъ, что всякое увеличеніе суммы продукта сопровождается измѣненіемъ отношенія долей трехъ факторовъ производства. Это происходитъ отъ того, что практическое примѣненіе нашего правила измѣренія, очевидно, работа не легкая: всякая перемѣна распредѣленія суммы продукта будетъ зависѣть отъ относительнаго вліянія двухъ силъ: во-первыхъ, сравнительной величины спроса на каждый факторъ, влекущаго за собой увеличеніе продукта; во-вторыхъ, отъ относительной трудности создать для этого увеличеннаго спроса соотвѣтственное предложеніе. Частое употребленіе здѣсь слова «относительное» само по себѣ служитъ доказательствомъ сложности вопроса. Прежде чѣмъ сказать, въ какой мѣрѣ увеличеніе на 10% суммы производства, одной общины отразится на пропорціональномъ распредѣленіи указанныхъ факторовъ, мы должны выяснить два факта: (x) точное количество земли, капитала и труда, входящее въ новое производство, и то отношеніе, въ которомъ происходитъ увеличеніе каждаго изъ трехъ факторовъ сравнительно съ прежде эксплоатировавшимся ихъ количествомъ; (y) размѣры пониженія границы эксплоатаціи, необходимаго для обезпеченія желаемаго увеличенія каждаго фактора. Каждый изъ этихъ двухъ фактовъ (x и y) самъ является результатомъ различныхъ

[1]) Бёмъ-Баверкъ („Стоимость добавочныхъ благъ“) ясно и тщательно отмѣчаетъ важность закона замѣщенія для производственныхъ элементовъ при опредѣленіи доли получаемаго каждымъ изъ различныхъ факторовъ вознагражденія. Онъ сначала указываетъ на сравнительную незамѣнимость, какъ мѣрило экономической силы.

противудѣйствующихъ силъ и можетъ быть учтенъ лишь путемъ тщательныхъ исчисленій. Относительно пропорціональнаго увеличенія каждаго производственнаго фактора, вызываемаго всякимъ расширеніемъ суммы производства, возникаетъ цѣлый рядъ соображеній. Изъ нихъ наиболѣе важны слѣдующія:

1. Усовершенствованія промышленной техники и введеніе сберегающихъ рабочую силу машинъ, (а) дающихъ возможность прежнему количеству капитала производить больше продуктовъ и (в) дающихъ капиталу возможность замѣщать трудъ, такъ что одинаковый спросъ какъ на бóльшее количество капитала, такъ и на бóльшее количество труда было бы равносильнымъ спросу на большее количество капитала и на меньшее количество новаго труда.

2. Соціальныя и промышленныя реформы, улучшая организацію труда или вводя въ пользованіе матеріаломъ и машинами большую осмотрительность, путемъ поднятія производительной нормы труда, экономіи и капитала дадутъ возможность увеличить сумму продукта путемъ повышенія количества капитала и труда въ меньшей степени, чѣмъ это соотвѣтствуетъ количеству произведенной работы. Но и здѣсь процессъ является не простымъ, а сложнымъ. Напр., результатомъ экономіи, достигнутой кооперацією или участіемъ въ прибыли, насколько такая экономія состоитъ въ болѣе бережномъ обращеніи съ машинами и въ меньшей тратѣ матеріала, будетъ соотвѣтственное ослабленіе спроса на количество и капитала, и труда, необходимое для расширенія производства. Поскольку такое обстоятельство дѣйствуетъ лишь какъ стимулъ къ большей трудовой дѣятельности, оно обнаруживается главнымъ образомъ въ видѣ экономіи труда. Такимъ образомъ большее количество продукта получится при прежнемъ количествѣ труда въ соединеніи съ большимъ количествомъ капитала.

3. Всякаго рода физическій, моральный и умственный прогрессъ рабочихъ, какъ и усовершенствованіе ихъ технической ловкости, дастъ возможность удовлетворить спросу на большую рабочую силу посредствомъ сравнительно меньшаго увеличенія числа рабочихъ.

4. Сельско-хозяйственныя усовершенствованія могутъ привести къ увеличенію продукта безъ соотвѣтственнаго расширенія гра-

ницъ эксплоатаціи земли и привлеченія къ обработкѣ земель худшаго качества.

Таковы опредѣляющіе факторы, требующіе изученія прежде, чѣмъ можно бы было учесть вышеупомянутый x. Другой рядъ силъ и обстоятельствъ вліяетъ на большую или меньшую трудность обезпеченія увеличеннаго предложенія извѣстныхъ производственныхъ факторовъ. Обстоятельства эти слѣдующія:

1. Вліяніе прогресса въ средствахъ сообщенія и уничтоженіе международныхъ преградъ для коммерческихъ цѣлей, приводящія: (a) къ расширенію предложенія земли въ данной общинѣ, (в) къ увеличенію «подвижности» капитала и (c) къ большей легкости въ перемѣщеніи труда.

2. Вліяніе войны, политическихъ осложненій, мѣстныхъ коммерческихъ ограждeній и т. п., отзывающееся (a) на требуемомъ для производства количествѣ производственныхъ факторовъ и (в) на относительной подвижности каждаго изъ нихъ.

3. Вліяніе бóльшей осмотрительности въ дѣлахъ, усиленіе чувства безопасности и увеличеніе подвижности капитала, отражающіяся на легкости, съ которою можетъ быть удовлетворенъ возросшій спросъ на капиталъ.

4. Сложныя вліянія поднятія жизненнаго уровня, воспитанія, искусственныхъ препятствій размноженію и т. п. въ качествѣ опредѣляющихъ моментовъ, расширеніе предложенія труда въ различныхъ ступеняхъ потребностей.

Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что каждый изъ этихъ пунктовъ является широкимъ полемъ для анализа и самъ заключаетъ свои особыя трудности. Каждый изъ нихъ важенъ для опредѣленія вышеупомянутыхъ x и y; но, къ несчастью, дѣло этимъ не ограничивается. X — количество земли, труда и капитала, требуемое расширеніемъ производства благъ или какого либо индивидуальнаго блага является не простой составной частью, какъ мы до сихъ поръ принимали. Земля, которую этотъ знакъ изображаетъ, сама представляетъ большое разнообразіе формъ эксплоатаціи, входя въ различные производственные процессы. Въ одномъ случаѣ мы встрѣтимъ дифференціальныя ренты, измѣряемыя отъ границы, на которой ренты не существуетъ; въ другомъ—дифференціальныя ренты, измѣряемыя отъ положительныхъ границъ. Въ однихъ случаяхъ поднятіе спроса

на блага сильно понизитъ границу эксплоатаціи, значительно повысивъ дифференціальныя ренты; въ другихъ—расширеніе предложенія будетъ достигнуто при очень небольшомъ пониженіи этой границы; въ—третьихъ, быть можетъ, на ея пониженіе окажетъ сильное вліяніе способъ производства, который будетъ экономизировать землю, прибѣгая къ расширенію эксплоатаціи капитала и труда, согласно закону замѣщенія. Такимъ образомъ возрастаніе спроса на пользованіе землей различно отзовется на существующихъ процессахъ ея эксплоатаціи. То же самое приложено къ капиталу и труду, различныя видовыя и индивидуальныя формы которыхъ будутъ участвовать въ разныхъ стадіяхъ производства. Такъ что, когда мы станемъ разсматривать, какъ отозвалось бы на отношеніи цѣнъ, получаемыхъ собственниками различныхъ факторовъ, повышеніе предложенія какого-нибудь товара на 10%, намъ придется имѣть дѣло съ очень сложными разсчетами. Опредѣленіе и **x**, и **y** должно быть сперва сдѣлано отдѣльно для каждой производственной стадіи.

Но даже этого не будетъ достаточно, чтобы учесть перемѣну въ пропорціи распредѣленія; намъ придется измѣрять не только относительное давленіе, которое проявляютъ при увеличеніи производства эти двѣ силы на каждой стадіи. Увы! x и y нельзя опредѣлять, какъ совершенно различныя силы. Это не только двѣ варіирующія силы, но варіирующія силы, которыя вліяютъ одна на другую съ силой, которая въ свою очередь подвержена измѣненіямъ Это значитъ: невозможно съ точностью установить, сколько пришлось бы добавить новаго капитала и труда для покрытія увеличившагося спроса, пока мы не знаемъ степени трудности, съ которою будетъ сопряжено покрытіе этого увеличенія спроса. И въ дѣйствительности безъ такихъ свѣдѣній мы не можемъ опредѣлить, насколько можно произвести замѣщеніе добавочнаго количества рабочихъ сберегающими трудъ машинами. Точно такъ же мы не можемъ опредѣлить, насколько увеличеніе спроса на землю повлечетъ за собою болѣе интенсивную обработку земли, уже эксплоатируемой, вмѣсто того, чтобы привлечь къ эксплоатаціи земли пространства, до тѣхъ поръ не находившіяся въ обработкѣ. Съ другой стороны, очевидно, что мы не можемъ точно опредѣлить степени пониженія границы эксплоатаціи трехъ производ-

ственныхъ факторовъ, если не знаемъ не только, сколько требуется добавочнаго продукта, но также и того, въ какой мѣрѣ скажется это возрастаніе спроса на каждомъ изъ трехъ производственныхъ факторовъ, т.-е. до тѣхъ поръ, пока мы не будемъ знать x. Теперь, когда двѣ главныя силы, которыя мы принимали ради удобства различными, оказались дѣйствующими другъ на друга, передъ нами начинаетъ раскрываться вся сложность проблемы распредѣленія. Для точнаго опредѣленія измѣненій въ пропорціи распредѣленія продукта между землею, трудомъ и капиталомъ, производимыхъ расширеніемъ или съуженіемъ производства, мы должны измѣрить варіирующее давленіе извѣстнаго числа промышленныхъ силъ, (— замѣтимъ, что это давленіе также способно измѣняться въ своей нормѣ —) каждая изъ которыхъ вліяетъ на извѣстное число другихъ съ различной степенью и измѣняющейся нормой притяженія. Мы имѣемъ передъ собой u, v, w, x, y, z и т. д., каждый изъ которыхъ можетъ имѣть различную степень дѣйствія и вліять другъ на друга въ различной степени, каждая соотвѣтственно своей силѣ.

Таково сложное теоретическое содержаніе проблемъ, стоящихъ передъ руководителемъ промышленныхъ предпріятій и организаторами труда. Задача мѣняется для каждой промышленной отрасли, для каждаго времени, для каждой страны. Дѣйствительно, станемъ въ экономикѣ на національную точку зрѣнія и спросимъ, каково будетъ вліяніе увеличившейся потребности въ извѣстномъ родѣ товаровъ на спросъ въ данной странѣ на разные факторы, требуемые различными производственными процессами. Въ этомъ случаѣ намъ придется разобраться не только въ чисто экономическихъ, но и политическихъ условіяхъ, отличающихъ каждую націю въ ея промышленномъ соперничествѣ съ другими.

Тѣ, на комъ лежитъ выясненіе вѣроятнаго вліянія на прибыли или заработныя платы, допущенныя расширенія или сокращенія производительности въ отдѣльной отрасли промышленности, должны разсмотрѣть взаимодѣйствіе всѣхъ этихъ силъ, насколько онѣ опредѣлимы. Успѣшность отдѣльныхъ капиталистическихъ предпріятій, какъ и рабочаго движенія, будетъ все въ бо̀льшей степени зависѣть отъ искусства и опытности тѣхъ, кто вѣдаетъ эти разсчеты.

Мы касались измѣненій въ терминологіи и точкѣ зрѣнія, которыя неизбѣжны при сочетаніи земли, труда и капитала, чтобы измѣрить ихъ вліянія на цѣну и относительную силу, съ которой каждый фактъ предъявляетъ свои права на долю въ общемъ продуктѣ. Мы видѣли, что понятіе границы эксплоатаціи съ дифференціальными рентами для болѣе производительныхъ разрядовъ одинаково приложимо ко всѣмъ тремъ факторамъ. Съ другой стороны, правильное пониманіе закона замѣщенія вызываетъ примѣненіе сложной границы эксплоатаціи при соображеніи вліянія на распредѣленіе продукта между владѣльцами факторовъ расширенія или съуженія спроса на производительную энергію.

Оказалось также, что процессъ опредѣленія цѣны предложенія земли, труда или капитала въ сущности тотъ же, что и процессъ опредѣленія цѣны предложенія товаровъ, разъ свести акры, рабочихъ и 100 ф. ст. капитала къ извѣстной единицѣ мѣры производительной силы, которая, при всей неопредѣленности формъ, является дѣйствительнымъ предметомъ продажи. Окончательная продажная цѣна единицы земли, капитала, труда опредѣляется болѣе сильной стороной въ послѣдней парѣ торгующихся въ предѣлахъ тѣхъ границъ, которыя установлены общей конкурренціей покупателей и продавцовъ этихъ факторовъ производства. Значительныя внѣшнія различія между товарнымъ рынкомъ и рынкомъ производственныхъ факторовъ, гдѣ конкурренція дѣйствуетъ часто крайне медленно, косвенно и неполно, не должны закрывать намъ глаза передъ тождественностью по существу экономическихъ процессовъ. Когда конкурренція слаба и недостаточна, верхняя и нижняя границы цѣны далѣе отстоятъ другъ отъ друга, чѣмъ въ случаѣ товарнаго рынка со свободной конкурренціей, и это даетъ болѣе простора экономической силѣ болѣе сильнаго изъ послѣднихъ торгующихся. Контрастъ между денежнымъ или шерстянымъ рынками при нормальныхъ условіяхъ, и рынкомъ, гдѣ продаются права на пользованіе землею въ ростущемъ городѣ, несомнѣнно, бросается въ глаза. Но хотя въ послѣднемъ случаѣ конкурренція прекращается въ гораздо болѣе ранній моментъ, чѣмъ въ первомъ, разница между обоими лишь въ степени, а не по существу. Въ обоихъ случаяхъ,— хотя и не въ одинаковой мѣрѣ,—цѣну опредѣляетъ конкурренція между покупателями и продавцами и экономическая сила.

Сторонникамъ простоты результатъ этотъ можетъ казаться неудовлетворительнымъ, но значительная доля дурной славы, которою окружаютъ экономическую науку люди «практики», объясняется, какъ часто выяснялось, не присущимъ имъ расположеніемъ къ теоретическому анализу. Она объясняется, напротивъ того, скороспѣлой фабрикаціей экономическихъ законовъ, настолько удивительно простыхъ, что они приводили къ попыткамъ воспользоваться ими, какъ rules of thumb въ дѣйствительныхъ движеніяхъ промышленности. Они такимъ образомъ оказались непримѣнимы, человѣкъ практики не удовлетворяется тщательными указаніями ученаго экономиста на трудности, сопряженныя съ примѣненіемъ экономическихъ законовъ къ деталямъ экономической дѣйствительности.

Полученные нами сложные результаты учатъ осторожности. Ими часто оправдывали инертность. Многія силы, которыя примѣняются въ данномъ случаѣ, совершенно не поддаются точному измѣренію, и можно легко показать, что невозможно предсказать съ какою-либо степенью вѣроятности вліяніе на прибыли или эксплоатацію какого-либо промышленнаго предпріятія перемѣны въ спросѣ на различные факторы производства. Но это не можетъ оправдывать бездѣятельности. Человѣчество въ своихъ дѣйствіяхъ всегда руководится умозрѣніемъ (is speculative); будущее никогда не можетъ быть предсказано съ точностью; рискъ и вѣра всегда составляютъ необходимыя условія прогресса. Мыслящій человѣкъ довольствуется обыкновенной степенью вѣроятія, его разсчеты ограничиваются сравнительно небольшимъ числомъ факторовъ, да и они не измѣряются со всею точностью. Взвѣсивъ извѣстные болѣе широкіе результаты, онъ часто можетъ игнорировать менѣе важное. Широкій опытъ создаетъ способность сужденія, отличающуюся, очевидно, интуитивными свойствами, хотя ея скрытый образъ дѣйствій строго разсудоченъ.

Поэтому широкія промышленныя движенія, затрогивающія производство и распредѣленіе богатства, часто находятся подъ неуклоннымъ руководительствомъ выводовъ, построенныхъ на извѣстныхъ болѣе выдающихся фактахъ, или обобщеніяхъ. Такъ, напр., крупныя рабочія организаціи могутъ быть совершенно неспособны выяснить себѣ всѣ запутанные результаты, про-

истекающіе для каждой промышленной отрасли изъ общей политики болѣе высокой заработной платы или болѣе короткаго рабочаго времени. Но онѣ могутъ держаться правильнаго взгляда, что условія торга между рабочими и предпринимателями настолько въ среднемъ благопріятны для послѣднихъ, что отдаютъ въ ихъ руки значительный излишекъ богатства, обращеніе котораго въ болѣе высокую заработную плату или въ болѣе продолжительное время отдыха экономически вполнѣ возможно. Располагая такими свѣдѣніями, они не устрашатся дѣйствовать, несмотря на рискъ, проистекающій отъ давленія другихъ силъ, неизвѣстныхъ или неопредѣлимыхъ, вліяющихъ на извѣстные разряды рабочихъ. Достаточно, если они умѣло пользуются тѣмъ знаніемъ, какимъ они могутъ располагать. Энергія человѣка явнымъ образомъ ослабляется или даже сводится къ нулю подъ вліяніемъ растущаго убѣжденія въ рискованности и неизвѣстности, висящихъ надъ головою теоретика, стремящагося примѣнить тѣ неопредѣленныя свѣдѣнія, которыя онъ имѣетъ въ какой-либо отрасли знанія. Человѣкъ дѣла долженъ самъ рѣшить, въ какой мѣрѣ онъ безъ ущерба для себя можетъ не считаться съ неизвѣстностью, которую опредѣлить въ точности онъ никогда не сможетъ, къ какому риску онъ долженъ быть готовъ, хотя точные размѣры и характеръ послѣдняго будутъ всегда для него загадкой.

ГЛАВА VII.

Купля-продажа рабочей силы.

§ 1. Нѣкоторыя особыя условія продажи рабочей силы дѣлаютъ обыкновенно продавцовъ этого товара болѣе слабой стороной, чѣмъ покупатели.

Обычная причина этого часто формулируется такъ, что для собственника рабочей силы продажа ея представляетъ болѣе важности или настоятельности, чѣмъ для предпринимателя ея покупка.

Это особенно очевидно тамъ, гдѣ существуетъ излишекъ какого-либо рода рабочей силы сравнительно съ количествомъ, требуемымъ по цѣнѣ, которая дала бы minimum эксплоатаціон-

ной прибыли. Предназначенные въ продажу товары или земля, которые, появившись на рынкѣ, сбили бы цѣну до невыгоднаго уровня, въ большинствѣ случаевъ могутъ быть устранены съ рынка безъ непоправимаго ущерба для владѣльца. Не то съ рабочей силой. Она должна быть продана; если продажи не состоится въ теченіе недѣли, это не только приведетъ къ потерѣ средствъ къ существованію въ теченіе недѣли, но и количества рабочей силы, капитала и, наконецъ, самого рабочаго. Эта рабочая сила должна продаваться безпрерывно, и небольшими количествами, измѣряемыми обыкновенно днями или недѣлями; наконецъ, ей приходится переходить въ руки покупателя, который знаетъ неотложность продажи для продавца. Словомъ, рабочій продаетъ свою рабочую силу при условіяхъ вынужденной продажи. Торгъ на рабочемъ рынкѣ маргинальной пары торгующихся (непосредственно устанавливающей цѣну) будетъ отличаться тѣмъ, что невозможность для продавца отказаться отъ сдѣлки напередъ всегда извѣстна покупателю, съ которымъ первый «бьется за цѣну». При такихъ обстоятельствахъ превосходство позиціи покупателя настолько очевидно, что онъ обыкновенно бываетъ въ состояніи избѣгнуть необходимости торговаться и можетъ прямо назначать обычную цѣну труда. Въ свою очередь органическая непрерывность индивидуальной рабочей силы, тотъ фактъ, что энергія, расходуемая за одну недѣлю, жизненно связана съ энергіей слѣдующей недѣли, придаетъ слабости рабочаго въ торгѣ сугубую невыгоду (Marshall, Principles, 2 ed., I, 602). Невыгодная продажа въ теченіе нѣсколькихъ недѣль или мѣсяцевъ, неудача въ полученіи регулярной и подходящей работы за сносную заработную плату вызываютъ ухудшеніе трудовой производительности въ послѣдующія недѣли и быть можетъ, приносятъ рабочему продолжительныя физическія и моральныя страданія.

Эта слабость въ торгѣ, специфически присущая рабочей силѣ въ отличіе отъ другихъ предметовъ продажи, объясняется тѣмъ, что рабочая сила не можетъ быть отдѣлена отъ жизни, функціей которой она является.

Выражая эту особенность иначе, мы можемъ сказать, что сущность этого вопроса заключается въ томъ фактѣ, что, продавая часть своей рабочей силы, рабочій вмѣстѣ съ тѣмъ покупаетъ воз-

можность (permission) жить, и будущее его рабочей силы зависитъ отъ условій этой покупки. Поэтому, хотя непосредственно предприниматель имѣетъ въ виду лишь пріобрѣтеніе рабочей силы, однако, неустранимыя условія такой покупки даютъ ему власть надъ другими жизненными функціями, которыхъ онъ не покупаетъ, но которыя «идутъ не въ счетъ». То, что я разумѣю здѣсь, прекрасно резюмировано у г-жи Веббъ: «человѣкъ, живущій заработной платой, не только, подобно торговцу, продаетъ извѣстное количество товаровъ, переходящее въ руки покупателя; но онъ предоставляетъ въ распоряженіе своего хозяина на извѣстныхъ условіяхъ всю свою жизнь. Сколько часовъ долженъ онъ работать, когда и гдѣ будетъ онъ ѣсть; санитарная обстановка, надежность машинъ, температура мастерской, испытываемыя имъ усталость и напряженіе, рискъ несчастнаго случая или болѣзнь, которая ему можетъ угрожать,— всѣ эти обстоятельства не менѣе важны для рабочаго, чѣмъ заработная плата. Но относительно большинства всѣхъ этихъ жизненныхъ условій онъ совершенно не можетъ договориться» (Commonwealth, February, 1896).

И даже если онъ въ состояніи это сдѣлать, то оно совершается при весьма невыгодныхъ условіяхъ. Даже тамъ, гдѣ индивидуальный договоръ въ широкой мѣрѣ замѣненъ коллективнымъ, усилія рабочихъ добиться соотвѣтствующихъ гарантій противъ злоупотребленія касающихся безопасности и излишняго обремененія рабочаго оказались слабы. И въ дѣйствительности соотвѣтственныя условія не представляютъ собственно части того, что предлагается при продажѣ рабочей силы, вслѣдствіе этого не остается мѣста денежному вознагражденію, и вообще денежная оцѣнка этого невозможна. «За свою жизнь человѣкъ отдастъ все, что имѣетъ». Некрозъ рабочихъ фосфорно-спичечныхъ заводовъ, чахотка бельфастскихъ льнопрядильщиковъ не фигурируютъ ни въ какихъ договорахъ и ничѣмъ не оплачиваются.

§ 2. Насколько сравнительно улучшаетъ коллективный договоръ позиціи продавцовъ рабочей силы,—если брать заработную плату,—трудно рѣшить. Принимая во вниманіе, что капиталъ обыкновенно оказывается опередившимъ трудъ по части коллективной организаціи, трудно думать, чтобы замѣна единичнаго рабочаго группой ихъ могла отразиться на перевѣсѣ вы-

годы въ сторону предпринимателя. Извѣстно, что каждый крупный предприниматель, обладая значительнымъ числомъ тѣсно сплоченныхъ единицъ капитала, противопоставляетъ ихъ слабо и недостаточно сплоченнымъ единицамъ рабочей силы. Въ этомъ вовсе не заключается низкой оцѣнки трэдъ-уніонизма; рабочая группа, заключающая договоры по продажѣ рабочей силы въ теченіе продолжительнаго періода времени, черезъ посредство умѣлыхъ агентовъ, является несомнѣнно въ лучшемъ положеніи, чѣмъ отдѣльный рабочій, напоминающій по своей позиціи въ торгѣ совершенно несвѣдующаго человѣка. Но тамъ, гдѣ подобные же успѣхи сдѣлала и организація капитала, сравнительныя преимущества предпринимателя могутъ быть столь же велики, какъ всегда. Ибо всякая борьба въ настоящее время между равно развитыми организаціями ручного труда и предпринимателей, обнаруживаетъ—поскольку она подчиняется чисто экономическимъ силамъ, и не смягчается вмѣшательствомъ закона или благотворительности—превосходство силы предпринимателя, основанное на томъ, что продажа рабочей силы заключаетъ покупку права на жизнь; и все-таки экономическая сила, принуждающая рабочаго подчиниться, перспектива голодовки является въ концѣ-концовъ рѣшающимъ моментомъ. Поскольку рабочія организаціи могутъ измѣнять и ослаблять это превосходство предпринимателя, онѣ достигаютъ этого не простой замѣной индивидуальныхъ договоровъ при продажѣ рабочей силы коллективными, а накопленіемъ денежныхъ средствъ. При этихъ условіяхъ, рабочіе начинаютъ вести борьбу уже не просто какъ пролетаріатъ. Попытка какого-нибудь трэдъ-уніона, обладающаго денежными средствами, бороться съ предпринимателями, представляетъ уже борьбу капитала противъ капитала.

§ 3. Особаго рода невыгодой для рабочаго иногда считается обычный процессъ, какимъ непосредственно опредѣляется заработная плата. Въ то время, какъ къ услугамъ предпринимателя является по нѣскольку кандидатовъ на вакантное мѣсто въ предпріятіи, жестоко конкуррирующихъ и сбивающихъ другъ другу цѣну, рѣдко случается, чтобы лицомъ къ лицу сталкивались предприниматели и непосредственно оспаривали другъ у друга покупку услугъ рабочаго. Такимъ образомъ оказывается, что нивеллирующее вліяніе конкурренціи гораздо слабѣе между

покупателями труда, нежели продавцами. Непосредственно открывающаяся неорганизованному, ищущему работы рабочему перспектива—это голодъ и возможная нужда, если онъ не приметъ предложенія предпринимателя; ибо, хотя и могутъ быть другіе предприниматели, готовые каждый въ отдѣльности сдѣлать предложенія, но рабочій не можетъ полагаться на подобный случай и не можетъ довести дѣло до непосредственной конкурренціи этихъ отдѣльныхъ предпринимателей между собою. Тамъ, гдѣ,—какъ въ нѣкоторыхъ производствахъ,—предложеніе труда обыкновенно превышаетъ спросъ на него по установившимся цѣнамъ, тамъ экономическая слабость продавца рабочей силы усугубляется этимъ способомъ заключенія сдѣлки.

«Умѣнье торговаться,—говоритъ Джевонсъ,—состоитъ, главнымъ образомъ, въ раскрытіи покупателемъ наименьшей цѣны, за которую продавецъ согласенъ разстаться съ своей вещью, не обнаруживая, по возможности, наивысшей цѣны, которую согласенъ дать онъ въ качествѣ покупателя... Умѣнье читать чужія мысли имѣетъ въ коммерческой сферѣ большую важность». «Свойственная изолированному рабочему экономическая слабость, несомнѣнно, — обстоятельство, извѣстное предпринимателю и его агентамъ. Отдѣльно дѣйствующій же рабочій, съ другой стороны, бываетъ незнакомъ съ положеніемъ предпринимателя. Даже тѣ рѣдкіе случаи, когда предприниматель тяготится недостаткомъ въ одномъ рабочемъ, остаются неизвѣстны внѣ фабричной конторы. Что еще болѣе важно, такъ это то обстоятельство, что предприниматель, зная положеніе рынка относительно его продукта, можетъ составить ясное представленіе о томъ, сколько слѣдуетъ дать, чтобы не остаться безъ рабочихъ рукъ и не откладывать наемъ рабочихъ на нѣсколько недѣль". Отдѣльный же рабочій, не находя поддержки въ личномъ составѣ трэдъ-уніона и не будучи въ состояніи снестись съ рабочими въ другихъ городахъ, находится въ полнѣйшей неизвѣстности о томъ, сколько ему просить за свою работу». (Webb, Industrial Democracy, II, 657.)

Сказанное во всей своей полнотѣ примѣнимо къ труду низшаго разряда. О немъ мы можемъ сказать, что его нормальная заработанная плата удовлетворяетъ лишь простому существованію, если не считать восполненія недостающихъ средствъ

при помощи кражъ, выпрашиванія милостыни или общественной благотворительности. Чтобы придать позиціи «маргинальнаго рабочаго» этого разряда въ торгѣ съ маргинальнымъ предпринимателемъ, покупающимъ его трудъ, одинаковую прочность, необходимо было бы:

a) гарантировать ему и его семьѣ полную заработную плату, достаточную для ихъ хозяйствъ, въ томъ случаѣ, если онъ приметъ работу, изъ за которой приходится конкуррировать;

b) принять мѣры, которыя предохраняли бы отъ израсходованія его рабочую силу и защищали бы его противъ условій труда, угрожающихъ его трудоспособности въ будущемъ.

Въ той самой мѣрѣ, въ какой эти гарантіи дѣйствительно достигнуты отдѣльными лицами и разрядами рабочихъ, условія при которыхъ они продаютъ свою рабочую силу, стоятъ выше только что описанныхъ.

Группы квалифицированныхъ рабочихъ съ крѣпкой заручкой на важномъ рабочемъ рынкѣ, гдѣ капиталъ подверженъ естественной конкурренціи, часто могутъ удерживать заработную плату маргинальнаго труда на значительно высшемъ уровнѣ сравнительно съ платой рабочихъ неквалифицированныхъ. Обладая организаціей (corner) мастеровъ въ высоко цѣнимыхъ ремеслахъ и иногда нѣкоторыми денежными средствами, они могутъ значительно понижать преимущества, обыкновенно достающіяся капиталисту-предпринимателю въ торгѣ съ пролетаріемъ. Если же мы поднимемся къ профессіональнымъ работникамъ и др. разрядамъ квалифицированнаго умственнаго труда, то будемъ имѣть дѣло съ лицами, которыя, имѣя нѣкоторую поддержку въ денежныхъ средствахъ,—своихъ или чужихъ—или увѣренность имѣть предъ собой альтернативу другихъ занятій, нерѣдко могутъ занимать при продажѣ своего квалифицированнаго труда столь же или даже болѣе сильную позицію, чѣмъ покупатель.

Маргинальный юристъ или маргинальный докторъ на Вестъ-Эндскомъ рынкѣ по меньшей мѣрѣ въ состояніи постоять за себя при тѣхъ постепенныхъ и носящихъ косвенный характеръ сдѣлкахъ, которыми устанавливается цѣна на ихъ профессіональное умѣнье.

На каждомъ рабочемъ рынкѣ можно встрѣтить лицъ, которыя могутъ получать болѣе высокія дифференціальныя ренты, сви-

дѣтельствующія объ ихъ высшей стоимости сравнительно со стоимостью труда маргинальнаго продавца рабочей силы. Эти дифференціальныя ренты увеличиваются, повидимому, и абсолютно, и относительно, по мѣрѣ перехода отъ нисшихъ къ высшимъ разрядамъ труда. Дѣйствительно, примѣнять со всей строгостью систему градаціи и къ наилучшевозна граждаемымъ видамъ личнаго или профессіональнаго труда значило бы слишкомъ много требовать отъ нея; это значило бы распространять ее и на тѣ случаи, гдѣ предметы ихъ не поддаются и тому обозначенію, какъ, напримѣръ, продажа труда артиста или пѣвца, и гдѣ каждая отдѣльная личность представляетъ сама по себѣ рынокъ, получая скорѣе монопольную, чѣмъ дифференціальную ренту, которая образуется тамъ, гдѣ продается промышленный трудъ болѣе рутиннаго или безличнаго характера.

§ 4. Соціализмъ и рабочія движенія вообще объясняются, главнымъ образомъ, болѣе или менѣе яснымъ сознаніемъ того, что договоры о продажѣ рабочей силы отличаются отъ другого рода договоровъ тѣмъ, что тутъ имѣется естественный перевѣсъ экономическихъ преимуществъ покупателей.

Примѣненіе къ рабочему рынку анализа, изложеннаго въ 1-ой главѣ настоящаго сочиненія, покажетъ, что естественная конкурренція ставитъ въ концѣ - концовъ маргинальнаго рабочаго лицомъ къ лицу съ маргинальнымъ предпринимателемъ при условіяхъ, которыя даютъ послѣднему возможность установить цѣну на близкой къ нижней границѣ точкѣ, что даетъ каждому покупателю рабочей силы «вынужденный барышъ».

Сознаніе такого неравенства и выдвигаетъ въ соціальномъ вопросѣ на первый планъ улучшеніе способовъ продажи рабочей силы.

«При данномъ состояніи индустріальной морали — пишетъ Чарльзъ Бутсъ,—соціальная цѣнность конкурренціи измѣряется ея равенствомъ,—тѣмъ, насколько обѣ стороны, вступающія въ договоръ, обладаютъ одинаковыми матеріальными и умственными рессурсами» (Life and Labour of the People, IV, 214). Но такого равенства нѣтъ или не можетъ быть, пока не откроется для всѣхъ одинаковый доступъ ко всѣмъ экономическимъ и интеллектуальнымъ благамъ.

ГЛАВА VIII.

Купля-продажа пользованія капиталомъ.

§ 1. Купля-продажа капитала нерѣдко казалась окруженной какой-то особой таинственностью. Это происходило частью отъ непониманія публикой, что собственно отчуждается при займѣ и за что при покупкѣ пользованія капиталомъ уплачивается процентъ, а частью отъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, исторически ассоціировавшихся съ ссудой и займомъ.

Я скопилъ за извѣстный періодъ времени въ своемъ сундукѣ извѣстную сумму совереновъ, и они лежатъ тамъ, количественно ни уменьшаясь, ни увеличиваясь. Приходите вы и просите взаймы, я ихъ вамъ даю, послѣ чего они, получивъ производительное помѣщеніе, возвращаются черезъ годичный срокъ въ мой сундукъ съ добавочными соверенами. Какъ это случается?

Деньги не могутъ родить деньги; въ этомъ были увѣрены мудрѣйшіе изъ людей—Соломонъ, Аристотель, Бэконъ—и были убѣждены, что новые соверены добыты мною несправедливо, путемъ какого-либо лихоимства.

Я могъ бы возразить, что вы, получивъ мои соверены, пустили ихъ въ торговые обороты, покупая на нихъ товары, которые затѣмъ перепродавали, и что такимъ путемъ вы получили значительный денежный приростъ, такъ что остались съ извѣстнымъ количествомъ совереновъ даже послѣ того, какъ возвратили мнѣ съ придачей мой первоначальный капиталъ. Этими моими возраженіями не были удовлетворены, однако, вышеназванные мыслители. Ибо, какъ у меня не могло произойти увеличенія совереновъ путемъ простой ссуды вамъ, такъ точно и у васъ не могло получиться справедливаго прироста совереновъ посредствомъ обращенія ихъ на торговые обороты. Если я возражаю, что вы ничего не проиграли, мнѣ говорятъ, что вы, значитъ, употребили занятое у меня на выжиманіе совереновъ у другихъ. Денежная ссуда не можетъ давать справедливаго прироста, потому что для меня ничего не стоитъ ссудить вамъ мои праздно лежащія деньги, и соверены могутъ только переходить изъ рукъ въ руки.

Такимъ образомъ, античный умъ не видѣлъ основанія для

уплаты % на занятыя деньги [1]); онъ считалъ, что въ данномъ случаѣ не было оказано никакой цѣнной услуги, каково бы ни было въ вашихъ глазахъ происхожденіе цѣнности; въ услугѣ не было ни очевидныхъ издержекъ, ни пользы. Или если здѣсь и была очевидная польза, напримѣръ, когда я выдалъ ссуду въ виду вашей жестокой нужды, то, получивъ проценты, я оказался человѣкомъ, спекулирующимъ вашей слабостью и поставившимъ вамъ жестокія и корыстныя условія. Въ то время капиталъ употреблялся рѣдко, и потому ссуды на промышленныя цѣли были также сравнительно рѣдки; большею частью ссуды выдавались богатыми бѣднымъ на покупку послѣдними предметовъ первой необходимости. Тамъ, гдѣ процентъ, главнымъ образомъ, связанъ съ такими займами,—какъ въ теперешней Россіи,—одинаковое осужденіе и теоріи, и практики % совершенно понятно.

§ 2. Но даже когда мы переходимъ къ положенію современной промышленной мѣстности, гдѣ ссуды столь же часто выдаются богатымъ, какъ и бѣднымъ, гдѣ нѣкоторые заимодавцы уже явно лишаютъ себя отдачей денегъ извѣстныхъ, теперь же представляющихся удобствъ и удовольствій, и гдѣ вполнѣ очевидно, что ссуда въ сущности заключается не въ деньгахъ, а орудіяхъ, машинахъ, товарахъ,—даже тутъ нѣтъ яснаго пониманія сущности того, что покупается и оплачивается посредствомъ процентовъ, хотя и признается вообще необходимость и даже абстрактная справедливость послѣднихъ.

«Пользованіе капиталомъ»; скажутъ намъ, но этотъ отвѣтъ даетъ немного. Ибо что такое это пользованіе? Капиталъ оказываетъ услугу въ производствѣ. Съ этимъ согласенъ даже

---

[1]) Между займами для личныхъ нуждъ и для производительныхъ цѣлей дѣлалось, повидимому, уже въ раннюю пору различіе въ Вавилоніи и Китаѣ и, вѣроятно, въ другихъ древнихъ государствахъ. Это вполнѣ основательное различіе легко замѣтить даже въ самыхъ примитивныхъ видахъ ссуды. „Мы можемъ ясно видѣть, что среди древнихъ прогрессивныхъ народовъ, воздѣлывавшихъ въ Вавилоніи дикую пшеницу, первобытные инстинкты гостепріимства никогда не падали такъ низко, чтобы одинъ требовалъ отъ другого возвращенія съ процентами зерна, занятаго и потребленнаго въ періодъ нужды. Совсѣмъ другое, если занятое зерно было употреблено не въ пищу, а на посѣвъ, возвращающій посѣянное сторицей“ (Simcox, *Primitive Civilisation*, т. I, стр. 194).

Карлъ Марксъ. Но что за услугу и почему она должна оплачиваться процентомъ? Если услуга, оказываемая капиталомъ, напр., машиной, состоитъ въ содѣйствіи полученію изъ сырого матеріала законченныхъ продуктовъ, эта машина износится въ нѣсколько лѣтъ, или, если угодно, будетъ потреблена въ производствѣ даннаго рода товаровъ. Поставимъ ее въ одинаковыя условія съ прилагаемымъ къ ней трудомъ, предохранимъ машину отъ изнашиванія, позаботимся о постоянствѣ ея существованія, предупреждая ея обезцѣненіе. Откуда же берется процентъ? Вы говорите: «она производительна»; но то, что было произведено, состоитъ, очевидно, изъ товаровъ, которые уже проданы: какимъ же образомъ произвела она процентъ, получаемый ея владѣльцемъ, не лишающимся его даже и послѣ того, какъ теперешняя машина была использована и замѣнена другою?

§ 3. Какъ процентъ не представляется ясно связаннымъ съ какою-либо производительностью, точно такъ же, въ свою очередь, стоимость, представляемая обладаніемъ этой производительностью, не столь очевидна, какъ въ случаѣ труда. Экономисты начала XIX столѣтія, включая Рикардо, были склонны объяснять «стоимость» капитала трудомъ, который положенъ на образованіе разныхъ его видовъ. Но такой взглядъ на капиталъ, какъ на аккумулированный трудъ, не даетъ объясненія и оправданія процента. Утвержденіе Макъ-Куллоха, что «прибыль съ капитала есть лишь другое наименованіе заработной платы аккумулированнаго труда» представляетъ, попросту, отрицаніе существованія процента. Возьмемъ первоначальную форму капитала, которую мы можемъ принять образовавшейся исключительно путемъ труда. Если работники, создавшіе этотъ капиталъ, продадутъ его затѣмъ на свободномъ рынкѣ, мы должны принять, что они получатъ его полную стоимость, какъ заработную плату на затраченный ими трудъ. Если же они будутъ продолжать владѣть имъ и используютъ его или въ своемъ трудѣ, или ссудятъ его для подобной цѣли другимъ, то въ концѣ года они получатъ добавочную сумму, являющуюся, *ex hypothesi*, уже не платой за первоначально положенный на созданіе капитала трудъ, а тѣмъ, что мы называемъ процентомъ. На такомъ простомъ примѣрѣ легко видѣть, что причиной появленія процентовъ была не затрата труда на созданіе капитала, а стоимость, связанная съ

пользованіемъ имъ—самолично или не самолично—въ теченіе года. Этой «стоимости» Сеніоръ далъ названіе воздержанія. Сверхстоимость, представляемая процентомъ, является вознагражденіемъ заимодавца за отказъ отъ личнаго непосредственнаго потребленія капитала. Но Сеніору трудно было объяснить, какимъ образомъ эта стоимость воздержанія могла быть дѣйствительной причиной увеличенія богатства, аналогично возрастанію богатства, обусловленному расходованіемъ рабочей силы. «Какъ могло простое воздержаніе, отрицаніе дѣятельности»,—спрашивали его—«вызвать приростъ богатства, являющійся подъ видомъ процента?»—и онъ не далъ удовлетворительнаго отвѣта.

Какъ стоимость воздержанія можетъ оказаться производительной? Совершенно ясно, что получателю процента не приходится дѣлать ничего иного, какъ воздерживаться; это, въ сущности, единственная «издержка», которой онъ подвергается. Это, быть можетъ, было не ясно видно, когда бо́льшая часть капитала находилась во владѣніи самихъ работавшихъ, пользовавшихся имъ въ цѣляхъ своего труда. Но обращаясь къ обычному употребленію капитала для промышленнаго помѣщенія, мы видимъ, что все, что долженъ дѣлать заимодавецъ, чтобы заработать получаемые имъ проценты, это—воздерживаться отъ непосредственнаго потребленія, отложить личное удовлетвореніе. Какимъ образомъ эти отрицательныя дѣйствія могутъ стать производителями богатства, получаемаго въ видѣ процентовъ?

Для отвѣта на этотъ вопросъ (а отвѣтъ имѣется) мы должны обратиться къ другой школѣ экономистовъ, которые, мнѣ кажется, сами того не сознавая, раскрыли тайну.

Мы уже знаемъ, какую путаницу вызвалъ антагонизмъ двухъ теорій цѣнности—теоріи «стоимости» и теоріи «полезности». Я показалъ, какъ, подходя къ анализу цѣнности и изъ анализа цѣнъ, мы приходимъ къ истинному опредѣленію цѣнности, какъ результата дѣйствія обоихъ факторовъ,—результата соотношенія и стоимости, и полезности. И хотя вопросъ о капиталѣ и процентѣ обыкновенно отдѣлялся отъ общей теоріи цѣнности и анализировался отдѣльно, тѣмъ не менѣе произошло то же раздѣленіе взглядовъ. Одна часть изслѣдователей объясняетъ процентъ воздержаніемъ—теорія стоимости; другая—производительностью, и отсюда возникла теорія полезности.

Нѣтъ ничего страннаго, что этотъ споръ имѣлъ связь съ несовершенствомъ теоріи цѣнности. Очень важно, во всякомъ случаѣ, то обстоятельство, что вопросъ о процентѣ является не чѣмъ инымъ, какъ частнымъ случаемъ вопроса о цѣнѣ.

Установленный выше законъ цѣны приложимъ къ цѣнѣ услугъ капитала такъ же, какъ и всѣмъ родамъ цѣнъ. Ссудный рынокъ подчиняется дѣйствію тѣхъ же силъ, которыя опредѣляютъ цѣны и на другихъ рынкахъ: здѣсь—та же кункурренція торгующихся паръ, то же «суженіе» оцѣнокъ, дѣлаемыхъ конкуррентами, до размѣровъ, опредѣляемыхъ въ концѣ концовъ волею болѣе сильнаго члена предѣльной пары; окончательный размѣръ стоимости и окончательный размѣръ полезности выясняются здѣсь, какъ и въ случаѣ другихъ рынковъ, предѣльной парой.

Предѣльная пара на ссудномъ рынкѣ, какъ и на другихъ, будетъ состоять изъ заимодавца, который назначаетъ среди другихъ, заключающихъ договоръ заимодавцевъ, наивысшую оцѣнку продаваемыхъ имъ услугъ, и заемщика, который назначаетъ, среди другихъ дѣйствительныхъ заемщиковъ, наинизшую оцѣнку услугъ, которыя покупаетъ. Первый, согласно нашему общему анализу цѣнности, будетъ маргинальнымъ сберегателемъ (saver)—лицомъ, требующимъ для своего «воздержанія» или «выжиданія наибольшаго вознагражденія; второй — маргинальнымъ заемщикомъ,—лицомъ, для котораго заемъ представляетъ наименьшую полезность.

§ 4. Но отвѣта ждутъ еще коренные вопросы: «какимъ образомъ стоимость воздержанія служитъ причиной полезности капитала?» «что такое «полезность» конкретнаго количества капитала, приносящаго собственнику постоянные %%?»

Я строю домъ, передаю его внаймы вамъ, и вы платите ежегодно мнѣ 80 ф. ст. и берете на себя годовой ремонтъ его въ 20 ф. ст. Вы платите ежегодно 100 ф. ст., изъ которыхъ 80 ф. получаю я въ качествѣ ренты или процента. Что пріобрѣтаете вы за эти процентъ и ремонтъ? Очевидно, кровъ и другія, доставляемыя домомъ, удобства. Нельзя же сказать, что на домѣ лежитъ обязательство производить постоянное предложеніе крова? Вы скажете, что домъ—лишь мертвая матерія и не можетъ производить. Тутъ предполагается, что на производство способны единственно сознательныя усилія человѣка. Этотъ вопросъ касается

лишь удобства выраженія. Я предполагаю, что слѣдуетъ и на землю съ капиталомъ смотрѣть какъ на производящіе факторы, а на ихъ ренту и процентъ какъ на аналогію заработной платы. Земля не мертва, она періодически, благодаря дѣйствію естественныхъ силъ, бываетъ способна къ производству предложенія, аналогично періодическому предложенію расходуемой человѣкомъ рабочей силы, и притомъ на схожихъ условіяхъ, т.-е. она или искусственными средствами, или сама собою возстанавливаетъ свои силы послѣ того истощенія, которому періодически подвергается. Неужели страннымъ будетъ предположить, что ремонтъ дома соотвѣтствуетъ минимальной заработной платѣ затрудъ и землю, въ видахъ поддержанія ихъ экономическаго существованія — и что получаемый собственникомъ процентъ является вознагражденіемъ за постоянныя услуги, оказываемыя естественными свойствами матеріаловъ, изъ которыхъ выстроенъ домъ, ихъ способностью противостоять дождю, атмосферическимъ явленіямъ и вторженію животныхъ? Не въ этомъ ли та полезность, которую вы оплачиваете 100 фунтами стерлинговъ?

Нѣкоторые готовы скрывать тотъ фактъ, что капиталъ можетъ давать процентъ непрерывно. «Домъ, машина или иного рода капиталъ,—говорятъ они,—не вѣчно производительны; даже допустивъ, что они производительны, какъ вы полагаете,—они все же со временемъ изнашиваются, и лишь послѣ замѣны ихъ другимъ домомъ или машиной вы будете продолжать получать прежній процентъ».

Но затрудненіе это исчезаетъ при ближайшемъ разсмотрѣніи нашего примѣра. Мой процентъ съ дома, рента, которую вы мнѣ платите, равенъ 80 ф. ст., но полезность, которою вы располагаете, вы цѣните въ 100 ф. ст., ибо вы не только готовы платить мнѣ 80 ф. ст., но и расходовать еще 20 ф. ст. ежегодно на ремонтъ. Соглашеніе относительно ремонта не имѣетъ отношенія къ теоріи процента. Я могу условиться, что вы будете платить мнѣ ежегодно 100 ф. ст. вмѣсто 80 ф., и ремонтъ будетъ производиться на мой счетъ. Въ томъ и другомъ случаѣ, однако, вѣчная производительность моего капитала—моего дома—является обезпеченной. 80 ф. ст. будутъ неограниченное время поступать въ качествѣ платы, которую я получаю за даваемый моимъ домомъ кровъ; и это постоянство я гарантирую добавоч-

ными затратами на ремонтъ. Я могу заставить васъ платить за него, но ремонтъ тѣмъ не менѣе долженъ считаться моимъ, потому что домъ будетъ обходиться вамъ—неопредѣленно долгое время—100 ф. ст., мнѣ же, въ качествѣ прибыли, будутъ доставаться лишь 80 ф. ст. Дѣло станетъ, быть можетъ, еще яснѣе, если я живу въ своемъ домѣ, пользуясь тѣмъ же кровомъ и производя ремонтъ собственными руками. Безразлично, говорю ли я о домѣ, какъ капиталѣ, дающемъ 100 ф. ст. прибыли, или смотрю на 20 ф. ст., какъ на свою заработную плату за текущій ремонтъ.

Постоянное существованіе капитала и процента возможно лишь при готовности отказаться отъ части той бо̀льшей прибыли, которую можно было бы получать въ теченіе ограниченнаго промежутка времени. Этотъ процентъ представляетъ то, что требуется постояннымъ ремонтомъ, и такъ какъ послѣдній можетъ (теоретически, по крайней мѣрѣ) гарантировать вѣчное существованіе капиталу, то нѣтъ причины, почему бы уплачиваемая собственнику цѣна полезности перестала поступать ему, разъ эта полезность продолжаетъ существовать [1]).

Или возьмемъ машину. Разъ изнашиваніе возмѣщается, какъ въ предыдущемъ примѣрѣ съ домомъ, возраженіе противъ непрерывности процента, основанное на томъ, что машина расходуется въ теченіе нѣкотораго времени на производство извѣстнаго количества товаровъ,—становится совершенно несостоятельнымъ. Такая машина будетъ существовать непрерывно и обладать ежегодной производительностью, состоящей въ услугахъ, оказываемыхъ этой машиной совмѣстно съ трудомъ и приносящихъ процентъ владѣльцу. Эти производительность и процентъ, во всякомъ случаѣ, не исчезнутъ и въ томъ случаѣ, если вмѣсто возмѣщенія снашиванія *данной* машины, послѣдняя, послѣ ея разрушенія, будетъ замѣнена другою. Потому что и въ случаѣ съ домомъ, и въ случаѣ съ машиной—безразлично, расходуются ли

---

[1]) Бёмъ-Баверкъ бездоказательно разрѣшаетъ весь вопросъ, утверждая (Capital a. Interest, стр. 249), что приносящій доходъ домъ представляетъ „запасъ мало-по-малу расходуемой энергіи“. Бёмъ-Баверкъ смѣшиваетъ „разрушеніе“ матеріальнаго воплощенія капитала съ „пользованіемъ“ имъ, при которомъ это разрушеніе является однимъ изъ условій. Разъ разрушеніе возмѣщается, а это всегда дѣлается, „пользованіе“ становится безконечнымъ.

20 ф. ст., составляющіе годичныя издержки возмѣщенія на ремонтъ стараго дома или старой машины, или же они постепенно накопляются для пріобрѣтенія новыхъ дома или машины, замѣняющихъ старые. Непрерывность существованія дома и машины не затемняетъ и не ослабляетъ нашего пониманія происхожденія или законности процента.

Отдавая машину напрокатъ, владѣлецъ ея можетъ получать, въ качествѣ ренты или процента, положимъ, 100 ф. ст., если не заключитъ условія о возмѣщеніи изнашиванія; или онъ можетъ отдать ее за 80 ф. ст., при условіи, что ее будутъ ремонтировать, либо, по разрушеніи, замѣнятъ новой. Одни владѣльцы отдаютъ машины (напр., велосипеды) на первыхъ условіяхъ, другіе—на послѣднихъ; первые получаютъ въ теченіе ограниченнаго времени высшій %, вторые—низшій %, но безъ ограниченія срока. Вѣчность капитала обезпечивается тѣмъ, что можно разсматривать, какъ элементъ валового процента, тотъ вычетъ изъ него, который вполнѣ соотвѣтствуетъ издержкамъ поддержанія экономическаго существованія и уплатѣ ренты и заработной платы въ случаѣ труда и земли.

Для того, чтобы трудъ могъ вліять на цѣну за пользованіе имъ, можно допустить существованіе 3-хъ важныхъ условій: во-первыхъ, должна существовать объективная или техническая производительность—дѣйствительное увеличеніе «благъ», обусловленное пользованіемъ трудомъ; во-вторыхъ, должны существовать субъективная стоимость или чрезмѣрное напряженіе энергіи; въ-третьихъ, должна существовать субъективная полезность или извѣстное удовлетвореніе, доставляемое результатами труда.

Какъ мы показали, всѣ эти три условія находятся на-лицо, когда функціонируетъ одна изъ формъ извѣстнаго рода капитала. При экономической эксплоатаціи домъ или машина даютъ непрерывное предложеніе объективныхъ экономическихъ благъ, обладающихъ цѣнностью; «цѣна» же этихъ благъ опредѣляется изъ отношенія между предѣльной «стоимостью» того воздержанія, которое требуется для обезпеченія существованія этихъ благъ, и той предѣльной «полезностью», которою непосредственно измѣряется экономическая важность, придаваемая этимъ благамъ заемщиками.

Такимъ образомъ, оборотный капиталъ въ отношеніи условій цѣнности и опредѣленія цѣны, очевидно, ничѣмъ не отличается отъ другихъ производственныхъ факторовъ.

Займы, предметомъ которыхъ является оборотный капиталъ, или то, что служитъ текущему потребленію, представляютъ, на первый взглядъ, нѣкоторое отличіе, что побудило нѣкоторыхъ экономистовъ принять особое объясненіе цѣнности и цѣны пользованія капиталомъ.

Вмѣсто дома или машины разсмотримъ теперь случай ссуды капитала, воплощающагося въ сырьѣ, въ топливѣ, требуемомъ для приведенія въ дѣйствіе машинныхъ механизмовъ, или товарахъ, составляющихъ торговый капиталъ извѣстнаго предпріятія. Подчиняются ли они тѣмъ же условіямъ, что и основной капиталъ? Обладаютъ ли они, какъ капиталъ, непрерывнымъ существованіемъ и можетъ ли быть имъ приписана объективная производительность? На первый взглядъ можно склониться къ отрицательному отвѣту на оба эти вопроса. «Оборотный» капиталъ, согласно наиболѣе обычнымъ его опредѣленіямъ, перестаетъ существовать послѣ перваго же использованія: сырой хлопокъ, разъ его подвергли пряденію, становится уже не сырымъ хлопкомъ, а пряжей; сожженный уголь перестаетъ функціонировать какъ уголь; купленные потребителемъ въ магазинѣ товары продолжаютъ существовать уже лишь какъ потребительное богатство. Но этотъ поверхностный взглядъ исчезаетъ при болѣе точномъ пониманіи промышленнаго механизма. Если взять рабочаго, то одинъ фактъ, что матерія, составляющая его тѣло, постоянно изнашивается въ теченіе его трудовой жизни, что каждая частица его тканей разрушается и замѣняется новой—одинъ этотъ фактъ не опровергаетъ нашего признанія неизмѣнности и постояннаго существованія у рабочаго запаса рабочей силы. Въ случаѣ дома или машины мы соглашаемся, что сохраненіе ихъ неизмѣнности не зависитъ отъ того, что образующій ихъ матеріалъ цѣликомъ или частью остается нетронутымъ; въ продолженіе изнашиванія и ремонта можетъ исчезнуть каждая частица первоначальныхъ дома или машины, и тѣмъ не менѣе мы справедливо признаемъ постоянное существованіе воплощающагося въ нихъ капитала. И между основнымъ и оборотнымъ капиталомъ нѣтъ

въ этомъ отношеніи дѣйствительной или существенной разницы: во второмъ случаѣ измѣненіе матеріи, составляющей капиталъ, происходитъ болѣе быстро и правильно—и только. Какъ ссужаемый капиталъ, воплощающійся въ машинѣ или домѣ, получаетъ непрерывное экономическое существованіе, благодаря замѣнѣ и ремонту разрушившейся матеріи, — точно то же бываетъ и съ капиталомъ, представляемымъ углемъ, который предназначенъ для приведенія въ дѣйствіе машины или отапливанія дома. Въ послѣднемъ случаѣ, какъ и въ первомъ, происходитъ постоянное разрушеніе (или «потребленіе», если предпочесть этотъ неопредѣленный терминъ) и постоянное возмѣщеніе: составляющая капиталъ матерія находится въ непрерывномъ движеніи.

Таково истинное объясненіе тайны, которую Бёмъ-Баверкъ старается найти, приписывая быстро потребляемымъ благамъ «постоянную годность къ потребленію». «Надлежало установить, что центнеръ угля можетъ быть обращенъ въ золу 1 января 1888 года и, тѣмъ не менѣе, находиться въ «пользованіи» непрерывно цѣлый слѣдующій годъ, а можетъ быть, и 5, 10 или 100 слѣдующихъ лѣтъ. И что всего лучше надлежало установить,—что такое продолжительное пользованіе можетъ быть всегда куплено за свою особую цѣну, хотя бы и послѣ того какъ самъ уголь и право потребить его до послѣдняго атома были отчуждены по совершенно другой цѣнѣ» (Положительная Теорія, 287). «Фикція», которую Бёмъ-Баверкъ считаетъ сутью этой теоріи, — существовала бы лишь въ томъ случаѣ, если бы *одному и тому же* матеріальному воплощенію центнера угля приписывались и постоянное существованіе, и постоянная эксплоатація. Но этого не было. Экономическая непрерывность, достигаемая замѣщеніемъ, переноситъ «капиталъ», заключавшійся въ центнерѣ угля, во второй, третій и т. д. — до безконечности — центнеръ угля; каждый изъ нихъ является законнымъ экономическимъ представителемъ и преемникомъ перваго центнера, и они могутъ переживать десятки и сотни лѣтъ. Пока владѣлецъ первоначальнаго центнера угля, который былъ отданъ въ ссуду, остается внѣ распоряженія своей собственностью, его воздержаніе представляетъ законную экономическую стоимость, сохраняя экономическое существова-

ніе и эксплоатацію центнера угля или иного его промышленнаго воплощенія.

Это не фикція, а важный фактъ, пониманіе котораго имѣетъ существенное значеніе для уясненія механизма современной промышленности. Фабрикантъ сохраняетъ свой капиталъ, заключающійся въ сырыхъ матеріалахъ или топливѣ, точно такимъ же образомъ, какъ сохраняетъ свой основной капиталъ, хотя бухгалтерія и можетъ внушать другое представленіе. Изъ выручки при продажѣ своихъ фабрикатовъ онъ производитъ возмѣщенія перваго, какъ производитъ возмѣщенія и ремонтъ второго. Или возьмемъ капиталъ розничнаго магазина, производящаго регулярную торговлю: въ немъ будетъ постоянно находиться одно и то же количество одного и того же рода товаровъ. Поставщикъ табачника, отпускающій въ кредитъ небольшіе запасы, столь же въ правѣ требовать постояннаго % за ту часть капитала, которая заключается въ сигарахъ и трубкахъ, какъ и за ту, которая затрачена на обстановку магазина и др. недвижимость. Въ первомъ случаѣ мы встрѣчаемъ то же постоянство, что и во второмъ, сигары и трубки—послѣ распродажи—замѣняются новыми экземплярами точно такъ же, какъ замѣняется недвижимость или инвентарь, разъ они испортились или износились. Постоянство существованія объективнаго капитала зависитъ не отъ постоянства его вещества, а постоянства экономической формы. Это постоянное существованіе такъ называемаго оборотнаго капитала предполагаетъ также постоянную объективную производительность, соотвѣтственно той, которую мы констатировали относительно основного капитала. Какъ машина, которая постоянно работаетъ, является постоянно производительной, такъ точно и топливо, создающее ея механическую энергію. Если мы признаемъ, что существованіе топлива какъ капитала не зависитъ отъ постояннаго существованія отдѣльныхъ частицъ угля, то мы замѣчаемъ, что постояннымъ созидателемъ богатства является употребленіе угля, воплощающагося въ тѣхъ товарахъ, которые фабрикуются машиною. То же надо сказать о сырьѣ, которое послѣ обработки принимаетъ годныя для употребленія формы; оно также несетъ производительныя функціи, и эта производительность не прекращается, пока не прекращается предложе-

ніе того матеріала, который составляетъ этого рода оборотный капиталъ.

Какъ примѣръ блестящаго опроверженія какъ бы необходимости объективной производительности капитала, часто приводились ссуды благъ, по которымъ уплачивались % % (Бёмъ-Баверкъ, Capital and Interest, стр. 214—259). Заемъ хлѣба, идущаго на непосредственное потребленіе, заемъ вина, которое выпивается тотчасъ же по полученіи отъ заимодавца, могутъ производиться на условіи уплаты постояннаго %, хотя этимъ предметамъ займа нельзяприписать ни постоянство существованія, ни производительности. Что сказать о такихъ случаяхъ? Намъ незачѣмъ прибѣгать къ утвержденію, что такіе займы не суть займы капитала [1]) и что то, что здѣсь уплачивается за пользованіе, не есть настоящій процентъ,—какъ дѣлаетъ поднявшій этотъ вопросъ Бёмъ-Баверкъ. Дѣло въ томъ, что если ссуженный хлѣбъ служитъ къ поддержанію производительной энергіи рабочихъ, такъ что даетъ имъ возможность производить болѣе хлѣба и, кромѣ того, уплатить капиталъ съ % %, то такой случай ничѣмъ не будетъ отличаться отъ капитала, который функціонируетъ въ видѣ топлива или сырья, хотя изъ удобства, можетъ быть, и лучше не зачислять потребительныхъ благъ въ экономическій капиталъ. Дѣйствительный источникъ и оправданіе % въ обоихъ случаяхъ совершенно одинаковы.

Но какъ быть съ займомъ вина, выпиваемаго непосредственно по полученіи,—займомъ, который нельзя считать «потребленнымъ производительно»? Откуда берется здѣсь тотъ процентъ который уплачивается за заемъ до тѣхъ поръ, пока долгъ остается невыплаченнымъ? Здѣсь, повидимому, нѣтъ ни постояннаго пользованія, ни объективной производительности. Какъ же можетъ возникнуть %? Дѣло въ томъ, что если взять этотъ случай въ отдѣльности, процента не можетъ возникнуть совсѣмъ, и то, что онъ не можетъ быть уплачиваемъ, зависитъ отъ непроизводительности такого займа. Бёмъ-Баверкъ, приводя этотъ примѣръ въ опроверженіе взгляда на пользованіе и производи-

---

[1]) „Потребительныя блага—не средства производства; они, такимъ образомъ,—не капиталъ; и доставляемыя ими выгоды проистекаютъ не изъ какой либо присущей имъ производительной силы“ (Positive Theory of Capital, 272).

тельность какъ на источники %, самъ въ дѣйствительности обрубилъ сукъ, на которомъ сидѣлъ, ибо оказался не въ состояніи доказать, что %, платимый за выпитое вино, проистекаетъ «изъ обращенія благъ, имѣющихъ получаться въ будущемъ, въ блага настоящія»,—какъ требуетъ его теорія. Въ дѣйствительности, примѣръ этотъ слабъ. Настоящаго % по подобному займу не можетъ уплачиваться; если и фигурируютъ процентныя деньги, то получаются онѣ отъ производительности какого-либо другого фактора производства. Весь примѣръ не имѣетъ никакого отношенія къ теоріи процента. Рента за участокъ земли должна уплачиваться даже фермеромъ, терпящимъ убытокъ, и тѣмъ не менѣе мы не можемъ на этомъ основаніи отрицать, что производительность природы является необходимымъ условіемъ платежа ренты. Если заемщикъ плохо распоряжается своимъ капиталомъ или употребляетъ его попусту, онъ все же долженъ платить % въ томъ размѣрѣ, который опредѣляется наиболѣе производительнымъ экономическимъ употребленіемъ занятаго капитала. Если одна часть капитала истрачена безрезультатно, проценты должны уплачиваться изъ того, что дается производительностью другой части или какого-либо иного фактора производства. Нѣтъ этого,—тогда *cadit quaestio*, и процентъ не можетъ уплачиваться совершенно.

§ 5. Я счелъ необходимымъ долго остановиться на этомъ вопросѣ и иллюстрировать его разными видами капитала, потому что многіе, повидимому, полагаютъ, что современные представители австрійской школы, особенно Бёмъ-Баверкъ, опровергли теорію, смотрѣвшую на % такъ же, какъ на ренту и заработную плату, и установили особое происхожденіе и природу этого источника дохода. Въ заключеніе своей «Положительной Теоріи Капитала» Бёмъ-Баверкъ приглашалъ экономистовъ доказать существованіе «продолжительнаго» употребленія «быстро потребляемыхъ» благъ, за которыя, какъ предполагаютъ, уплачивается % (стр. 295).

Я полагаю, что далъ здѣсь отвѣтъ на этотъ вызовъ и установилъ «продолжительное употребленіе» и продолжительную объективную производительность различныхъ видовъ капитала, какъ источникъ и основное условіе уплаты процента. Указавъ на экономическое обезпеченіе постояннаго возмѣщенія матеріи,

въ которой воплощается въ каждый данный моментъ капиталъ быстро потребляемыхъ благъ, я устранилъ затрудненіе, стоявшее на дорогѣ у большинства прежнихъ теорій, признававшихъ зависимость % отъ производительности [1]).

Процентъ выплачивается изъ увеличившагося количества продукта, требующаго наличности и услугъ капитала. Но это увеличеніе количества продукта не вліяетъ необходимо на % и не опредѣляетъ цѣнности пользованія капиталомъ. Новая введен-

---

[1]) Разбирая аргументы, которыми Книсъ защищаетъ происхожденіе процента изъ продолжительнаго пользованія быстро потребляемыми благами, Бёмъ-Баверкъ старается дѣйствовать, съ своей стороны, при помощи *argumenta ad ridiculum*, абсолютно не достигающихъ цѣли. Соглашаясь (стр. 289), что „на отдѣльныя блага, съ извѣстной точки зрѣнія, и по замѣщеніи другими, можно смотрѣть такъ, какъ будто они—дѣйствительно тѣ самыя, которыя были переданы въ ссуду; для экономической позиціи заимодавца, ихъ получающаго, они имѣютъ совершенно одинаковое значеніе“,—Бёмъ-Баверкъ старается опровергнуть мнѣніе, что въ этомъ заключается доказательство „постояннаго пользованія“ или „производительности“. „Постоянствомъ быстро потребляемыхъ благъ можно бы было также хорошо воспользоваться, чтобы доказывать, что устрицы не теряютъ свѣжести въ теченіе 10 лѣтъ“. Онъ видитъ здѣсь въ дѣйствительности „вопросъ, отвѣтъ на который долженъ основываться на разсмотрѣніи природы быстро потребляемыхъ благъ и природы пользованія“. Но „природу пользованія“ Бемъ Баверкъ какъ разъ и не разсматриваетъ. Если бы онъ это сдѣлалъ, то убѣдился бы, что „природа пользованія“ такова, что экономическое потребленіе быстро потребляемаго капитала замѣщаетъ его капиталомъ другого вида и, вдобавокъ, даетъ прибавочную стоимость, предназначенную стать %. Эта прибавочная стоимость (чистая Nutzung) обусловливается той производительностью пользованія капиталомъ, которую Бёмъ-Баверкъ просто отрицаетъ и доказательство несуществованія которой у него отсутствуетъ. Продолжая разборъ Книса, онъ съ храбростью утверждаетъ (стр. 291), что „удовлетвореніе, косвенно доставляемое потребленіемъ благъ, вовсе не является полезностью, получаемой въ добавленіе къ потребленію; это—полезность, извлекаемая *изъ* потребленія“, т.-е. потребленіе тонны угля не можетъ быть производительнымъ въ томъ смыслѣ, что оно не только создаетъ цѣнность, позволяющую замѣнить первую тонну другою, но и создаетъ еще прибавочную цѣнность, фигурирующую въ качествѣ %. Правъ Книсъ или нѣтъ въ техническомъ отношеніи въ своемъ обзорѣ косвенныхъ услугъ, возникающихъ изъ такого потребленія,—мы видѣли, что экономическое потребленіе тонны создаетъ прибавочную цѣнность сверхъ той тонны, которая должна замѣнить первую. Мы сейчасъ увидимъ, что безъ такой прибавочной цѣнности не существуетъ объективнаго источника для уплаты процента, которая такимъ образомъ опять-таки сводится къ субъективному источнику, не могущему объяснить дѣйствительнаго процента.

ная въ производство машина можетъ удвоить производительность, но отсюда нимало не слѣдуетъ, что прибыль, получаемая собственникомъ машины, будетъ равна цѣнности половины увеличившагося продукта и еще менѣе — цѣнности всего прежняго количества продукта. Если машина составляетъ чью-либо полную монополію, собственникъ ея можетъ захватить все увеличившееся количество продуктовъ у представителей труда, съ одной стороны, потребленія—съ другой, если цѣнность ихъ будетъ лишь настолько ниже цѣнности прежняго продукта, насколько собственникъ машины сочтетъ выгоднымъ для себя понизить цѣну. Это онъ сдѣлаетъ въ видахъ увеличенія сбыта товара въ такой мѣрѣ, которая дала бы ему maximum чистой прибыли. Если же машина не является монополіей, то конкурренція другихъ капиталистовъ можетъ заставить собственника ея подѣлиться частью увеличившейся производительности—путемъ значительнаго пониженія цѣны—съ потребителями, или путемъ повышенія заработной платы—съ рабочими. Ему достанется minimum прибыли, который не имѣетъ постояннаго или непосредственно опредѣлимаго отношенія къ увеличенію производительности.

§ 6. Сумма прибыли или цѣнность такого пользованія капиталомъ будутъ зависѣть, согласно мнѣнію защитниковъ теоріи полезности, не отъ производительности каждой отдѣльной машины, а отъ субъективной полезности, признаваемой за «маргинальной» машиной—т.-е. машиной, отличающейся наименьшей производительностью.

Нечего и говорить, что я отвергаю утвержденіе, будто цѣна и цѣнность пользованія капиталомъ опредѣляются конечной полезностью. Полезность и производительность являются, конечно, существенными условіями процента, и на процентъ надо въ дѣйствительности смотрѣть какъ на сумму, выплачиваемую изъ увеличеннаго количества продукта. Но количество или пропорція увеличенія производительности, необходимыя для прибыли, не могутъ быть опредѣлены, если остановить все вниманіе на полезности капитала [1]).

Полное представленіе о процентѣ, какъ случаѣ общаго закона цѣны, требуетъ, чтобы капиталъ былъ въ сочетаніи съ

---

[1]) Въ этомъ заключается ошибка фонъ-Визера въ его „Natural Valne“.

другими производственными факторами не только въ отношеніи полезности и производительности, но и стоимости. Если пользованіе капиталомъ является тѣмъ, что продается и оплачивается процентомъ, то какъ намъ опредѣлить «стоимость», изъ которой возникаетъ цѣна, и стоимость, которая содѣйствуетъ опредѣленію этой цѣны?

§ 7. На это не нуженъ новый отвѣтъ. Воздержаніе попрежнему кажется мнѣ лучшимъ терминомъ для характеристики человѣческихъ усилій, дающихъ капиталу возможность быть производительнымъ. Неправильное пониманіе теоріи воздержанія какъ стоимости проистекаетъ изъ двухъ источниковъ: во-первыхъ, непониманія природы воздержанія; во-вторыхъ—непониманія экономическаго положенія тѣхъ, кто его проявляетъ.

Относительно природы воздержанія прежніе экономисты выражались неопредѣленно. Воздержаніе, дающее возможность капиталу функціонировать, не заключается въ первоначальномъ рѣшеніи сберегателя воздержаться отъ единовременнаго употребленія съ тѣмъ, чтобы создать нѣчто такое, что не можетъ быть потреблено единовременно, но что служитъ процессу производства. Этотъ первоначальный актъ является лишь началомъ усилій воздержанія. Эти усилія или стоимость должны считаться продолжающимися все время, пока капиталъ эксплоатируется; собственникъ этого капитала долженъ считаться подвергающимъ себя самообузданію, дающему ему возможность противостать искушенію употребить свой капиталъ на единовременныя потребности. Это усиліе, далѣе, не должно считаться дѣйствіемъ чисто отрицательнаго характера; усиліе самоограниченія столь же положительно, какъ и всѣ другія и столь же физически и психически измѣримо, какъ усилія, проявляемыя рабочей силой. Усилія воздержанія не должны, въ самомъ дѣлѣ, считаться дѣйствительной причиной, создающей производительность капитала; мы не можемъ сказать, что воздержаніе производительно, но это постоянное усиліе должно считаться тѣмъ, что поддерживаетъ непрерывность экономическаго существованія капитала. Разъ воздержаніе прекращается, и собственники желаютъ употребить капиталъ на личныя нужды, — онъ перестаетъ существовать, и оказываемыя имъ услуги исчезаютъ. Проф. Маршалль, мнѣ кажется, не правъ, замѣняя «воздержаніе» «выжи-

даніемъ». Субъективной стоимостью является самообузданіе, обусловливаемое воздержаніемъ; какъ психическій процессъ, самообузданіе заключаетъ въ себѣ выжиданіе, послѣднее же служитъ непосредственнымъ условіемъ, дающимъ возможность капиталу дѣйствовать производительно.

Между воздержаніемъ и полезностью капитала существуетъ точно то же самое отношеніе, что и между трудомъ и полезностью созданныхъ ими благъ. Съ философской точки зрѣнія, воздержаніе должно разсматриваться какъ особыя формы человѣческой «стоимости», которую можно привести къ одному общему знаменателю съ рабочей силой и которая оплачивается за связанную съ нимъ жертву по тому же самому масштабу. Процентъ, съ этой точки зрѣнія, долженъ считаться заработной платой за воздержаніе. Воздержаніе слѣдуетъ разсматривать какъ видъ тягостныхъ усилій, добровольно налагаемыхъ на себя отдѣльными лицами и оплачиваемыхъ процентомъ изъ продукта, обязаннаго своимъ существованіемъ наложенію на себя капиталистомъ упомянутыхъ усилій.

Для нѣкоторыхъ это является «hard saying», которое они стараются опровергнуть, ссылаясь на такой возможный общественный строй, гдѣ отдѣльнымъ лицамъ нѣтъ нужды прибѣгать къ воздержанію. Или они ссылаются на герцога Вестминстерскаго и другихъ, чье воздержаніе не заключаетъ усилій, но состоитъ въ избѣжаніи тѣхъ положительныхъ неудобствъ, которыя повлекли бы за собою увеличеніе ихъ потребленія сверхъ полнаго удовлетворенія всѣхъ ощущаемыхъ нуждъ.

Но ни одно изъ этихъ возраженій не имѣетъ въ дѣйствительности значенія. Замѣна индивидуальнаго сбереженія коллективнымъ не устраняетъ воздержанія или даже связанной съ нимъ тягостности. Для общества всегда было бы болѣе пріятно и, быть можетъ, принесло бы болѣе непосредственной выгоды обращать возможно большее количество своей энергіи на непосредственно потребляемыя блага и, такимъ образомъ, пренебречь достаточнымъ обезпеченіемъ будущаго. Разумное общество, противостоящее искушенію и посвящающее должную заботу будущему производству, должно считаться проявляющимъ тѣ же воздержаніе и самоотреченіе, что и отдѣльное лицо. Возможно, что управленіе такого коллективистическаго общества не называло бы той

части увеличившагося богатства, которая возникла изъ упомянутаго обезпеченія будущаго, процентомъ; необходимость прежней терминологіи, можетъ быть, миновала бы, но самый предметъ, «процентъ», остался бы попрежнему.

Точно такъ же при индивидуалистическомъ распредѣленіи процентъ не долженъ исчезнуть, пока воздержаніе или отсрочка вознагражденія со стороны тѣхъ, кто является ссужателемъ капитала, представляетъ жертву. Если бы, какъ предполагаютъ нѣкоторые, насталъ моментъ, когда достаточное количество сберегателей согласилось бы на воздержаніе, чтобы въ будущемъ съ большимъ удобствомъ потребить то же самое или даже меньшее количество благъ, существованіе процента въ положительной формѣ дѣйствительно прекратилось бы; ибо если выдержаніе не заключало тягостныхъ усилій, то какъ бы ни были велики его услуги въ производствѣ богатства, оно не было бы оплачено; оно оказалось бы въ ряду тѣхъ естественныхъ благъ, которыя не имѣютъ цѣнности [1]).

То обстоятельство, что герцогъ Вестминстерскій, дѣлая сбереженія, не испытываетъ никакихъ тягостныхъ усилій, не имѣетъ, конечно, значенія для всѣхъ, раздѣляющихъ мнѣніе, что выжиданіе, подобно всѣмъ другимъ «стоимостямъ», должно измѣряться, начиная отъ маргинальнаго сберегателя, а не того сберегателя, которому сбереженіе дается очень легко. Значительная, несоотвѣтственно значительная доля сбереженій дѣлается тѣми, для кого воздержаніе не представляетъ ни труда, ни ощутительнаго лишенія въ текущемъ удовлетвореніи потребностей. Даже самообузданіе обыкновеннаго зажиточнаго сберегателя не можетъ сильно сократить обыкновенный размѣръ его потребностей. Но весь функціонирующій въ промышленности капиталъ, конечно, содержитъ части, являющіяся результатомъ дѣйствительно значительнаго пожертвованія текущими удобствами. Для созданія всего циркулирующаго въ промышленности капитала требуется не только избыточный доходъ герцога Вестминстерскаго, но и съ трудомъ достающійся заработокъ Ольдгемскаго Джона Смита. При этомъ если бы герцогъ могъ

---

[1]) Субъективный $^0/_0$ не исчезъ бы даже и въ этомъ случаѣ. По вопросу, „необходимъ ли объективный процентъ?“ см. Приложеніе къ настоящей главѣ.

согласиться и, положимъ, согласился бы отдать свои сбереженія даже при условіи, что за пользованіе ими не будутъ платить $^0/_0{}^0/_0$, то Джонъ Смитъ врядъ ли согласился бы на это съ своей стороны. Пока же Джонъ Смитъ долженъ получать $2^1/_2{}^0/_0$, чтобы имѣть побужденіе для своего воздержанія, герцогъ за свое формальное воздержаніе долженъ получать то же вознагражденіе. Экономически необходимо платить герцогу по той же нормѣ, по какой мы платимъ Джону Смиту, ибо на ссудномъ рынкѣ, какъ и на всякомъ иномъ, можетъ существовать лишь одна цѣна для всего предложенія; цѣна эта будетъ мѣриломъ либо стоимости производства той части предложенія, которая обошлась всего дороже, либо полезности, представляемой этой частью предложенія. Отношеніе между стоимостью производства для Джона Смита и полезностью того количества капитала, которое онъ доставляетъ, опредѣляетъ норму прибыли. Если кажется несправедливостью, что герцогъ Вестминстерскій получаетъ плату за несуществовавшія съ его стороны усилія или жертвы, то мы должны помнить два обстоятельства. Во-первыхъ, нашъ анализъ процесса торга показалъ, что распредѣленіе въ торгѣ выгодъ не имѣетъ подъ собой никакого моральнаго принципа справедливости въ распредѣленіи. Несправедливость, проявляющаяся въ платежѣ $^0/_0$, встрѣчается также, если взять и заработную плату. Сильный рабочій, которому исполненіе работы дается легко, получаетъ столько же, какъ и слабый, которому на ту же работу приходится затрачивать гораздо болѣе усилій. Первый часъ рабочаго дня, который можетъ быть лишь пріятнымъ упражненіемъ, оплачивается по той же нормѣ, что и послѣдній, который изнуряетъ и приноситъ вредъ. То же самое и со сбереженіями, гдѣ прибыль опредѣляется усиліями маргинальнаго сберегателя, а не другихъ сберегателей.

§ 8. «Но, можно возразить далѣе, аналогія съ трудомъ не полна: какъ ни легокъ можетъ быть трудъ рабочаго, онъ стóитъ ему нѣкоторыхъ личныхъ усилій, между тѣмъ капиталисту, сбереженія котораго являются лишь самонакопленіемъ излишковъ дохода, не приходится дѣлать ничего». Это неоспоримо, но возраженіе не попадаетъ въ цѣль, если направлено къ опроверженію процента въ принципѣ. Дѣйствительный центръ тяжести обвиненія противъ тѣхъ, чьи $^0/_0{}^0/_0$ получаются не благо-

даря какой-либо «стоимости» воздержанія, падаетъ не на платежъ %, а на способы, благодаря которымъ капиталисты получили обладаніе капиталомъ. Другими словами, частое утвержденіе, что «дѣйствительное воздержаніе проявляется лишь рабочимъ, а не капиталистомъ», не захватываетъ самой сущности дѣла. Допустивъ вѣрность того, что капиталистъ похищаетъ у рабочаго долю продукта и обращаетъ ее въ капиталъ, получая за пользованіе послѣднимъ %, обвинительный актъ противъ капиталиста придется основать не на правильномъ полученіи процента, а на предшествовавшемъ актѣ похищенія продукта труда. Если согласиться съ несправедливостью уплаты % тѣмъ, кто не заработалъ его путемъ усилій, то несправедливость эта не имѣетъ спеціальнаго отношенія къ куплѣ-продажѣ пользованія капиталомъ. Она должна быть отнесена, главнымъ образомъ, къ предыдущимъ сдѣлкамъ съ куплей-продажей рабочей силы или другимъ сдѣлкамъ, гдѣ капиталистъ пользуется преимуществами болѣе сильной стороны въ торгѣ. Тѣ, кто допускаетъ, что предприниматель-капиталистъ насильственно извлекаетъ изъ своихъ рабочихъ прибавочную стоимость, ослабляютъ свой взглядъ, возставая противъ платежа % за эту прибавочную стоимость, послѣ того какъ она приняла форму капитала.

Экономическую необходимость процента и законъ его уплаты не задѣваетъ то обстоятельство, что нѣкоторые капиталы, по которымъ получаются %%, могли достаться ихъ владѣльцамъ несправедливыми способами.

§ 9. Своей аргументаціей я, полагаю, показалъ, что цѣна пользованія капиталомъ, именуемая процентомъ, опредѣляется тѣмъ же путемъ, какъ и цѣна рыночныхъ товаровъ, т.-е. сдѣлкою между двумя договаривающимися сторонами, изъ которыхъ одна представляетъ предѣльную или маргинальную стоимость, другая—предѣльную или маргинальную полезность. Воздержаніе и производительность наравнѣ опредѣляютъ экономическую важность, которая придается пользованію извѣстнымъ количествомъ капитала.

§ 10. Согласно вышеизложенному, процентъ, цѣна пользованія капиталомъ, опредѣляется подобно всякой иной рыночной цѣнѣ. Помимо уже ранѣе названныхъ, существуютъ еще другія причины, содѣйствовавшія выдѣленію анализа процента изъ общаго

анализа цѣнъ и примѣненію къ нему особыхъ законовъ и особой терминологіи. Экономисты и моралисты одинаково смотрѣли на % какъ на нѣчто совершенно отличное отъ другихъ уплатъ. И надо согласиться, что нѣкоторыя касающіяся капитала обстоятельства, повидимому, естественнымъ образомъ отдѣляютъ его отъ другихъ товаровъ, пользованіе которыми можетъ быть куплено и продано.

Прежде всего, до самого послѣдняго времени всюду—и даже теперь, за исключеніемъ развѣ самыхъ развитыхъ странъ,—большинство займовъ капитала дѣлалось не съ производственной цѣлью, а ради потребленія и въ виду временныхъ настоятельныхъ нуждъ. Условія подобныхъ займовъ обыкновенно не отражали на себѣ вліянія рыночной конкуренціи того рода, о которомъ мы выше говорили. Переговоры заимодавца съ заемщикомъ, при такомъ положеніи дѣла, даютъ элементу силы или монопольнаго давленія гораздо большій просторъ, чѣмъ это бываетъ въ случаѣ обыкновеннаго торга. Практика ссуды денегъ, поэтому, рѣзко отличалась отъ обыкновенныхъ коммерческихъ сдѣлокъ; до сихъ поръ еще, даже въ передовыхъ промышленныхъ странахъ, ссуда денегъ представляетъ наиболѣе бросающійся въ глаза примѣръ полученія вынужденныхъ прибылей при опредѣленіи цѣны. Позиція заимодавца—согласно самой природѣ дѣла—отличается настолько сильными преимуществами по сравненію съ позиціей заемщика, что и политическая экономія, и этика одинаково привыкли смотрѣть на такія сдѣлки какъ на нѣчто совсѣмъ особое. Но хотя въ этихъ сдѣлкахъ и нарушается равновѣсіе сторонъ, эти сдѣлки не отличаются, по существу, отъ другихъ гдѣ конкурренція между продавцами значительно сужена.

Далѣе, обращаясь къ промышленному капиталу, мы находимъ, что въ большинствѣ странъ наибольшая масса этого капитала эксплоатируется самими его собственниками, и получаемая съ него прибыль не исчисляется отдѣльно отъ заработной платы или вознагражденія за веденіе дѣла работникомъ или предпринимателемъ. Та часть сбереженій, которая помѣщалась не въ предпріятіяхъ, принадлежащихъ самому владѣльцу денегъ, была до послѣдняго времени очень незначительной, и многія изъ такихъ помѣщеній находились подъ вліяніемъ не открытой конкуренціи, а другихъ условій.

Такимъ образомъ, понятіе подвижного рынка для помѣщенія денегъ, на которомъ существуетъ «двусторонняя конкурренція» и гдѣ заимодавца нельзя предполагать имѣющимъ какія-либо естественныя преимущества надъ заемщикомъ,—совсѣмъ недавняго происхожденія; оно еще не успѣло изгладить того понятія о капиталѣ и процентѣ, которое связано было съ прежнимъ положеніемъ вещей.

Но поскольку пользованіе капиталомъ является предметомъ продажи—нося ли прежній характеръ лихоимства или являясь въ формѣ современныхъ промышленныхъ помѣщеній—цѣна его, подобно цѣнѣ товаровъ, опредѣляется торгующимися, представляющими предѣльную стоимость и предѣльную полезность. Предложеніе пользованія извѣстными видами капитала подчиняется тѣмъ же самымъ законамъ, опредѣляющимъ его увеличеніе и уменьшеніе, что и предложеніе земли, труда или товаровъ.

Приложеніе къ VIII главѣ.

Необходимъ ли объективный процентъ?

Нѣкоторые держатся того мнѣнія, что даже въ настоящее время объективный процентъ не необходимъ въ качествѣ стимула сбереженія, или, иными словами, что сбереженіе не представляетъ экономической стоимости, требующей вознагражденія, каковымъ является объективное увеличеніе количества благъ, возвращаемыхъ заемщикомъ. Согласно этому взгляду, процентъ обусловленъ возможностью выбора для помѣщающаго капиталъ подъ $^0/_0$ $^0/_0$—возможностью купить землю и получать съ нея ренту (Генри Джорджъ) или возможностью, заручившись обладаніемъ ограниченной и законной «монополіей»—деньгами, взимать лихвенные проценты при ихъ отдачѣ взаймы (M. Flürscheim). Если бы земля и деньги исчезли изъ области помѣщенія, то исчезъ бы и процентъ, ими обусловливаемый. Мнѣ кажется, что сторонники этого мнѣнія ослабляютъ послѣднее, ограничивая виды помѣщенія, поддерживающіе положительный $^0/_0$, землевладѣніемъ и денежными ссудами. Всѣ другія промышленныя отрасли, имѣющія, благодаря покровительству закона, связь съ пользованіемъ землей или ограниченіемъ конкуренціи, обусловленнымъ чисто экономическими силами—подвергать монополь-

ному обложенію потребителей, будутъ служить, поскольку онѣ являются открытыми для помѣщенія, такой же поддержкой процента, какъ земля и деньги. Но исчезнетъ ли, съ исчезновеніемъ изъ области частныхъ помѣщеній этихъ привилегированныхъ видовъ промышленности, и процентъ, или, иначе говоря, будетъ ли маргинальный сберегатель ссужать капиталъ, не получая за это добавочной суммы?

На это не можетъ быть дано прямого или общаго отвѣта. Вопросъ о вліяніи пониженія % на сбереженія часто разсматривался въ томъ смыслѣ, какъ будто единственное значеніе тутъ принадлежало мотивамъ сберегателя. Дѣло обстоитъ, однако, иначе. Отношеніе мотивовъ сберегателя къ общественно-необходимому количеству сбереженій представляется проблемой. Это— частный случай «цѣнности», приводящій, какъ и всякій другой случай, къ анализу отношенія предѣльной стоимости къ предѣльной полезности.

Сбереженія возникаютъ 1) частью изъ самонакопленія избыточнаго дохода, не употребляемаго на покрытіе текущихъ нуждъ. Пониженіе процента даже до нуля или ниже не можетъ замѣтнымъ образомъ повліять на такого рода сбереженія; 2) частью изъ желанія обезпечить себя на старость или на случай болѣзни, или же обезпечить свою семью. Сбереженія для подобныхъ цѣлей можно думать, становятся еще болѣе необходимыми при пониженіи процента. Если имѣется въ виду расходовать составляющійся изъ сбереженій капиталъ на эти цѣли, то норма процента не будетъ имѣть важнаго вліянія какъ мотивъ, но, поскольку ей приходится дѣйствовать, надо признать, что высокая норма будетъ препятствовать сбереженію, давая возможность привести къ желаемому результату и нѣсколько меньшей суммѣ сбереженій, накопляющейся по сложнымъ процентамъ. Если, съ другой стороны, имѣется въ виду обезпеченіе не посредствомъ расходованія капитала, а посредствомъ пользованія доходомъ съ него, то низкая норма процента вызоветъ больше сбереженій, ибо для полученія необходимаго дохода потребуется капиталъ большаго размѣра. Противъ этого можно возразить, что если процентъ настолько низокъ, что накопленіе путемъ сбереженія достаточнаго капитала становится слишкомъ затруднительнымъ или даже совсѣмъ невозможнымъ, то такія сбереженія и не

будутъ сдѣланы. Но если мы вспомнимъ, какъ много и часто сберегаютъ на эти цѣли въ мало развитыхъ обществахъ и насколько бы больше дѣлалось этихъ сбереженій, если бы политическія и соціальныя условія благопріятствовали имъ, то мы должны будемъ заключить, что пониженіе процента скорѣе въ состояніи увеличить, чѣмъ уменьшить количество сбереженій, имѣющихъ въ виду опредѣленное расходованіе въ будущемъ.

3) Сбереженія дѣлаются солидными людьми, занятыми промышленностью, съ цѣлью расширить свое дѣло или вообще улучшить состояніе своихъ финансовъ. Здѣсь, очевидно, высокая норма % будетъ лишь поощрять сбереженіе. Ибо, прежде всего, процентъ съ капитала, уже существующаго, долженъ разсматриваться какъ часть дохода, изъ которой можно очень легко весьма большую долю обратить на сбереженіе. Тамъ, гдѣ процентъ высокъ, часть общаго дохода, которую легко обратить на сбереженіе, будетъ значительной. Несмотря на правило «что легко наживается, то легко и проживается», надо ожидать, что увеличеніе суммы процента или иной части дохода, не заработаннаго непосредственнымъ трудомъ, приведетъ къ увеличенію сбереженія. Когда въ періодъ промышленнаго оживленія происходитъ временное поднятіе %, наиболѣе оборотливые дѣловые люди стараются собрать золотую жатву, пока представляется возможность, употребивъ ненормально поднявшуюся прибыль на расширеніе своихъ предпріятій. Временное, и даже нормальное и постепенное, паденіе процента будетъ уменьшать этотъ видъ сбереженій.

Большинство экономистовъ, [1]) соглашаясь съ противоположностью мотивовъ, склоняются къ тому мнѣнію, что въ цѣломъ пониженіе % тормозитъ сбереженія. Но такъ ли это?

Герцогъ Вестминстерскій, дѣлающій сбереженія потому, что обладаетъ избыточнымъ доходомъ, не уменьшилъ бы сбереженій, если % понизился. А ольдгемскій Джонъ Смитъ, который копитъ деньги про черный день, могъ бы свои сбереженія увеличить. Если это такъ, то можно ли допустить, что тѣ, кто дѣла-

---

[1]) За исключеніемъ старыхъ экономистовъ, Web, Industrial Democracy, т. II, стр. 622 etc. Веббъ, во всякомъ случаѣ, не правъ въ своемъ объясненіи взглядовъ Сеніора и М. Куллоха (Senior, Pol. Econ. 5-е изд., стр. 140; Mc. Culloch, Pol. Econ., I, 2, § 3).

етъ сбереженія съ болѣе общей цѣлью—увеличенія своихъ денежныхъ средствъ—сократили бы свои сбереженія настолько, что довели бы сумму общественныхъ сбереженій до уровня болѣе низкаго, чѣмъ тотъ, который необходимъ для обезпеченія промышленнаго капитала, требуемаго на удовлетвореніе текущаго потребленія и расширеніе послѣдняго въ будущемъ.

Возможно ли, что автоматическое сбереженіе избыточныхъ частей доходовъ и тѣ другія сбереженія, для которыхъ пониженіе % служитъ стимуломъ, будутъ достаточны для созданія общественно необходимаго капитала — другими словами, возможно ли, что маргинальный сберегатель согласится дѣлать сбереженія при отсутствіи положительнаго %? Это, по крайней мѣрѣ, возможно себѣ представить. Многое зависитъ отъ *(a)* абсолютнаго количества дохода, *(b)* распредѣленія богатства, *(c)* положенія промышленныхъ предпріятій, *(d)* характера потребленія. (*a*) Гдѣ общественный доходъ великъ, тамъ сравнительно значительная доля его можетъ идти на удовлетвореніе менѣе настоятельныхъ текущихъ потребностей. Эта доля индивидуальнаго или коллективнаго дохода можетъ сберегаться, какъ всѣ допускаютъ, и при низкой нормѣ процента. Менѣе согласія во мнѣніяхъ, если процентъ равенъ нулю или становится отрицательнымъ. Согласно проф. Маршаллю, объективный процентъ важенъ, ибо иначе «будущее наслажденіе, являющееся вознагражденіемъ за отсрочку настоящаго, было бы—надо ожидать—не болѣе, а скорѣе менѣе послѣдняго». (IV, глава VII, 8). Но это совершенно невѣрно для тѣхъ случаевъ, гдѣ удовольствіе, отъ котораго отказываются въ настоящемъ, представляетъ мало цѣнимую роскошь, будущее же удовольствіе, замѣняющее его мѣсто, представляетъ изъ себя необходимое или существенное удобство. Проф. Маршалль не отмѣчаетъ здѣсь совершенно субъективнаго характера задачи. Человѣкъ, только что съѣвшій хлѣбъ, согласится отсрочить потребленіе второго принадлежащаго ему хлѣба при условіи, что въ будущемъ, когда у него не будетъ хлѣба, онъ получитъ обратно свой второй хлѣбъ или даже меньшее количество. Ибо хотя полезность подвергается учету, будучи полезностью въ будущемъ, но удовлетвореніе, доставляемое потребленіемъ въ будущемъ даннаго предмета необходимости, будетъ, даже и при учетѣ, больше, нежели удовлетворе-

ніе, доставляемое потребленіемъ излишка въ настоящемъ. Вотъ почему, даже въ нецивилизованныхъ общежитіяхъ, дѣлаются запасы въ формѣ денегъ и драгоцѣнностей. Если извѣстное лицо знаетъ, что ему предстоитъ прожить 10 лѣтъ и что его доходъ, равняясь 1000 ф. ст. въ первый годъ, 900 ф. ст.—во второй, 800—въ третій и такъ далѣе, то оно,—предположивъ, что его наклонности и вкусы будутъ оставаться безъ перемѣнъ,—будетъ, при процентѣ равномъ нулю, дѣлать сбереженія изъ болѣе высокаго дохода предыдущихъ лѣтъ, когда они могли бы пойти на предметы роскоши, въ видахъ возможности истратить ихъ въ послѣдующіе годы на удобства. Такое лицо не уравняло бы абсолютно своихъ расходовъ въ теченіе указаннаго періода, потому что это предполагало бы, что оно не учло будущихъ наслажденій. Дѣло въ томъ, что хотя такой человѣкъ и цѣнитъ настоящія удобства выше будущихъ, но онъ цѣнитъ будущій комфортъ—въ свою очередь—выше, чѣмъ настоящую роскошь. Отсюда очевидно, что возможенъ не только объективный процентъ, равный нулю, но и объективный отрицательный процентъ, ибо онъ совмѣстимъ съ положительнымъ процентомъ, образующимъ человѣческій мотивъ для сбереженія.

(*b*) Количество и доля общественнаго дохода, которыя сберегались бы изъ подобнаго мотива, при нулевомъ или отрицательномъ %, зависятъ отъ распредѣленія богатства, хотя и нелегко установить какой-либо общій законъ вліянія распредѣленія на сбереженіе. На первый взглядъ, повидимому, неравенство благопріятствуетъ сбереженіямъ, такъ какъ оно освобождаетъ весьма значительную сумму дохода на пріобрѣтеніе такихъ предметовъ излишества или роскоши, которые имѣютъ лишь небольшую связь съ потребностями потребителей. Иначе говоря, большая доля дохода богатыхъ, превосходя размѣры потребностей ихъ образа жизни, можетъ накопляться въ видѣ сбереженій. Но дальнѣйшее размышленіе заставляетъ усомниться въ вѣрности этого положенія; ибо, хотя существованіе богатаго класса и можетъ вести къ сбереженію—благодаря самонакопленію избыточнаго дохода,—равенство дохода должно было бы благопріятствовать благоразумнымъ сбереженіямъ на время старости и иныхъ критическихъ моментовъ. Въ самомъ дѣлѣ, разъ крупный доходъ доставляется земельной рентой или прибылью съ предпрія-

тій, онъ не исчезнетъ и съ наступленіемъ старости или личной нетрудоспособности, и для собственниковъ такихъ доходовъ обезпеченіе на случай особыхъ критическихъ обстоятельствъ является мало необходимымъ. Съ другой стороны, въ трудовомъ обществѣ, гдѣ существовало бы приблизительное равенство доходовъ, весьма значительная доля населенія и могла бы, и стремилась бы дѣлать сбереженія. Ибо поддержаніе надлежащаго уровня и удобствъ, требуемыхъ въ теченіе жизни самимъ трудящимся и его семьей, поведетъ къ воздержанію отъ роскоши въ настоящемъ ради обезпеченія необходимаго или элементарныхъ удобствъ въ будущемъ—создастъ тотъ родъ сбереженій, который, какъ мы видѣли, наименѣе требуетъ объективнаго процента.

Величина субъективнаго % сбереженія больше, когда сбереженіе имѣетъ въ виду обезпеченіе въ будущемъ необходимаго, и весьма мала, когда сбереженіе обезпечиваетъ въ будущемъ роскошь. Поэтому общій итогъ субъективнаго процента, при данномъ характерѣ сбереженій, будетъ больше тамъ, гдѣ большая часть ихъ принадлежитъ болѣе бѣднымъ лицамъ, нежели тамъ, гдѣ сбереженія послѣднихъ составляютъ меньшую часть. Такимъ образомъ, мотивированныя сбереженія будутъ значительнѣе тамъ, гдѣ распредѣленіе является болѣе равнымъ. Насколько они могутъ быть возмѣщены болѣе крупными, но менѣе разумными сбереженіями богатаго класса, представляется сомнительнымъ.

(*c*) Будетъ ли достаточнымъ то количество сбереженій, которое можетъ явиться и при отсутствіи объективнаго процента,—это, во всякомъ случаѣ, зависитъ въ значительной степени отъ характера существующаго способа производства, или, другими словами, отъ относительной важности капитала по сравненію съ другими факторами производства. Въ такомъ неразвитомъ обществѣ, гдѣ богатые естественные источники могутъ, при небольшихъ усиліяхъ, дать очень многое, нужное количество капитала можетъ явиться и при отсутствіи %; въ странѣ же съ высоко развитымъ машиннымъ производствомъ, для созданія того же самаго количества богатства, можетъ потребоваться гораздо большій капиталъ, извѣстная часть котораго не можетъ получить экономическаго существованія при отсутствіи объективнаго %.

(d) Важность капитала сравнительно съ другими факторами сводится не только къ вопросу о развитіи способа производства, хотя иногда принималось, что съ ростомъ цивилизаціи капитализмъ и машинное производство должны играть все большую роль. Многое въ прогрессивной странѣ будетъ зависѣть отъ формъ потребленія. Нація, въ которой господствуетъ постоянная погоня за большимъ количествомъ извѣстныхъ обыкновенныхъ матеріальныхъ благъ, дѣйствительно будетъ приписывать все большую сравнительную важность машинному производству и предъявлять соотвѣтственно большій спросъ на сбереженія, воплощающіяся въ матеріальныхъ формахъ капитала. Съ другой стороны, нація, потребленіе которой, по достиженіи извѣстнаго уровня общаго матеріальнаго потребленія, растетъ уже болѣе качественно и служитъ удовлетворенію вкуса и спеціальныхъ потребностей отдѣльныхъ лицъ, такая нація, обращая все большую долю своего дохода на интеллектуальныя блага, личныя услуги и другіе нематеріальные виды богатства, можетъ приписывать сравнительно меньшую важность матеріальному капиталу, такъ что требуемыя сбереженія могутъ производиться и безъ побудительной причины въ видѣ объективнаго процента.

Задача, разбираемая здѣсь, весьма отвлеченна и не имѣетъ достаточныхъ данныхъ для своего разрѣшенія, но вышеизложенныя соображенія даютъ намъ право усомниться въ вѣрности общепринятаго мнѣнія, будто маргинальное сбереженіе требуетъ всегда, въ качествѣ стимула, объективнаго процента. Въ дѣйствительно прогрессивномъ обществѣ, гдѣ увеличившаяся предусмотрительность и благоразуміе уменьшаютъ учетъ будущихъ полезностей, гдѣ большее равенство доходовъ даетъ возможность болѣе значительному числу лицъ дѣлать сбереженія на опредѣленныя будущія нужды и гдѣ одинаковое улучшеніе способа производства и потребленія облегчаетъ производство обыкновенныхъ матеріальныхъ благъ и, слѣдовательно, даетъ возможность большему количеству покупательной силы обратиться на предметы, лежащіе внѣ сферы капиталистической промышленности, въ такомъ обществѣ, весьма понятно и вѣроятно, требуемое количество сбереженій можетъ возникнуть, имѣя стимуломъ лишь одинъ субъективный $^0/_0$.

Вопросъ, могутъ ли быть вызваны въ достаточномъ количествѣ частныя сбереженія при отсутствіи объективнаго %, слишкомъ часто разсматривался исключительно съ точки зрѣнія «стоимости»,—мотивовъ, руководящихъ сберегателями; вліянія же, отражающіяся на спросѣ, часто игнорировались. Между тѣмъ экономическая важность или цѣнность маргинальнаго капитала опредѣляется одинаково тѣмъ и другимъ, какъ это бываетъ и со всякимъ другимъ рынкомъ.

ГЛАВА IX.

Положительная теорія капитала Бёмъ-Баверка.

§ 1. Сочетанія капитала, какъ фактора производства, съ природою и трудомъ, а процента, какъ цѣны пользованія этимъ производственнымъ факторомъ,—съ рентой и заработной платой настолько значительно расходятся съ новѣйшей, весьма распространенной среди экономистовъ теоріей процента, что будетъ вполнѣ умѣстно дать изложеніе послѣдней и выяснить основанія, показывающія ея неосновательность.

Мое несогласіе съ одностороннимъ объясненіемъ общихъ явленій цѣнности и цѣны, котораго держатся ученики «школы предѣльной полезности», повидимому, неизбѣжно приводитъ къ несогласію и съ теоріей процента, разсматриваемой какъ частный случай той же теоріи цѣнности. Если бы «положительная теорія капитала» была лишь простымъ приложеніемъ теоріи предѣльной полезности стоимости къ капиталу, разсматриваемому какъ такой же производственный факторъ, какъ природа и трудъ, то она не требовала бы отдѣльнаго анализа; она была бы сильна или слаба, смотря по тому, сильна или слаба общая теорія.

Но теорія, тѣсно связанная съ именемъ Бёмъ-Баверка, отказываясь съ самаго начала признать за капиталомъ положеніе производственнаго фактора, заключаетъ въ данномъ случаѣ такое приложеніе «предѣльной полезности», которое по своимъ выводамъ значительно отличается отъ приложенія «предѣльной полезности» къ анализу другихъ факторовъ труда и природы. За «субъективными» элементами опредѣленія цѣнно-

сти и цѣны здѣсь признается болѣе важное и существенно иное значеніе, чѣмъ въ другихъ случаяхъ цѣнности и цѣны.

§ 2. Начнемъ съ краткаго обзора примѣровъ, которыми Бемъ Баверкъ иллюстрируетъ въ «положительной теоріи капитала» свою теорію.

Въ простѣйшемъ примѣрѣ А, владѣлецъ 100 ф. ст., вмѣсто того, чтобы обратить ихъ на личное потребленіе, ссужаетъ эту сумму В съ условіемъ получить ее черезъ годъ, когда она и будетъ употреблена А на личныя нужды. 100 ф. ст., готовые для настоящаго потребленія, болѣе цѣнны, нежели 100 ф. ст., могущіе быть истраченными на потребленіе черезъ годъ. При взглядѣ на 100 ф. ст., ожидаемые годъ спустя, они кажутся меньше. Они кажутся, быть можетъ, лишь равными 96 ф. ст., готовые для употребленія въ настоящемъ. Но по мѣрѣ приближенія къ концу года это количество полезностей, цѣнимое въ 96 ф. ст., возрастаетъ до полныхъ 100 ф. ст. Такимъ образомъ, теченіе времени, обращая будущія блага въ настоящія, является естественнымъ источникомъ %, равнаго въ данномъ случаѣ приблизительно четыремъ. Процентъ возникаетъ потому, что 100 ф. ст., находящіеся въ нашихъ рукахъ сейчасъ, представляютъ не то же самое, что 100 ф. ст., ожидаемые черезъ годъ.

Точно также владѣлецъ дома или иного отличающагося долгимъ существованіемъ капитала владѣетъ «суммой будущихъ пользованій, учтенныхъ сообразно ихъ отдаленности отъ настоящаго момента» (XII). Производительныя блага (т.-е. сырье, машины, земля) надѣлены въ началѣ года стоимостью, происходящей отъ полезности тѣхъ потребительныхъ благъ, созданію которыхъ служатъ упомянутыя производительныя блага; но такъ какъ въ началѣ года первыя еще не существуютъ, то цѣнность ихъ учитывается нами въ оцѣнкѣ машинъ и т. д. Въ теченіе года «будущія блага» обращаются въ «настоящія», и ихъ возросшая цѣнность возвращаетъ начальныя капитальныя издержки и даетъ процентъ.

Возьмемъ, напр., машину, періодъ существованія которой= 6 годамъ. Въ началѣ перваго года полезность ея за первый годъ пусть=100. Но итогъ всей ея за первый годъ пусть=600, ибо полезность ея за послѣдующіе годы оцѣни-

вается ниже перваго года. Пусть учетъ второго года составитъ 5% оцѣнки перваго года, и та же норма учета удержится для каждаго изъ слѣдующихъ годовъ. Тогда итогъ всей полезности, опредѣляемой въ началѣ перваго года, будетъ равенъ $100+95_{,23}+90_{,70}+86_{,38}+82_{,27}+78_{,35}=532_{,93}$.

Въ началѣ второго года оцѣнка каждаго года, соотвѣтствовавшая оцѣнкѣ перваго года, передвинется на одну степень; такимъ образомъ, второй годъ по оцѣнкѣ въ предшествовавшемъ году въ $95_{,23}$ сдѣлался теперь первымъ годомъ, и его оцѣнка будетъ=100; то же совершается и съ каждымъ изъ послѣдующихъ годовъ.

Итогъ полезности въ началѣ второго года составитъ, слѣдовательно, $100+95_{,23}+90_{,70}+86_{,38}+82_{,27}=454_{,58}$. Другими словами, оцѣнка шестого года исчезла, ибо теперь шестого года уже нѣтъ. Въ началѣ третьяго года произойдетъ подобное же передвиженіе впередъ цѣнности каждаго года, ибо прежній пятый годъ исчезнетъ. Итогъ полезности теперь $=100+95_{,23}+90_{,70}+86_{,38}=372_{,31}$. Подобнымъ же образомъ за три слѣдующіе года,—разъ оцѣнка полезности за текущій годъ=100,—цѣнность машины будетъ понижаться на количество, меньшее чѣмъ 100.

Иначе говоря, въ первый годъ машиной было реализовано услугъ на 100, въ концѣ же года она утеряла лишь $78_{,35}$, ибо стоимость, представляемая всѣми остающимися годами, передвинулась.

Въ началѣ пятаго года полезности остается на $100+95_{,23}$, въ теченіе года доставляется услугъ на 100, но въ концѣ года остается еще 100, и, такимъ образомъ, утрачивается лишь $95_{,23}$.

Ради простоты, здѣсь машинѣ былъ приписанъ ограниченный періодъ существованія, и количество того, что можетъ быть названо «валовымъ процентомъ», различно въ разные годы. Если же машинѣ обезпечивается постоянное существованіе (посредствомъ образованія особаго фонда на покрытіе издержекъ по обезцѣненію), то легко видѣть, что такъ какъ количество оцѣнокъ становится теперь безконечнымъ, то чистый % останется для каждаго года однимъ и тѣмъ же.

Говоря словами Бёмъ-Баверка, «причина чистаго процента заключается въ увеличеніи цѣнности будущихъ услугъ, бывшихъ прежде менѣе цѣнными, но въ теченіе періода пользованія

благами перешедшихъ изъ области отдаленнаго будущаго въ настоящее или въ ближайшее будущее». (Positive Theory of Capital, стр. 346.)

§ 3. Этотъ краткій обзоръ содержитъ сущность ученія Бёмъ-Баверка, подробно развитаго въ его «Положительной Теоріи Капитала». Главные пункты, въ которыхъ онъ расходится со взглядами, изложенными въ предыдущей главѣ настоящаго сочиненія, могутъ быть формулированы въ трехъ положеніяхъ, которыя я сперва приведу, а затѣмъ подвергну разсмотрѣнію.

1. Процентъ—не цѣна пользованія капиталомъ, а цѣна пріобрѣтенія настоящихъ благъ, пользованіе которыми отодвигается въ будущее (стр. 285, 286. Предисловіе, стр. XX). Это потому, что «настоящія блага, какъ общее правило, болѣе цѣнны, нежели будущія блага того же рода и въ томъ же количествѣ», ибо, при прочихъ равныхъ условіяхъ, настоящее удовлетвореніе цѣнится выше будущаго. Человѣкъ, не имѣющій благъ въ настоящемъ, можетъ купить ихъ у другихъ, кто ихъ имѣетъ, но долженъ заплатить за нихъ большимъ количествомъ будущихъ благъ. Если производится заемъ денегъ, то «заемщикъ покупаетъ получаемыя имъ теперь деньги большей суммой денегъ, уплачиваемыхъ впослѣдствіи. Онъ долженъ, такимъ образомъ, платить «лажъ», или премію, а этотъ «лажъ» и есть процентъ. Процентъ является совершенно естественно, въ виду различія стоимостей настоящихъ и будущихъ благъ» (стр. 281). То, что продается, т.-е. настоящія блага, является объектомъ единовременнаго акта продажи, между тѣмъ какъ будущія, уплачиваемыя за эту покупку блага, погашаются обыкновенно по частямъ, черезъ извѣстные правильные промежутки времени. Годичный $^0/_0$, выплачиваемый заимодавцу вмѣстѣ съ капитальной суммой къ концу года, является единственной цѣной настоящихъ благъ.

2. Бёмъ-Баверкъ отрицаетъ необходимость объективной или «технической» производительности капитала для существованія процента: для уплаты его онъ считаетъ достаточнымъ, чтобы существовала субъективная «производительность», заключающаяся въ превращеніи будущихъ благъ въ настоящія.

Въ своей «Положит. Теоріи» Бёмъ-Баверкъ удѣлилъ такъ много мѣста и старанья доказательству и иллюстраціи природы технической производительности капиталистическаго строя, что

возможно, что многіе изъ его читателей не сознаютъ, какъ мало имѣетъ значенія для его теоріи эта техническая производительность. Наиболѣе удавшаяся часть его сочиненія состоитъ изъ анализа и объясненія всего того, что соприкасается съ процессами производства, съ цѣлью доказать техническую производительность этихъ процессовъ. Эта объективная производительность является заразъ и побудительной причиной, и вознагражденіемъ за сбереженія. Отсрочка вашего потребленія въ настоящемъ имѣетъ для себя одно основаніе, что вы благодаря ей получаете возможность имѣть для своего потребленія большее количество благъ въ будущемъ.

Однако, изъ вышеприведенныхъ примѣровъ и объясненій самого Бёмъ-Баверка выясняется, что процентъ не зависитъ отъ такой объективной производительности и не требуетъ ея. Единственно-существенной чертой, согласно его ученію, является болѣе низкая оцѣнка будущихъ благъ сравнительно съ настоящими. Объективная или техническая производительность лишь одинъ изъ факторовъ этой болѣе низкой оцѣнки, и она не представляется необходимой. Существуетъ три фактора этой болѣе низкой оцѣнки, каждый изъ которыхъ, согласно Бёмъ-Баверку, самъ по себѣ можетъ быть достаточной причиной разницы стоимостей настоящихъ и будущихъ благъ и достаточнымъ основаніемъ для уплаты процента. Факторы эти—«различіе между обезпеченіемъ въ настоящемъ и будущемъ, меньшая цѣнность, признаваемая за будущимъ и, наконецъ, большая продуктивность, производительность продолжительныхъ способовъ производства (Положит. Теорія, стр. 272).

§ 4. Первый факторъ находится въ связи съ тѣми услугами или удовлетвореніемъ, которыя одни и тѣ же блага доставляютъ теперь сравнительно съ услугами и удовлетвореніемъ, доставляемыми впослѣдствіи, и сводится къ сравнительной возможности наслажденія и сравнительному богатству въ два различные момента времени. Второй факторъ связанъ съ нормой учета будущихъ реальныхъ услугъ, обусловленной предусмотрительностью или благоразуміемъ. Третій факторъ соотвѣтствуетъ тому, что вообще называется «производительностью капитала». Но надо замѣтить, что Бёмъ-Баверкъ упорно отвергаетъ выраженіе «производительность капитала» и отказывается отожде-

ствлять съ нимъ факторъ, именуемый имъ «большой продуктивностью продолжительныхъ способовъ производства». Смыслъ этой «большей продуктивности» капитала заключается, по его мнѣнію, скорѣе въ «техническомъ превосходствѣ настоящихъ благъ», чѣмъ въ большемъ количествѣ продуктовъ, являющемся при производительномъ употребленіи «настоящихъ благъ». Глава, гдѣ излагается это «техническое превосходство настоящихъ благъ»,—наиболѣе трудная часть его трактата, не вслѣдствіе неясности аргументаціи, но вслѣдствіе его извращеннаго стремленія придать времени ту производительную силу, которая обыкновенно признается за капиталомъ. Онъ предлагаетъ замѣнить въ самомъ началѣ выраженіе «производительность капитала» тѣмъ, что у него именуется «фактами». «Факты эти таковы: какъ общее правило, настоящія блага по техническимъ причинамъ являются лучшимъ средствомъ для удовлетворенія человѣческихъ желаній и характеризуютъ такимъ образомъ болѣе высокую предѣльную полезность, чѣмъ блага будущія» (стр. 260). Изъ послѣдующаго видно, что данное количество капитала или иныхъ производственныхъ средствъ, находясь въ нашемъ обладаніи уже теперь, и по предѣльной полезности, и по цѣнности стоитъ выше того же количества, доступнаго обладанію только черезъ годъ, ибо продуктивность охватывающаго большой періодъ времени производства начнется въ первомъ случаѣ ранѣе и потому выразится въ будущемъ за данный періодъ въ большемъ количествѣ благъ. Это, конечно, совершенно согласуется съ обычнымъ пониманіемъ производительности капитала; капиталъ, который начинаетъ прилагаться производительно *теперь*, дастъ за шесть лѣтъ большее количество благъ и большую сумму ихъ цѣнности, чѣмъ тотъ же капиталъ, разъ только онъ начнетъ функціонировать *черезъ годъ*. Различіе между Бёмъ-Баверкомъ и сторонниками «производительности» заключается, во всякомъ случаѣ, въ томъ, что первый напираетъ на то, что увеличенное количество благъ и цѣнности обусловливается пріоритетомъ, а не производительнымъ пользованіемъ матеріальнымъ капиталомъ. Къ этому я сейчасъ вернусь. Здѣсь достаточно, во всякомъ случаѣ, отмѣтить, что третій указываемый Бёмъ-Баверкомъ факторъ есть въ сущности производительность капитала, хотя, по его объясненіямъ, дѣйстви-

тельная причина «большей производительности длительныхъ способовъ производства» является скорѣе продолжительностью времени, чѣмъ «пользованіемъ» или продуктивнымъ потребленіемъ капитала. Каково бы ни было наше пониманіе третьяго фактора, онъ создаетъ объективную сумму богатства, изъ которой можетъ выплачиваться процентъ. Если бы поэтому этотъ третій факторъ имѣлъ существенное значеніе при всѣхъ функціяхъ капитала и при всякомъ платежѣ процента,—въ теоріи Бёмъ-Баверка объективная сумма производительности во всякомъ случаѣ играла бы роль. Но онъ совершенно отрицаетъ, чтобы этотъ третій случай представлялъ важность, ибо, какъ онъ утверждаетъ, «каждаго изъ трехъ факторовъ независимо отъ остальныхъ достаточно, чтобы объяснить разницу стоимости настоящихъ и будущихъ благъ, причемъ стоимость первыхъ будетъ больше». (стр. 273); и эта болѣе низкая оцѣнка будущихъ благъ постоянно выдвигается, какъ сущность вопроса о процентѣ. Иначе говоря, перемѣна въ субъективныхъ оцѣнкахъ, наступающая, когда теченіе времени обращаетъ блага будущаго въ блага настоящаго, считается сама по себѣ достаточнымъ объясненіемъ уплаты въ видѣ % извѣстнаго количества объективныхъ благъ.

Что Бёмъ-Баверкъ не считаетъ производительнаго употребленія капитала существеннымъ условіемъ возникновенія процента, это видно далѣе изъ его взгляда на сбереженіе и воздержаніе. Относительно «сбереженія» онъ говоритъ, что оно «относится не къ средствамъ производства, а къ *мотивамъ* его—мотивамъ, которыми опредѣляется направленіе производства» (стр. 123). Мы же,—если содержаніе нашей предыдущей главы не противорѣчитъ истинѣ,—показали, что сбереженіе не только вліяетъ на направленіе, но и на размѣры производства тѣмъ, что оно даетъ возможность большему количеству производительной силы функціонировать въ промышленности. Отрицаніе роли сбереженія, какъ средства производства, заключаетъ необходимо и отрицаніе производительности капитала.

Самое открытое отрицаніе производительности капитала мы встрѣчаемъ въ III главѣ, гдѣ на вопросъ: «является ли капиталъ третьимъ и независимымъ «производственнымъ факторомъ» на ряду съ трудомъ и природою», Бёмъ-Баверкъ замѣчаетъ: «отвѣтъ долженъ быть рѣшительно отрицательный» (стр. 95). «Капиталъ

имѣетъ, прежде всего, симптоматическую важность. Его присутствіе всегда служитъ симптомомъ прибыльнаго производства. Я подчеркиваю и намѣренно употребляю слово «симптомъ», а не «причина» или «условіе» прибыльныхъ способовъ производства, ибо присутствіе капитала—является скорѣе слѣдствіемъ, чѣмъ причиной» (92). Изъ контекста слѣдуетъ, что извѣстное производство можетъ обходиться безъ капитала и что въ этомъ смыслѣ капиталъ не можетъ быть поставленъ рядомъ съ природой и трудомъ, и что въ такъ называемомъ «капиталистическомъ производствѣ» капиталъ—не факторъ и не причина производства. Нѣкотораго рода «производительность», правда, за капиталомъ признается. «Онъ «производителенъ», во-первыхъ, потому, что предназначается участвовать въ производствѣ благъ; потому, во-вторыхъ, что является дѣйствительнымъ дополнительнымъ орудіемъ при прибыльныхъ способахъ производства, разъ они уже въ ходу; наконецъ,—косвеннымъ образомъ,—потому, что онъ дѣлаетъ возможнымъ принятіе новыхъ выгодныхъ способовъ производства» (99). Но онъ—не «независимый факторъ производства», какъ природа и трудъ, а лишь «посредникъ, чрезъ котораго двѣ начальныя производительныя силы проявляютъ свое дѣйствіе».

§ 5. Не легко разобраться въ запутанномъ содержаніи этихъ доводовъ. Совершенно вѣрно, что капиталъ не можетъ дѣйствовать, какъ «независимый факторъ», но то же самое и съ природою, и трудомъ; вѣрно, что эти два послѣдніе фактора имѣютъ право считаться «начальными» въ томъ смыслѣ, въ какомъ капиталъ считаться не можетъ, но при всемъ томъ, разъ капиталъ существуетъ и функціонируетъ, какъ интегральная часть болѣе производительнаго способа производства, на него можно и, быть можетъ, даже необходимо смотрѣть, какъ на сложную причину, или, во всякомъ случаѣ, какъ на «условіе» поднятія производительности. Можно, конечно, насиловать языкъ и настаивать на томъ, что капиталъ—лишь «орудіе», благодаря которому двѣ начальныя силы—трудъ и природа—достигаютъ большей производительности, и приписывать все увеличеніе производительности, то труду и природѣ, какъ дѣлаетъ, повидимому, Бёмъ-Баверкъ, то одному труду, какъ дѣлаютъ, слѣдуя за старыми англійскими экономистами,

соціалисты, то одной природѣ, какъ дѣлали физіократы. Но отъ установленія подобныхъ тончайшихъ различій между причиной и условіемъ, условіемъ и орудіемъ ничего не выигрывается. Если слѣдуетъ, какъ общепринято, отдѣлять, при изображеніи промышленнаго механизма, капиталъ отъ труда и природы и если, далѣе, признано, что капиталъ необходимъ для осуществленія болѣе производительныхъ способовъ производства, то отрицаніемъ непосредственной производительности капитала ничего не достигается, вопросъ же, является ли онъ «независимымъ» факторомъ, совершенно не имѣетъ къ этому отношенія.

Характеристика современной роли капитала, даваемая Бёмъ-Баверкомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, вполнѣ оправдываетъ и даже требуетъ признанія за нимъ непосредственной производительности. И въ дѣйствительности, капиталъ создаетъ источникъ, изъ котораго уплачиваются дѣйствительные %, въ соотвѣтствіи съ тѣмъ источникомъ, какой общепризнанная производительность природы и труда создаетъ для уплаты ренты и заработной платы. Тутъ, конечно, не можетъ быть рѣчи ни о «независимой производительности», ни о независимомъ продуктѣ, потому что то и другое исключается органической природой соединенія факторовъ. И изслѣдованіе функцій капитала, сдѣланное Бёмъ-Баверкомъ, не даетъ ему права отводить въ теоріи распредѣленія капиталу мѣсто, совершенно отличное отъ мѣста, отведеннаго природѣ и труду.

§ 6. Допуская, какъ мы видѣли, что капиталъ въ качествѣ орудія содѣйствуетъ возростанію объективной производительности, Бёмъ-Баверкъ отрицаетъ важность такой объективной производительности для объясненія уплаты процента. Достаточнымъ источникомъ для этого признается «субъективная производительность», постепенный съ теченіемъ времени переходъ будущихъ благъ въ настоящія. Такимъ образомъ, достаточнымъ объясненіемъ происхожденія и уплаты процента онъ считаетъ время само по себѣ.

Это совершенно ясно выражено профессоромъ Smart'омъ: «простѣйшій случай процента можно наблюдать при займѣ для потребленія. Здѣсь мы имѣемъ дѣйствительный и настоящій *обмѣнъ* меньшей суммы уже существующихъ денегъ или благъ

на большую сумму будущихъ благъ или денегъ. Возвращаемая сумма, состоящая изъ капитала процента, служитъ рыночной оцѣнкой и *эквивалентомъ* капитальнаго займа. Усматриваемая нами разница въ цѣнности объясняется тѣмъ, что мы забываемъ, что 100 ф. ст., уже находящіеся у насъ въ рукахъ,—не то же самое, что 100 ф. ст., ожидаемые черезъ годъ. Этотъ лажъ на настоящія блага и является процентомъ. Другими словами, процентъ есть дополнительная часть цѣны:—часть, соотвѣтствующая ссуженному капиталу. Этотъ лажъ возникъ бы и при условіяхъ неорганизованной промышленной системы,—какъ и есть въ дѣйствительности, — будучи тѣмъ, чего бережливый имѣетъ право требовать у расточителя» (Предисловіе къ Полож. Теоріи, XI).

§ 7. Этотъ отрывокъ, резюмирующій притязанія теоріи Бёмъ-Баверка, послужитъ намъ для уясненія ея недостатковъ. Мое первое возраженіе заключается въ томъ, что теорія, объясняющая процентъ увеличеніемъ субъективной оцѣнки при обращеніи будущихъ благъ въ настоящія, не удовлетворительна потому, что не объясняетъ источника уплаты реальнаго или объективнаго процента. Я уже говорилъ, что примѣръ ссуды, выдаваемой для непроизводительнаго потребленія расточителю, неподходящъ, ибо тутъ уплата % или невозможна, или же она является результатомъ ненормальной производительности какого-либо другого фактора: такая уплата столь же мало можетъ разсматриваться какъ нормальный процентъ, какъ сумма, напередъ выплаченная фермеромъ въ качествѣ ренты и не окупившаяся доходомъ съ земли, можетъ служить примѣромъ нормальной ренты. «Лажъ», какъ его понимаетъ проф. Smart, простое увеличеніе субъективной оцѣнки, не можетъ самъ по себѣ объяснить, какимъ образомъ извѣстное количество благъ, обладающихъ объективной мѣновой цѣнностью, уплачивается въ качествѣ %. Сама по себѣ перемѣна оцѣнки не можетъ произвести увеличенія объективно измѣряемыхъ цѣнностей. Болѣе низкая оцѣнка будущаго удовлетворенія по сравненію съ настоящимъ не заключаетъ экономическихъ средствъ для расширенія объективнаго источника будущаго удовлетворенія, когда оно наступитъ. Теченіе времени не можетъ считаться причиной увеличенія капитала, создающей для будущаго наслажденія большее его количество. Объективный

процентъ,—вотъ очевидно то, что мы должны объяснить. Если я ссужаю благъ на 100 и получаю въ концѣ года благъ на 105, то въ существованіи добавочныхъ 5 перемѣна субъективной оцѣнки—не при чемъ. Ихъ происхожденія не объяснятъ ни теченіе времени, ни перемѣна моей субъективной оцѣнки. Они возникаютъ подъ вліяніемъ промышленной силы, которой можно дать названіе «производительности». Разъ было принято, что услуга капитала, какъ орудія, состоитъ въ удлиненіи процесса производства и что «всякое удлиненіе этого процесса сопровождается дальнѣйшимъ возростаніемъ техническаго результата» (84), другими словами, что «всякое растяженіе производственнаго процесса даетъ нѣкоторый добавочный результатъ» (86), то будетъ совершенно разумно разсматривать этотъ добавочный результатъ, какъ истинный источникъ объективнаго процента. Мы имѣемъ здѣсь въ качествѣ базиса процента объективную производительность. Если бы Бёмъ-Баверкъ и проф. Smart ограничились этими случаями займовъ капитала на производительныя цѣли, они во всякомъ случаѣ могли бы поддержать теорію «болѣе низкой оцѣнки» будущихъ благъ, какъ источника «процента», прибѣгнувъ къ объективному продукту, который заключаетъ необходимыя для уплаты этого процента блага. Но рискованность тѣхъ примѣровъ, гдѣ эта объективная производительность прямо и намѣренно исключена, расшатываетъ эту теорію. Обращаясь къ утвержденію проф. Smart'а, я ни на минуту не могу допустить, что «этотъ лажъ возникъ бы и независимо отъ организованной системы производства». При отсутствіи послѣдней, субъективная болѣе низкая оцѣнка будущихъ благъ заимодавцемъ никоимъ образомъ не дала бы ему возможности получать въ видѣ % какое-либо матеріальное воплощеніе этого «лажа». Теорія производства Бёмъ-Баверка не требуетъ отъ него оставленія этого «добавочнаго продукта» долго длящагося производства, и, оставляя его, Бёмъ-Баверкъ губитъ свою теорію. Словомъ, проблема, кажущаяся Бёмъ-Баверку всецѣло «субъективной», является также объективною. Бёмъ-Баверкъ и проф. Smart полагаютъ, что должны доказать лишь возникновеніе субъективныхъ цѣнностей, между тѣмъ какъ они должны доказать происхожденіе цѣнностей объективныхъ или, при прочихъ равныхъ условіяхъ, увеличеніе продуктовъ. Анализъ проблемы займовъ,

производимый на примѣрахъ съ деньгами, даетъ имъ возможность уклоняться отъ этого. Исходнымъ примѣромъ для анализа вопроса о процентѣ долженъ бы служить не заемъ 100 ф. ст., а такой случай, гдѣ А ссужаетъ В пилу и получаетъ за то пилу и въ придачу доску: требуется объяснить, откуда взялась и почему уплачивается такая доска.

§ 8. Истина, повидимому, заключается въ томъ, что Бёмъ-Баверкомъ неправильно поняты и истолкованы какъ роль, которую играетъ время, такъ и отношенія къ нему, какъ къ нѣкотораго рода фактору, производящему цѣнность. Касаясь того, что имъ самимъ бездоказательно названо «техническимъ превосходствомъ настоящихъ благъ», онъ утверждаетъ: «можно считать чисто элементарнымъ фактомъ, выведеннымъ изъ опыта, что способы производства, требующіе для себя болѣе времени, являются болѣе производительными. То-есть, при одномъ и томъ же количествѣ производственныхъ орудій, чѣмъ болѣе требуетъ времени примѣняемый способъ производства, тѣмъ значительнѣе количество получаемыхъ продуковъ (стр. 260). Здѣсь, повидимому, онъ хотѣлъ показать, что длительность способа производства является причиной производительности. Ему даже кажется, что онъ доказалъ это, но ничего подобнаго онъ не сдѣлалъ. Онъ доказалъ лишь, что время или «длительность» представляютъ собою одно изъ условій всѣхъ тѣхъ процессовъ, которые технически болѣе производительны.

Стремленіе приписать теченію времени причинное дѣйствіе, которое связано въ дѣйствительности съ природою тѣхъ процессовъ, которые требуютъ времени, наиболѣе ясно проявляется въ слѣдующемъ примѣрѣ. «Предполагая, что въ 1888 г. мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи опредѣленное количество производственныхъ орудій, допустимъ, на тридцать рабочихъ дней, мы можемъ сдѣлать слѣдующій расчетъ. Мѣсяцы труда, затраченные при способахъ производства, дающихъ продуктъ немедленно и являющихся вслѣдствіе этого весьма малодоходными, дадутъ лишь 100 единицъ продукта, но дадутъ ихъ, конечно, только за 1889 годъ; будучи употреблены въ двухгодовомъ процессѣ, они дадутъ 280 единицъ за 1890 года, и такъ въ возрастающей прогрессіи: 350 единицъ за 1891, 400—1892, 440—1893, 470—1894 и 500—1895 года» (стр. 261).

Здѣсь время выставляется причиной объективной производительности. Но каковы же дѣйствительные факты? Не продолжительность процесса даетъ увеличеніе продукта, но природа процессовъ, требующихъ большаго промежутка времени т.-е. употребленіе болѣе производительныхъ конкретныхъ формъ капитала, вмѣсто менѣе производительныхъ. Бёмъ-Баверкъ уклоняется отъ этого вывода, когда беретъ для примѣра «30 дней труда», не представляющихъ собой капитала и выражающихъ время. Пусть онъ возьметъ конкретныя формы капитала, и ему трудно будетъ избѣжать заключенія, что «техническое превосходство» заключается не въ продолжительности, но въ промышленномъ характерѣ этихъ формъ. (Въ схемѣ на стр. 262 это предположеніе разработано лишь болѣе подробно).

Приписывая теченію времени причину возрастанія цѣнности, а также и возрастанія технической производительности, Бёмъ-Баверкъ впадаетъ въ другую ошибку. Въ теоріи процента ему требуется доказать, что этотъ временный процессъ даетъ объективную или мѣновую цѣнность. Между тѣмъ въ дѣйствительности онъ хочетъ доказать, что этотъ временный процессъ создаетъ возрастаніе субъективной цѣнности, или говоря его же словами: «если онъ даетъ въ наше распоряженіе болѣе средствъ для удовлетворенія нашихъ потребностей, то онъ долженъ имѣть больше значенія для нашего благополучія». Но подобное болѣе значительное «удовлетвореніе» есть лишь одинъ изъ факторовъ, содѣйствующихъ увеличенію мѣновой или объективной цѣнности благъ.

Неясность мысли, заключающаяся во всей этой попыткѣ навязать времени роль, какую оно не можетъ играть, наиболѣе любопытно иллюстрируется въ послѣднемъ параграфѣ, гдѣ Бёмъ-Баверкъ резюмируетъ «положительные результаты» своихъ разсужденій. «Отношеніе между потребностью и запасомъ благъ для ихъ удовлетворенія въ настоящемъ и будущемъ, низкая оцѣнка будущихъ удовольствій и страданій, техническое преимущество, присущее настоящимъ благамъ, приводятъ къ тому, что для подавляющаго большинства людей субъективная потребительная цѣнность настоящихъ благъ выше субъективной подобной же цѣнности благъ будущихъ. Отъ такого отношенія субъективныхъ оцѣнокъ на рынкахъ вообще объективная мѣновая цѣн-

ность и рыночная цѣна настоящихъ благъ оказывается болѣе высокой» (стр. 281). Оставляя въ сторонѣ предположеніе, заключающееся въ послѣдней фразѣ, что объективныя цѣнности опредѣляются субъективной оцѣнкой одной изъ двухъ сторонъ участвующихъ въ обмѣнѣ (коренная ошибка школы «предѣльной полезности»), я хочу лишь обратить вниманіе читателя на удивительный «аргументъ» предшествующей фразы, гдѣ «низкая оцѣнка будущихъ удовольствій и страданій» выставляется причиной того факта, что «субъективная потребительная цѣнность настоящихъ благъ выше таковой же благъ будущихъ», т.-е. низкая оцѣнка оказывается причиной недостаточной оцѣнки.

Подобное разсужденіе, возникающее при тщетныхъ попыткахъ приписать объективныя послѣдствія чисто субъективнымъ причинамъ, почти неизбѣжно приводитъ автора къ явнымъ обсурдамъ въ родѣ приведеннаго выше.

Если сводить проблему процента къ низкой оцѣнкѣ будущихъ благъ, то время является какъ бы производителемъ цѣнностей устраняя эту низкую оцѣнку. Точка зрѣнія, основывающаяся на обычномъ процессѣ учета, весьма естественно подходитъ и къ этому субъективному взгляду на процентъ, приписывающему самому времени производительную силу. Но приписывать времени такую способность—совершенно ошибочно. Измѣненія въ субъективной цѣнности, происходящія съ теченіемъ времени, безспорно играютъ роль въ установленіи цѣны за пользованіе капиталомъ или, другими словами, въ установленіи того количества, какое должно быть выплачено владѣльцу капитала изъ всей суммы прироста объективной производительности, обязанной своимъ существованіемъ сочетанію капитала съ другими факторами производства; но роль эта совершенно не такова, какую приписываетъ времени Бёмъ-Баверкъ. На страницахъ самой «Положительной теоріи» попадаются выраженія, которыя могли бы вывести ихъ автора на правильную дорогу. «Невыгоды, связанныя съ капиталистическимъ способомъ производства, заключаются въ затратѣ времени» (стр. 82); мѣсто это ясно указываетъ, что время можно отнести скорѣе къ издержкамъ капиталистическаго производства, чѣмъ къ активнымъ производственнымъ силамъ. Далѣе мы узнаемъ, что «капитализмъ требуетъ затратъ во времени, но представляетъ

выгоды по количеству продуктовъ», а это приводитъ насъ къ полной истинѣ, что эти «выгоды въ количествѣ продуктовъ» доставляютъ фондъ, изъ котораго почерпаются платежи, идущіе на покрытіе «издержекъ», заключающихся въ «затратѣ времени».

§ 9. Мы не только не имѣемъ права считать время способнымъ къ технической производительности, необходимой для объясненія реальнаго процента, но мы не можемъ даже считать его активнымъ факторомъ въ повышеніи субъективныхъ цѣнностей. Допустимъ, что я оцѣняю домъ на настоящій годъ въ 100 ф. стерл., 95 ф. ст. 4 шил.—на слѣдующій. Бёмъ-Баверкъ утверждаетъ, что разъ я, по истеченіи года, буду оцѣнивать въ 100 ф. ст. то, что прежде оцѣнивалъ въ 95 ф. ст. 4 шил., это увеличеніе цѣнности блага съ 95 ф. ст. 4 шил. на 5% вызвано теченіемъ времени.

Мы уже отмѣтили ошибочность взгляда на процентъ какъ на платежъ за пользованіе капиталомъ, оцѣненнымъ въ деньгахъ. Такъ какъ денежная цѣнность капитала создается лишь при помощи капитализаціи процента, то процессъ этотъ уже предполагаетъ возрастаніе цѣнности. Въ самомъ дѣлѣ, если я получаю за пользованіе извѣстными видами благъ, отданными мною въ ссуду въ теченіе прошлаго года, сумму въ 5 ф. стерл., то я выдѣляю маленькую сумму, которая позволяетъ мнѣ сказать, что то, что я ссудилъ, стоило 100 ф. стерл. въ началѣ года и 105 ф. стерл., включающихъ процентъ, въ концѣ. Но говоря это, я предрѣшаю вопросъ относительно возрастанія цѣнности при моемъ способѣ полученія первоначальныхъ 100 ф. стерлинговъ. Я знаю лишь, что моя ссуда возвращена мнѣ была съ прибавкой $^1/_{20}$; я однако не могу предполагать, что возвращенное мнѣ возросшее количество благъ имѣетъ на $^1/_{20}$ больше субъективной или объективной цѣнности, чѣмъ меньшее количество, первоначально отданное мною какъ ссуда. Это значило бы утверждать абсолютную устойчивость или неразрывность цѣнности съ матеріальными формами. Я не имѣю логическаго права утверждать, что сдѣлка, путемъ которой я получаю 105 ф. благъ, вмѣсто 100 ф., заключается въ возрастаніи цѣнности съ 100 ф., ст. на 105, потому что, если бы вмѣсто 105 ф. ст. я получилъ обратно лишь 102 ф. ст., я долженъ былъ бы сказать, что моя ссуда стоила не 100 ф. ст., а меньшую сумму денегъ. Другими

словами, цѣнность капитала не есть первоначальное данное, но вычисляется на основаніи процента, при помощи способа, предполагающаго, что возрастаніе цѣнности было вызвано процессомъ выдачи ссуды. Это возрастаніе цѣнности, утверждаю я, зависитъ отъ большей технической производительности, которую самъ Бёмъ-Баверкъ допускаетъ для капиталистическаго производства.

§ 10. Другими словами, «превращеніе будущихъ благъ въ настоящія», въ силу теченія времени, представляетъ собой настоящую теорію процента, основанную на соображеніяхъ объ издержкахъ. Положительный или даже продуктивный характеръ, который она придаетъ хорошо знакомому намъ явленію учета или низкой оцѣнки будущихъ благъ, не долженъ вводить насъ въ заблужденіе. Констатировать низкую оцѣнку — значитъ просто констатировать количественно издержки воздержанія, включающаго время, какъ необходимый элементъ своего дѣйствія. Если я оцѣниваю услуги, оказываемыя домомъ, въ 100 ф. ст. для настоящаго года, то мое предпочтеніе настоящаго пользованія будущему можетъ побудить меня оцѣнить услуги дома на слѣдующій годъ въ 95 ф. ст. 4 шил. Но, при наступленіи этого года, моя оцѣнка повышается съ 95 ф. ст. 4 шил. до 100 ф. ст. Однако, выраженіе, что услуги дома въ текущемъ году я цѣню на 5 ф. ст. выше будущихъ его услугъ для слѣдующаго года, представляетъ собою лишь болѣе смутную и неясную форму выраженія, что я оцѣниваю потерю или ущербъ, причиняемый мнѣ отсрочкой удовлетворенія моихъ потребностей на одинъ годъ, въ 5 ф. ст. Если я сразу могу извлечь изъ благъ всю ту сумму удовлетворенія, какую они мнѣ могутъ дать, то лицо, которое убѣдитъ меня отсрочить этотъ моментъ, должно уплатить мнѣ установленную на рынкѣ цѣну за такое усиліе къ воздержанію или отсрочку. Вполнѣ ясно, какую роль дѣйствительно играетъ здѣсь время и какой оно не играетъ вовсе. Оно не создаетъ ни возрастанія продукта, ни возрастанія цѣнности, но составляетъ условіе издержекъ, которыя, вліяя на предложеніе капитала, содѣйствуютъ установленію цѣны за пользованіе этимъ капиталомъ или, съ точки зрѣнія капиталиста, цѣны за это усиліе къ воздержанію. Я уже показалъ, что такое воздержаніе не есть только отрицательная сила, что его надо

отнести къ силамъ положительнымъ и производительнымъ, во всякомъ случай въ томъ смыслѣ. что оно существенно необходимо для существованія и технической производительности капитала.

Низкая оцѣнка или учетъ будущихъ цѣнностей есть просто одна изъ формъ, въ которыхъ издержки воздержанія представляются уму лица, сберегающаго или дающаго ссуду. Она не является источникомъ процента, не объясняетъ возможности возникновенія объективнаго процента и представляетъ собой лишь одно изъ опредѣляющихъ условій массы или нормы процента. Въ качествѣ экономическаго фактора въ установленіи цѣны она можетъ въ видѣ субъективныхъ издержекъ быть отнесена къ одной категоріи съ субъективными затратами труда, а въ качествѣ издержекъ производства стоимость ея должна вычитаться изъ прибавочнаго продукта, созданнаго благодаря производительному сочетанію капитала и труда.

§ 11. Необходимо ясно понять, что я не оспариваю ни одного изъ фактовъ, приводимыхъ Бемъ-Баверкомъ при обсужденіи низкой оцѣнки будущихъ благъ, ни того, что они имѣютъ отношеніе къ проблемѣ процента. Я оспариваю лишь то, что онъ, признавая производительныя услуги капитала, отказывается считать эти услуги кореннымъ и необходимымъ условіемъ процента, а вмѣсто того выискиваетъ какую-то чисто субъективную причину.

Позвольте мнѣ кратко повторить мое возраженіе противъ его аргумента, касающагося платежа процента за пользованіе благами, имѣющими продолжительное существованіе. Онъ говоритъ: «Если пользованіе машиной въ текущемъ году стоитъ 100 и если машина способна производить такую же работу въ теченіе еще 5 лѣтъ, то машина стоитъ не 6×100, а $100+95.23+90.70+82.27+78.35=532.93$ (стр. 343)». Оцѣнка машины, какъ капитала, вначалѣ будетъ 532. 93; но въ теченіе шести лѣтъ, которыя машина существуетъ, все пользованіе или «потребленіе» машины дастъ общую цѣнность въ 600. Разница между двумя суммами и доставляетъ фондъ, изъ котораго можно почерпать процентъ. Фондъ этотъ происходитъ, повидимому, отъ способности времени содѣйствовать, такъ сказать, процессу созрѣванія благъ. Я не оспариваю во всемъ этомъ разсужденіи ни

одного факта, я утверждаю лишь, что они не даютъ требуемаго объясненія экономическихъ явленій, которыя происходятъ въ дѣйствительности при ссудѣ благъ, имѣющихъ продолжительное существованіе. Фактъ тотъ, что при ссудѣ машины или другихъ имѣющихъ продолжительное существованіе благъ, условія бываютъ таковы, что обезпечиваютъ для машины постоянное существованіе; процентъ даетъ плоды не въ теченіе шести только лѣтъ, но вѣчно. Согласно Бёмъ-Баверку, можно получить точную цѣнность капитала, прибавивъ цѣнность оказываемыхъ имъ за шесть лѣтъ услугъ. Въ дѣйствительной же промышленности, хотя вначалѣ капиталъ и обладаетъ точно извѣстной цѣнностью, цѣнность его съ цѣлью ссуды или помѣщенія куда-нибудь вычисляется не по валовымъ услугамъ, оказываемымъ имъ за время своего существованія, но путемъ капитализаціи, на основаніи нормы чистаго процента, послѣ того какъ были приняты мѣры къ обезпеченію его непрерывнаго существованія. Если А отдаетъ В въ аренду домъ или машину, онъ высчитываетъ капитальную цѣнность этой ссуды путемъ капитализаціи ренты или чистаго процента, принявъ мѣры къ поправкѣ или возобновленію дома или машины. Такимъ образомъ, разъ дому или машинѣ обезпечено неопредѣленно долгое или вѣчное существованіе, то нельзя думать, что цѣнность ихъ какъ капитала (cipital value) можетъ быть получена путемъ прибавленія годичныхъ ихъ цѣнностей, такъ какъ эти послѣднія образуютъ безконечный рядъ. Даваемое Бёмъ-Баверкомъ объясненіе процента игнорируетъ прежде всего дѣйствительныя промышленныя услуги или «производительность» эксплуатируемыхъ формъ капитала. Эксплоатація или потребленіе этихъ послѣднихъ доставляютъ блага, «цѣнность» которыхъ возвращается въ видѣ ежегоднаго процента ихъ владѣльцу, причемъ Бёмъ-Баверкъ ищетъ причину процента въ томъ, что въ дѣйствительности является лишь условіемъ указанной производительности. Далѣе онъ устанавливаетъ устойчивую продолжительность для функціонированія формы капитала, что несогласно съ фактами промышленной жизни: дѣйствительный фактъ, требующій объясненія, заключается въ вѣчности процента, платимаго за ссуду матеріальныхъ формъ капитала, существованіе которыхъ кажется недолговѣчнымъ. Я пытался дать объясненіе этому явленію, показавъ, что экономиче-

ское существованіе матеріальной формы капитала въ дѣйствительности вовсе не имѣетъ конца, но что она порождаетъ производительную силу, могущую обезпечить за ней вѣчность существованія и доставить нѣкоторый излишекъ, изъ котораго можетъ быть выплачиваемъ постоянный процентъ. Игнорируя «производительность» услугъ капитала, существованіе которой онъ вообще допускаетъ, и обращая вниманіе лишь на чисто субъективный фактъ — измѣнчивыя желанія заимодавца, Бёмъ-Баверкъ самъ лишаетъ себя всякой возможности разъяснить реальную задачу вѣчности чистаго процента.

Онъ правильно указываетъ, что для подтвержденія этой теоріи происхожденія процента отъ производительности, необходимо доказать существованіе чистаго излишка продукта, остающагося послѣ принятія мѣръ предосторожности противъ изнашиванія капитала, того, что онъ называетъ «net Nutzung». Я полагаю, что мнѣ на примѣрахъ, взятыхъ изъ различныхъ категорій формъ капитала, удалось показать, что такой добавочный продуктъ или «net Nutzung» существуетъ дѣйствительно.

Лишь такимъ и только такимъ путемъ можно создать общій базисъ для сочетанія капитала, природы и труда. Для послѣднихъ двухъ факторовъ всѣми допускается существованіе чистаго излишка продукта, получающагося послѣ возмѣщенія изнашиванія. Обыкновенныя финансовыя операціи дѣлового міра даютъ намъ право приписывать капиталу прямую производительность, аналогичную производительности природы и труда, въ такихъ размѣрахъ, которые, послѣ аналогичныхъ мѣръ для возмѣщенія капитала, создаютъ положительный излишекъ для уплаты чистаго процента.

Съ одной стороны, время является условіемъ усилій къ воздержанію, сохраняющему, въ формѣ производительныхъ благъ, цѣнность, которая въ противномъ случаѣ была бы потреблена. Съ другой стороны, оно составляетъ условіе производительности формъ капитала, которыя воздержаніе это сохраняетъ. Достигнутая такимъ образомъ производительность доставляетъ чистый продуктъ, образующій матеріальный экономическій фондъ, откуда почерпается реальный процентъ; величина этого реальнаго процента непосредственно опредѣляется отношеніемъ между предѣльными затратами воздержанія и предѣльной полезностью

«пользованія капиталомъ», являющейся результатомъ этого воздержанія.

§ 12. Отвергая, такимъ образомъ, даваемое Бёмъ-Баверкомъ объясненіе происхожденія процента, мы нисколько не думаемъ возвращаться къ теоріи процента, основанной на «производительности». Производительность нельзя считать дѣйствительной причиной, но лишь существеннымъ матеріальнымъ условіемъ процента. Производительность капитала вполнѣ совмѣстима съ отсутствіемъ процента. *Цѣнность* и *цѣна* пользованія капиталомъ, какъ цѣнность и цѣна вообще, возникаютъ отъ взаимодѣйствія предѣльныхъ издержекъ производства и предѣльной полезности того, что покупается и продается.

Представленіе, будто задача процента заключается въ обмѣнѣ настоящихъ благъ на будущія, не согласуется съ фактами коммерческой жизни и, полагая весь центръ тяжести въ условіяхъ субъективныхъ оцѣнокъ или въ различіяхъ точекъ зрѣнія продавцовъ и покупателей, это представленіе не объясняетъ появленія фонда для уплаты объективнаго процента. Въ дѣйствительности покупается и оплачивается чистымъ процентомъ пользованіе капиталомъ, и, чтобы такой платежъ оказался возможнымъ, это пользованіе должно выразиться въ вѣчной производительности.

Въ заключеніе я могу резюмировать свои возраженія противъ теоріи процента Бемъ-Баверка въ слѣдующихъ четырехъ положеніяхъ:

1. Отрицая необходимость признавать за капиталомъ объективную производительность, онъ не указываетъ фонда, изъ котораго могъ бы выплачиваться объективный процентъ.

2. Онъ не объясняетъ дѣйствительнаго факта вѣчности процента.

3. Онъ неправильно истолковываетъ самую сдѣлку выдачи ссуды, считая ее обмѣномъ настоящихъ благъ на будущія и подчеркивая лишь одну субъективную оцѣнку.

4. Низкая оцѣнка будущихъ благъ, признаваемая имъ за экономическую причину процента, въ дѣйствительности есть лишь «издержки» функціонированія капитала и стоитъ лишь на одной линіи съ силами, опредѣляющими цѣнность и цѣну пользованія капиталомъ.

ГЛАВА X.

Теорія прибавочной цѣнности.—Ея вліяніе на распредѣленіе.

§ 1. Если анализъ экономическаго торга, данный въ предшествующихъ главахъ, правиленъ, то онъ необходимо долженъ послужить важнымъ коррективомъ къ теоріи и практикѣ распредѣленія.

Непосредственное обсужденіе этическихъ соображеній и по сіе время еще исключается обыкновенно изъ областей экономической теоріи; тѣмъ не менѣе всѣми приверженцами доктрины laisser faire дѣлалось всегда молчаливое предположеніе, что въ силу законовъ, регулирующихъ распредѣленіе, на долю каждаго собственника фактора производства приходится обыкновенно лишь часть продукта, экономически необходимая для того, чтобы вызвать къ дѣйствію этотъ факторъ и поддержать дѣйствительное его функціонированіе и ничего больше.

Утверждаютъ, что конкурренція или свободная игра сознательнаго личнаго интереса среди собственниковъ капитала и организаторскія способности представителей рабочей силы препятствуютъ, чтобы капиталистъ-предприниматель или работникъ получили что-либо сверхъ минимума, соціально необходимаго, при существующихъ условіяхъ, для обезпеченія выполненія того, что каждый изъ нихъ въ состояніи сдѣлать. Всякая задержка въ дѣйствіи этого естественнаго закона представлялась незначительной и скоропреходящей—какъ бы необходимымъ треніемъ, съ которымъ надо считаться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Предполагали, что не существуетъ могущественныхъ и постоянно дѣйствующихъ (enduring) экономическихъ силъ, которыя давали бы возможность обладателямъ какой-либо категоріи земли, труда, капитала или дѣловыхъ способностей получать болѣе необходимаго минимума; что свобода конкурренціи между собственниками различныхъ факторовъ, хотя и не абсолютная, все же такова, что приводитъ, такъ сказать, къ процессу фильтраціи, съ помощью котораго всѣ выгоды отъ улучшеній въ способахъ производства богатства переходятъ въ руки потребителя. Послѣднимъ претендентомъ на результаты успѣховъ современной промышленности «является именно потребитель» (Hadley, Economics, стр. 318).

Каждый производитель получаетъ свой минимумъ; все остальное идетъ потребителю, а такъ какъ потребителями являются всѣ, то дѣйствіе закона распредѣленія оказывается соотвѣтствующимъ общему чувству справедливости или общественной пользѣ. Маленькое затрудненіе возникаетъ только по поводу экономической земельной ренты; начиная съ Адама Смита, адепты теоріи laisser faire чувствовали, что возможность для земельнаго собственника жать тамъ, гдѣ онъ не сѣялъ, не совсѣмъ гармонируетъ съ той нравственной симметріей, которую они, несмотря на случайныя возраженія, дѣйствительно считали опорой экономической доктрины.

Но вѣдь въ концѣ-концовъ рента непосредственно не касалась потребителя; она не входила въ составъ цѣны и не приводила ни къ какимъ лишеніямъ рабочаго или капиталиста, получавшихъ слѣдуемыя имъ заработную плату и прибыль.

Налоги, падавшіе на земледѣльческіе классы, въ большей или меньшей степени также и на мануфактуры и торговлю, имѣли тенденцію перейти и на ренту, и расширеніе подобной политики могло бы дать обществу возможность загладить такую, повидимому, естественную несправедливость.

Любопытно, какъ рѣдко экономисты послѣ Рикардо брали на себя трудъ испытать прочность неопредѣленнаго и смутнаго представленія о потребителѣ, какъ о четвертой сторонѣ въ актѣ распредѣленія, въ интересахъ которой антагонизмъ между землей, трудомъ и капиталомъ находитъ себѣ примиреніе въ конечной гармоніи. Профессоръ Гедли называетъ потребителя «послѣднимъ претендентомъ» (residual claimant), предполагая, повидимому, что всѣ потребители одинаково должны имѣть возможность наслаждаться выгодами отъ улучшеній въ промышленности, достигающими до нихъ въ формѣ низкихъ цѣнъ.

А если рабочій, въ качествѣ потребителя, имѣетъ возможность воспользоваться всѣми выгодами паденія цѣнъ, то его реальная заработная плата, единственный источникъ денежнаго дохода, который онъ тратитъ, можетъ подняться на неопредѣленную высоту надъ уровнемъ необходимаго минимума. То же самое можно сказать и о процентѣ капиталиста. Далѣе, если классы рабочихъ и капиталистовъ неизбѣжно удерживаютъ уровень реальной заработной платы и реальнаго процента выше мини-

мума, то они проявятъ свою силу въ качествѣ производителей, и это повышеніе реальной заработной платы и реальнаго процента помѣшаетъ паденію цѣнъ, такъ какъ съ нимъ связана устойчивость тѣхъ издержекъ производства, которыя, согласно предположенію, входятъ въ составъ цѣны. Тѣ самыя силы, которыя, по мнѣнію сторонниковъ доктрины laisser faire, должны помѣшать капиталу и труду получить прибыль и заработную плату выше минимальныхъ, эти самыя силы, повидимому, мѣшаютъ рабочему и капиталисту воспользоваться выгодами, на которыя они могли разсчитывать въ качествѣ потребителей.

Теорія, касающаяся объектовъ обложенія, страдаетъ той же неопредѣленностью. Часто утверждаютъ, что налогъ на какой-нибудь продуктъ или факторъ производства будетъ перенесенъ на потребителя путемъ повышеніе цѣнъ. Это заключеніе, хотя оно часто и оказывается справедливымъ, нельзя признать окончательнымъ анализомъ. Надо допустить, что потребители въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ переложить этотъ налогъ на какую-нибудь группу производителей. Единственными потребителями, могущими подлежать обложенію, только потому, что они потребители, надо признать лицъ, получающихъ гарантированный денежный доходъ; относительно же тѣхъ, чей доходъ зависитъ и колеблется съ измѣненіями цѣнности какого-нибудь фактора производства, надо признать, что на доходѣ ихъ отзовется налогъ, падающій на нихъ въ формѣповышенной цѣны товаровъ.

Необходимо было бы точно изслѣдовать источники дохода каждаго потребителя, чтобы уяснить, насколько въ концѣ-концовъ отозвался на нихъ налогъ, повысившій цѣну потребляемыхъ имъ благъ. Умѣнье перекладывать налогъ обратно на производителей и быстрота этого пріема должны составить предметъ подробнаго и тщательнаго практическаго изслѣдованія. Но въ теоріи обложенія (taxation) каждая часть налога въ конечной точкѣ своего пути должна быть отнесена къ какому-нибудь классу производителей, если мы хотимъ понять его вліяніе на распредѣленіе богатства.

Однимъ словомъ, для цѣлей теоріи распредѣленія противопоставленіе производителя и потребителя оказывается совершенно ложнымъ. Задача распредѣленія есть въ сущности задача, касающаяся вознагражденія собственниковъ факторовъ производ-

ства. Всякая выгода, которая можетъ придтись на долю каждаго или нѣкоторыхъ изъ производителей, вслѣдствіе паденія цѣнъ для потребителей, должна считаться частью получаемыхъ ими дѣйствительной ренты, заработной платы, или процента.

Такимъ образомъ мы съ полнымъ правомъ, при изложеніи теоріи распредѣленія, оставляемъ въ сторонѣ потребителя, принимая въ соображеніе, что здѣсь мы въ сущности имѣемъ дѣло лишь съ дѣйствительными платежами за пользованіе факторами производства.

§. 2. Впрочемъ, различіе между нашей теоріей и теоріей, обыкновенно приводимой въ англійскихъ учебникахъ политической экономіи, выясняется при разсмотрѣніи состава цѣны. Согласно послѣдней теоріи, цѣна потребительнаго блага вполнѣ можетъ быть разложена на нѣкоторое число издержекъ производства, входящихъ въ эту цѣну на различныхъ стадіяхъ производственнаго процесса и представляющихъ собой предѣльную стоимость (marginal cost) употребленныхъ въ немъ труда и капитала. Между тѣмъ вся суть нашего анализа именно должна была показать, что цѣна товара не исчерпывается платежами этихъ различныхъ минимальныхъ денежныхъ издержекъ производства.

Позвольте мнѣ вкратцѣ повторить способъ разсужденія, которымъ мы пользовались въ этомъ случаѣ.

Прежде всего, путемъ анализа процесса установленія цѣны товаровъ на рынкѣ, мы признали въ составѣ цѣны наличность элемента, который не могъ быть объясненъ конкурренціей, такъ какъ она не оказалась необходимой для того, чтобы послѣдняя пара торгующихся лицъ могла завершить сдѣлку, условія которой установили рыночную цѣну. Другими словами, мы признали дѣйствительное существованіе элемента «вынужденной, насильственной прибыли» (forced gain), чего-то такого, что не оплачивалось какъ «издержки» (cost) производства, но все-таки представляло собой затрату (expense).

Далѣе, разложивъ цѣну товара на извѣстное количество цѣнъ за пользованіе (uses) факторами производства, входившихъ въ ея составъ, мы изслѣдовали условія установленія цѣны за пользованіе землею. При этомъ мы видѣли, что, тогда какъ дифференціальныя земельныя ренты не входили въ составъ

цѣны, худшая земля, употреблявшаяся для наиболѣе спеціальныхъ цѣлей, давала положительную ренту. Мы нашли также, что эта маргинальная рента была необходима для того, чтобы вызвать эксплуатацію земли для этой цѣли, а потому должна войти въ составъ цѣны, и что такимъ образомъ цѣна потребительнаго блага будетъ содержать различныя маргинальныя земельныя ренты.

Изслѣдуя такимъ же способомъ установленіе цѣны за пользованіе капиталомъ и трудомъ, мы нашли, что онѣ существенно не отличаются отъ земли, такъ какъ даютъ маргинальныя ренты; что и капиталъ, и трудъ въ практическомъ отношеніи съ полнымъ правомъ могутъ быть раздѣлены на извѣстное число не конкуррирующихъ между собою группъ, кладущихъ начало категоріи маргинальныхъ процентовъ и заработныхъ платъ, входящихъ въ составъ цѣны.

При существованіи одной только логической системы экономической доктрины laisser faire, не приходилось собственно разрѣшать никакой соціальной задачи распредѣленія, если не считать вопроса объ умѣстности и желательности частной земельной собственности; полную гармонію между капиталомъ и трудомъ обезпечивала конкурренція обладателей капитала и рабочей силы, ставя преграды для возникновенія излишка сверхъ платежей капиталу и труду, примѣняемыхъ при наименѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Даже допуская, что благодаря вліянію закона возрастанія доходности (law of increasing returns) болѣе крупныя предпріятія могутъ дать прибыль, превосходящую этотъ минимальный процентъ, трудно было бы считать эту дифференціальную прибыль причиной борьбы между капиталомъ и трудомъ, такъ какъ для рабочихъ, занятыхъ въ этихъ болѣе выгодныхъ предпріятіяхъ, было бы невозможно получить за продажу своей рабочей силы болѣе высокую цѣну, чѣмъ та, какую получаютъ рабочіе, занятые въ наименѣе прибыльныхъ предпріятіяхъ. Пока мы придерживаемся взгляда, что лишь голыя денежныя издержки (bare money costs) маргинальнаго капитала и труда входятъ въ составъ цѣны, между тѣмъ какъ земельная рента изъ нея исключается, задача распредѣленія носитъ механическій и дѣловой характеръ и не можетъ вполнѣ расшевелить чувства и пробудить дѣятельность въ обладателяхъ факторовъ производства.

Но предлагаемый нами анализъ совершенно мѣняетъ характеръ этой задачи. Мы различаемъ въ ней прежде всего не процентъ, заработную плату и ренту, но издержки существованія различныхъ факторовъ производства, съ одной стороны, и разнообразныя маргинальныя и дифференціальныя «ренты», основанныя на различныхъ степеняхъ экономической настоятельности—съ другой.

Дѣло первостепенной важности—понять, что́ разумѣется подъ этими двумя категоріями. Распредѣленіе заключается, кромѣ случаевъ съ ренты, чиновниковъ съ опредѣленнымъ жалованьемъ и т. д., въ цѣломъ рядѣ измѣнчивыхъ, непостоянныхъ платежей за пользованіе рабочей силой [1]), формами капитала или землей. Платежи эти производятся на всякой стадіи процессовъ производства изъ денежныхъ суммъ, получаемыхъ отъ продажи благъ или услугъ.

Деньги, уплачиваемыя лавочнику въ качествѣ цѣны за мелочные товары, употребляются имъ отчасти на поддержаніе его уменьшающагося капитала въ разныхъ его формахъ, частью на уплату жалованья, прибыли и ренты на тѣ факторы производства, которые онъ употребляетъ. Купецъ, у котораго онъ беретъ свои товары, производитъ подобное же распредѣленіе; то же дѣлаютъ и фабрикантъ, и фермеръ, и другіе отвѣтственные участники болѣе раннихъ стадій процесса производства. Такъ происходитъ обращеніе денегъ, которыя, какъ говорятъ, «тратятся»; деньги же, которыя, будучи «сбережены», употребляются сберегшимъ ихъ лицомъ на покупку новыхъ формъ капитала, подвергаются аналогичному процессу распредѣленія.

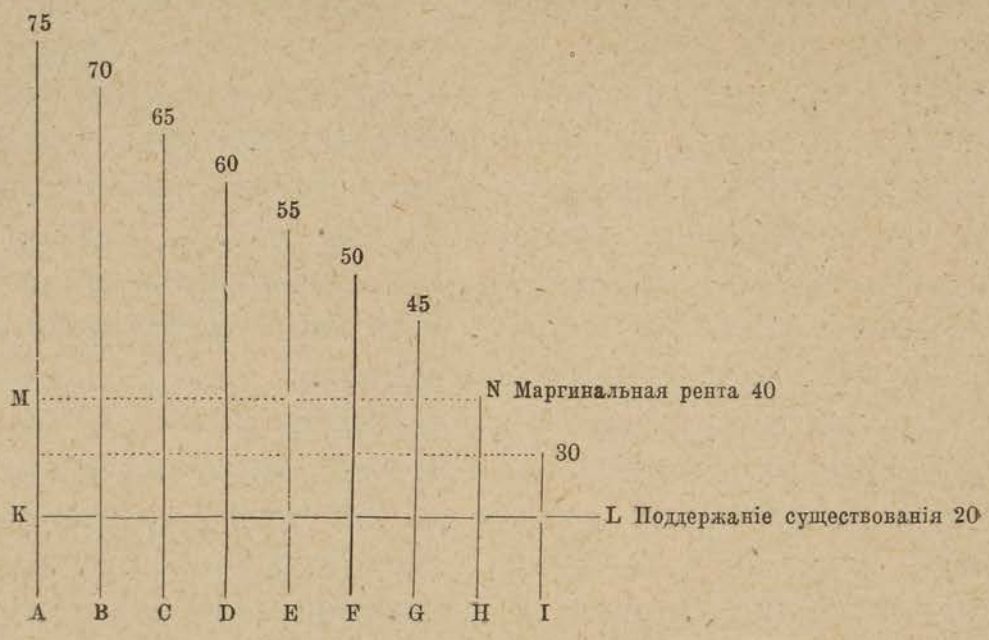
Такимъ образомъ общая масса платежей за предложеніе товаровъ можетъ быть разложена на цѣлый рядъ отдѣльныхъ платежей за пользованіе факторами, участвующими въ различныхъ процессахъ производства. Центральная задача распредѣленія заключается въ измѣняющихся степеняхъ и условіяхъ необхо-

---

[1]) Въ этомъ общемъ очеркѣ теоріи распредѣленія, я счелъ за лучшее включить въ понятіе заработной платы всѣ виды платежей за промышленный трудъ, вознагражденія за веденіе дѣла, и большую часть того, что обыкновенно относятъ къ прибыли, такъ какъ установленіе этихъ платежей не регулируется никакимъ особымъ принципомъ.

димости и настоятельности связанныхъ съ различными частями этихъ платежей за пользованіе факторами производства.

Для указанія этихъ разграниченій намъ послужитъ простая діаграмма. AI представляетъ собою все предложеніе какого-либо фактора, будь то земля, трудъ или капиталъ—на какомъ-нибудь видовомъ (specific) рынкѣ, и включаетъ въ себѣ отдѣльныя



единицы AB, BC, CD и т. д. съ измѣняющимися степенями цѣнности, при чемъ HI есть крайняя, маргинальная или послѣдняя цѣнная единица предложенія. Вся сумма платежей за пользованіе этимъ факторомъ производства выразится фигурой, построенной на AI. Согласно нашему анализу, мы можемъ представить себѣ эту сумму раздѣленной на слѣдующія доли: нижняя часть будетъ представлять собой платежъ для поддержанія существованія, сумму, достаточную лишь для обезпеченія пользованія одной единицей фактора производства, за отсутствіемъ возможности примѣнить ее для какого-нибудь иного употребленія.

Въ настоящемъ случаѣ она доходитъ до 20 шилл. на каждую единицу предложенія. Когда мы брали трудъ, то мы предполагали заработную плату въ 15 шилл. необходимой платой за трудъ низшаго качества; имѣя дѣло съ капиталомъ, за минимальный процентъ мы принимали $2^1/_2$. Въ случаѣ съ землей безконечно малый платежъ въ теоріи былъ бы въ состояніи обезпечить ея

эксплуатацію, такъ что здѣсь линія KL упадетъ настолько, что будетъ находиться непосредственно надъ AI.

Въ случаѣ, приведенномъ на нашей діаграммѣ, худшая или «крайняя» (marginal) доля предложенія получаетъ нѣсколько больше этой «ренты», необходимой лишь для поддержанія существованія. «Рента», получаемая ею въ дѣйствительности, «маргинальная рента», выражается 40 шиллингами вмѣсто 20. Эти добавочные 20 шилл. она можетъ получить главнымъ образомъ потому, что одна или болѣе единицъ предложенія могутъ быть использованы для различныхъ цѣлей, отчего онѣ могутъ получить высокую дифференціальную ренту. Положимъ, что AB имѣетъ передъ собою подобную перспективу. Для того, чтобы включить AB въ составъ именно данной части предложенія, за него надо заплатить 65 шилл., такъ какъ при употребленіи его для другой цѣли оно дало бы 64 шилл.

Подобныя соображенія дѣлаютъ понятной большую часть того, что фигурируетъ на діаграммѣ въ видѣ маргинальной ренты,— но не все. Въ самомъ дѣлѣ, если AB даетъ 65 шилл., то HI, крайняя единица предложенія, можетъ дать только маргинальную ренту въ 30 шилл. вмѣсто 40 шилл., такъ какъ мы видѣли, что дѣйствительная граница опредѣляется (при прочихъ равныхъ условіяхъ) необходимой цѣной той части предложенія, могущей быть использованной для какихъ-либо другихъ цѣлей, которую мы называемъ «опредѣляющей частью предложенія». Если бы AB могло получить только 65 шилл., а HI 30, то пунктирная линія изображала бы собой границу.

Но мы видѣли, что хотя AB и можно включить въ составъ предложенія по цѣнѣ въ 65 шилл., она можетъ расчитывать также и на 75 шилл., если въ торгѣ за цѣну оно окажется сильнѣйшей стороной и получитъ «вынужденную прибыль». Дѣйствительная граница въ 40 шилл. въ нашей діаграммѣ предполагаетъ, что AB имѣетъ возможность взять эту «вынужденную прибыль» (forced gain) въ 10 шилл., будучи въ состояніи обезпечить за собою не 65 шилл., а 75 за свои услуги. Если представитель части предложенія, выражаемой AB, окажется настолько сильнымъ экономически, то отъ этого получитъ выгоду и каждый изъ другихъ участниковъ предложенія, такъ какъ платежи, выпадающіе на ихъ долю, опредѣляются платежами ему. Если онъ

возьметъ 75 шилл., то слѣдующій обладатель производительной единицы можетъ взять 70 шилл., хотя бы для этой единицы и не представлялось какихъ-либо иныхъ способовъ приложенія, и, несмотря на то, что обладатель ея, въ случаѣ необходимости, согласился бы на гораздо болѣе низкую цѣну. Опредѣляющая часть предложенія устанавливаетъ маргинальную ренту или цѣну. Въ нашемъ случаѣ маргинальная рента выражается 40 шилл., изъ которыхъ 20 шилл. идутъ на поддержаніе существованія, 10 шилл. зависятъ отъ возможности какихъ-либо иныхъ способовъ эксплуатаціи какой-либо части предложенія, а остальные 10 шилл.—«вынужденная прибыль». Вдобавокъ, къ 40 шилл., составляющимъ границу, высшія единицы предложенія могутъ получать дифференціальныя ренты, указывающія на степень ихъ производства.

Теперь мы видѣли, что всѣ эти платежи «необходимы» въ томъ смыслѣ, что они естественно вытекаютъ изъ процессовъ конкурренціи и торга, въ которыхъ каждый конкуррентъ и участникъ торга старается получить для себя максимальную выгоду.

Но они не одинаково необходимы въ томъ смыслѣ, что представляютъ собою платежи существенно важные, въ качествѣ экономическихъ мотивовъ для примѣненія тѣхъ производительныхъ силъ, за которыя они выплачиваются, и потому не могутъ быть не выплачены или отсрочены, не нарушая теченія промышленности.

Выводъ этотъ крайне важенъ какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніи. Лучше всего подойти къ нему съ точки зрѣнія обложенія. Способность къ сопротивленію обложенія есть наиболѣе дѣйствительный критерій (test) экономической необходимости. Разберемъ поэтому, какова та относительная успѣшность, съ которой платежи для поддержанія существованія, маргинальныя ренты (включая сюда вынужденную прибыль и дифференціальную ренту) и дифференціальныя ренты оказываютъ сопротивленіе прямому и косвенному обложенію.

На обложеніи платежей за средства существованія мы не должны долго останавливаться. Истинная плата за трудъ или капиталъ, необходимая для поддержанія существованія, обложенію не подлежитъ: это въ сущности тѣсно связано съ самой при-

родой платежей за средства существованія. Впрочемъ, наше положеніе можно еще иллюстрировать вкратцѣ такимъ образомъ. Предположимъ, что маргинальная заработная плата за неквалифицированный трудъ въ городѣ выражается 15 шиллингами, необходимыми для поддержанія существованія; положимъ далѣе, что въ цѣляхъ созданія фонда для пенсіи престарѣлымъ рабочимъ дѣлается попытка вычитать еженедѣльно по 1 шилл. изъ заработной платы въ видѣ налога для образованія упомянутаго фонда. Что же происходитъ? Ex hypothesi есть неквалифицированные рабочіе, которые, въ случаѣ уменьшенія своей реальной заработной платы въ 15 шилл., откажутся предлагать на рынкѣ свой трудъ. Эти «опредѣляющіе владѣльцы предложенія» станутъ бродягами, босяками, нищими или ворами, если не будутъ получать своихъ 15 шилл. Если бы хозяева все-таки имѣли право вычесть 1 шилл. изъ этихъ 15 шилл., отказъ этихъ людей отъ работы уменьшилъ бы предложеніе труда, а такъ какъ дѣйствительный спросъ надо предполагать постояннымъ, то цѣна или заработная плата повысится, и 1 шилл. въ недѣлю будетъ удерживаться изъ 16 шилл. вмѣсто 15. Такимъ образомъ, это повышеніе денежной заработной платы помѣшаетъ уменьшенію предложенія труда принять сколько-нибудь значительные размѣры. Въ этомъ случаѣ получается такое представленіе, будто предприниматель долженъ выплатить лишній шиллингъ, представляющій собою налогъ, изъ своего кармана. Если его предпріятіе даетъ ему болѣе высокую норму прибыли, чѣмъ та, которая экономически необходима для поддержанія капитала и умѣлаго веденія дѣла, то налогъ, или по крайней мѣрѣ большая часть его, будетъ вычитаться, вѣроятно, изъ этихъ прибавочныхъ прибылей, такъ какъ онъ не будетъ въ состояніи поднять цѣны, которыя не вызваны условіями конкурренціи.

Но если прибыль предпринимателя и безъ того уже стоитъ на минимальномъ уровнѣ, то онъ не можетъ выплачивать налога. Если производство принадлежитъ къ числу такихъ, въ которыя ренты, обусловленыя рѣдкостью земли, входятъ въ качествѣ издержекъ производства, то часть налога, во всякомъ случаѣ, можетъ быть переложена на землевладѣльца путемъ воздѣйствія со стороны арендаторовъ, уменьшающихъ свой спросъ на землю. Но вѣрнѣе будетъ предположить, что повышеніе заработной

платы, затрогивающее всѣхъ предпринимателей извѣстной отрасли промышленности, заставитъ ихъ повысить цѣну продаваемыхъ ими благъ и такимъ путемъ переложить этотъ налогъ на потребителей путемъ повышенія цѣнъ. Но мы уже видѣли, что потребитель является чисто фиктивной точкой опоры въ теоріи распредѣленія. Заставить потребителя платить не заключаетъ въ себѣ проявленіе финансовой мудрости.

Нашъ неквалифицированный рабочій, получающій 16 шилл.— потребитель. Поэтому создается представленіе, что хотя онъ и сложилъ съ себя налогъ, наложенный на него, какъ на производителя, онъ долженъ все-таки, въ качествѣ потребителя, внести часть его путемъ уплаты высшихъ цѣнъ за покупаемыя имъ блага. Но это не такъ. Чтобы онъ имѣлъ возможность продавать свою рабочую силу на рабочемъ рынкѣ, ему еженедѣльно должно быть гарантируемо такое количество благъ, какое онъ могъ бы купить за 16 шилл. Если вслѣдствіе такого повышенія цѣнъ на свои 16 шилл. чистой заработной платы онъ не будетъ въ состояніи купить необходимаго ему количества благъ, его денежная заработная плата, въ силу тѣхъ же экономическихъ условій, которыя повысили его нормальную заработную плату съ 15 шилл. до 16-ти шилл., должна возрасти, чтобы компенсировать 1 шилл. вычета изъ его заработной платы. Это повышеніе заработной платы есть въ дѣйствительности другой налогъ, который пройдетъ тотъ же путь, что и первый, отыскивая какой-нибудь «прибавочный» или необходимый элементъ дохода, на который бы онъ могъ упасть. Положеніе это, касающееся заработной платы, необходимой для поддержанія существованія неквалифицированнаго труда, можно примѣнить и ко всѣмъ остальнымъ платежамъ для поддержанія существованія. Если бы необходимо было вызвать сбереженія «опредѣляющаго сберегателя» съ помощью уплаты $2^1/_2{}^0/_0$, этотъ элементъ дохода нельзя было бы обложить непосредственнымъ налогомъ въ формѣ налога подоходнаго или косвенно при посредствѣ цѣнъ на блага.

Аргументъ этотъ предполагаетъ, конечно, что заработная плата для поддержанія существованія основана на естественныхъ, необходимыхъ, а не на условныхъ потребностяхъ. Послѣднія, правда, тоже обладаютъ значительной силой сопротивленія обложенію, если прочно вкоренились въ жизненный обиходъ, но

при продолжительномъ и настойчивомъ воздѣйствіи могутъ уступить и подпасть обложенію. Кромѣ того, хотя истинные платежи для поддержанія существованія дѣйствительно не поддаются обложенію, попытки обложить ихъ, особенно направленныя противъ квалифицированнаго труда, издержки существованія котораго болѣе значительны, могутъ быть связаны съ тяжелыми и вредными послѣдствіями, понижая уровень трудовой производительности и жизни извѣстной категоріи рабочихъ. Обложеніе обыкновенно регулировалось такъ, что мѣшало повышенію производительности труда и жизни среднерабочихъ классовъ страны. Тѣмъ не менѣе остается справедливымъ положеніе, что истинная заработная плата, необходимая для поддержанія существованія, т.-е. такая, какую истинно просвѣщенный предприниматель найдетъ выгоднымъ заплатить, не поддается обложенію.

§ 3. Возвращаясь затѣмъ къ маргинальнымъ и дифференціальнымъ рентамъ, всего удобнѣе будетъ сначала заняться разсмотрѣніемъ того элемента въ маргинальныхъ рентахъ, который обозначается терминомъ «вынужденная прибыль» (forced gain). Какъ показалъ нашъ анализъ, эти вынужденныя прибыли возникаютъ при установленіи цѣны въ томъ случаѣ, когда одинъ участникъ конечной пары торгующихся оказывается въ состояніи насильственнымъ образомъ поднять цѣну выше того, что онъ могъ бы взять въ другомъ случаѣ, до высшаго предѣла, какой соглашается дать покупатель. Мы видѣли, что при незначительныхъ размѣрахъ рынковъ и при слабой и дѣйствительной конкурренціи, эти вынужденныя прибыли составляли въ цѣнахъ значительный элементъ. Существенной отличительной чертой ихъ является то, что онѣ получаются не благодаря какимъ-нибудь затратамъ энергіи въ производствѣ, но представляютъ даровой излишекъ, получаемый болѣе сильнымъ экономически участникомъ торга. Не являясь экономическимъ мотивомъ въ какихъ-либо сдѣлкахъ, онѣ не могутъ, по крайней мѣрѣ въ теоріи, ускользнуть отъ обложенія. Налогъ, падающій на нихъ, какъ на элементъ дохода, не можетъ быть перенесенъ на какой-нибудь другой элементъ дохода.

Но эти «вынужденныя прибыли», составляющія, какъ мы видѣли, часть «маргинальныхъ рентъ», входятъ въ составъ цѣны

благъ, какъ части маргинальныхъ издержекъ производства. Поэтому весьма важно разобрать, будетъ ли налогъ, падающій на цѣну благъ, въ составъ которой они входятъ, падать также и на нихъ.

Общепринятая теорія, что налоги на блага падаютъ обыкновенно на потребителя, основана на предположеніи, что цѣны благъ являются лишь мѣрой необходимыхъ денежныхъ издержекъ по производству той доли предложенія, которая производится при наименѣе благопріятныхъ условіяхъ. Сообразно съ такимъ предположеніемъ, налоги на блага должны обыкновенно падать на потребителя, уплачивающаго ихъ въ повышенныхъ цѣнахъ. Представляютъ ли собой «вынужденныя прибыли» *необходимыя* денежныя издержки въ этомъ смыслѣ?

Милль, формулируя свое положеніе, что налогъ на блага падаетъ на потребителя, допускаетъ исключеніе для тѣхъ случаевъ, гдѣ «предметъ продажи строго монополизированъ и продается по возвышенной цѣнѣ, свойственной рѣдкимъ предметамъ» (Principles, стр. 515).

«Въ этомъ случаѣ цѣна можетъ быть ограничена только желаніями покупателя; сумма, получаемая за ограниченное предложеніе, является крайней, какую покупатели соглашаются дать скорѣе, чѣмъ уйти съ рынка съ пустыми руками. Если казна возьметъ часть изъ этой суммы въ видѣ налога, то цѣну нельзя уже будетъ больше повысить для компенсаціи налога, и онъ долженъ будетъ выплачиваться изъ монопольныхъ прибылей». Если нашъ анализъ цѣны правиленъ, то, очевидно, что всякое благо будетъ продаваться по такой цѣнѣ, которая, хотя и подчиняется самой обостренной конкурренціи на послѣднемъ, конечномъ рынкѣ его продажи, но будетъ содержать монопольные элементы, обусловленные рѣдкостью того или другого фактора на различныхъ стадіяхъ производства. Налогъ, падающій на блага, не отразится на нихъ въ видѣ повышенія цѣнъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ поглощены эти вынужденныя прибыли. Мы должны допустить, что цѣны этихъ товаровъ, какъ бы ни была обострена конкурренція мелочныхъ торговцевъ въ послѣднемъ пунктѣ ихъ продажи, представляютъ собой цѣны рѣдкихъ предметовъ и путемъ налога могутъ быть сокращены до размѣровъ того насильственнаго элемента, кото-

рый онѣ воплощаютъ въ себѣ. Милль допускаетъ, «что налогъ на рѣдкія и дорогія вина всецѣло упадетъ на владѣльцевъ виноградниковъ». Почему же? Не потому, конечно, что владѣльцы нѣкоторыхъ виноградниковъ могутъ получить высокую ренту за дифференціальныя преимущества надъ другими виноградниками, снабжающими тотъ же рынокъ. Если бы худшіе виноградники, входящіе въ составъ предложенія, не платили ренты, налогъ не могъ бы пасть на владѣльцевъ лучшихъ виноградниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, первое послѣдствіе налога, которое выразилось бы въ уничтоженіи доходности производства вина на худшихъ виноградникахъ и далѣе въ повышеніи границы культуры и пониженіи дифференціальныхъ рентъ, встрѣтило бы задержку и противодѣйствіе въ повышеніи цѣны, которые повлекли бы за собою подобное сокращеніе предложенія. Это противодѣйствующее повышеніе цѣны помѣшало бы исключенію худшихъ виноградниковъ изъ-подъ культуры: дифференціальныя ренты остались бы прежними и повышенныя цѣны выплачивались бы потребителями. Въ данномъ случаѣ мы намѣренно принимаемъ ходячій взглядъ на потребителя, какъ на возможный окончательный объектъ обложенія. Поскольку эта повышенная цѣна уменьшала спросъ на вино, она могла вліять и на предложеніе, повышая нѣсколько границу культуры. Но даже и тогда налогъ лишь отчасти, а не всецѣло, падалъ бы на владѣльцевъ виноградниковъ. Чего здѣсь дѣйствительно касается Милль, такъ это случая, когда виноградники производятъ рѣдкое вино при условіяхъ, при которыхъ худшія земли даютъ высокую ренту. Здѣсь налогъ на цѣну вина долженъ падать всецѣло на «вынужденную прибыль» или ренту за рѣдкость, пока она не исчезнетъ совершенно. Въ самомъ дѣлѣ, если бы рента за рѣдкость доходила до 2 ф. ст. на акръ, никакой налогъ на вино, который не поглощалъ бы 2 ф. ст. съ производительности, также не сдѣлалъ бы землю или капиталъ и трудъ доходными.

Пока трудъ и капиталъ получали заработную плату, необходимую для поддержанія существованія, и соотвѣтственный процентъ, и пока оставался какой-нибудь излишекъ на ренту выше той, которую можно было получить отъ обращенія «опредѣляющей» земли подъ виноградниками для другихъ видовъ эксплоа-

тации, предложеніе не могло бы уменьшиться. Если же предложеніе осталось прежнимъ, а спросъ тоже можно предполагать неизмѣнившимся, то цѣна на вино не могла бы повыситься.

Случай этотъ можетъ служить пробнымъ камнемъ для утвержденія, что налогъ на блага долженъ падать на земельную ренту, находящую себѣ выраженіе въ монопольной цѣнѣ.

Если же подобныя ренты возникаютъ отъ примѣненія извѣстныхъ видовъ капитала и труда, входя въ цѣны подобно монопольнымъ земельнымъ рентамъ, то оба эти фактора производства подлежатъ обложенію. Возьмемъ еще разъ примѣръ пивоваренія: если трактиръ и пивные заводы даютъ своимъ владѣльцамъ болѣе высокую норму дѣйствительнаго процента (а не процента на скрытый капиталъ), чѣмъ та, которая необходима для вознагражденія необходимой суммы капитала, вложенной въ эти производства, то цѣна пива должна быть настолько высока, чтобы выплачивать этотъ монопольный элементъ процента, а также и видовую ренту земель, производящихъ хмѣль и ячмень. Въ такомъ случаѣ налогъ на пиво падетъ на процентъ, получаемый отъ пивныхъ заводовъ и трактировъ, равно какъ и на монопольныя ренты производящихъ хмѣль земель.

Хотя въ силу особыхъ условій производства и распредѣленія пива указанный принципъ проявляется здѣсь съ особенной рѣзкостью, однако, различіе между пивомъ и другими благами остается только количественнымъ, поскольку дѣло касается присутствія въ цѣнѣ элемента вынужденной прибыли или ренты за рѣдкость. Если мы возьмемъ цѣну хлѣба, сапогъ или какого-либо другого обыкновеннаго блага и прослѣдимъ возникновеніе ея составныхъ частей черезъ всѣ разнообразные производственные процессы вплоть до сырыхъ матеріаловъ, то мы найдемъ, что различныя рыночныя цѣны содержатъ нѣкоторый, хотя и незначительный элементъ того же самаго превосходства преобладанія при торгѣ, который мы обозначили терминомъ «вынужденная прибыль». Если эта теорія установленія рыночныхъ цѣнъ правильна, то въ цѣнѣ каждаго блага долженъ содержаться извѣстный элементъ, который, выражая собой монопольную ренту или ренту рѣдкостности, доступенъ такимъ образомъ обложенію. Поэтому неправильно было бы утвержде-

ніе, что «всякій налогъ на блага стремится повысить ихъ цѣну», за исключеніемъ того случая, когда этотъ налогъ превосходитъ сумму «вынужденныхъ прибылей», входящихъ въ составъ цѣны. Положеніе, что налогъ на земельную ренту или на домовыя ренты (house rents), содержащія значительный элементъ земельной ренты, не можетъ быть перенесенъ (shifted), но долженъ падать на землевладѣльца — общепринято среди экономистовъ. Часто также дѣлается допущеніе, что налогъ на заработную плату, поскольку она относится къ высшимъ формамъ умственнаго и педагогическаго труда, которыя пользуются извѣстной монополіей, благодаря своему выгодному положенію, долженъ падать на эти классы и не можетъ быть перенесенъ на другихъ членовъ общества (Mill, Bk. V, ch. III, par. 4). Если подобное допущеніе не распространяется на процентъ отъ монополій капитала, то это происходитъ лишь оттого, что онѣ считаются или чѣмъ-то ненормальнымъ или продуктомъ случайныхъ и преходящихъ обстоятельствъ. Впрочемъ, съ полной очевидностью можно показать, что экономистамъ прекрасно извѣстно, что нѣкоторые роды налоговъ на предметы, продаваемые по монопольнымъ цѣнамъ и цѣнамъ обусловленнымъ рѣдкостью, будутъ падать на обладателей этихъ монополій. Итакъ, если мы найдемъ, что подобные же элементы сверхнормальной прибыли присущи всѣмъ цѣнамъ, мы должны будемъ тѣмъ самымъ признать наличность извѣстнаго излишка, находящаго себѣ выраженіе въ цѣнахъ и образующаго фондъ, на который естественно должно падать обложеніе.

§ 4. Заключеніе, къ которому насъ приводятъ подобнаго рода разсужденія, сводится къ тому, что налогъ, падающій на какую-либо группу благъ, какъ бы фильтруется черезъ различные каналы производства, слагается со всѣхъ необходимыхъ платежей за трудъ и капиталъ и непосредственно или при посредствѣ потребителей ложится на «вынужденныя прибыли» или незаработанный доходъ.

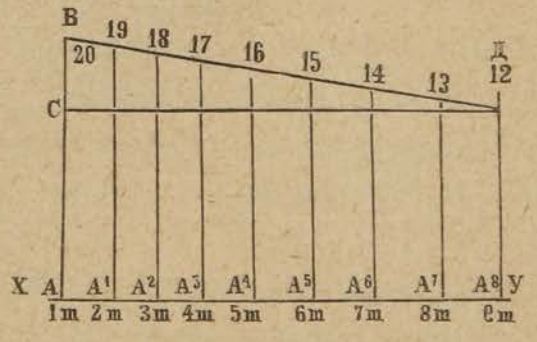
Заключеніе это съ перваго взгляда можетъ показаться противорѣчащимъ извѣстнымъ, прочно обоснованнымъ положеніямъ, касающимся обложенія монополій. Вполнѣ правильнымъ и общепринятымъ является тотъ фактъ, что налогъ на цѣну монополизированныхъ благъ можетъ повысить ихъ цѣну, и такимъ

образомъ создается представленіе, будто монополистъ оказывается достаточно сильнымъ, чтобы совершенно уклониться отъ обложенія своихъ монопольныхъ рентъ. Однако, ближайшее разслѣдованіе вопроса покажетъ намъ, что все здѣсь зависитъ отъ рода налоговъ.

Монополистъ устанавливаетъ свою цѣну такимъ образомъ, чтобы получить себѣ наибольшій чистый доходъ отъ продажи своихъ продуктовъ. Онъ можетъ продать меньшее количество по болѣе высокой цѣнѣ или болѣе значительное количество по цѣнѣ болѣе низкой. Цѣна, по которой ему всего выгоднѣе будетъ произвести продажу, при отсутствіи какого-либо налога или другихъ внѣшнихъ воздѣйствій, будетъ зависѣть отъ эластичности спроса, съ одной стороны, и отъ эластичности предложенія, съ другой.

Легко показать, что результатомъ опредѣленнаго налога на монополизированныя блага можетъ быть продажа меньшаго количества ихъ по высшей цѣнѣ. Наиболѣе простымъ доказательствомъ тому служитъ примѣръ монополіи, которая въ своихъ издержкахъ производства сообразуется съ закономъ постоянства доходности (law of constant returns), причемъ каждая новая прибавочная часть предложенія производится съ тѣми же издержками, какъ и всякая предыдущая.

Возьмемъ случай угольной монополіи, гдѣ копи настолько богаты, что могутъ доставить дѣйствительно неограниченное количество угля по продажной цѣнѣ 12 шиллинговъ за тонну, причемъ эта цѣна будетъ заключать въ себѣ подъ видомъ издержекъ производства обычный процентъ на капиталъ и вознагражденіе за веденіе дѣла (earnings of management).



Линія XY изображаетъ собою возможное предложеніе, раздѣленное на части, каждая въ 1 милліонъ тоннъ. Между тѣмъ

какъ издержки производства тонны остаются постоянными при всякомъ возрастаніи предложенія, продажная цѣна падаетъ. Перпендикуляръ AB выражаетъ собой продажную цѣну 20 шиллинговъ за тонну при продажѣ 1 милліона тоннъ. Если проданы 2 милліона, цѣна падаетъ до 19 шилл.; при продажѣ трехъ милліоновъ, она равна 18 шилл. Такимъ образомъ продажная цѣна понижается на 1 шиллингъ при всякомъ возрастаніи предложенія на милліонъ тоннъ, пока, наконецъ, мы не доходимъ до 9 милліоновъ тоннъ, которыя можно продать лишь за 12 шиллинговъ, или ровно за столько, чтобы окупить издержки производства.

Теперь, чтобы опредѣлить количество производства и продажъ, дающихъ наибольшій чистый доходъ, состоящій изъ монопольныхъ рентъ, сравнимъ между собою различныя количества предложенія.

При продажѣ 1 милліона тоннъ полученная за нихъ сумма составляетъ 20 милл. шиллинговъ; если исключить отсюда 12 милліоновъ шилл. издержекъ производства по 12 шилл. на тонну, монопольный доходъ будетъ составлять 8 милл. шиллинговъ. При продажѣ 2 милліоновъ тоннъ вырученная сумма составила бы 38 милл. шиллинговъ (19×2), а издержки—24 милл., такъ что монопольный доходъ равнялся бы 14 милл. шиллинговъ. Путемъ подобныхъ же вычисленій чистый доходъ отъ продажи 3 милл. тоннъ мы опредѣлимъ въ 18 милл. шиллинговъ, чистый доходъ отъ продажи 4 милл.—20 милл. шилл.; 5 милліоновъ даютъ такой же чистый доходъ, какъ и 4 милліона. Послѣ 5 милл. начинаетъ замѣчаться паденіе чистаго дохода: 6 милл. даютъ уже только 18 милл. шиллинговъ, а 7 милліоновъ—лишь 14 милл. шиллинговъ.

Очевидно, что монополистъ, не встрѣчающій въ своемъ производствѣ препятствій со стороны обложенія, произведетъ 4 или 5 милл. тоннъ, продавая ихъ по 16 или 17 шилл. за тонну и получая на каждой тоннѣ монопольную ренту въ 4 или 5 шиллинговъ.

Каковъ же будетъ теперь результатъ обложенія постояннымъ (fixed) налогомъ тонны угля, введеннаго съ цѣлью ослабленія монопольныхъ рентъ? Предположимъ, что каждая тонна облагается 6-ю шиллингами налога. Результаты очевидны. Прежде

всего, такъ какъ съ точки зрѣнія производителя издержки производства каждой тонны повысились съ 12 шилл. до 16 шилл., то каждую тонну нельзя теперь продавать дешевле 18 шилл. Вмѣсто того, чтобы продавать 4 или 5 милл. тоннъ по 16 или 17 шилл. за тонну, онъ въ силу экономической необходимости, вынужденъ повысить цѣну до 18 шилл. и продать 3 милл. тоннъ по этой цѣнѣ. Но при продажной цѣнѣ въ 18 шилл. онъ не получаетъ чистаго монопольнаго дохода, хотя и оплачиваетъ увеличившіяся издержки производства.

Достигъ ли, однако, налогъ своей цѣли — уничтожить монопольныя ренты? Нѣтъ. Какъ прежде было не въ интересахъ монополиста при низшемъ уровнѣ издержекъ производства въ 12 милл. продавать 8 милліоновъ тоннъ по этой цѣнѣ, такъ же точно и теперь при искусственно повышенномъ до 18 шилл. уровнѣ издержекъ производства не въ его интересахъ продавать 3 милліона тоннъ по этой цѣнѣ. Для него выгоднѣе продать меньшее количество тоннъ по болѣе высокой цѣнѣ, чтобы получить монопольную ренту. Въ нашемъ случаѣ новый чистый максимальный монопольный доходъ можетъ быть полученъ при продажѣ 2 милліоновъ тоннъ по 19 шиллинговъ за тонну.

Постоянный налогъ на монополизированныя блага не устранитъ всего монопольнаго дохода цѣликомъ; онъ приведетъ лишь къ ограниченію производства, вслѣдствіе чего потребителямъ придется платить за блага болѣе высокую цѣну, которая и останется монопольной цѣной. (См. замѣтку проф. Эджеворса въ Economic Journal, іюнь, 1898 (стр. 235—236), гдѣ приводится математическое доказательство дѣйствія спеціальнаго налога на монополизированныя блага.)

Если бы вмѣсто производства, подчиняющагося закону постоянства доходности, мы взяли производство, подчиняющееся закону увеличенія или уменьшенія доходности, то расчетъ оказался бы гораздо болѣе запутаннымъ, но тотъ же общій законъ проявился бы и тамъ. За исключеніемъ того случая, когда кривая издержекъ мѣнялась бы на неопредѣленномъ протяженіи въ прямомъ и точномъ пропорціональномъ отношеніи съ кривой спроса, такъ, чтобы монопольный элементъ цѣны тонны не падалъ съ паденіемъ продажной цѣны, постоянный налогъ на мо-

нополіи долженъ приводить къ послѣдствіямъ, указаннымъ во взятомъ выше примѣрѣ.

Если бы мы были въ состояніи точно принять въ разсчетъ всѣ скачки кривыхъ спроса и предложенія въ какой-нибудь отрасли промышленности, мы замѣтили бы, какъ показалъ это проф. Маршалль, что въ нихъ существуетъ извѣстное число точекъ равновѣсія между предложеніемъ и спросомъ, въ которыхъ цѣны даютъ равный чистый доходъ продавцу. При этомъ монополистъ во многихъ случаяхъ въ значительной мѣрѣ могъ бы избѣжать постояннаго налога, выбирая тотъ пунктъ равновѣсія, гдѣ наиболѣе ограниченное количество предлагаемыхъ благъ продается по наивысшей цѣнѣ. Тенденція такого налога всегда сводится къ ограниченію производства и повышенію цѣнъ. Профессоръ Маршалль съ поразительной ясностью такъ формулируетъ этотъ выводъ: «налогъ, пропорціональный суммѣ произведенныхъ благъ, гораздо значительнѣе уменьшаетъ въ общемъ монопольный доходъ въ томъ случаѣ, когда количество произведенныхъ благъ велико, чѣмъ въ томъ, когда оно незначительно; мы найдемъ также, что онъ нѣсколько понижаетъ, по сравненію съ прежнимъ, количество продажъ, доставляющихъ наибольшій доходъ, и вызываетъ у монополиста желаніе повысить цѣны и ограничить количество продажъ» (Principles, 2 ed., p. 517). Постоянный налогъ на блага есть какъ разъ «налогъ, пропорціональный произведенному количеству благъ».

Надо, однако, помнить, что ловкость, съ которой монополистъ уклоняется отъ подобнаго налога, и ущербъ, наносимый этимъ налогомъ потребителямъ вслѣдствіе ограниченія предложенія и повышенія цѣнъ, никоимъ образомъ не могутъ служить оправданіемъ общему мнѣнію, осуждающему налогъ на монополизированныя блага; мнѣніе это справедливо лишь относительно постояннаго налога.

Постоянный налогъ падаетъ на каждую единицу предложенія; происходитъ это отъ того, что цѣнность благъ, на которыя налогъ падаетъ, измѣняется, между тѣмъ какъ цѣнность налога остается постоянной. Налогъ на монополизированныя блага, регулируемый такимъ образомъ, что при всякой цѣнѣ ихъ поглощаетъ одну и ту же часть монопольной ренты, не можетъ

встрѣтить никакой серьезной причины со стороны теоріи. Но примѣненіе такого налога повело бы за собой возможность точнаго его распредѣленія между монопольными рентами, издержками производства и продажными цѣнами. Налогъ ad valorem, на продажную цѣну благъ, могъ бы вызвать, хотя и въ меньшей степени, то же возраженіе, что и постоянный налогъ на каждую единицу предложенія. Такъ какъ мы не можемъ ожидать, что монопольная рента станетъ измѣняться прямо пропорціонально продажной цѣнѣ, то при налогѣ ad valorem на продажныя цѣны для монополиста будетъ выгоднѣе ограничить производство и повысить цѣны.

Научнымъ базисомъ обложенія монополій долженъ быть налогъ ad valorem на монопольный элементъ цѣнъ. Теоретически имъ можно обложить каждую единицу продукта; на практикѣ онъ съ полною безопасностью и удобствомъ можетъ падать лишь на чистые монопольные доходы (revenues), входящіе въ составъ годовыхъ доходовъ (incomes).

Мы видѣли, какъ налогъ, падавшій на заработную плату, необходимую для поддержанія существованія, прямо или косвенно переходилъ на тѣ элементы дохода, которые, не будучи платежами, необходимыми для того, чтобы создать возможность эксплоатаціи даннаго фактора производства, не были въ состояніи избѣгнуть налога. Что справедливо по отношенію къ заработной платѣ, необходимой для поддержанія существованія, то одинаково справедливо и для всякаго другого элемента въ издержкахъ производства. Необходимые для поддержанія жизни платежи (subsistence payments) не могутъ быть облагаемы; «вынужденныя же прибыли», яркимъ примѣромъ которыхъ является монопольный элементъ въ цѣнѣ благъ, не могутъ уклониться отъ налога, направленнаго непосредственно противъ нихъ, будь то налогъ на чистый доходъ, или налогъ ad valorem, налагаемый на монопольныя прибыли при всякомъ актѣ продажи.

§ 5. Но вынужденныя прибыли или ренты, обусловленныя рѣдкостью, составляютъ лишь одну часть «предѣльныхъ рентъ»; остается разсмотрѣть еще способность другой части предѣльныхъ рентъ и индивидуальныхъ дифференціальныхъ рентъ подвергаться обложенію. Изъ приведенной въ § 2 діаграммы ясно,

что, если удалить изъ предѣльной ренты всякій могущій въ ней быть элементъ «вынужденной прибыли», то остальная часть этой предѣльной ренты налагается «опредѣляющимъ продавцомъ» и является мѣрой денежной суммы, побуждающей его пренебречь дифференціальною рентою, которую онъ могъ бы получить отъ другихъ какихъ-либо благъ. Возьмемъ такой примѣръ: предѣльная рента въ 20 шилл. для земли подъ пшеницей опредѣляется тѣмъ фактомъ, что нѣкоторыя изъ этихъ земель подъ пшеницей, стоящія выше границы и дающія, допустимъ, 25 шилл., какъ таковыя могутъ быть употреблены подъ пастбище, давая въ этомъ случаѣ ренту въ 24 шилл. 6 пенсовъ. Очевидно, что маргинальная рента земли подъ пшеницей зависитъ отъ дифференціальной ренты земли подъ пастбищами и что всякая причина, повышающая дифференціальныя ренты пастбищной земли, нарушитъ эту границу (margin) для земли подъ пшеницей. При такихъ обстоятельствахъ мы имѣемъ ясный отвѣтъ на вопросъ: можетъ ли маргинальная рента (независимо отъ содержащихся въ ней вынужденныхъ прибылей) быть обложена налогомъ? Налогъ на предѣльную ренту упадетъ такимъ образомъ на единицы предложенія, доставляющія дифференціальныя ренты. Если маргинальная рента земли подъ пшеницей, въ 20 шилл., обложена однимъ шиллингомъ на акръ, то опредѣляющая часть предложенія упадетъ до 24 шилл., между тѣмъ какъ прежде земля давала 25 шилл. ренты. Земля эта, согласно нашему предположенію, имѣетъ альтернативу эксплоатаціи, при которой она можетъ дать 24 ш. 6 пенсовъ. Вслѣдствіе этого она перестанетъ входить въ составъ земли подъ пшеницей и превратится въ пастбище съ 24 ш. 6 пенсовъ ренты, уменьшая такимъ образомъ общую сумму предложенія производящей пшеницу земли и повышая границу до номинальной ренты въ 21 шилл., благодаря дѣйствію другой части предложенія, которая становится теперь опредѣляющею. Итакъ, попытка обложить маргинальную ренту земли, входящей въ составъ какого нибудь особаго предложенія, будетъ имѣть своимъ необходимымъ послѣдствіемъ переходъ нѣкоторой части предлагаемой земли къ другимъ видамъ эксплоатаціи и, уменьшая количество этого особаго предложенія, дастъ возможность всѣмъ лицамъ, участвующимъ въ предложеніи этого рода благъ, избѣжать налога.

Предложеніе это, примѣнимое къ видовой границѣ земли, можно равнымъ образомъ распространить на видовыя границы капитала и труда. Налогъ на «маргинальныя ренты» можетъ падать лишь при томъ условіи, если другіе, замѣняющіе виды эксплоатаціи также облагаются. Налога на ренту маргинальной земли подъ пшеницей нельзя избѣжать, если подобный же налогъ распространяется на пастбищныя ренты и на ренты отъ другихъ видовъ эксплоатаціи земли.

Фактъ что маргинальная рента для какого-нибудь особаго вида эксплоатаціи земли зависитъ отъ рентъ для другихъ видовъ эксплоатаціи, доказываетъ, что рынки для предложенія земель, хоть и обособленные въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, въ извѣстныхъ пунктахъ органически связаны между собою и образуютъ какъ бы одинъ рынокъ для предложенія земли.

Итакъ, поскольку дѣло касается обложенія, маргинальныя ренты (исключая вынужденныя прибыли) можно разсматривать какъ дифференціальныя ренты, и нашъ окончательный выводъ относится къ обложенію этихъ дифференціальныхъ рентъ.

§ 6. Экономисты обыкновенно принимаютъ, что дифференціальныя земельныя ренты не могутъ избѣгнуть обложенія. Налогъ въ 10 или 19 шилл. на фунт. ст. на всякую земельную ренту не можетъ быть переложенъ землевладѣльцемъ ни на своего арендатора путемъ повышенія арендной платы, ни на какое другое лицо, съ которымъ онъ имѣетъ дѣло.

Насколько это экономическое правило приложимо къ капиталу и труду? Поскольку имѣетъ силу наша скала приложеній капитала (gradation of investments), не представляется возможности уклониться отъ налога ad valorem на дифференціальные и маргинальные проценты (interest), такъ какъ они не являются необходимыми мотивами приложенія капитала именно въ томъ направленіи, въ какомъ онъ обыкновенно прилагается. Если взять въ расчетъ реальныя, а не денежныя формы капитала, по отношенію къ обложенію мы должны ихъ поставить совершенно на одну доску съ землей. Относительно земли мы замѣтили, что дифференціальныя ренты не могутъ уклониться отъ обложенія, если налогъ будетъ падать на всѣ ренты за всѣ виды эксплоатаціи земли. Въ самомъ дѣлѣ, пока есть еще хоть какая-нибудь рента, ни одинъ участокъ земли не будетъ исклю-

ченъ изъ состава предложенія. Однако подвергать налогу всю совокупность этихъ дифференціальныхъ земельныхъ рентъ было бы невыгодно, такъ какъ какая-нибудь минимальная дифференціальная рента все-таки необходима, чтобы побудить землевладѣльца дать своей землѣ наилучшее въ экономическомъ смыслѣ употребленіе. Необходимо сохранить какіе-нибудь побудительные мотивы, достаточные, чтобы заставить владѣльца хорошей земли подъ виноградниками употребить землю именно для этой цѣли, а не подъ культуру пшеницы или для какихъ-нибудь другихъ, менѣе производительныхъ, видовъ эксплоатаціи.

То же самое можно сказать и про дифференціальныя и маргинальныя ренты капитала. Предположимъ, что какой-нибудь особый (specific) видъ капитала, дающій высокія маргинальныя и дифференціальныя ренты, подвергается обложенію въ формѣ налога на «вынужденный» ли элементъ цѣны или на чистый излишекъ дохода. Въ этомъ случаѣ этотъ капиталъ можетъ избѣжать налога, такъ какъ нѣкоторыя его доли безъ особеннаго ущерба могутъ перейти въ другія отрасли промышленности, почти столь же доходныя, гдѣ эти доли капитала не облагаются. Если капиталъ, вложенный въ пивоваренное дѣло, даетъ норму прибыли на 5% выше той, которую всякій владѣлецъ могъ бы получить въ какой-либо другой, доступной для него отрасли промышленности, эта прибавочная (surplus) рента почти вся цѣликомъ можетъ быть поглощена обложеніемъ. Но если бы нѣкоторую долю этого капитала можно было перенести безъ особаго ущерба въ какую-нибудь другую отрасль промышленности, почти столь же доходную, то спеціальный налогъ на прибыль отъ пивоваренія не удержался бы.

При развитомъ состояніи промышленности подобное обложеніе можетъ зависить вообще не отъ приспособляемости существующихъ формъ капитала къ инымъ видамъ эксплоатаціи, но отъ возможности альтернативнаго приложенія, доступнаго для новыхъ сбереженій, которыя могли бы увеличить массу реальнаго капитала, занятаго въ пивоваренномъ производствѣ.

Дифференціальныя ренты на капиталъ, какъ и дифференціальныя земельныя ренты могутъ подвергаться обложенію безъ особенныхъ неудобствъ только въ томъ случаѣ, если обложеніе будетъ не видовымъ, а общимъ.

Общій налогъ на всякій процентъ, превышающій уровень необходимой для существованія нормы, не произведетъ никакого нарушенія въ ходѣ промышленности, при условіи, конечно, что онъ налагается согласно съ принципомъ, выясненнымъ нами при изслѣдованіи обложенія монопольныхъ цѣнъ. Однако дифференціальныя ренты на капиталъ не могутъ быть цѣликомъ поглощены обложеніемъ. Если спеціальныя прибыли какого-нибудь пивоваренаго завода происходятъ отъ болѣе тѣсной монополіи, установленной соглашеніемъ немногихъ торговыхъ фирмъ, эта излишняя прибыль безъ сомнѣнія можетъ быть обложена; однако подобная прибыль не представляетъ собой собственно дифференціальной ренты, но скорѣе «вынужденную прибыль» или «ренту, обусловленную рѣдкостью», созданную на ограниченномъ рынкѣ путемъ монопольныхъ цѣнъ на пиво. Если бы данный пивоваренный заводъ дѣйствительно конкуррировалъ на рынкѣ съ другими заводами, его болѣе высокая прибыль или дифференціальная рента (если это только не иная форма вознагражденія за болѣе умѣлое веденіе дѣла) происходили бы отъ экономіи крупнаго производства съ эксплоатаціей лучшихъ орудій и труда. Попытка путемъ обложенія устранить эти выгоды цѣликомъ ослабила бы у капиталистовъ побудительные мотивы сдѣлать наиболѣе производительное употребленіе изъ своего капитала. Однимъ словомъ, высшая дифференціальная производительность капитала, хотя и неправильно приписываемая исключительно умѣнію въ веденіи дѣла (представляющему собой лишь одинъ изъ факторовъ производительности), обусловлена (до извѣстной степени) этимъ умѣніемъ; пока капиталу не обезпеченъ нѣкоторый элементъ дифференціальнаго процента всегда можетъ явиться опасеніе, что онъ не будетъ вполнѣ утилизированъ. Подобное соображеніе не заключаетъ въ себѣ общаго отрицанія обложенія дифференціальнаго процента на капиталъ, но подчеркиваетъ лишь необходимость удержанія какого бы то ни было минимальнаго побудительнаго мотива въ видѣ болѣе высокаго процента (или прибыли) для осуществленія наиболѣе экономическаго употребленія капитала.

Нельзя уклониться отъ налога, урегулированнаго такимъ образомъ, что онъ поглощаетъ даже 99% чистаго дохода, происходящаго отъ такихъ дифференціальныхъ рентъ; но онъ не нару-

шитъ приложенія существующаго капитала или сбереженій для созданія новаго капитала. Дифференціальныя ренты не являются необходимымъ экономическимъ мотивомъ къ сбереженію; онѣ не входятъ въ составъ рыночной цѣны сбереженій, измѣряемой издержками или полезностью маргинальнаго сберегателя, соглашающагося теперь сберегать за какіе-нибудь $2^1/_2\%$.

§ 7. Обратимся теперь къ заработной платѣ. Предѣльная заработная плата извѣстныхъ категорій, поскольку она не состоитъ изъ «вынужденныхъ прибылей» или «ренты, обусловленной рѣдкостью», искусственно поддерживаемыхъ, зависитъ отъ возможности для нѣкоторыхъ рабочихъ дѣлать выборъ между заработной платой своей отрасли промышленности и дифференціальными рентами какихъ-нибудь другихъ отраслей. Возможность перенести какую-либо часть даннаго рабочаго рынка изъ одного предпріятія въ другое представляется положительно легче и удобнѣе, чѣмъ въ случаѣ земли и наличныхъ (existing) формъ капитала, такъ что вопросъ этотъ сводится къ другому—къ вопросу объ общей возможности облагать дифференціальную заработную плату на всемъ полѣ труда; другими словами, къ вопросу о подоходномъ налогѣ на заработную плату выше границы, необходимой для пропитанія.

Поскольку дифференціальная заработная плата представляетъ собой дѣйствительно плату за высшее умѣніе или производительность, а не плату за рѣдкость, поддерживаемую какой-нибудь искусственной организаціей рынка, она оказывается въ иномъ положеніи, чѣмъ другія дифференціальныя ренты, по отношенію къ возможности сопротивленія обложенію.

Обыкновенно предполагаютъ даже, что подобный налогъ можетъ потерпѣть крушеніе вслѣдствіе отказа рабочихъ приложить къ дѣлу всю свою производительную силу, если имъ не будетъ гарантирована полная рента ихъ индивидуальной производительности. Однако ближайшее разсмотрѣніе показываетъ, что подобное положеніе въ такой общей формѣ недопустимо. При первомъ взглядѣ, безъ сомнѣнія, кажется, что человѣкъ, проявляющій въ одинъ рабочій день вдвое болѣе производительной силы, чѣмъ другой, долженъ получать вдвое болѣе реальной заработной платы и можетъ предохранить ее отъ всѣхъ притязаній и попытокъ обложить ее налогомъ. Всегда ли это оказы-

вается справедливымъ? Предположимъ, что A, B, C—трое рабочихъ въ промышленности, и A производитъ 30 единицъ продукта, B—20, C—15; если заработная плата B будетъ обложена налогомъ въ размѣрѣ цѣнности 2 единицъ продукта, а заработокъ A—въ размѣрѣ 6 единицъ, необходимо ли они понизятъ свою производительность? Утверждать, что они необходимо сдѣлаютъ это, значитъ считать производительность единственнымъ опредѣляющимъ моментомъ цѣнности цѣны и совершенно игнорировать усиліе. Субъективная терпѣливость и выносливость въ работѣ при предложеніи рабочей силы является однимъ изъ главныхъ опредѣляющихъ моментовъ предложенія и требуетъ, чтобы извѣстныя единицы рабочей силы, даже на одномъ и томъ же рынкѣ, вознаграждались по болѣе высокой расцѣнкѣ, чѣмъ другія. Это нисколько не противорѣчитъ принципу одинаковаго вознагражденія и одинаковой цѣны за равныя количества благъ на рынкѣ. На рабочемъ рынкѣ покупаются въ дѣйствительности не объективныя единицы рабочей силы, за которую номинально платится заработная плата—не поштучная работа или по часамъ—но субъективное или живое усиліе, лежащее въ ихъ основѣ. Субъективное усиліе опредѣляющаго собственника рабочей силы, участвующаго въ данномъ ея предложеніи, дѣйствительно опредѣляетъ, со стороны предложенія, цѣну за единицу рабочей силы во всей совокупности предложенія; при этомъ цѣна со стороны предложенія является результатомъ торга обладателя рабочей силы съ представителемъ маргинальной полезности, выступающимъ со стороны спроса.

Во взятомъ нами раньше случаѣ субъективныя усилія C могутъ служить опредѣляющимъ моментомъ со стороны предложенія, а его торгъ съ маргинальнымъ покупателемъ можетъ установить цѣну за единицу труда. Если теперь B можетъ проявить въ день на одну треть больше единицъ труда, а A вдвое больше при томъ же количествѣ субъективныхъ усилій, какія затрачивалъ C при 15 единицахъ труда, то они получатъ соотвѣтственно дифференціальныя ренты въ 5 и 15 единицъ. Но отсюда никоимъ образомъ не слѣдуетъ, что они могутъ уклониться отъ налога, уменьшавшаго эту ренту на 2 и на 6 единицъ. Въ самомъ дѣлѣ, 5 и 15 вовсе не являются суммами, полученіе которыхъ они считаютъ необходимымъ условіемъ для

затраты такого же количества субъективныхъ усилій, какое затратилъ С. Конечно, они должны получить нѣсколько больше С, въ противномъ случаѣ они понизятъ уровень своей объективной производительности до уровня С, но вопросъ о количествѣ необходимо рѣшить отдѣльно для каждаго даннаго случая.

Въ нѣкоторыхъ видахъ труда можетъ случиться, что человѣкъ соглашается на проявленіе высшей степени своей энергіи или умѣнія за плату, которая соотвѣтственно не является болѣе высокой платой сравнительно съ маргинальнымъ рабочимъ въ его сферѣ труда. Въ другихъ случаяхъ увеличеніе интенсивности или искусства труда можетъ быть вызвано лишь вполнѣ пропорціональнымъ возрастаніемъ платы. Вообще какого-либо общаго принципа къ обложенію дифференціальныхъ заработныхъ платъ примѣнить нельзя. Обложеніе будетъ мѣняться не только съ измѣненіемъ характера и условій труда, но также и съ индивидуальными свойствами рабочаго и съ характеромъ потребностей, которыя онъ удовлетворялъ на послѣднія получаемыя имъ добавочныя доли дохода. Во многихъ видахъ труда крайняя интенсивность работы можетъ быть вызвана лишь уровнемъ платежа, даже превышающимъ тотъ, который уплачивается за одинаковое количество продукта, произведеннаго медленнѣе и съ меньшимъ напряженіемъ; фактъ этотъ признается въ разныхъ примѣрныхъ расцѣнкахъ урочной или поштучной работы, а также въ спеціальной особой расцѣнкѣ сверхурочной работы. Въ другихъ видахъ труда, менѣе непріятныхъ и утомительныхъ, способный рабочій можетъ согласиться на повышеніе производительности своего труда, хотя и не будетъ въ состояніи воспользоваться всѣми преимуществами своего превосходства надъ наименѣе производительнымъ рабочимъ при посредствѣ соотвѣтственнаго повышенія заработной платы.

Мы должны постоянно ясно помнить истинную природу этихъ «рентъ за способность». Уровень вознагражденія лишь тогда кажется намъ дифференціальнымъ, когда масштабомъ для измѣренія мы возьмемъ индивидуальнаго человѣка или часть его рабочаго времени. Если же мы будемъ разсматривать рабочаго какъ продавца производительной силы (productive efficiency), то, естественно, тотъ, кто продаетъ больше своего товара, чѣмъ другой, или лучшаго качества, получаетъ соотвѣтственно большее

количество вознагражденія. Если тѣмъ не менѣе мы удержимъ идею дифференціальныхъ рентъ труда, то должны будемъ допустить, что онѣ не подлежатъ обложенію такъ же и въ такой же степени, какъ дифференціальныя земельныя ренты.

§ 8. Разницу, проявляющуюся въ обложеніи дифференціальныхъ трудовыхъ рентъ, съ одной стороны, земельныхъ рентъ и рентъ на капиталъ, съ другой, понять не трудно.

Дифференціальныя ренты сверхъ минимальныхъ не служатъ для собственниковъ земли и капитала побудительными мотивами, заставляющими ихъ примѣнять эти факторы производства; для существующихъ уже формъ земли и капитала минимальная рента и прибыль оказываются достаточными, чтобы сократить ихъ экономическое значеніе; и хотя новый капиталъ возникаетъ лишь при извѣстной опредѣленной, необходимой для существованія нормѣ процента, никакая высшая норма для какого-либо спеціальнаго вида эксплоатаціи не можетъ быть экономическимъ мотивомъ къ сбереженію.

Но рабочіе могутъ воздержаться отъ примѣненія части своей производительной силы, если имъ не будетъ гарантирована нѣкоторая дифференціальная плата за ихъ способность. Неодушевленная же природа не можетъ задержать непрерывнаго проявленія своихъ производительныхъ силъ; владѣлецъ болѣе плодороднаго поля, не эксплоатирующій его потому только, что его дифференціальная рента обложена налогомъ, совершилъ бы, такъ сказать, экономическое самоубійство (за исключеніемъ того случая, когда налогъ поглотилъ бы цѣликомъ всю экономическую ренту). Цѣнность подобнаго рода предложенія опредѣляется со стороны предложенія естественною рѣдкостью. Гдѣ предложеніе зависитъ отъ произвольнаго усилія продавцовъ, какъ, напримѣръ, при предложеніи рабочей силы, тамъ возможность не проявлять этой силы, позволяетъ обладателю ея ставить при продажѣ извѣстныя условія, гарантирующія ему дифференціальную ренту, нѣкоторая неопредѣленная часть которой должна даже не поддаваться обложенію.

§ 9. При нашемъ анализѣ обложенія (taxability) различныхъ платежей, состоящихъ изъ денегъ, затрачиваемыхъ на блага, мы разложили эти платежи на необходимыя издержки производства, необходимые для существованія платежа (subsistence pay-

ments) за пользованіе трудомъ и капиталомъ, не подлежащіе обложенію, и на маринальныя и дифференціальныя ренты, въ различной степени и до извѣстныхъ границъ поддающіяся обложенію. Вынужденныя прибыли или ренты, обусловленныя рѣдкостью, вмѣстѣ съ дифференціальными рентами на землю и капиталъ, не въ состояніи уклониться отъ прямого обложенія, падающаго на нихъ, какъ на элементы дохода. Вынужденныя ренты на трудъ или ренты, обусловленныя рѣдкостью, вмѣстѣ съ извѣстной частью дифференціальныхъ рентъ на трудъ также въ теоріи могутъ подлежать прямому обложенію.

Общей цѣлью этого анализа было *подтвердить* экономическое превосходство обложенія доходовъ (incomes) или чистыхъ прибылей (net revenues) надъ обложеніемъ особыхъ видовъ благъ или особыхъ видовъ рентъ и прибылей.

Общій налогъ на доходъ, раздѣленный на категоріи на основаніи предположенія, что количество незаслуженныхъ, а потому подлежащихъ обложенію доходовъ измѣняется въ прямомъ отношеніи съ абсолютной величиной доходовъ, съ одной стороны, устраняетъ крайнюю трудность выясненія происхожденія спеціальныхъ формъ прибыли, съ другой стороны, общій налогъ на доходъ вполнѣ естественно, быстро и точно даетъ возможность открыть и подвергать обложенію различныя части доходовъ, представляющіяся незаслуженными въ томъ смыслѣ, что онѣ не служатъ необходимымъ побудительнымъ мотивомъ для собственниковъ факторовъ производства, чтобы заставить ихъ дать имъ лучшее въ экономическомъ отношеніи употребленіе.

Въ нашемъ изслѣдованіи обложенія выяснилось превосходство въ экономическомъ отношеніи прямыхъ налоговъ на монопольные доходы и другіе незаслуженные элементы дохода, тамъ гдѣ они могутъ быть констатированы и измѣрены. Это же изслѣдованіе показало преимущество общаго раздѣленнаго на категоріи (graduated) подоходнаго налога въ томъ отношеніи, что съ его помощью обнаруживаются и подвергаются обложенію элементы дохода. Однако, здѣсь не надо неправильно истолковывать мнѣніе, осуждающее особые (specific) налоги или налоги ad valorem на блага. Мы видѣли, что монополистъ путемъ ограниченія производства и повышенія цѣнъ оказывается въ состояніи

уклониться отъ обѣихъ послѣднихъ формъ обложенія монополизированныхъ благъ. Путемъ повышенія цѣнъ онъ повидимому перелагаетъ на потребителей часть налога, который онъ номинально платитъ, если даже не весь цѣликомъ. Не слѣдя за ходомъ разсужденій, приведенныхъ нами при разборѣ попытки обложить необходимую для существованія заработную плату въ цѣляхъ созданія пенсіоннаго фонда для престарѣлыхъ, мы замѣчаемъ, что подобное повышеніе цѣнъ, уплачиваемыхъ потребителями, живущими на необходимую для существованія заработную плату или норму процента, имѣетъ результатомъ повышеніе денежныхъ платежей для поддержанія существованія и такимъ образомъ переноситъ налогъ на другихъ лицъ, которыя должны выплачивать его изъ незаслуженныхъ элементовъ своего дохода. Перенести налогъ на «потребителя» не есть еще, какъ мы видѣли, конечный пунктъ политики обложенія: налогъ всегда долженъ падать на какой-нибудь элементъ дохода; способность необходимыхъ для существованія платежей уклоняться отъ обложенія, какъ мы видѣли, дѣйствительна лишь до тѣхъ поръ, пока существуютъ незаслуженные элементы дохода, на которые оно можетъ быть перенесено. Отдѣльный монополистъ можетъ уклониться отъ особаго обложенія или обложенія ad valorem предметовъ своей монополіи лишь путемъ перенесенія этого налога на незаслуженные доходы извѣстнаго класса потребителей, а не путемъ распредѣленія его на всѣ классы потребителей. Тотъ же общій принципъ примѣнимъ и ко всякому обложенію благъ, монополизированныхъ или свободныхъ: нельзя облагать налогомъ доходы, представляющіе собою необходимые платежи за факторы производства, до тѣхъ поръ, пока имъ не будутъ поглощены всѣ формы незаслуженнаго дохода.

Главный недостатокъ подобныхъ формъ косвеннаго обложенія заключается не въ томъ, что ихъ приходится платить богатымъ и бѣднымъ безразлично, какъ тѣмъ, кто въ состояніи снести ихъ, такъ и тѣмъ, кто не въ состояніи, но въ томъ, что онъ во многихъ случаяхъ, путемъ задержки производства, имѣетъ тенденцію ограничить наиболѣе производительное употребленіе факторовъ производства и такимъ образомъ уменьшить общую массу вырабатываемыхъ благъ.

Если этотъ анализъ правиленъ, то практическое значеніе выводовъ изъ него очень велико. Обнаруживая существованіе обширнаго «излишка» рентъ, аналогичнаго по своему отношенію къ обложенію экономической земельной рентѣ, онъ тѣмъ самымъ значительно укрѣпляетъ экономическія средства соціальнаго прогресса. Устраняя два ложныхъ мнѣнія, а именно, будто налоги падаютъ на бѣднѣйшіе классы рабочаго населенія и будто высокіе налоги вредны для промышленности анализъ нашъ тѣмъ самымъ устраняетъ важнѣйшія препятствія къ повышенію обложенія и увеличенію благоразумныхъ общественныхъ затратъ, которыя существенно необходимы для здоровой прогрессивной соціальной политики.

§ 10. Дифференціальныя ренты играютъ столь значительную роль въ установленіи неравенства доходовъ въ промышленномъ обществѣ, что небезполезно будетъ къ приведеннымъ выше разсужденіямъ объ обложеніи ихъ налогомъ присоединить нѣкоторыя соображенія болѣе общаго характера.

Интересы прогрессивной соціальной экономіи никоимъ образомъ не могутъ ограничиваться трудными, порой рискованными и всегда разорительными процессами обложенія въ цѣляхъ доставить обществу нѣкоторые изъ тѣхъ дифференціальныхъ платежей, которые, какъ было указано, для лицъ получающихъ ихъ далеко не обязательно служатъ мотивами, побуждающими ихъ принять участіе въ производствѣ. Болѣе научные способы производства, возрастаніе равенства экономическаго положенія, организація предпринимателей или рабочихъ частью будутъ въ состояніи значительно сохранять дифференціальныя ренты. По отношенію къ землѣ это было замѣчено еще Рикардо и подробно выяснено Д. С. Миллемъ. (Основанія, кн. IV, гл. III, § 4), утверждавшимъ, что успѣхи агрономической науки или усовершенствованія въ перевозныхъ средствахъ, увеличивающіе или дѣлающіе болѣе доступными выработанные продукты болѣе плодородныхъ фермъ, приводятъ къ повышенію границы культуры и сокращенію дифференціальныхъ рентъ вслѣдствіе того, что дѣлаютъ совершенно невыгоднымъ существованіе фермъ на границѣ культуры. Подобнымъ же образомъ дифференціальныя ренты или проценты на капиталъ могутъ подвергнуться сокращенію при такой организаціи предпринимателей или рабочихъ, ко-

торая передаетъ большую часть извѣстной отрасли промышленности или всю ее цѣликомъ въ руки самыхъ крупныхъ, наилучше оборудованныхъ и болѣе доходныхъ фирмъ.

Гдѣ организація предпринимателей, учредивъ трёстъ или синдикатъ, достигаетъ этого результата путемъ устраненія болѣе слабыхъ предпріятій, ей обыкновенно удается предупредить переходъ этой экономіи на дифференціальныхъ рентахъ къ потребителямъ въ формѣ низкихъ цѣнъ, и она замѣняетъ тогда эти дифференціальныя ренты монопольной рентой или рентой, обусловленной рѣдкостью. Но тѣмъ не менѣе справедливо, что подобное «искорененіе», «сметаніе съ лица земли» болѣе слабыхъ конкуррирующихъ фирмъ обозначаетъ сокращеніе дифференціальныхъ рентъ, которыя прежде необходимы были для того, чтобы поддерживать въ дѣйствіи весь нужный для производства капиталъ. Болѣе дальновидные руководители рабочаго движенія вполнѣ понимаютъ, что ихъ истинные интересы заключаются въ проведеніи подобныхъ же усовершенствованій въ организацію промышленности, предполагая, конечно, что они будутъ въ состояніи поддержать средипредпринимателей такую конкурренцію, которая позволитъ имъ уравновѣсить сокращеніе дифференціальныхъ рентъ повышеніемъ заработной платы.

Подобнаго рода политика является однимъ изъ наиболѣе прочныхъ аргументовъ въ пользу попытокъ завоевать путемъ ли законодательства или путемъ трэдъ-юньонизма общепризнанную норму условій жизни, продолжительности рабочаго дня и другихъ условій труда. Подобное движеніе въ пользу улучшенія условій труда, ведя за собой повышеніе текущихъ издержекъ производства, которое, повидимому, невыносимымъ бременемъ ложится на болѣе слабыхъ предпринимателей, оказывается, такимъ образомъ, положительнымъ орудіемъ экономическаго прогресса. По этому поводу м-ръ и м-съ Уэббъ выражаются такъ: «очевидно, въ интересахъ трэдъ-юньоновъ установить такой общій порядокъ, чтобы постоянно «искоренять» старозавѣтныя или рутинныя фирмы и концентрировать все производство въ рукахъ болѣе энергичныхъ «королей промышленности», которые, однако, должны понизить стоимость издержекъ производства, не понижая заработной платы. Такимъ образомъ, пока болѣе удобно устроенныя фабрики въ промышленности не развиваютъ вполнѣ

своей производительной силы или, пока онѣ, не теряя своихъ преимуществъ, могутъ быть расширены, трэдъ-юньоны теоретически могутъ добиться постепеннаго устраненія одного за другимъ всѣхъ худшихъ предпринимателей, не затрагивая цѣны или спроса со стороны потребителей и въ то же время не сокращая сферы промышленности. Подобнымъ «повышеніемъ границы культуры» и одновременнымъ увеличеніемъ количества выработанныхъ продуктовъ, находящихся въ болѣе выгодныхъ условіяхъ предпріятій, можно будетъ, благодаря такому плану, соотвѣтственнымъ образомъ измѣнить границу той части продукта, которая по своей экономической природѣ относится къ рентамъ, и положить эту часть въ карманъ рабочихъ». (Industrial Democracy, Vol. II, стр. 729—730).

Главной причиной того неодобрительнаго тона, которымъ даже самые либеральные экономисты говорятъ объ экономической успѣшности трэдъ-юньоновъ въ ихъ стремленіи повысить заработную плату, является нежеланіе большинства экономистовъ признавать значительные размѣры «вынужденныхъ прибылей» и рентъ, обусловленныхъ рѣдкостью или дифференціальныхъ рентъ, включаемыхъ въ чистую прибыль отъ промышленности. Что заработная плата въ данный періодъ времени абсолютно установляется благодаря дѣйствію неизмѣнныхъ экономическихъ законовъ, едва ли кто станетъ теперь спорить, но даже Джевонсъ и Маршалль, вообще сочувствующіе трэдъ-юньонизму, склонны отрицать его значеніе въ примѣненіи къ экономической области. «Трэдъ-юньоны никода не обладаютъ настолько значительной силой, чтобы прямыми средствами повышать общую заработную плату», пишетъ профессоръ Маршалль (Elements of economics of industry, 1892, стр. 407—408), между тѣмъ какъ Джевонсъ смѣло утверждалъ, что, хотя организація и можетъ дать какому-нибудь классу рабочихъ возможность повысить заработную плату, но за него будутъ платить другіе классы рабочихъ въ качествѣ потребителей (The State in relation to labour. стр. 105—107). Общее мнѣніе клонится къ тому, что, поскольку дѣло касается повышенія заработной платы, трэдъ-юньонизмъ можетъ лишь обезпечить то повышеніе ея, которое оправдывается возрастаніемъ цѣнъ и прибылей, и добиться такого повышенія, которое сопровождается соотвѣтственнымъ возрастаніемъ производительности труда, въ

родѣ того, напримѣръ, которое сопровождаетъ иногда повышеніе уровня жизненнаго комфорта.

Нашъ анализъ, если онъ правиленъ, приводитъ насъ къ признанію существованія большого фонда излишнихъ прибылей, изъ котораго можно брать средства для повышенія заработной платы, такъ какъ онъ въ состояніи выносить обложеніе, будучи образованъ путемъ достаточно энергичнаго давленія со стороны трэдъ-юньоновъ.

Другими словами, вынужденныя прибыли и дифференціальныя ренты на капиталъ не представляютъ собою постоянно необходимыхъ платежей собственникамъ капитала, получающимъ ихъ, и могутъ быть переводимы или на публику путемъ обложенія, или на рабочихъ путемъ повышенія заработной платы. Не трудно видѣть, что и дифференціальныя ренты на трудъ, умственный или физическій, аналогичнымъ же путемъ могутъ быть сокращены или переданы въ другія руки. Всѣми признано, что первоначальное общественное образованіе сокращаетъ дифференціальныя ренты обыкновенныхъ клерикальныхъ учрежденій. Техническое обученіе, поскольку оно даетъ значительно болѣе широкимъ кругамъ общества возможность съ успѣхомъ пріобрѣтать познанія въ области квалифицированныхъ и хорошо оплачиваемыхъ занятій, дѣйствуетъ въ томъ же направленіи. Вообще всякое расширеніе сферы образованія, поскольку оно содѣйствуетъ большему равенству экономическихъ положеній для различныхъ классовъ населенія, имѣетъ тенденцію сокращать дифференціальныя ренты предпріятій, а также и отдѣльныя видовыя ренты, зависящія, повидимому, отъ нихъ. Если маргинальный врачъ лучше оплачивается, чѣмъ маргинальный грузчикъ, то происходитъ это не вслѣдствіе какого-либо высшаго искусства, присущаго первому роду занятій, искусства, придающаго услугамъ врача высшую маргинальную цѣнность. Мы платимъ маргинальному врачу сравнительно высокую плату потому, что при современныхъ экономическихъ условіяхъ воспитанія лишь незначительная часть населенія въ состояніи подготовить своихъ сыновей для конкуренціи на такомъ рынкѣ предложенія труда, участники котораго, благодаря замкнутой организаціи, могутъ поддержать высокую заработную плату за свои услуги. Высокій уровень вознагражденія въ этомъ случаѣ

вовсе не зависитъ отъ естественной рѣдкости большого искусства. Когда для каждаго юноши, желающаго стать врачомъ, будетъ столь же легко сдѣлать это, какъ стать доковымъ рабочимъ, задѣльная плата за первый родъ труда станетъ столь же низкой, какъ и за второй, вѣроятно, даже ниже, поскольку дѣло касается маргинальнаго рабочаго. Даже высокіе гонорары, выпадающіе на долю первокласснаго профессіональнаго таланта, значительно понизятся, когда всякая карьера будетъ открыта для любого таланта со всякой ступени общественной лѣстницы. Знаменитый хирургъ можетъ взять теперь 1000 ф. стерл. за одну серьезную операцію. Онъ не станетъ дѣлать ее за низшую сумму, потому что онъ можетъ получить такую сумму. Но умѣнье его получить такія деньги зависитъ отъ двухъ фактовъ: одного, касающагося предложенія, другого, касающагося спроса, но ни тотъ, ни другой изъ нихъ не представляютъ собою постоянной необходимости. Первый фактъ заключается въ ограниченности предложенія крупныхъ талантовъ среди хирурговъ вслѣдствіе того, что большинство дѣтей лишено возможности открыть въ себѣ такой талантъ, развить его и вступить на медицинское поприще. Уничтожьте это искусственное ограниченіе предложенія, и вмѣсто одного хирурга способнаго и готоваго сдѣлать данную операцію вы будете имѣть трехъ или четырехъ, обладающихъ одинаковыми искусствомъ и извѣстностью, конкурренція которыхъ прямо или косвенно приведетъ къ пониженію гонарара съ 1000 ф. стерл., скажемъ, до 20 ф. ст. Съ другой стороны, существуетъ извѣстное число весьма богатыхъ лицъ, которыя, получая значительные незаслуженные доходы отъ различныхъ рентъ, могутъ легко заплатить 1000 ф. стерл. Каждое уравненіе экономическихъ условій, каждое примѣненіе здравыхъ принциповъ прогрессивнаго обложенія будетъ сокращать это число, а вмѣстѣ съ тѣмъ сократитъ и дѣйствительный спросъ на трудъ по такимъ цѣнамъ.

Такимъ образомъ оказывается, что нѣтъ ничего постояннаго и неизмѣннаго въ этихъ дифференціальныхъ рентахъ умѣнья, на которыя порою смотрятъ, какъ на необходимое вознагражденіе за особенную ловкость, въ которомъ нельзя отказать и которое нельзя уменьшить.

§ 11. Ради удобства я подвергну особому отдѣльному разсмотрѣнію тѣ платежи, которые профессоръ Маршалль обозначаетъ терминомъ «quasi-ренты». Онъ болѣе чѣмъ какой-либо другой писатель-экономистъ содѣйствовалъ устраненію той стѣны, которая отдѣляла въ экономической наукѣ землю отъ другихъ факторовъ производства, и старался расширить сферу приложенія закона ренты. Земельная рента представляется ему «не единственнымъ фактомъ, но просто однимъ изъ главныхъ видовъ обширнаго рода экономическихъ явленій», и онъ признаетъ, «что существуетъ непрерывный постепенный переходъ отъ истинной ренты тѣхъ свободныхъ благъ, которыя были присвоены человѣкомъ при посредствѣ дохода, происходящаго отъ постоянныхъ улучшеній въ почвѣ, къ рентамъ, получаемымъ отъ фермъ и фабричныхъ построекъ, паровыхъ машинъ и другихъ менѣе стойкихъ благъ» (книга VI, гл. IX).

Тщательное разсмотрѣніе главъ, въ которыхъ теорія quasi-рентъ получаетъ свое полное развитіе (кн. V, гл. VIII, IX и кн. VI, гл. IX), показываетъ, что quasi-ренты аналогичны не дифференціальнымъ земельнымъ рентамъ, а рентамъ обусловленнымъ рѣдкостью. Чтобы установить и иллюстрировать значеніе своего новаго термина, Маршалль беретъ сначала случай находки метеорныхъ камней и случай обладанія картинами умершаго художника. Здѣсь мы имѣемъ абсолютную монопольную продажу по монопольной цѣнѣ, дающую, по выраженію Маршалля, «истинную ренту». Налогъ на подобные предметы падаетъ всецѣло на ихъ обладателей. Однако, если бы, благодаря поискамъ рабочихъ могли быть найдены другіе метеориты или если бы мы имѣли дѣло съ картинами художника, находящагося въ живыхъ, который продолжаетъ писать, монопольная цѣна или рента держалась бы лишь въ теченіе короткаго промежутка времени, такъ какъ она служила бы стимуломъ для особыхъ усилій со стороны художника, и въ концѣ-концовъ уравняла бы предложеніе и спросъ на обычныхъ издержкахъ производства. Но пока держалась высокая цѣна, можно было считать, что камни или картины даютъ quasi-ренту. Другими словами, quasi-рента или монопольный элементъ будутъ фигурировать въ краткосрочной или рыночной цѣнѣ (short-period or market-price) и будутъ постепенно исчезать съ удлиненіемъ періода и съ приближеніемъ къ такъ называ-

емой нормальной цѣнѣ. Всякое предложеніе высоко спеціализваннаго капитала, искусства или труда, которое не можетъ быть быстро и въ значительной мѣрѣ пополнено, можетъ въ теченіе извѣстнаго періода времени оказаться въ исключительномъ положеніи и давать, вдобавокъ, къ обычной нормѣ прибыли, еще quasi-ренту, которая однако должна исчезнуть, лишь только съ теченіемъ времени на рынкѣ появится достаточное количество новыхъ формъ спеціализованнаго капитала и труда.

Очевидно, что эти quasi-ренты, соотвѣтствующія краткосрочнымъ монополіямъ, представляютъ собою ни что иное, какъ болѣе измѣнчивыя формы монопольныхъ рентъ или рентъ, обусловленныхъ рѣдкостью на капиталъ и трудъ, а потому и не легко понять, отчего къ нимъ примѣняется неодобрительный эпитетъ «quasi». Пока онѣ существуютъ, онѣ являются столь же «истинными» рентами, какъ и любая земельная рента; къ тому же онѣ не всегда необходимо бываютъ краткосрочными; высоко спеціализованнымъ капиталу и труду часто удается, путемъ задержки приложенія другихъ капиталовъ и труда, находящихся внѣ рынка, въ теченіе долгихъ періодовъ удерживать рыночныя цѣны на уровнѣ, значительно превышающемъ «маргинальныя издержки производства». Нѣкоторыя изъ этихъ монополій могутъ быть столь же устойчивы и прочны, какъ и монополіи на естественные дары природы, которые, согласно предположенію, даютъ истинныя ренты.

Повидимому, quasi-ренты представляютъ собою просто менѣе долгосрочныя формы монопольныхъ рентъ. Общепринятый критерій ренты заключается въ томъ: будетъ ли она нести налогъ. Маршалль въ одномъ мѣстѣ утверждаетъ, что богатство, дающее quasi-ренты, обложимо. «Налогъ на любую группу уже произведенныхъ предметовъ падаетъ исключительно на ихъ владѣльцевъ, если онъ не сопровождается налогомъ или перспективой налога на производство или на введеніе въ употребленіе сходныхъ съ ними или конкуррирующихъ предметовъ. Если онъ падаетъ также на конкуррирующіе предметы и если предложеніе ихъ не абсолютно неизмѣнно, то налогъ этотъ будетъ постепенно перенесенъ на потребителей...»

«Въ теченіе болѣе краткаго періода, когда налогъ падаетъ главнымъ образомъ на владѣльцевъ облагаемыхъ предметовъ,

доходъ можно считать болѣе или менѣе сходнымъ по природѣ съ рентой». (кн. V, гл. VIII, § 2).

Къ разряду quasi-рентъ онъ относитъ и вознагражденія за улучшенія качества почвы (стр. 665, 459), за улучшенія въ зданіяхъ, усовершенствованія въ машинахъ и т. д. (стр. 670), почти всѣ выгоды отъ всякаго рода дѣловыхъ учрежденій (business institutions) (стр. 659), а въ одномъ мѣстѣ онъ заявляетъ, что всякое «умѣніе, матеріальный капиталъ и дѣловыя связи (business connections)», поскольку они спеціализованы, «перестаютъ оказывать прямое вліяніе на цѣнность продуктовъ, обязанныхъ имъ своимъ существованіемъ; съ другой стороны, цѣнность этихъ продуктовъ... опредѣляетъ доходъ, который можетъ быть полученъ отъ этихъ факторовъ, т. е. она опредѣляетъ то, что мы назвали ихъ quasi-рентами» (стр. 655).

§ 12. Профессоръ Маршалль не излагаетъ подробно отношенія теоріи quasi-рентъ къ обложенію, хотя изъ приведенной цитаты можно заключить, что онѣ доступны обложенію. Но м-ръ Кеннингамъ, разсматривая quasi-ренты, полагаетъ, что онѣ не только непосредственно доступны обложенію, но что налогъ на продукты, въ составъ которыхъ онѣ входятъ, падаетъ на нихъ же. Согласно его взгляду, прибыль на капиталъ, «неизмѣнно установленная» (irrevocably fixed), «по природѣ своей подходитъ къ рентѣ», и онъ заканчиваетъ такими словами: «изъ предшествующаго слѣдуетъ, что налогъ на производство затронетъ цѣну постольку, поскольку онъ не уплачивается изъ той ея части, которая по природѣ своей подходитъ къ рентѣ. А всюду, гдѣ налогъ падаетъ на производство и гдѣ онъ выплачивается изъ ренты, тамъ онъ будетъ вліять на цѣну» (Economic Journal, Мартъ, 1892).

Конечно вполнѣ справедливо, что формы капитала, «которыя безповоротно отставлены», подобно земельной рентѣ, прежде всего должны нести видовой налогъ (specific tax) или налогъ ad valorem на продукты, для производства которыхъ они употребляются. Но никоимъ образомъ не слѣдуетъ изъ этого, что они не могутъ освободиться отъ налога, вызывая повышенія цѣнъ. Для примѣра возьмемъ процентъ на капиталъ, вложенный въ дома; уже выстроенные дома нельзя будетъ исключить изъ состава предложенія, если процентъ на вложенный въ нихъ ка-

питалъ падетъ до нуля, но одинаково справедливо и то, что налогъ на дома не можетъ и не будетъ падать на этотъ капиталъ. Въ самомъ дѣлѣ, пока капиталъ способенъ давать нормальный процентъ, къ домамъ всегда будетъ существовать притокъ подвижного капитала, но этотъ притокъ будетъ задержанъ [1]) налогомъ на капиталъ, «уже безвозвратно кристаллизовавшійся въ формѣ домовъ». Въ одномъ мѣстѣ м-ръ Кеннингамъ допускаетъ, повидимому, что обложеніе quasi-рентъ могло бы отозваться на цѣнѣ и производствѣ, но онъ утверждаетъ, что это произошло бы «очень медленно черезъ нѣкоторое время». Это неправильно; во всякой отрасли промышленности, открытой для приложенія капиталовъ и поддерживаемой притокомъ капиталовъ извнѣ, результатъ обложенія quasi-рентъ неизмѣнныхъ формъ капитала скажется быстро и непосредственно. Лишь въ томъ случаѣ, когда подобный, «безвозвратно помѣщенный» (irrevocably apprpriated) капиталъ пользуется монополіей, происходящей отъ задержки притока капиталовъ извнѣ, прибыли на основной капиталъ окажутся не въ состояніи избѣжать налога на производство. Если пивоваренные заводы извѣстнаго округа имѣютъ монополіи (corner) въ снабженіи портерныхъ houses, такъ что проценты опредѣлены на устойчивый капиталъ, вводимый въ пивоваренные заводы, на 2% выше нормальнаго въ другихъ отрасляхъ производства, эти 2% дѣйствительно доступны обложенію, но не потому, что принимаетъ форму неизмѣнно предназначеннаго для этой цѣли капитала, а потому, что процентъ на такой капиталъ обладаетъ способностью ограничить притокъ внѣшняго капитала и такимъ образомъ доставить особую норму процента. Этотъ особый процентъ представляетъ собой то, что я назвалъ «вынужденною прибылью или рентою, обусловленною рѣдкостью». Его можно включить въ quasi-ренту проф. Маршалля, но онъ существенно отличается отъ обыкновеннаго процента на постоянный капиталъ въ томъ отношеніи, что не можетъ уклониться отъ обложенія путемъ повышенія цѣнъ. Въ нашемъ предполагаемомъ

[1]) Задержка эта можетъ вызвать или ограниченіе сбереженій, въ томъ случаѣ, когда вслѣдствіе налога понижается норма процента, ниже того, какой требуетъ предѣльный сберегатель, или она можетъ отвлечь новые капиталы отъ постройки домовъ въ другіе виды помѣщенія.

случаѣ налогъ на пиво упадетъ на 2 добавочныхъ, излишнихъ процента и не можетъ быть возмѣщенъ при помощи повышенія цѣнъ; онъ не можетъ также упасть на сколько-нибудь бо́льшую часть процента, не понижая прибыли отъ пивоваренаго дѣла ниже нормальнаго уровня и не препятствуя свѣжему притоку капитала, требующагося для поддержанія растущей промышленности или лишь для сохраненія фонда обезцѣненія.

Итакъ, одинъ голый фактъ, что капиталъ или трудъ спеціализованы и не могутъ быть перенесены въ другую отрасль промышленности, не даетъ еще намъ права считать вознагражденія за такіе спеціализованные факторы вознагражденіями прибавочными (surplus), пока данная промышленность открыта для притока свѣжаго капитала и труда. Налогъ не упадетъ на эти спеціализованныя формы, но будетъ перенесенъ на потребителя путемъ повышенныхъ цѣнъ и въ концѣ-концовъ будетъ лежать лишь на такихъ «потребителяхъ», которые пользуются какими-либо элементами незаслуженнаго дохода. Вознагражденія за факторы производства только тогда можно правильно считать прибавочными и способными подвергнуться обложенію, когда нѣкоторая естественная или экономическая сила ограничиваетъ притокъ капитала или труда извнѣ; въ подобномъ случаѣ налогъ, поскольку онъ падаетъ на проценты или заработную плату, являющіеся результатомъ монополіи, и составляетъ излишекъ противъ цѣнъ, обусловленныхъ конкурренціею, не ограничится этимъ «спеціализованнымъ капиталомъ». Однимъ словомъ, спеціализація капитала или труда не является дѣйствительнымъ условіемъ, приравнивающимъ получаемыя за нихъ вознагражденія рентѣ.

§ 13. Итакъ, эти quasi-ренты, поскольку онѣ представляютъ собою ренты вообще, являются монопольными или рентами, обусловленными рѣдкостью, и могутъ быть облагаемы. Онѣ входятъ также въ цѣны, такъ какъ мы видѣли, что всюду, гдѣ существуетъ рента, обусловленная рѣдкостью, маргинальная доля предложенія можетъ получить ее, и она будетъ фигурировать въ цѣнахъ предложенія. Правда, профессоръ Маршалль отрицаетъ, что онѣ входятъ въ цѣну, но когда маргинальный рабочій въ какомъ-нибудь родѣ труда или маргинальная фабрика въ какой-нибудь отрасли промышленности получаютъ высшую

заработную плату или болѣе высокій процентъ, чѣмъ тѣ, которые были бы возможны при «свободной конкурренціи», эта маргинальная заработная плата или процентъ должны входить въ составъ издержекъ производства и цѣны. Исключить ихъ можно развѣ путемъ неправильнаго примѣненія закона уменьшенія доходности (law of diminishing returns).

Самъ Маршалль въ качествѣ примѣра «quasi-ренты» труда приводитъ высокую заработную плату, которую рудокопы получали въ 1873 году. Однако едва ли будетъ для него возможно утверждать, что высокая задѣльная плата, которую платили тогда рудокопамъ, не входила въ цѣну тонны угля, такъ какъ въ цѣнѣ каждой тонны угля выплачивалась эта плата. Если допустить, что quasi-рента входитъ здѣсь въ составъ цѣны угля, то смѣло можно оспаривать утвержденіе, что она не содѣйствуетъ установленію цѣны угля, но заключается въ излишкѣ, остающемся послѣ вычета изъ цѣны необходимыхъ «издержекъ производства». Но даже и здѣсь отрицаніе того факта, что quasi-рента содѣйствуетъ установленію цѣны, является пустымъ словопреніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, quasi-рента служитъ непосредственной мѣрой того давленія, какое оказываетъ рѣдкость предмета, являющаяся постольку же и въ томъ же смыслѣ опредѣляющимъ моментомъ цѣнности и цѣны, какъ полезность, измѣряемая спросомъ. Quasi-рента, при извѣстныхъ условіяхъ, составляетъ необходимую плату маргинальному труду, она не есть лишь простой излишекъ въ томъ смыслѣ, что на нее уходятъ остатки изъ цѣны послѣ вычета издержекъ, такъ какъ при этомъ предполагалось бы, что цѣна установляется исключительно со стороны спроса, а это, какъ мы видѣли, невѣрно даже при существованіи самыхъ замкнутыхъ монополій. Quasi-рента рудокопа не только входитъ въ составъ цѣны, но и содѣйствуетъ установленію цѣны. Правда, сумма ея опредѣляется цѣною, но это значитъ лишь, что она принадлежитъ къ числу другъ друга опредѣляющихъ факторовъ цѣнъ.

А если quasi-рента рудокоповъ входитъ въ составъ цѣны и содѣйствуетъ ея установленію, то то же самое справедливо и относительно всякой другой quasi-ренты, будь то рента на трудъ, капиталъ или профессіональное искусство. Лишь дифференціаль-

ныя ренты, будутъ ли онѣ «истинными рентами» или quasi-рентами, не входятъ въ составъ цѣны и не опредѣляютъ ея, такъ какъ онѣ не составляютъ части издержекъ предѣльнаго предложенія. Итакъ, тѣ изъ quasi-рентъ, которыя заслуживаютъ названія «ренты», такъ и должны называться, безъ робкаго объясненія въ видѣ слова «quasi». Онѣ представляютъ собою во всѣхъ отношеніяхъ такія же истинныя ренты, какъ и рента, обусловленная рѣдкостью земли, входя въ составъ цѣны въ качествѣ добавленія къ предѣльнымъ издержкамъ и не будучи въ состояніи уклониться отъ обложенія.

§ 14. Мы видѣли, что элементы вынужденной прибыли, обозначающей экономическое превосходство одного изъ участниковъ торга, возникаютъ при всѣхъ процессахъ обмѣна и что точный анализъ платежей за готовыя блага можетъ обнаружить значительное число подобныхъ «прибылей», уплачиваемыхъ владѣльцамъ факторовъ производства на различныхъ его стадіяхъ. Наше изслѣдованіе рынковъ для пользованія различными факторами показываетъ, что хотя нѣкоторые изъ этихъ факторовъ могутъ оказаться въ такомъ выгодномъ положеніи при торгѣ, однако нѣтъ никакого основанія предполагать, что эта выгода будетъ равно распредѣлена между ними, даже если мы возьмемъ значительный промежутокъ времени.

Болѣе близкое знакомство съ дѣйствительнымъ механизмомъ современной промышленности указываетъ, повидимому, на то, что увеличеніе этой способности—получать «вынужденныя» прибыли—приходится на долю класса такъ называемыхъ entrepreneurs или предпринимателей и обозначается неопредѣленнымъ терминомъ—прибыль. Предприниматель бываетъ иногда обладателемъ одного изъ факторовъ производительнаго капитала или способности къ веденію дѣлъ, или того или другого вмѣстѣ. Онъ пріобрѣтаетъ пользованіе другими факторами и, комбинируя ихъ для производственныхъ цѣлей, оказывается въ состояніи продать полученные продукты на очень «прибыльныхъ» условіяхъ. Прибыли эти, поскольку онѣ превосходятъ необходимый процентъ и необходимое вознагражденіе за веденіе дѣла, состоятъ изъ «вынужденныхъ прибылей», получаемыхъ не исключительно отъ удачнаго торга съ рабочими, но отчасти также отъ торга съ владѣльцами капитала, а отчасти вслѣдствіе

ограниченія свободной конкурренціи на тѣхъ рынкахъ, куда предприниматель поставляетъ свои продукты.

Типичной формой частнаго современнаго предпріятія является такая, въ которой предприниматель покупаетъ на самомъ дешевомъ рынкѣ каждый изъ нужныхъ ему факторовъ производства: трудъ, капиталъ и землю. Организуя ихъ для производства, онъ продаетъ продуктъ на самомъ дорогомъ рынкѣ, какой только находится въ его распоряженіи. Нашъ анализъ соотношеній между покупателями и продавцами показалъ, что покупатель въ современной промышленности при торгѣ обыкновенно оказывается болѣе сильной стороной, такъ что предприниматель легко можетъ проявить свою силу и взять «вынужденныя прибыли» при своемъ торгѣ за пользованіе трудомъ и капиталомъ. Самое существенное затрудненіе заключается въ вопросѣ: «можетъ ли онъ удержать для себя эти прибыли, когда онъ займетъ положеніе продавца своихъ продуктовъ?» Тамъ, гдѣ конкурренція свободна, онъ долженъ передать потребителямъ ту долю своихъ «вынужденныхъ прибылей», которая не поглощается издержками конкурренціи. Эти «вынужденныя прибыли» онъ можетъ удержать для себя лишь путемъ ограниченія свободы конкурренціи на рынкахъ, гдѣ онъ выступаетъ въ качествѣ продавца. Поэтому-то всюду всю свою энергію онъ проявляетъ въ двухъ различныхъ направленіяхъ. Назначая тарифы (price-lists) путемъ соглашенія съ конкуррентами, входя съ ними въ болѣе тѣсныя сдѣлки и организуя союзы, синдикаты и трёсты, онъ старается укрѣпить экономическую силу своей отрасли промышленности, проявляющуюся при торгѣ, въ этихъ сношеніяхъ съ посредниками или потребителями; или же онъ старается, путемъ какихъ-нибудь незначительныхъ улучшеній въ товарахъ или путемъ обезпеченія себѣ преобладанія въ какой-нибудь отдѣльной части рынка, добиться возможности устоять противъ превосходства той экономической силы въ торгѣ, которая обыкновенно принадлежитъ покупателю.

Успѣхъ его въ достиженіи этихъ результатовъ представляетъ собой доминирующую черту современной промышленности, поскольку дѣло касается распредѣленія богатства. Существуютъ достаточныя основанія для мнѣнія, что возрастающая пропорція «вынужденныхъ прибылей» или «незаслу-

женнаго дохода» постоянно принимаетъ форму предпринимательной прибыли.

Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда капиталъ формально беретъ на себя иниціативу и когда нѣкоторое количество капиталистовъ соединяютъ свои капиталы, образуя акціонерную компанію, при чемъ капиталъ покупаетъ и рабочую силу, и юридическую помощь, и умѣлое управленіе дѣломъ, даже и тутъ ближайшее изслѣдованіе обыкновенно обнаруживаетъ, что реальныя прибыли подобнаго предпріятія попадаютъ часто заранѣе въ руки одного или двухъ дѣльцовъ, которые въ качествѣ финансистовъ, иниціаторовъ или директоровъ-распорядителей организуютъ все дѣло въ собственныхъ интересахъ.

Признаніе наличности этихъ «вынужденныхъ прибылей» или прибавочныхъ элементовъ (surplus elements) въ цѣнѣ приводитъ къ важнымъ послѣдствіямъ при разсмотрѣніи способовъ осуществленія соціальной реформы.

§ 15. Если цѣна не содержитъ добавочныхъ элементовъ сверхъ необходимыхъ платежей денежныхъ издержекъ, то аргументы, съ помощью которыхъ не только «старые» экономисты, но даже такіе изъ новѣйшихъ, какъ Джевонсъ, пытались доказать тщетность стремленій трэдъ-юньоновъ къ общему повышенію заработной платы, остаются въ полной силѣ. Если прибыли маргинальнаго предложенія капитала (marginal supply of capital) держатся на минимумѣ во всѣхъ тѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ онъ прилагается, то очевидно, что повышеніе заработной платы (если оно не сопровождается соотвѣтственнымъ повышеніемъ производительности труда) будетъ невозможно, и всякая попытка добиться подобнаго повышенія принесетъ вредъ. Подобное же осужденіе должно встрѣтить движеніе въ пользу 8-часоваго рабочаго дня или всякое другое прогрессивное движеніе, стремящееся къ повышенію заработной платы. Подобная политика не должна касаться той части реальнаго дохода націи, которая шла въ качествѣ дифференціальныхъ рентъ владѣльцамъ земли или капитала или представителямъ профессіональнаго умѣнія. Другими словами, дифференціальныя ренты не составляютъ прибавочной цѣнности, но предѣльныя ренты, входящія въ составъ цѣны, какъ разъ образуютъ эту прибавочную цѣнность.

Мы видѣли, что, если одно какое-нибудь предпріятіе въ какой-либо отрасли промышленности, въ силу исключительно благопріятныхъ условій, даетъ болѣе высокую норму прибыли, чѣмъ другія, то для рабочихъ было бы невозможно, при нормальныхъ условіяхъ, получить эту прибыль себѣ, въ видѣ повышенной заработной платы; если бы, благодаря особой организаціи группы рабочихъ, для нихъ возможно было бы получить эту прибыль цѣликомъ или только часть ея, то она лишь превратилась бы изъ дифференціальной ренты капитала въ дифференціальную ренту труда, т.-е. извѣстная группа рабочихъ установила бы свою частичную монополію на рынкѣ труда. Съ другой стороны, если вся отрасль промышленности даетъ прибыль выше той, которая необходима для удержанія въ ней требуемаго капитала, то оказывается излишекъ, могущій повысить цѣну труда на всемъ рынкѣ, но лишь въ томъ случаѣ, если представители труда достаточно организованы, чтобы быть въ состояніи добиться этой повышенной цѣны. Если можно показать, что не только извѣстныя отрасли промышленности на короткое время оказываются въ состояніи давать прибавочную прибыль, но что другія отрасли, въ силу особыхъ ограниченій въ сферѣ приложенія капитала, всегда находятся въ такомъ положеніи, то существованіе значительнаго элемента прибавочной прибыли дастъ рабочему движенію ту прочную экономическую точку опоры, которой у него въ противномъ случаѣ не будетъ.

§ 16. Карлъ Марксъ былъ правъ, настаивая на фундаментальной важности признанія прибавочной цѣнности. Но онъ былъ неправъ, считая прибавочную цѣнность исключительнымъ продуктомъ рабочей силы, создаваемымъ капиталомъ въ процессѣ торга при продажѣ рабочей силы. Онъ не объяснилъ, почему изъ всѣхъ факторовъ производства одинъ только трудъ можно считать создающимъ «цѣнность» матеріальныхъ благъ, поступающихъ на рынокъ. Онъ не объяснилъ также, какова была природа той силы, съ помощью которой капиталъ присваивалъ себѣ прибавочную цѣнность, созданную трудомъ; и, наконецъ, онъ не показалъ, какъ отдѣльный капиталистъ, получившій прибавочную цѣнность, не былъ вынужденъ упустить ее изъ рукъ подъ давленіемъ конкурренціи собственныхъ же собратій капиталистовъ.

Описанная у насъ прибавочная цѣнность возникаетъ и получается не при одномъ только видѣ торга и сдѣлокъ (между капиталомъ и трудомъ), но при всѣхъ видахъ ихъ. Она выражаетъ собою экономическое превосходство болѣе сильнаго на каждомъ рынкѣ. Истиннымъ экономическимъ мотивомъ для организаціи какъ капитала, такъ и труда, является стремленіе добиться въ томъ или иномъ пунктѣ сферы промышленности такой экономической силы при торгѣ и сдѣлкахъ, чтобы получать нѣкоторую часть этихъ прибавочныхъ цѣнностей. Капиталъ, путемъ различныхъ процессовъ, ограничиваетъ свободную конкурренцію; тарифы и другія соглашенія касательно цѣнъ и уровня заработной платы, корнеры и другіе временные союзы (coups), синдикаты, т. наз. «амальгамаціи», трёсты—все это является для капиталистовъ средствами получить на данномъ рынкѣ норму прибыли, превышающую необходимый минимумъ, путемъ ли повышенія цѣнъ, пониженія заработной платы или того и другого вмѣстѣ. Поскольку капиталъ успѣваетъ въ своихъ стремленіяхъ, эти повышенныя прибыли находятъ себѣ выраженіе въ рыночныхъ цѣнахъ, превосходящихъ экономически необходимыя денежныя издержки производства.

Организація труда, въ общемъ, надо полагать, руководится аналогичными мотивами. Поскольку трэдъ-юньонизмъ ограничивается охраной рабочаго класса отъ особенно вредныхъ условій, въ видѣ низкой заработной платы, непостоянства работы и другихъ случаевъ риска, происходящихъ отъ скупости и небрежности предпринимателей, и поскольку онъ обезпечиваетъ такимъ образомъ лишь одно существованіе рабочаго класса, мы въ правѣ отличать трэдъюньонизмъ отъ организацій капитала. Но трэдъ-юньоны въ отрасляхъ промышленности съ наиболѣе квалифицированнымъ трудомъ ставятъ себѣ задачей, очевид но, не просто охранительную политику, но и задаются цѣлью укрѣпить свою способность къ торгу путемъ ограниченія конкурренціи на рынкѣ труда, чтобы получить, въ видѣ высшей заработной платы или болѣе значительнаго свободнаго времени, прибавку, соотвѣтствующую по природѣ болѣе высокимъ прибылямъ на капиталъ.

Въ каждомъ процессѣ производства, гдѣ примѣняются капиталъ, трудъ и земля, тотъ или другой изъ этихъ факторовъ

можетъ оказаться въ сравнительно незначительномъ количествѣ, вслѣдствіе ли ухищреній обладателей его или вслѣдствіе такъ называемой случайности. Въ этомъ случаѣ все предлагаемое количество этого фактора будетъ продано по цѣнѣ, заключающей въ себѣ «добавочный» элементъ [1]). Если прямо или косвенно для процесса производства требуется много различныхъ видовъ капитала или труда или земли, то часть указанныхъ добавочныхъ элементовъ будетъ связана съ однимъ, другая часть— съ другимъ изъ этихъ факторовъ. Такимъ образомъ, если мы прослѣдимъ за сырымъ матеріаломъ какого-нибудь товара отъ самыхъ начальныхъ его стадій до окончательной формы, какую онъ принимаетъ на прилавкѣ магазина, то мы найдемъ, что матеріалъ этотъ, на различныхъ стадіяхъ процесса производства, такъ сказать, впитываетъ въ себя не только «издержки» производства, но и элементы прибавочной цѣнности, такъ что окончательная цѣна товара будетъ заключать въ себѣ сумму этихъ издержекъ и этихъ элементовъ прибавочной цѣнности.

Цѣна всякаго обыкновеннаго матеріальнаго блага сложнаго характера будетъ, вѣроятно, содержать въ себѣ частицы этихъ элементовъ, происшедшія изъ цѣнъ производительныхъ благъ и цѣнъ за услуги, оказываемыя землей, трудомъ и капиталомъ, которыя содѣйствовали полученію окончательнаго продукта.

При данномъ состояніи промышленности земля, трудъ и капиталъ, вѣроятно, всѣ получатъ свою долю участія въ этихъ излишкахъ, хотя и въ весьма различныхъ пропорціяхъ. Наши общіе анализы способности къ торгу владѣльцевъ земли и многихъ видовъ капитала показываютъ, что при сдѣлкахъ относительно пользованія этими факторами владѣльцы ихъ занимаютъ обыкновенно болѣе сильную позицію, между тѣмъ какъ при сдѣлкахъ по продажѣ рабочей силы продавцы (исключая особые случаи, когда имъ благопріятствуютъ монополія профессіональнаго искусства или другія экономическія условія) всегда оказываются слабѣе покупателей. Если значительную долю прибавочной цѣнности, переходящую въ руки коммер-

---

[1]) Т.-е. послѣдній продавецъ на рынкѣ для продажи пользованія этимъ факторомъ производства будетъ экономически сильнѣе послѣдняго покупателя и добьется значительнаго элемента «вынужденной прибыли».

ческаго предпринимателя или класса капиталистовъ, разсматривать скорѣе вознагражденіемъ за веденіе дѣла, чѣмъ процентомъ на капиталъ, которымъ они орудуютъ, то эти степени квалифицированнаго труда надо считать обладающими монополіей экономическихъ перспективъ, доставляющей высокія предѣльныя ренты на тотъ трудъ, за который они берутся.

Тотъ фактъ, что среди класса предпринимателей, какъ и среди трудящихся классовъ, находятся отдѣльныя лица, недостаточно зарабатывающія себѣ для пропитанія, между тѣмъ какъ среди пользующихся успѣхомъ лицъ степени этого успѣха безконечно разнообразны, не долженъ закрывать отъ насъ неравенства экономическихъ и образовательныхъ перспективъ, обезпечивающихъ для этихъ и для другихъ формъ квалифицированнаго труда предѣльныя нормы вознагражденія, служащія мѣрой того покровительства, какимъ они пользуются.

§ 17. Итакъ, прибавочная цѣнность возникаетъ не только при сдѣлкахъ капитала съ трудомъ или земли съ трудомъ; она возникаетъ при каждомъ торгѣ, сопровождающемся конкурренціей, и выпадаетъ на долю болѣе сильнаго участника торга; обладатель капитала, земли или дѣловой способности потому лишь получаетъ наибольшую долю прибавочной цѣнности, что въ современной промышленности онъ оказывается болѣе сильной стороной при торгѣ. Трудъ, даже ручной, на извѣстныхъ рынкахъ и въ извѣстное время также получаетъ свою долю въ этой прибавочной цѣнности, получаетъ въ составѣ заработной платы элементы, не существено необходимые для поддержанія рабочей силы. Фактъ, что рабочій получаетъ такъ мало сравнительно съ капиталистомъ, землевладѣльцемъ и предпринимателемъ, не долженъ приводить насъ къ ложной или односторенней теоріи относительнаго происхожденія и природы прибавочной цѣнности.

Абсолютные и относительные размѣры прибавочной цѣнности, попадающей въ руки владѣльцевъ различныхъ факторовъ производства, опредѣляются двумя общими условіями, тѣсно связанными другъ съ другомъ: 1) характеромъ потребленія и 2) ростомъ способовъ производства (indusrial arts) по сравненію съ естественными условіями предложенія. Здѣсь не для чего излагать важнѣйшіе законы, управляющіе этими силами. Достаточно лишь будетъ вкратцѣ резюмировать выводы относительно того

вліянія, какое эти силы оказываютъ на распредѣленіе прибавочной цѣнности.

1) Въ общинѣ, гдѣ быстрый ростъ населенія, или низкій уровень индивидуальной культуры создаютъ большій дѣйствительный спросъ на обычные предметы питанія и другія матеріальныя блага, чѣмъ на блага интеллектуальнаго, художественнаго и вообще болѣе высокаго порядка, владѣльцы источниковъ сырого матеріала, организаторы промышленныхъ предпріятій и перевозочныхъ средствъ найдутъ, что спросъ на ихъ блага всегда значительнѣе чѣмъ на другія блага, потому и относительная масса получаемой ими прибавочной цѣнностьи или «предѣльныхъ рентъ» будетъ значительнѣе, чѣмъ у другихъ. Между тѣмъ въ общинѣ, гдѣ спросъ на большія массы матеріальныхъ благъ подчиняется все возрастающему спросу на болѣе утонченныя блага матеріальнаго или нематеріальнаго характера, спросъ на землю, машины и капиталъ вообще сократится, спросъ на квалифицированный ручной и умственный трудъ возрастетъ, и въ распредѣленіи прибавочной цѣнности обнаружится тенденція сообразоваться съ новыми условіями.

2) Измѣненія въ способахъ производства, очевидно, отзовутся на распредѣленіи прибавочной цѣнности, придавая больше или меньше значенія тому или другому фактору производства. — Примѣненіе машинъ и силы пара, конечно, представляетъ собою наиболѣе знакомый примѣръ замѣны труда капиталомъ при производствѣ даннаго количества различныхъ классовъ благъ. Но, какъ мы видѣли, законъ замѣщенія имѣетъ безчисленные случаи примѣненія; новые матеріалы, новые источники полученія старыхъ матеріаловъ, открытіе новыхъ рынковъ дешеваго труда, обученіе значительныхъ количествъ квалифицированныхъ рабочихъ, новые процессы и способы промышленной организаціи — всѣ эти факты измѣняютъ установившееся равновѣсіе экономической силы при торгѣ среди различныхъ классовъ обладателей капитала и рабочей силы, участвующихъ въ производствѣ того или другого блага, и такимъ образомъ вліяютъ на распредѣленіе прибавочной цѣнности.

§ 18. Вкратцѣ мы такъ можемъ резюмировать наши выводы. Распредѣленіе выражается въ процессѣ установленія рыночныхъ цѣнъ, цѣнъ благъ на различныхъ стадіяхъ производства и цѣнъ

за пользованіе различными формами земли, капитала и труда, годными для производства. Продажей благъ, земли, капитала и рабочей силы на различныхъ рынкахъ руководитъ процессъ торга, который не обнаруживаетъ тенденціи къ равному распредѣленію выгодъ торга между каждой участвующей въ торгѣ парой, какъ самъ онъ опредѣляется отчасти превосходствомъ въ экономическомъ отношеніи или ловкостью маргинальнаго покупателя или продавца. Отчасти это зависитъ отъ дифференціальныхъ оцѣнокъ извѣстнаго числа покупателей и продавцовъ (начиная отъ предѣльныхъ цѣнъ), которыя, въ свою очередь, зависятъ отъ совокупности неодинаковыхъ потребностей и экономическихъ перспективъ у лицъ, участвующихъ въ торгѣ съ той и другой стороны.

Въ значительномъ числѣ такихъ сдѣлокъ одна сторона несомнѣнно оказывается сильнѣйшей, назначая при продажѣ условія, доставляющія ей почти цѣликомъ всю прибыль, выгоду отъ торга, причемъ на долю слабѣйшей стороны остается лишь минимальная часть выгоды. Конкурренція, и безъ того не свободная, всюду встрѣчаетъ задержки и препятствія вслѣдствіе появленія безчисленныхъ формъ монополій и вынужденныхъ прибылей. Теорія, будто разумный личный интересъ производителей побуждаетъ ихъ понижать цѣны до самаго уровня издержекъ производства и что вслѣдствіе этого всѣ выгоды отъ современныхъ усовершествованій въ промышленности какъ бы просачиваются во всѣ слои общества, къ потребителямъ, оказывается совершенно бездоказательной. Въ самомъ дѣлѣ, представленіе о потребителѣ, какъ о послѣднемъ участникѣ (residuary legatee) выгодъ производства, не имѣетъ подъ собой почвы ни въ теоріи, ни на практикѣ.—Въ процессѣ распредѣленія не существуетъ такой четвертой стороны; различные владѣльцы земли, капитала и труда берутъ каждый свою долю соотвѣтственно своей экономической силѣ. Такимъ образомъ, возникаетъ истинная прибавочная цѣнность, обязанная своимъ существованіемъ не какой-то смутной и непонятной идеѣ тираніи, а различнымъ препятствіямъ къ полному уравненію силъ лицъ, участвующихъ въ торгѣ (bargaining-power), именно владѣльцевъ различныхъ факторовъ производства, и происходящимъ отсюда различнымъ формамъ давленія экономической силы.

Признаніе существованія такой силы даетъ ключъ къ объясненію противоположныхъ направленій въ экономической теоріи и политикѣ. Въ самомъ дѣлѣ, неполное равенство въ конкурренціи можетъ быть уравновѣшено и устранено однородностью экономическихъ перспективъ для отдѣльныхъ лицъ. Такова идея приверженцевъ теоріи laissez-faire, хотя на практикѣ имъ въ большинствѣ случаевъ, если не всегда, не удавалось добиться или выговорить одинаковую возможность получить въ обладаніе или въ пользованіе землю и капиталъ. Въ противномъ случаѣ, признавая трудность или даже невозможность установить полное равенство во всѣхъ сферахъ экономической дѣятельности путемъ свободной игры индивидуальныхъ интересовъ, мы миримся съ тѣмъ фактомъ, что это неравенство найдетъ себѣ выраженіе въ «вынужденныхъ прибыляхъ»; затѣмъ постараемся устранить или исправить его при помощи обложенія. Если подобный способъ окажется слишкомъ затруднительнымъ или ненадежнымъ, экономическій прогрессъ потребуетъ замѣны общественной монополіей тѣхъ частныхъ монополій, которыя вызваны къ существованію неравенствомъ экономическихъ положеній и на долю которыхъ приходятся «вынужденныя прибыли» вслѣдствіе неравенства силъ торгующихся сторонъ при заключеніи сдѣлокъ.

Наука соціальнаго прогресса [1]).

ГЛАВА I.

Старая политическая экономія.

Какова система мысли, въ чемъ заключается наука, способная такъ овладѣть всѣми выдающимися фактами соціологіи, чтобы быть въ состояніи найти наилучшія средства, насколько возможно, уменьшить соціальный вредъ или, наоборотъ, насколько возможно, увеличить соціальное удовлетвореніе? Разсмотримъ сначала, какими полномочіями политическая экономія обладаетъ для такой работы. Нѣтъ ничего противоестественнаго въ томъ, что мы сначала обращаемся къ этой наукѣ, потому что большинство изъ выдающихся ея чертъ имѣютъ, повидимому, явно экономическій характеръ. Многія изъ тѣхъ специфическихъ золъ, которыя я затронулъ, являются прямыми историческими продуктами промышленной революціи и непосредственно связаны со слѣдующими четырьмя крупными перемѣнами, каковы:

1. Развитіе машиннаго производства.

2. Свобода торговли (free trade) или распредѣленіе труда между отдѣльными народами, слѣдствіемъ чего явился упадокъ земледѣлія и сельской жизни въ наиболѣе передовыхъ государствахъ.

3. Расширеніе сферъ дѣйствій рынковъ и связанный съ этимъ фактомъ ростъ сложной финансовой системы.

---

[1]) Эта часть книги составляетъ извлеченіе изъ труда того же автора „The social problem“ (Соціальная проблема), вышедшаго въ 1902 г. Первыя двѣ главы этого сочиненія въ русскомъ переводѣ пропущены, такъ что III-я глава подлинника соотвѣтствуетъ I-й русскаго перевода.

4. Раздѣленіе или ослабленіе личной зависимости:
   а) между работодателями или ищущими работу и
   б) между продавцами и покупателями.

Эти перечисленные факторы носятъ явно коммерческій характеръ, и мы естественно обращаемся къ коммерческой наукѣ за разъясненіями касательно результатовъ ихъ дѣйствія.

Какой удовлетворительный діагнозъ ставитъ политическая экономія соціальному вопросу, представленному такимъ образомъ подъ явно экономическимъ обликомъ? Откровенно говоря, никакого. Вслѣдствіе нѣкоторыхъ основательныхъ причинъ, которыя мы скоро поймемъ, политическая экономія оказывается лишенной голоса, когда дѣло касается соціальнаго вопроса. Какъ высоко образованные люди, сокрушающіеся сердцемъ по поводу соціальныхъ неурядицъ, такъ и самоучки-рабочіе, отупѣвшіе отъ продолжительнаго труда, обращались за разъясненіемъ и руководствомъ къ учебникамъ экономической науки и нашли тамъ мракъ; они искали тамъ хлѣба насущнаго, а нашли камни, въ видѣ сухихъ безплодныхъ академическихъ разсужденій. Экономистамъ не нравится подобная критика и они отвѣчаютъ: «То, что вамъ требуется, лежитъ внѣ нашей области. Вы приходите со словами: «дайте намъ совѣтъ: тутъ застой въ торговлѣ,—поставьте правильный діагнозъ и пропишите лѣкарство», или: «здѣсь находится масса лицъ, ищущихъ работы; скажите намъ вѣрный способъ, какъ использовать ихъ трудъ. Здѣсь борьба между трудомъ и капиталомъ; наведите насъ на мысль, какимъ образомъ можно удовлетворительно уладить дѣло». Еще недавно политико-экономы имѣли обыкновеніе умывать свои руки въ знакъ непричастности своей къ этому дѣлу, говоря: «политическая экономія—наука; мы—не практики». Не отрицая, однако, различія между наукой, искусствомъ и практикой, мы все же считаемъ себя въ правѣ отмѣтить тотъ фактъ, что главные построители экономической науки никогда не стояли на этой почвѣ. Наука выросла изъ искусства и никогда не отдѣлялась отъ него. Ученые, подобные Адаму Смиту, Мальтусу, Рикардо, и даже позднѣйшіе, каковы Дж. Ст. Милль и Джевонсъ, пріобрѣли авторитетъ, благодаря тому, что утверждали, что въ состояніи давать указанія касательно результатовъ международной торговли, финансовъ и разныхъ комбинацій въ сферѣ

труда. Мы не рискуемъ зайти слишкомъ далеко, утверждая, что, не будь участія, которое экономисты принимали въ фритредерскомъ движеніи, не было бы особой отрасли знанія, претендующей на званіе науки политической экономіи. Основатели этого ученія никогда не имѣли въ виду науки, которая витала бы въ облакахъ, отказываясь служить настоящей опорой соціальной политики. Нѣтъ, даже между экономистами, пользующимися авторитетомъ въ настоящее время, не всѣ придерживаются этого положенія безусловнаго невмѣшательства; отказываясь обыкновенно высказаться касательно болѣе серьезныхъ результатовъ соціальныхъ реформъ, они путаются въ биметаллизмѣ, скользящихъ скалахъ (sliding scales) и въ реформахъ закона о бѣдныхъ.

Къ политической экономіи не предъявляется требованіе, чтобы она изобрѣтала утопіи или предписывала Мориссоновы пилюли, съ цѣлью излѣчить всякаго рода соціальное зло, но чтобы она хорошо умѣла діагносцировать болѣзни, которыя, повидимому, имѣютъ явно промышленный характеръ, и была въ состояніи взвѣсить достоинство предлагаемыхъ лѣкарствъ. Вмѣсто этого она преспокойно шествуетъ по запутаннымъ путямъ лабиринта историческихъ изслѣдованій и словопреній, не очень стѣсняясь при этомъ терминологіей и методомъ. Пусть бы она все это и дѣлала, но исполняла бы и другія предъявленныя къ ней требованія, по крайней мѣрѣ, при отсутствіи уважительныхъ причинъ.

Почему же политическая экономія не бросаетъ свѣта на мракъ, царящій въ этой области? Коротко сказать, потому, что она не въ состояніи этого сдѣлать. Хотя соціальный вопросъ въ нашемъ представленіи и имѣетъ явно экономическій характеръ, но ни одинъ изъ главныхъ результатовъ его не можетъ быть разрѣшенъ «экономической наукой». Возьмемъ два примѣра — движеніе въ пользу восьмичасового дня и свободную торговлю; можно ли удовлетворительно справиться съ каждымъ изъ этихъ вопросовъ, находясь лишь на почвѣ политической экономіи? Нѣтъ, нельзя. Наиболѣе важные факторы вопроса о восьмичасовомъ днѣ не заключаются въ возможности сконцентрировать трудъ и втянуть въ работу всѣхъ незанятыхъ, а также не во вліяніи его на заработную плату и т. д., но въ возрастающей потреб-

ности при усиленномъ машинномъ производствѣ въ большемъ свободномъ времени для возстановленія физическихъ силъ, для семейной жизни и для развитія высшихъ человѣческихъ способностей, а также для производства разнаго рода индивидуальнаго и соціальнаго удовлетворенія, причемъ все это нельзя измѣрить экономическими мѣрилами. Экономика, правда, считается со свободнымъ временемъ, но занимается имъ лишь постольку, поскольку оно, вліяя на производительность работы, имѣетъ отношеніе къ стоимости продуктовъ; наиболѣе же существенная часть результатовъ этого вопроса, составляющая, такъ сказать, его «соціальную задачу», и именно та часть, гдѣ всѣ виды удовлетворенія предъявляютъ свои собственныя права, лежитъ внѣ сферы политической экономіи.

То же самое и съ свободной торговлей, которая, казалось бы, является вопросомъ чисто экономическимъ. Однимъ изъ главныхъ результатовъ въ нашей фритредерской политикѣ было то, что мы лишили рабочихъ хорошаго воздуха, простора, солнечнаго свѣта и другихъ благъ природы и помѣстили ихъ въ условія, гдѣ бы они могли производить бо́льшее количество промышленныхъ благъ.

Свободная торговля, въ качествѣ экономическаго движенія, разсматривается тамъ исключительно со стороны ея вліянія на продукты, имѣющіе рыночную цѣнность. Въ качествѣ соціальнаго вопроса она требуетъ, чтобы всѣ перемѣны въ жизни людей въ гигіеническомъ, интеллектуальномъ и моральномъ отношеніяхъ, вызванныя городской и фабричной жизнью, были въ полной мѣрѣ приняты въ соображеніе и притомъ не въ отдѣльности, но въ органической связи съ прямыми выгодами возросшаго промышленнаго богатства.

Но для того, чтобы распознать всю сущность соціальной экономики,—что намъ необходимо,—полезно приступить къ болѣе обстоятельному изслѣдованію недостатковъ политической экономіи въ этомъ отношеніи. Если мы обратимся къ выдающемуся англійскому руководству настоящаго времени, съ цѣлью ознакомиться съ этой наукой, мы прочтемъ слѣдующія замѣчательныя слова: «Политическая экономія или экономика есть изслѣдованіе дѣйствія человѣка въ обыкновенныхъ житейскихъ дѣлахъ [1])».

[1]) „Principles of Economies“, vol. I., bk. I., ch. I.

Возможно ли ставить вопросъ въ болѣе широкія рамки и болѣе непринужденно обращаться съ предметомъ? Въ чемъ заключаются, однако, «обычныя житейскія дѣла?» Конечно, въ хорошей жизни. Увы! совсѣмъ нѣтъ. Въ слѣдующей фразѣ проф. Маршалль продолжаетъ: «она учитъ, какъ добываются деньги и какъ они тратятся». Странное, дѣйствительно, предположеніе, что добываніе и трата денегъ составляютъ «обыкновенныя житейскія дѣла». Но эти слова точно отмѣчаютъ предѣлы нынѣшней политической экономіи. Мы теперь же отмѣтили, что сторона «расходыванія» въ ней гораздо слабѣе развита, чѣмъ часть, касающаяся «пріобрѣтеній», такъ что укоръ Рёскина политической экономіи, что она «наука склонности къ стяжанію благъ»— не лишенъ основанія.

Исторія политической экономіи въ Англіи, начиная съ Адама Смита, образуетъ прекрасный комментарій нашего взгляда на соціальный вопросъ. Болѣе раннніе экономическіе этюды были по большей части размышленіями политическихъ философовъ насчетъ собственности или опытами относительно результатовъ конкретныхъ случаевъ во внутренней политикѣ или въ дѣлахъ, касающихся земледѣлія, международной торговли, денежнаго курса и оцѣнки, населенія и т. д. Собравъ изъ этихъ источниковъ разсѣянные факты, принципы и размышленія, этотъ философъ и ученый, обладавшій широкой эрудиціей, со свойственной шотландцамъ способностью пріобрѣтать познанія и распоряжаться ими, построилъ свое обширное и либеральное твореніе подъ заглавіемъ «Богатство народовъ». Въ своей главной основѣ оно явно носило характеръ промышленной науки, но въ то же время оно было одарено духомъ свободы, человѣколюбія и богатствомъ мыслей, въ высокой степени способныхъ получить дальнѣйшее развитіе. «Богатство» здѣсь не было строго ограничено рыночными продуктами или деньгами; познанія, свобода, здоровье, способности, эти высшія человѣческія блага, хотя и не были разсмотрѣны въ равной степени, но все же не были исключены изъ «Богатства народовъ». Весь трудъ былъ воодушевленъ духомъ соціальной справедливости. Другъ труда, ярый защитникъ свободы и равенства положеній, врагъ земельной и капиталистической монополіи, Адамъ Смитъ, какъ онъ понималъ эти понятія, былъ вѣрнымъ піонеромъ развитія политической

экономіи. Къ несчастью, политическія и промышленныя требованія вѣка были сильно враждебны болѣе широкому развитію экономики въ гуманномъ духѣ. Смутныя, но похвальныя попытки людей въ родѣ Пэна и Годвина повести ее на путь болѣе обширныхъ плановъ соціальной реформы не были въ состояніи побороть господства болѣе узкихъ утилитаріевъ, которые вскорѣ овладѣли полемъ политической экономіи. Отъ воздвигнутой Адамомъ Смитомъ широкой платформы менѣе крупные изслѣдователи заимствовали нѣсколько досокъ, чтобъ построить изъ нихъ свою собственную, небольшую, изящную и складную систему. Финансисты, фабриканты, профессора академій, политическіе дѣятели, по большей части ограниченные люди съ узкимъ кругозоромъ схватились за принципы промышленной свободы, при помощи которыхъ Адамъ Смитъ стремился сокрушить старыя формы тиранніи и обезпечить труженикамъ дѣйствительную свободу въ вѣкѣ, когда трудъ еще имѣлъ первенствующее значеніе въ производительности, и стали примѣнять эти принципы, чтобы обезпечить господство возрастающему капитализму. Адамъ Смитъ писалъ въ вѣкѣ, когда машины не имѣли значенія, когда мелкіе производители-капиталисты, усиленно работавшіе своими собственными руками, всецѣло господствовали въ промышленности, при чемъ производительность ихъ труда встрѣчала препятствія во всякаго рода устарѣлыхъ и безсмысленныхъ ограниченіяхъ, которыя предписывали, гдѣ рабочіе должны жить, какимъ ремесломъ они должны были заниматься, гдѣ и какъ они должны бы сбывать свои произведенія, что искусственнымъ образомъ увеличивало цѣну на пищу и сырье, суживая въ то же время рынки для сбыта произведеній промышленности. Поэтому laissez faire было тогда политикой прогресса. Въ рукахъ и устахъ послѣдующаго поколѣнія владѣльцевъ мельницъ, финансистовъ и ихъ интеллигентныхъ сподвижниковъ эта политика стала политикой деспотизма и разврата. Сперва ею пользовались, чтобы удешевить рабочій трудъ, необходимый для приведенія въ дѣйствіе новыхъ фабрикъ, работавшихъ машинами и требовавшихъ большое количество низкопробнаго ручного труда. Рабочіе (независимо отъ пола и возраста) требовались для переработки сырья въ продукты фабрикъ, которые должны были быть выбрасываемы на быстро расширяющіеся рынки, чтобы

дать владѣльцамъ фабрикъ сто на сто. Этимъ путемъ создались богатства Ланкашира.

Для этой цѣли было необходимо:

Во-первыхъ, добыть необходимую пищу для поддержанія на поляхъ новой промышленности многочисленное рабочее населеніе. Мы не впадемъ въ цинизмъ, если будемъ утверждать, что этотъ интересъ фабрикъ оказался при движеніи въ пользу отмѣны хлѣбнаго закона (corn-law) болѣе сильнымъ факторомъ, чѣмъ искренній духъ филантропіи и интеллектуальнаго сочувствія, который работалъ въ томъ же направленіи. Подобная же комбинація мотивовъ была причиной нападковъ на законъ о поселеніяхъ (law of settlement), имѣя въ виду придать труду большую подвижность, — процессъ, который искусственнымъ образомъ былъ замаскированъ сдѣлками съ поборниками закона о бѣдныхъ, имѣвшими цѣлью доставить мельницамъ сѣвера дѣтскій трудъ.

Во-вторыхъ, для этого было необходимо обезпечить себя постояннымъ расширеніемъ заграничныхъ колоніальныхъ рынковъ. Что для Адама Смита казалось явной пользой, стало для фабрикантовъ и коммерсантовъ слѣдующаго поколѣнія непреодолимой необходимостью. Главнымъ мотивомъ національной свободы торговли было стремленіе захватить рынки. Такимъ образомъ неудача свободной торговли расширить въ желаемой мѣрѣ рынки замѣтнымъ образомъ измѣняетъ нашу нынѣшнюю внѣшнюю политику. Англія была предназначена сдѣлаться фабрикой міра, а свободная торговля должна была сдѣлаться соотвѣтствующимъ орудіемъ для исполненія этой ея судьбы.

Въ-третьихъ, было необходимо держать заработную плату на низкомъ уровнѣ. Для этой цѣли были приведены въ дѣйствіе законы противъ рабочихъ союзовъ (anti-combination laws), и отъ политической экономіи потребовали доказательствъ въ пользу безрезультатности попытокъ рабочихъ поднять заработную плату путемъ союзовъ. Отсюда проистекаетъ то упорство, съ которымъ политико-экономы старались подвести трудъ подъ категорію товаровъ, съ полнымъ правомъ подверженныхъ закону предложенія и спроса, опредѣляющему ихъ цѣны. Отсюда же проистекла и теорія «естественной заработной платы», поддерживаемая закономъ о населеніи (law of population) и фондовая теорія заработной платы (wage-fund theory), которою по большей

части пользуются, чтобы доказать, что общій уровень заработной платы не можетъ повыситься.

Двѣ другія доктрины были извлечены изъ «Богатства народовъ», чтобы служить для класса экономистовъ-утилитаріевъ. Одно изъ этихъ ученій касалось бережливости; оно должно было служить двойной цѣли: во-первыхъ, побудить людей къ сбереженіямъ въ такую эпоху, когда спросъ на капиталъ былъ практически неограниченъ, и, во-вторыхъ, поддержать обычное понятіе о классѣ капиталистовъ, господствующее по сей день, именно, что послѣдніе, то воздерживаясь отъ дѣлъ, то помѣщая свои средства въ предпріятія, поддерживаютъ рабочій классъ, доставляя занятія и уплачивая вознагражденіе за трудъ своевременно и впередъ. Другой доктриной было, въ значительной степени справедливое, ученіе о происхожденіи и природѣ ренты. Это ученіе хорошо послужило классу фабрикантовъ въ ихъ борьбѣ противъ аграрныхъ законовъ (land-laws) и противъ старой соціальной аристократіи; оно дожило и до настоящаго времени, какъ единственный революціонный элементъ въ экономикѣ прежнихъ временъ.

Остановимся на внѣшней сторонѣ тогдашней политической экономіи. Положеніе ея тогда дѣйствительно было драматическое. Послѣ продолжительной войны, которая напрягла жизненные рессурсы націи до высшей степени, на Англію внезапно обрушился всей своей силой промышленный переворотъ, медленно созрѣвавшій въ укромномъ уголкѣ народнаго самосознанія. И вотъ страна начала реализовать свои богатства, пользуясь новыми и неисчислимыми дарами природы. Въ новыхъ машинахъ, паровомъ двигателѣ, въ огромныхъ успѣхахъ механики, химіи и другихъ отраслей знаній она пріобрѣла способность производить богатства въ такомъ размѣрѣ, о которомъ не мечтали даже самые корыстолюбивые люди. При этомъ она такъ совершенно монополизировала эти силы, что никто даже не думалъ о возможности соревнованія съ Англіей на этомъ полѣ.

Обширныя идеи «Богатства народовъ» могли поставить въ извѣстныя рамки и утилизировать эти изумительныя соціальныя силы ради общаго блага, примѣняя новыя продуктивныя силы въ видахъ обезпеченія для всѣхъ прочнаго основанія разумной физической жизни и комфорта и пользуясь машинами для со-

кращенія труда. Сохраненныя этимъ путемъ время и энергія могли бы быть употреблены на болѣе полное пользованіе всѣми благами человѣческой жизни.

Подобныя идеи соціальной экономики овладѣли воображеніемъ немногихъ мечтателей и ученые въ родѣ Фурье, Овенъ, Комтъ трудились, чтобы построить на новыхъ промышленныхъ устояхъ реформированное зданіе общества, которое бы облагородило людей. Но, къ сожалѣнію, какъ экономическія, такъ и моральныя, основы этихъ проектовъ имѣли крупные недостатки. Не только пришлось отказаться отъ возможности привести въ настоящее время въ исполненіе подобныя мечтанія, но пришлось отвергнуть, какъ безсмысленное и непримѣнимое, и то интеллектуальное и моральное представленіе, которое лежало въ ихъ основаніи, именно самую идею, что силы человѣка и природы должны быть использованы на благо общества какъ органическаго цѣлаго и что они должны быть изучаемы съ этой цѣли. Величественное и научное въ своихъ основахъ представленіе о «новомъ моральномъ мірѣ» (new moral world) было безпощадно сокрушено господствомъ узкой догматической политической экономіи, потому что распоряженіе этими обширными новыми рессурсами промышленности попало въ руки немногихъ лицъ: владѣльцевъ земли и денегъ и лицъ, обладающихъ извѣстнаго рода организаторской способностью, смѣлостью, смышленностью или хитростью. Новыя открытія послужили національному воспитанію въ духѣ корыстолюбія и матеріализма. Жадность къ быстрому обогащенію сдѣлалась національной маніей. Разумъ сталъ служить всякому могущественному матеріальному разсчету. Людямъ съ выдающимися умственными способностями платили деньги, ихъ убѣждали и соблазняли составить политическую экономію, которая бы дала интеллектуальное и даже нравственное оправданіе господствующей страсти. Такимъ образомъ случилось, что блестящіе практическіе и созерцательные умы взялись за низведеніе «Богатства націй» въ науку маклаковъ.

Я желаю, чтобы меня правильно поняли. Я далекъ отъ мысли предполагать, что такіе ученые, какъ Рикардо, Сеніоръ и Джемсъ Милль, были побуждаемы къ такому образу дѣйствія какой-либо сознательной неблаговидностью мысли. Но невозможно изучать какую бы то ни было отрасль философіи, богословія, исторіи

или соціологіи безъ того, чтобы не открыть, что господствующіе классовые предразсудки, интересы, страсти, выборъ однихъ и отверганіе другихъ постоянно возникающихъ идей, теорій, фразъ и формулъ, всюду кладутъ на эти науки свой отпечатокъ и побуждаютъ мыслителей строить соотвѣтствующія духу времени системы. Люди съ могучей и оригинальной силой ума иногда выдерживаютъ, но обыкновенно постоянное и упорное давленіе классовыхъ предразсудковъ, дѣйствуя при посредствѣ «духа вѣка», почти всегда съ успѣхомъ достигаетъ то, къ чему стремится. Если я и остановился на вліяніи темперамента или матеріальныхъ интересовъ въ качествѣ руководящей силы въ политической экономіи, то я въ данномъ случаѣ не имѣлъ въ виду выступить съ обвиненіемъ противъ самаго характера извѣстнаго класса. Теоретики пролетаріата, подобно Марксу и Генриху Джоржъ (Henry George), сами являются жертвами подобныхъ односторонніхъ взглядовъ. Въ интересахъ класса земледѣльческихъ и фабричныхъ рабочихъ они строятъ свою экономику, отличающуюся въ теоріи едва ли меньшими недостатками, чѣмъ классическая политическая экономія въ Англіи. Въ практическомъ же отношеніи она лишь немного менѣе вредна, потому что болѣе многочисленные классы, интересамъ которыхъ она служитъ, слабѣе въ экономическомъ отношеніи, чѣмъ тѣ, ради интересовъ которыхъ была вызвана къ жизни вторая изъ упомянутыхъ политическихъ экономій.

Если взять эту послѣднюю, какъ она вышла изъ-подъ пера ея наиболѣе выдающагося представителя, мы находимъ, что какъ система она значительно выше ученія «Богатства народовъ». Она стала строго опредѣленной, содержательной лишь съ наружной стороны, но ясно изложенной серіей доктринъ, которыя дѣлались услужливымъ интеллектуальнымъ инструментомъ для фабрикантовъ и финансистовъ, находящихся на пути къ богатству. Хотя эта система, проходя черезъ руки James Mill, M. Culloch, Senior'a и другихъ, и подверглась многимъ небольшимъ измѣненіямъ и получила приращенія, но она не измѣнилась кореннымъ образомъ даже въ оригинальномъ руководствѣ Дж. С. Милля. Эта теорія называется нѣмцами «манчестеризмомъ». Хотя новѣйшіе англійскіе писатели и привели разныя вѣсскія причины для того, чтобы отвергнуть этотъ терминъ, но онъ по

своему существу является подходящимъ названіемъ для науки, предназначенной служить тому взгляду на жизнь, который запечатлѣли на національномъ сознаніи изумительная дѣятельность и благосостояніе промышленныхъ городовъ сѣвера (Англіи).

Вся эта манчестерская политическая экономія глубоко проникнута извѣстными, строго опредѣленными чертами, изучая которыя начинаешь понимать, какимъ образомъ подготовленный для своего занятія экономистъ, благодаря этой самой подготовкѣ, обыкновенно дѣлаетъ себя неспособнымъ для разумѣнія или разрѣшенія соціальнаго вопроса.

1. Область этого ученія ограничивается благами, имѣющими рыночную цѣнность—скопленіемъ матеріальныхъ богатствъ, при чемъ цѣлью промышленной дѣятельности выставляется не пользованіе ими, но ихъ созданіе. Производство и накопленіе благъ составляетъ такимъ образомъ краеугольный камень всего этого зданія. Кое-гдѣ мы встрѣчаемъ у писателей болѣе отдаленнаго времени мимоходную ссылку на пользованіе и наслажденіе, какъ будто бы они составляли крайній предѣлъ всего ученія; но въ самомъ изложеніи имъ никогда не отводится особаго мѣста. Позже Джевонсъ указываетъ, что, хотя прежніе писатели и часто признавали три или четыре отдѣла въ экономикѣ, какъ-то: производство, распредѣленіе, обмѣнъ и потребленіе, но они почти ничего не могли сказать о послѣднемъ. Можно даже сказать, что послѣдніе три процесса считались какъ бы вспомогательными по отношенію къ первому. Разсмотрите построеніе этой науки, и вы повсемѣстно найдете доказательства въ пользу того, что она предназначена служить лишь накопленію рыночныхъ благъ.

Здравый смыслъ и установившійся обычай дѣлового міра ясно отдѣляетъ капиталъ отъ продуктовъ потребленія, соединяя первый въ его матеріальныхъ формахъ въ одну рубрику съ сырьемъ и инструментами, которыми пользуется ремесленникъ и вообще всякій работающій въ видахъ полученія дохода. Экономисты извратили смыслъ этого термина, включивъ въ его понятіе и пищу и другіе необходимые предметы, находящіеся въ пользованіи производителей. При этомъ они ввели всякаго рода казуистическіе вопросы въ родѣ того, что «предназначены-ли» эти спеціальныя блага содѣйствовать производству. Этотъ взглядъ

на капиталъ [1]), заслуживающій полнаго осужденія, и посейчасъ заграждаетъ путь для правильнаго пониманія экономической структуры, которая, какъ оказывается, разсматриваетъ потребленіе лишь какъ средство для дальнѣйшаго производства.

То же самое ученіе требовало, чтобы соблюдалось другое также ничего не значущее различіе между производительнымъ и непроизводительнымъ потребленіемъ. Послѣднее считается въ болѣе выдержанныхъ руководствахъ непростительнымъ грѣхомъ политической экономіи. Въ чемъ однако заключалось это ужасное преступленіе? Означаетъ-ли оно безпорядочную жизнь, вредную для здоровья роскошь или безразсудный развратъ? Совсѣмъ нѣтъ. Это далеко не все, что подразумѣвается подъ этимъ терминомъ. Всѣ удобства жизни и разнаго рода комфортъ, какъ-то: книги, музыка, развлеченія, образованіе, исполненіе всѣхъ интеллектуальныхъ и моральныхъ потребностей,—все это составляло, строго разсуждая, непроизводительное потребленіе, которое, какъ полагали, подкапывается подъ богатства націй. Само разсужденіе ихъ при этомъ въ высшей степени просто. Все отъ начала до конца заключается въ капиталѣ въ формѣ большого числа мельницъ и машинъ, сырого матеріала и инвентаря. Накопленіе возросшихъ количествъ капитала путемъ сбереженія считалось такимъ образомъ точкой, на которую должна быть направлена вся энергія. Капиталъ считался также существеннымъ, потому что онъ поддерживалъ трудъ, давалъ заработокъ и тѣмъ самымъ содѣйствовалъ дальнѣйшему производству и накопленію. Разъ это такъ, на потребленіе естественно слѣдовало смотрѣть съ подозрѣніемъ. A priori къ нему относились враждебно уже за то, что оно способствовало уменьшенію сбереженій. [Болѣе ранніе экономисты еще не успѣли развить нелѣпости позднѣйшихъ, которые считали, что сбереженіе не уменьшаетъ потребленіе.] Потребленіе можетъ оправдать себя, показавъ, что оно служитъ для полезной цѣли, именно, что оно содѣйствуетъ поддержанію въ организмахъ рабочихъ трудоспособности.

«Непроизводительное потребленіе», хотя бы оно и выставляло на видъ, что оно содѣйствуетъ увеселенію, здоровью, интел-

---

[1]) Пр. Маршалль лишь недавно рѣшился покинуть его.

лектуальному и нравственному возвышенію человѣка, было съ презрѣніемъ отвергаемо болѣе выдержанными доктринерами въ ихъ «научномъ взглядѣ»; иногда, впрочемъ, когда они временно освобождались отъ своихъ оковъ, они мимоходомъ принимаютъ болѣе гуманный тонъ. Эта не только односторонняя, но и нелогичная теорія потому пріобрѣла кредитъ и поддержку, что она эксплоатировала извѣстныя справедливыя и здоровыя чувства протеста противъ роскоши, разоблачая нестерпимую ложь воззрѣнія, что роскошная жизнь богатыхъ желательна въ интересахъ рабочихъ,—заблужденіе, которымъ всегда пользовались для защиты расточительности и для предупрежденія изысканій о несправедливомъ происхожденіи богатствъ. Терзаемый упреками, какъ пророкъ себялюбиваго и унизительнаго ученія, экономистъ прежняго времени имѣлъ значительное нравственное удовлетвореніе отъ искупительной его заслуги — содѣйствовать процвѣтанію всѣхъ классовъ.

Придерживаясь этой похвальной точки зрѣнія, наука измѣнила свое строеніе и исказила свою терминологію, чтобы быть въ состояніи служить искусству коммерческаго производства, отбросивъ при этомъ всѣ тѣ либеральныя и гуманныя идеи, которыя она выбрала изъ «нравственной философіи» Адама Смита.

2. Эта узкая мѣра (standard), ограничившая интересъ политико-экономовъ лишь рыночными цѣнностями, принудила ихъ придерживаться болѣе узкаго взгляда на человѣческую жизнь и на человѣческую личность. За это они подверглись незаслуженному попорицанію со стороны нѣкоторыхъ лицъ, которыя, подобно Карлейлю и Рёскину, обвиняютъ ихъ въ предвзятомъ предпочтеніи и поддержкѣ матеріалистическихъ цѣлей и въ себялюбивыхъ средствахъ для ихъ достиженія. Но, если подобныя нападки и несправедливы и легко могутъ быть опровергнуты, нельзя, однако, отрицать того, что серьезное изученіе какого-нибудь спеціальнаго порядка явленій способно исказить правильность взгляда и даже привести къ ложнымъ нравственнымъ оцѣнкамъ. Хотя распредѣленіе похвалъ и порицаній никоимъ образомъ не входило въ обязанность людей науки, всякій можетъ убѣдиться въ томъ, что самодовольный и часто восторженный языкъ, которымъ описывались носящія личный интересъ опе-

раціи промышленности и показывалось благодѣтельное соревнованіе между отдѣльными лицами и цѣлыми націями, заслуживалъ сильное одобреніе и послужилъ могущественной защитой текущей дѣловой практики.

Узкій индивидуалистическій утилитаріанизмъ Джемса Милля и тѣхъ, которые выросли подъ его вліяніемъ, дѣйствительно далъ нравственную поддержку утонченному эгоизму дѣльца. Поэтому, если утверждаютъ, что политическая экономія должна быть свободна отъ цензуры, потому что она открыто объявляетъ, что имѣетъ дѣло лишь съ людьми, *каковы они есть*, а не *какими они должны быть*, то мы должны относиться къ этому оправданію сдержанно. На одобреніе эти писатели не мѣтили, но оно было достигнуто: весь тонъ ихъ ученія показывалъ, что въ самомъ безцеремонномъ выгораживаніи своихъ правъ, какъ отдѣльными лицами, такъ и цѣлыми народами, они видѣли здоровую энергію, которая дѣлала величайшее добро наибольшей массѣ людей.

Однако болѣе соотвѣтствуетъ нашимъ цѣлямъ обратить вниманіе на то, какъ прежніе экономисты смотрѣли на природу человѣка и на его дѣйствія. Понятію о «свободной» конкуренціи, направленной для пріобрѣтенія возможно большаго количества матеріальныхъ богатствъ, служило основаніемъ «экономическое» понятіе о человѣкѣ и о промышленномъ обществѣ. Для цѣлей своего ученія мыслители сгруппировали въ одно цѣлое эгоистическіе мотивы промышленнаго міра. Типъ человѣка, созданный по этимъ экономикамъ («the economic man»), былъ существомъ всегда прямолинейно двигавшимся по пути наибольшей личной выгоды;—если онъ работникъ, то онъ избиралъ ремесло или мѣсто, гдѣ было наивысшее вознагражденіе; не связанный такими узами привязанности, которыя могли бы стѣснить полнѣйшую свободу его дѣйствій на рабочемъ рынкѣ, онъ обладалъ способностью приспособляться къ условіямъ, какъ хамелеонъ. Если онъ былъ капиталистомъ, то онъ, благодаря своему инстинкту, безошибочно пріобрѣталъ наибольшую сумму барыша, нисколько не задумываясь надъ пустыми сомнѣніями насчетъ чрезмѣрной эксплоатаціи другихъ, искаженія фактовъ или какого-нибудь незаконнаго поступка и тому подобными дѣяніями, связанными съ помѣщеніемъ капитала. Въ качествѣ купца, владѣльца ма-

газина или потребителя онъ зналъ лишь одинъ законъ, именно: «купить по возможно болѣе дешевой цѣнѣ и продать по наивысшей». Онъ не упускалъ изъ рукъ никакого заработка, который ему попадался подъ руку, вслѣдствіе ли невѣдѣнія, или небрежности другого лица, причемъ никакое чувство состраданія или щедрости не позволило бы ему притупить остріе его жадности.

Предполагалось, что промышленное общество состоитъ изъ собранія подобныхъ эгоистовъ. Такое общество было бы въ состояніи достичь maximum'а богатства, потому что всякій человѣкъ, заботливо слѣдя за своимъ собственнымъ заработкомъ, былъ бы вынужденъ пользоваться своимъ трудомъ, своимъ капиталомъ или своею землею такимъ образомъ, чтобы содѣйствовать наибольшему накопленію богатствъ.

Нѣкоторыя операціи экономическихъ силъ препятствовали бы однако такому типу экономическихъ дѣятелей сохранить въ свою пользу всю выгоду ихъ себялюбиваго образа дѣйствія (какъ бы они этого желали). Вслѣдствіе неизбѣжной конкуренціи частица этого барыша просочилась бы въ пользу другихъ членовъ общества. Такимъ образомъ, соблюденіе интереса каждаго лица въ отдѣльности послужило бы на пользу всѣхъ. Этотъ законъ гармоніи между «каждымъ» и «всѣми» послужилъ основаніемъ для теоріи и практики *laissez faire*.

Съ логической точки зрѣнія это ученіе «свободы» имѣетъ революціонный характеръ, требуя для всѣхъ доступа къ землѣ и капиталу. Но въ сущности изреченіе «орудія тому, кто можетъ ими пользоваться» является неподходящимъ ученіемъ для владѣльцевъ орудій, которые желаютъ добиться, чтобы другіе люди пользовались ими. Такимъ образомъ, эта положительная «свобода» была лишена своего экономическаго содержанія; подъ нею стали подразумѣвать свободу лицъ, заинтересованныхъ въ доходахъ отъ помѣщеній, причемъ такая «свобода» имѣла весьма мало общаго со свободой рабочихъ классовъ.

Однако и это отрицательное понятіе о свободѣ было благодѣтельно, вызвавъ реформы. Содѣйствуя уничтоженію гильдейскихъ ограниченій, старыхъ правилъ для ремесленныхъ учениковъ и закона объ осѣдлости, она облегчила приспособленіе труда къ новымъ промышленнымъ условіямъ. Преобразованія въ банковомъ дѣлѣ и кредитной системѣ, въ акціонерномъ ка-

питалѣ и въ кооперативныхъ предпріятіяхъ дали капиталу возможность дѣйствовать болѣе свободно и работать болѣе производительно. Различныя реформы въ землевладѣніи, хотя лишь отчасти приведенныя въ исполненіе, уничтоженіе правъ первородства и порядка наслѣдованія, удешевленіе провоза, свобода въ сельскохозяйственномъ использованіи земли и т. д. еще посейчасъ лежатъ на пути *laissez faire*.

Два основныхъ недостатка въ этомъ идеалѣ «промышленной гармоніи» обратятъ въ дальнѣйшемъ изложеніи на себя наше вниманіе: во-1-хъ, та мысль, что свобода въ области промышленности можетъ быть достигнута лишь однимъ уничтоженіемъ законныхъ ограниченій и, во-2-хъ, мысль, что совокупность эгоистическаго образа дѣйствій каждаго въ отдѣльности можетъ послужить на пользу всѣмъ даже въ области производства матеріальныхъ благъ.

3. Третья характерная черта манчестеризма уже выяснилась сама собою. Въ этомъ ученіи принимается часто статическій и механическій взглядъ на общество. Именно, всѣ раздѣляли убѣжденіе, что существуетъ лишь одно построеніе промышленнаго общества, подходящее для всѣхъ народовъ и для всѣхъ временъ. Предполагали, что все было сдѣлано, если удастся создать общество дѣйствительно соревнующее между собою интеллигентныхъ радѣтелей своихъ интересовъ.

Эволюціонная идея еще не была ассимилирована, ни путемъ изученія исторіи, ни естественныхъ наукъ. Даже по сей день стремленіе строить строгіе и абсолютные «идеалы» и попытка навязать ихъ міру явленій въ качествѣ практическихъ реформъ принадлежитъ къ наиболѣе обычнымъ заблужденіямъ.

Истинная сила той политической экономіи, которую я описалъ, заключалась въ томъ фактѣ, что она теоретически завѣдовала финансовой стороной фритредерскаго движенія и что она нанесла сильный ударъ практической свободѣ народа, желая ему обезпечить «дешевый хлѣбъ». Фритредерство имѣло въ виду, что всякая страна будетъ посвящать свои силы производству тѣхъ благъ, для которыхъ она имѣетъ наибольшія естественныя выгоды, и что такимъ образомъ могутъ быть произведены наибольшія количества міровыхъ богатствъ. Для Англіи также имѣлось въ виду, что путемъ удешевленія цѣнъ на съѣстные припасы

работа могла бы обходиться дешево и заработная плата удержана на низкомъ уровнѣ, причемъ предполагалось, что и сырье, потребляемое при обработывающей промышленности, было бы дешево.

Члена созданнаго этимъ ученіемъ экономическаго общества, если онъ былъ фабрикантомъ, трогала именно эта дѣловая сторона дѣла, хотя мы и знаемъ, что Кобденъ и другіе представители этой науки были искренно воодушевлены болѣе широкими и гуманными чувствами, полагая, что фритредерство означаетъ тріумфъ правды и справедливости, и видя золотые сны въ видѣ наступленія вѣка, когда экономическая гармонія соединитъ націи, какъ она слила въ одно отдѣльныхъ лицъ, священными узами соревнующаго общества.

Этимъ дешевымъ хлѣбомъ и этимъ видѣніемъ мира манчестерскіе экономисты и жили до тѣхъ поръ, пока не наступило время, когда хлѣбъ (въ зернѣ и во всякомъ видѣ) сталъ такъ дешевъ, что многіе стали смотрѣть на фритредерство, какъ на убійцу англійскаго земледѣлія, между тѣмъ, какъ видѣніе мира становится съ каждымъ днемъ все тусклѣе и тусклѣе, въ виду той безпощадной дѣйствительности, что «всѣ новѣйшія войны ведутся изъ-за обладанія рынками».

Въ качествѣ итога ученій прежнихъ экономистовъ данное резюме неизбѣжно обладаетъ недостатками. Оно отличается слишкомъ рѣзкимъ и слишкомъ строго механическимъ взглядомъ на ученіе и оказывается нѣсколько несправедливымъ относительно гуманности и добросердечія людей, которые все же въ свое время были искренними соціальными преобразователями. Тѣ пункты, которые нами здѣсь были подчеркнуты, не выдѣляются такъ отчетливо въ трудахъ и рѣчахъ этихъ людей, но для нашихъ цѣлей освѣщеніе ихъ ученія съ такой точки зрѣнія не только правильно, но и необходимо. Насъ именно затрагиваетъ неспособность прежнихъ экономистовъ идти на встрѣчу новѣйшимъ требованіямъ соціальнаго вопроса и поэтому было необходимо обратить особенное вниманіе на «негуманность» этого рода ученія. Членъ экономическаго общества и схема жизни, въ которой онъ вращается, не являются фикціями новѣйшаго критическаго воображенія; они являются вѣрнымъ логическимъ содержаніемъ экономическихъ взглядовъ творцовъ англійской политической экономіи.

ГЛАВА II.

Новая политическая экономія.

Часто предполагаютъ, что время «старой политической экономіи» прошло. Болѣе новые представители этой науки—Дж. С. Милль, Кернсъ, Джевонсь, Маршалль, по мнѣнію большинства, «гуманизировали» это ученіе, сдѣлавъ его уже не наукой простого ремесленника, а разносторонней, просвѣщенной и благородной наукой, которая соединяетъ точность мысли и выраженія съ наиболѣе гуманными чувствами, которая всегда имѣетъ хорошее слово въ пользу образованія, покровительствуетъ тредъюніонизму и кооперації и даже допускаетъ, что духовенство принадлежитъ къ производительнымъ классамъ общества.

Такое либеральное ученіе, вѣроятно, должно быть компетентнымъ въ разрѣшеніи соціальнаго вопроса, но такъ ли это? Я думаю, что болѣе подробный обзоръ работъ новѣйшихъ писателей покажетъ, что въ своихъ наиболѣе существенныхъ чертахъ, старая структура экономики сохранена и посейчасъ и что старыя догмы и посейчасъ господствуютъ. Здѣсь не замѣчается того, что религіозные люди называютъ «перемѣной сердца» (change of heart). Извѣстныя значительныя перемѣны все же замѣтны. Простота стараго зданія уже исчезла; новыя пристройки были сооружены съ цѣлью скрыть прежнюю наготу; его выкрасили и разукрасили, чтобы сдѣлать болѣе привлекательнымъ для новыхъ вкусовъ. Но сфера дѣйствія и методъ политической экономіи еще теперь дѣлаютъ ее вполнѣ неспособной для нашей задачи. Это ученіе не гуманизировано въ самомъ дѣлѣ. Дѣйствительно, не легкая вещь кореннымъ образомъ передѣлать человѣка, но исправить науку еще труднѣе. Полусознавая недостаточность прежняго ученія, наши новѣйшіе представители науки еще не рискнули ступить на путь исправленій постройки, но скорѣе старались замазать ея дырья и трещины.

Нѣкоторыя части они расширили и разработали, именно законы о предложеніи и спросѣ, теорію ренты, другія части они такъ измѣнили и перестроили, что трудно сказать, осталось ли что-либо отъ стараго строя или нѣтъ. Напримѣръ, вы можете спросить новаго экономиста, выдѣлена ли заработная плата изъ капитала, входитъ ли вообще рента въ цѣну, или равносиленъ

ли спросъ на удобства со спросомъ на трудъ. Онъ будетъ вилять и лукавить, прибѣгая къ хитросплетеніямъ, но не дастъ прямого и яснаго отвѣта.

«Манчестерскій» характеръ въ данной наукѣ сохранился еще по сейчасъ въ слѣдующихъ важныхъ пунктахъ.

1. Она осталась и теперь коммерческой наукой, посвящающей свое главное и даже почти исключительное вниманіе матеріальнымъ благамъ, имѣющимъ рыночную цѣнность. Но въ то время, какъ прежніе экономисты обыкновенно ограничивались этими матеріальными благами, новѣйшіе, какъ правило, допускаютъ нѣкоторые нематеріальные ихъ виды, безрезультатно, однако, кружась около нихъ, въ надеждѣ найти для нихъ логическое основаніе. Общая ихъ идея состоитъ въ томъ, чтобы распространить понятіе «благо» на всѣ «рыночныя» цѣнности. Однако, какъ это ни странно, никто изъ представителей науки не дѣлаетъ полнаго шага въ этомъ направленіи. Дж. Ст. Милль охарактеризовалъ благо какъ «нѣчто полезное и пріятное, могущее служить предметомъ обмѣна» и, включивъ сюда человѣческое искусство, продолжалъ исключать изъ этого понятія нематеріальныя услуги, которыя подвержены куплѣ и продажѣ, наприм., музыкальныя исполненія или профессіональное руководство на томъ основаніи, что политическая экономія имѣетъ дѣло лишь съ «постоянными полезностями[1])».

Пр. Маршалль включаетъ нѣкоторые виды нематеріальныхъ благъ въ богатство извѣстнаго лица, «тѣ нематеріальныя блага, которыя ему принадлежатъ, которыя находятся внѣ его организма и прямо служатъ средствами, дающими ему возможность пріобрѣтать матеріальныя блага[2])». Эта послѣдняя условная фраза весьма любопытно иллюстрируетъ переживаніе матеріальной точки зрѣнія. Болѣе того, Маршалль окончательно исключаетъ изъ понятія о благѣ нѣкоторые виды предметовъ, имѣющихъ продажную цѣнность.

Искусство онъ исключаетъ на томъ основаніи, что оно не принадлежитъ къ числу благъ, «находящихся внѣ организма», хотя онъ и допускаетъ, что оно можетъ быть включено въ «болѣе

---

[1]) „Political Economy“ (народн. изд.) предисл., стр. 6.

[2]) „Principles of Political Economy“, кн. II, гл. II.

широкое опредѣленіе богатствъ, которое дѣйствительно должно быть принято для нѣкоторыхъ цѣлей», причемъ онъ однако ни здѣсь, ни гдѣ бы то ни было не указываетъ, для какихъ именно. Маршалль также исключаетъ «услуги и другія блага, имѣющія весьма кратковременное существованіе». Такимъ образомъ, по его мнѣнію, продукты, послужившіе для приготовленія обѣда, являются благами, а стряпня и служеніе за столомъ не являются таковыми, хотя въ цѣнѣ за обѣдъ и включается плата за то и другое нераздѣльно.

Понятіе о «постоянствѣ», какъ условіи экономическаго богатства, оказывается особенно слабымъ переживаніемъ болѣе узкихъ матеріалистическихъ теорій, ведущихъ къ самымъ трудно уловимымъ различіямъ. Ясно, что постоянства экономическихъ цѣнностей не существуетъ на самомъ дѣлѣ, и никакая попытка во что бы то ни стало охарактеризовать это постоянство, попытка, при которой обращается главное вниманіе на продолжительность существованія, не можетъ служить даже самымъ узкимъ цѣлямъ коммерческой науки. Является ли кусокъ сыра или яичница, которые погибаютъ такъ же скоро, какъ они приготовляются? Сиджвикъ не скрываетъ нелогичности такого исключенія личныхъ услугъ. «Было бы до извѣстной степени не логично утверждать, что люди бѣднѣе другихъ, если они лѣчатъ свои болѣзни при помощи указаній врача, а не снадобьями; если они развиваютъ свой умъ, слушая лекціи, а не при помощи чтенія книгъ; если они охраняютъ свое имущество полицейской властью, а не ловушками для воровъ и саморазряжающимися ружьями, или если они развлекаются, слушая пѣніе, а не разсматривая картины [1])».

Но въ силу обычая Сиджвикъ исключаетъ «культурность» изъ числа богатствъ, даже если ее разсматривать какъ продажную цѣнность, которую можно пріобрѣсти отъ учителей. Онъ такимъ образомъ оставляетъ въ сторонѣ всю совокупность интеллектуальныхъ богатствъ. Итакъ, покинувъ узкую точку зрѣнія матеріальныхъ рыночныхъ благъ, экономисты не сумѣли добиться здравой логической точки опоры въ богатствѣ, которое охватывало бы всѣ виды продажныхъ благъ.

---

[1]) „Principles of Economy", кн. II, гл. III, отд. II.

Единственный пунктъ, въ которомъ они всѣ согласны, есть тотъ, что нерыночныя цѣнности подлежатъ окончательному исключенію. Какъ Сиджвикъ исключаетъ «культуру», такъ Маршалль «моральное богатство», замѣчая при этомъ, что «преданность друзей, напр., есть благо, но оно никогда не считается богатствомъ, развѣ благодаря поэтической вольности [1])». Я позволяю себѣ въ качествѣ комментарія къ этому привести слова Матвѣя Арнольда: «Итакъ, поэзія представляетъ изъ себя не что иное, какъ самую совершенную рѣчь человѣка, такую рѣчь, при помощи которой онъ наиболѣе удобнымъ образомъ можетъ сказать истину».

Достаточно сказать, что даже въ новой и болѣе гуманной политической экономіи досугъ, здоровье, дружба, свобода, любовь, знанія, умъ и добродѣтели исключены изъ числа «благъ». Съ ними считаются лишь постольку, поскольку они являются средствами для производства извѣстныхъ видовъ рыночныхъ цѣнностей.

2. Кромѣ чисто эгоистическихъ мотивовъ «члена экономическаго общества» старой экономики, новая система обыкновенно допускаетъ и другіе стимулы. На человѣка смотрятъ исключительно какъ на «жадную машину», приводимую въ дѣйствіе корыстолюбіемъ и лѣнью.

Но какъ же на него смотрятъ? Пусть намъ это скажетъ пр. Кэрнсъ: «Нравственность и религіозныя соображенія должны быть приняты въ соображеніе экономистомъ лишь постольку, поскольку они на самомъ дѣлѣ вліяютъ на поведеніе человѣка въ его стремленіи къ обогащенію». Другими словами, здѣсь требуется «уступка» въ пользу тренія неэкономическихъ силъ при исполненіи экономической задачи. Логикой этого метода «уступокъ» я сейчасъ займусь. Здѣсь достаточно обратить вниманіе на то, что по этому автору нравственность и религіозныя соображенія должны подвергаться разсмотрѣнію не въ виду ихъ собственнаго смысла и значенія, но лишь постольку, поскольку они затрогиваютъ «стремленіе къ обогащенію». Ставятъ ли такіе взгляды экономику на гуманное основаніе?

---

[1]) „Principles“, кн. II, гл. II.

[2]) „Logical method of Political Economy“, стр. 44.

3. Производство или накопленіе рыночныхъ цѣнностей по сейчасъ остается остовомъ «экономики». Это положеніе, вѣроятно, будетъ оспариваться, причемъ будутъ ссылаться на значительное мѣсто, которое отводится въ новѣйшихъ руководствахъ политической экономіи распредѣленію, и на то явное значеніе, которымъ оно въ нихъ пользуется. Но это совершенно безошибочно. Въ новѣйшихъ англійскихъ руководствахъ нельзя найти содержательной и удобопонятной органической теоріи распредѣленія богатствъ. Даже если взять какъ типы труды Маршалля и Никольсона, наиболѣе способныхъ и передовыхъ авторовъ, все же можно бросить любому читателю вызовъ, что онъ не найдетъ въ нихъ объединенной теоріи распредѣленія, которая привела бы во взаимное соотношеніе законы, которые намъ даются для объясненія разныхъ силъ, регулирующихъ заработную плату, ренту, процентъ и вознагражденіе за управленіе. Не встрѣтишь тамъ и общей теоріи, опредѣляющей пропорцію продукта, которая приходится на долю каждаго претендента на него. Нѣтъ тамъ также и какой-либо рѣшительной попытки выяснить вліяніе потребленія на производство и распредѣленіе въ количественномъ ли или качественномъ отношеніи. Намъ иногда говорятъ (напр., Джевонсъ и его послѣдователи), что потребленіе есть краеугольный камень экономическаго мышленія; но кромѣ нѣсколькихъ фразъ въ пользу «простоты жизни» и въ осужденіе роскоши или совершенно общаго разсужденія касательно вліянія достаточной степени комфорта на производительность, тамъ не найдешь попытки опредѣлить рыночную цѣнность вкуса, вліяющаго на органическіе результаты какъ различныхъ сортовъ, такъ и количествъ продуктовъ потребленія.

Теорія производства и по сей день является единственной прочно и основательно разработанной частью политической экономіи. Достиженіе большаго количества рыночныхъ продуктовъ и теперь еще оказывается настоящей точкой отправленія той части этой науки, которая сохранила чисто промышленный характеръ.

Если новѣйшія руководства и оказываютъ нѣкоторое вниманіе человѣческимъ требованіямъ рабочихъ, характеру труда и вліянію промышленныхъ факторовъ на человѣческое счастіе или до-

стоинство, — а это часто имѣетъ мѣсто, — то они занимаются этими предметами лишь мимоходомъ, не вводя ихъ въ самый организмъ науки. Если взять экономическую науку въ томъ видѣ, какъ она слагается въ умѣ нынѣшнихъ англійскихъ ученыхъ, то перемѣны, имѣвшія мѣсто со времени послѣдняго поколѣнія, не сдѣлали ее способной оказать людямъ услугу путемъ рѣшенія соціальнаго вопроса.

Даже какъ коммерческая наука она полна недостатковъ. Состоя изъ извѣстнаго числа самостоятельныхъ небольшихъ теорій, выведенныхъ нѣкоторыя дедуктивно, нѣкоторыя индуктивно,—она даетъ замѣчательно неудачное и нескладное цѣлое. Интеллигентъ или задумавшійся дѣлецъ получаетъ мало удовлетворенія отъ нея, потому что онъ не можетъ въ ней найти органическаго единства, которое онъ ищетъ, и «законы», которые тамъ даются, далеко не представляютъ ему коммерческое общество въ видѣ «стройнаго цѣлаго». Тамъ нѣтъ ни логическаго содержанія, ни дѣйствительности. Даже ея усилія стать болѣе гуманной оказались оскорбительными для человѣчества. Старое ученіе было гораздо болѣе убѣдительно. Оно имѣло стройную систему и отличалось явнымъ смысломъ, который прельщалъ такой острый умъ, какъ умъ De-Quincey.

Манчестерскій остовъ живъ по сейчасъ, но въ искаженномъ видѣ. Мѣрка богатства и цѣнности и по сейчасъ носитъ коммерческій характеръ. И по сей день человѣкъ въ экономикѣ фигурируетъ, вмѣстѣ съ капиталомъ и землей, какъ простой факторъ производства, являясь его средствомъ, а не цѣлью.

Въ виду этихъ фактовъ оказывается полуюмористическимъ и полупатетическимъ стремленіе новой политической экономіи принять болѣе утонченный и культурный обликъ. Она въ этомъ случаѣ уподобляется купцу, послѣ удачнаго веденія дѣлъ удалившемуся на покой: онъ покупаетъ картины, выращиваетъ орхидеи, записывается на охоту и занимается другими утонченными общественными времяпрепровожденіями, чтобы казаться пріятнымъ въ обществѣ. Эта попытка экономики была печальной ошибкой. Политическая экономія не сумѣла убѣдить и привлечь къ себѣ вниманіе ни культурнаго класса, ни преобразователей-практиковъ, потому что она въ дѣйствительности не измѣнила своей природы.

Полуцивилизовавшись подобно жителямъ какого-нибудь отдаленнаго острова, извѣстнаго лишь чужестраннымъ кораблямъ, она налѣпила на себя куски утонченности и гуманности и носитъ ихъ, какъ дикари носятъ „заморскія украшенія“, — что является смертельнымъ оскорбленіемъ истиннаго эстетическаго вкуса. Наука, которая по сейчасъ избираетъ мѣриломъ цѣнности деньги и смотритъ на человѣка какъ на средство къ производству денегъ, оказывается по существу дѣла неспособной стать лицомъ къ лицу съ глубокими сложными человѣческими задачами, которыя составляютъ соціальный вопросъ.

ГЛАВА III.

Требованія науки о богатствѣ — отказаться отъ денегъ въ качествѣ мѣрила богатства.

Для того, чтобы обратить политическую экономію въ ученіе о человѣческомъ богатствѣ, необходимо въ ней сдѣлать два существенныхъ измѣненія. Первое заключается въ томъ, чтобы мы отказались отъ денегъ въ качествѣ мѣрила богатства и замѣнили ихъ соціальной пользой. Это можетъ быть исполнено лишь постепенно, отдѣльными шагами, характеръ каждаго изъ которыхъ требуетъ яснаго пониманія. Сначала мы должны замѣнить объективное коммерческое мѣрило богатства — деньги, субъективнымъ человѣческимъ мѣриломъ усилій и удовлетвореній согласно оцѣнкѣ, производимой имъ настоящими индивидуальными чувствами; далѣе мы должны вывѣрить эту несовершенную оцѣнку путемъ сопоставленія ея съ истиннымъ благомъ или цѣнностью индивидуальной жизни, разсматриваемой какъ одно цѣлое; наконецъ, намъ остается привести въ равновѣсіе благо отдѣльнаго лица съ благомъ общества, принявъ за окончательный критеріумъ соціальную пользу или соціальное удовлетвореніе. При выработкѣ теоріи оцѣнки намъ не придется заниматься послѣдними двумя пунктами въ отдѣльности, если мы примемъ,—что для насъ, конечно, необходимо,—что вся истинная цѣнность индивидуальной жизни опредѣляется и составляетъ часть цѣнности болѣе обширной соціальной жизни; но въ отдѣль-

ныхъ конкретныхъ случаяхъ иногда удобно въ индивидуальномъ благѣ видѣть подходящее мѣрило цѣнности.

Неоднократно дѣлались попытки обратить политическую экономію въ бухгалтерію наслажденій и страданій, сопряженныхъ съ производствомъ и потребленіемъ, но подобныя попытки совершенно не были въ состояніи поколебать господство денегъ въ качествѣ мѣрила экономическихъ цѣнностей.

Роль, которая принадлежитъ деньгамъ въ экономической теоріи, едва-ли менѣе важна, чѣмъ роль, которую онѣ играютъ въ экономической практикѣ. Какъ дѣлецъ прежде всего занятъ «дѣланіемъ денегъ» (making money), такъ экономистъ новѣйшаго времени посвящаетъ все свое время составленію денежныхъ теорій. Почти всѣ самыя тонкія разсужденія новѣйшихъ экономистовъ посвящены этому дѣлу: они расходуютъ свою главную энергію на созданіе, путемъ новой комбинаціи хлопчато-бумажнаго ткача съ профессоромъ академіи, новой Манчестерской теоріи, въ которой биметаллизмъ занималъ бы мѣсто свободной торговли, являясь цѣлебнымъ средствомъ противъ всѣхъ тѣхъ золъ, которыя унаслѣдовала послѣдняя. Всѣ различныя усилія, которыя человѣкъ дѣлаетъ при своемъ дневномъ трудѣ, равно какъ и результаты, къ которымъ они приводятъ, сопоставляются ими съ желтымъ металломъ въ видахъ опредѣленія ихъ цѣнности; побужденія и таланты, которые не могутъ быть выражены въ золотѣ, они игнорируютъ. Подъ словомъ «богатство» отдѣльнаго лица и «благосостояніе» цѣлой націи всегда подразумѣвается извѣстное количество того же металла и имъ же они оцѣниваются.

Въ заключеніе полезно указать, какъ изумительно непригодны деньги для этой цѣли, даже если ихъ примѣнить какъ мѣрило при опредѣленіи коммерческихъ цѣнностей.

Такъ называемыя «оцѣнка» (appreciation) и «обезцѣниваніе» (depreciation) являются въ сущности наименѣе важными недостатками, которые уменьшаютъ научное достоинство денегъ въ качествѣ мѣрила коммерческихъ цѣнностей.

Соединяя подъ именемъ «богатство» лишь такіе предметы, которые измѣряются деньгами, мы тѣмъ самымъ допускаемъ, что конкретная сфера промышленной науки постоянно измѣняется. Дѣйствительно, цѣлые классы полезностей, которые при однихъ обстоятельствахъ считаются въ числѣ богатствъ, при

другихъ исключаются изъ ихъ числа, хотя энергія, которая пошла на ихъ производство, какъ и пользованіе ими, остались тѣми же. Домашніе продукты постоянно переходятъ въ положеніе коммерческихъ продуктовъ. Ткацкое, хлѣбопекарное, пивоваренное и большое число другихъ домашнихъ производствъ прошлаго столѣтія окончательно стали вѣтвями обрабатывающей промышленности. Во всякомъ обществѣ и теперь постоянно происходятъ важныя перемѣны въ этомъ направленіи: продукты, которые раньше выдѣлывались для домашняго потребленія, теперь выдѣлываются для продажи. Постоянный переходъ товаровъ домашняго производства въ число коммерческихъ продуктовъ дѣлаетъ возрастаніе богатства, если оно изображается деньгами, вполнѣ гадательнымъ. Возьмемъ другой случай. Принявши деньги за мѣрило, политическіе экономы практически принуждены игнорировать нѣкоторые изъ наиболѣе важныхъ видовъ общественнаго богатства. Частная дорога можетъ быть оцѣнена по пошлинѣ, которую можно взимать за право пользованія ею, общественная же дорога не можетъ быть подвергнута оцѣнкѣ. Рѣка Темза, одна изъ наиболѣе крупныхъ оброчныхъ статей англійскаго національнаго богатства, въ высшей степени важная для чисто коммерческихъ цѣлей, не можетъ подвергнуться оцѣнкѣ.

Но еще большее заблужденіе происходитъ въ случаѣ такъ называемыхъ «свободныхъ благъ» (free goods). «Вольными» называются такія блага, которыя не находятся въ чьемъ либо владѣніи и доставляются природой безъ усилія со стороны человѣка [1])». Воздухъ, солнечный свѣтъ, живописные виды, поскольку они доступны для людей, отдѣльные клочки земли—еще по сейчасъ находятся въ распоряженіи всѣхъ желающихъ. Развѣ мы не склонны высказывать мнѣніе, что чѣмъ больше какое-нибудь государство имѣетъ этихъ вольныхъ благъ, тѣмъ *caeteris paribus* оно богаче? Но по политической экономіи выходитъ наоборотъ. Именно, когда вольное благо перестаетъ быть таковымъ и служить на пользу и развлеченіе всѣмъ и каждому, ставши частной собственностью, оно сразу начинаетъ считаться богатствомъ и увеличиваетъ собою число національныхъ оброчныхъ статей! Помѣщикъ, который присваиваетъ себѣ клочокъ общественной

---

[1]) Mill. „Principles of Polit. Economy“, кн. 2, гл. 2.

земли, шотландско-американскій милліонеръ, который обноситъ заборомъ цѣлую гору и беретъ съ путешественниковъ деньги за право пользоваться ею, и другіе—всѣ они увеличили богатство общины. Маршалль говоритъ: «Въ своемъ первобытномъ состояніи земля была свободнымъ даромъ природы [1])». И однако всякое заимствованіе изъ этого «вольнаго дара» и всякое притязаніе на исключительное пользованіе землей дѣлаютъ государство болѣе богатымъ, если богатство выражать въ формахъ измѣренія, принятыхъ экономикой.

Такъ какъ владѣлецъ земли является *ipso facto* и юридически владѣльцемъ воздуха и воды, солнечнаго свѣта и живописныхъ видовъ, то эти блага повсемѣстно сдѣлались коммерческими продуктами; чистый воздухъ и солнечный свѣтъ отнимаются отъ массы промышленныхъ работниковъ: изъ «свободныхъ благъ», доступныхъ для всѣхъ, они стали роскошью, совершенно недоступною для кошелька болѣе бѣдныхъ обывателей нашихъ городовъ. И на нашу долю выпадаетъ лишь холодный «экономическій» комфортъ отъ знанія того факта, что цѣнность городскихъ земель (и рентъ) возросла въ той самой мѣрѣ, въ какой уменьшился для городского населенія доступъ къ воздуху и свѣту.

Это же обстоятельство открываетъ коренное заблужденіе. Денежная цѣнность какой-нибудь вещи опредѣляется суммой, которую нужно заплатить, чтобы ее получить. Эта сумма находится въ прямой зависимости отъ того значенія, которое покупатель придаетъ пріобрѣтенію даннаго предмета. Если существуетъ большое изобиліе какого-нибудь блага, скажемъ, хлѣба, то для покупателя является сравнительно безразлично, получитъ ли онъ хлѣбъ какого-нибудь особеннаго качества (потому что онъ легко можетъ замѣнить его другимъ); при такомъ условіи ему не придется платить за него много, и онъ его пріобрѣтетъ за дешевую цѣну. Если, наоборотъ, оказывается недостатокъ въ этомъ предметѣ, для покупателя оказывается важнымъ получить хлѣбъ именно требуемаго качества, потому что запасъ его можетъ истощиться; въ виду этого ему придется заплатить за него дорого.

---

[1]) „Principles“, стр. 107.

Но возможно, что стоимость приготовленія хлѣба и приносимая имъ при потребленіи польза въ первомъ случаѣ будетъ не больше, чѣмъ во второмъ. Гдѣ «рѣдкость» входитъ въ число опредѣлителей цѣнности, тамъ небольшое количество предмета можетъ цѣниться столь же высоко, какъ и большое количество. Разсуждая экономически, съ точки зрѣнія коммерческаго благосостоянія, уничтоженіе цѣлыхъ тоннъ рыбы или плодовъ у Биллингскихъ воротъ или около Covent Garden'a, чтобы не «испортить рыночныхъ цѣнъ», является дѣломъ, не имѣющимъ никакого значенія, хотя бы въ это самое время тысячи людей умирали отъ голода.

Можемъ ли мы поэтому признать деньги истиннымъ мѣриломъ объективнаго коммерческаго богатства? Выражаясь правильно, деньги измѣряютъ не богатства, а нужду. Превратите свободныя блага въ коммерческія, а рыночные продукты, подверженные конкуренціи, поставьте въ условія монополіи; затрудните для имѣющихъ нужду въ какомъ-либо предметѣ его пріобрѣтеніе и вы этимъ путемъ увеличите денежную цѣность каждаго предмета потребленія.

На томъ основаніи оцѣнка индивидуальнаго или національнаго богатства при помощи денегъ не даетъ какихъ-либо указаній на дѣйствительныя количества потребительныхъ благъ, которыя оцѣниваются этимъ путемъ. Если поэтому намъ говорятъ, что богатство Англіи возросло въ теченіе этого столѣтія во столько то разъ или если приводится сравненіе между коммерческимъ благосостояніемъ Англіи и какой-нибудь другой страны, то слѣдуетъ имѣть въ виду, что предполагаемая точность строго-статистическихъ выкладокъ вполнѣ мнимая. Намъ предоставляютъ измѣрять чрезвычайно разнообразныя вещи мѣриломъ, которое по своему существу не можетъ дать указаній, въ какихъ предѣлахъ оно въ состояніи выполнить возложенную на него задачу.

Съ этими недостатками денегъ какъ мѣрила мы сталкиваемся въ самомъ началѣ нашего изслѣдованія. Предположимъ, однако, что у насъ не возникло ни одно изъ этихъ затрудненій и что желтый металлъ является вѣрнымъ указателемъ перемѣнъ, которыя совершаются со всякаго рода торговыми продуктами. Въ этомъ случаѣ мы имѣли бы вѣрное коммерческое мѣрило,

но едва ли мы сколько-нибудь приблизились бы къ тому мѣрилу, въ которомъ мы нуждаемся ради соціальныхъ цѣлей. Статистика денежныхъ цѣнностей не напоминала бы намъ ни одинъ фактъ изъ жизни людей. Въ 1770 г. Артуръ Юнгъ считалъ доходъ Англіи въ 120.000.000 фунт. стер, въ 1901 г. онъ въ круглыхъ числахъ можетъ быть исчисленъ въ 1.600.000.000 ф. с. Если принять въ соображеніе ростъ населенія и измѣненіе цѣнъ, то данное увеличеніе доходности предполагаетъ значительное возрастаніе количества благъ, приходящихся на одну душу. Но скажутъ ли намъ эти цифры, что мы работаемъ и живемъ во столько же разъ лучше, чѣмъ наши предки? Или, если мы ограничимъ наше вниманіе первымъ шагомъ цивилизаціи, скажутъ ли они намъ, что въ среднемъ удовольствія прежде болѣе перевѣшивали лишенія, чѣмъ теперь? Приведенныя цифры не могли бы намъ дать такихъ указаній. Онѣ могутъ навести насъ на мысль, что мы теперь просто дѣлаемъ себя бо́льшими мучениками, чѣмъ прежніе люди; дѣйствительно, мы работаемъ черезъ силу для производства коммерческихъ продуктовъ и притомъ при условіяхъ труда, которыя насъ лишаютъ возможности болѣе пріятно и полезно пользоваться нашимъ возросшимъ состояніемъ, чѣмъ пользовались наши предки своимъ меньшимъ имуществомъ. Я не хочу сказать, что это на дѣлѣ такъ обстоитъ; можно предположить и обратное. Я лишь имѣю въ виду указать на то, что указанныя цифры не въ состояніи дать намъ основаніе, чтобы сдѣлать наше сужденіе въ подобныхъ случаяхъ болѣе правильнымъ.

То же самое окажется и при разсмотрѣніи доходовъ частныхъ лицъ; тотъ фактъ, что доходъ извѣстнаго лица возросъ отъ 1000 ф. ст. до 5000 ф. ст. въ годъ, ничего не говоритъ намъ объ его выигрышѣ, даже съ точки зрѣнія самаго узкаго матеріалистическаго разсчета. Самое усиліе добиться большаго богатства можетъ стать причиной того, что человѣкъ становится неспособнымъ наслаждаться пріобрѣтеннымъ богатствомъ.

Чтобы сдѣлать оцѣнку національнаго дохода въ 1.600.000.000 ф. ст. съ гуманитарной точки зрѣнія, въ самомъ узкомъ значеніи этого слова, мы должны приравнять эту сумму денегъ не къ коммерческимъ благамъ и не къ услугамъ, съ которыми она отождествляется, но къ тягостямъ и удовольствіямъ, съ которыми сопряжено производство и потребленіе первыхъ и исполненіе

вторыхъ. Стоимость разныхъ благъ и услугъ, которыя составляютъ отдѣльныя статьи государственнаго дохода и изъ которыхъ выплачивается доходъ тѣмъ, кто имѣетъ личное состояніе, опредѣляется, согласно политической экономіи, соотношеніемъ между стоимостью ихъ производства и пользой, сопряженной съ ихъ потребленіемъ. Но ни одно изъ этихъ положеній не имѣетъ какого-либо прямого отношенія къ человѣческимъ чувствамъ наслажденія и страданія и тѣмъ болѣе къ какому-либо мѣрилу чисто человѣческой жизни.

Итакъ, первое, что мы желаемъ, это привести въ соотношеніе человѣческія чувства съ указанными факторами.

Сначала займемся стоимостью. «Стоимость» въ дѣлѣ и еще чаще въ политической экономіи означаетъ лишь издержки производства, выраженныя въ деньгахъ; она равносильна тому количеству денегъ, которое рабочіе сумѣли выговорить себѣ за отдачу своего труда, и той суммѣ денегъ, которую требуютъ капиталисты за ссуженіе капитала на пользованіе. Даже тамъ, гдѣ «стоимость» отличается отъ «издержекъ» и примѣняется для прямого измѣренія суммы рабочей силы, потребленной при производствѣ, въ отличіе отъ цѣны, уплачиваемой за продукты, то и въ этомъ случаѣ рабочая сила все же оцѣнивается путемъ сопоставленія ея съ какимъ-нибудь нечеловѣческимъ объективнымъ мѣриломъ, въ видѣ столькихъ-то лошадиныхъ силъ, столькихъ-то футо-тоннъ или рабочихъ часовъ. Это же не даетъ намъ того, что мы ищемъ. Если я знаю, сколько футо-тоннъ или среднихъ рабочихъ дней было употреблено на какое-нибудь издѣліе, на постройку стѣны или на сооруженіе машины, я все-таки не буду знать болѣе, чѣмъ прежде, какому количеству тягостныхъ усилій или траты жизненной энергіи соотвѣтствуетъ сумма труда, вложенная въ данную работу. И здѣсь еще мѣрило не имѣетъ субъективнаго характера.

Чтобы сдѣлать «человѣческимъ» списокъ «расходовъ» и выразить цифровыя данныя, соотвѣтствующія денежнымъ суммамъ, въ знакахъ жизни, намъ необходимы троякаго рода свѣдѣнія, но при томъ объективномъ количественномъ методѣ, который обыкновенно примѣняетъ политическая экономія, мы не можемъ получить ни одного изъ нихъ.

Шаги, которые надо сдѣлать, чтобы выразить «стоимость»

и «полезность» вмѣсто денежныхъ знаковъ, въ знакахъ человѣческой жизни, суть слѣдующіе:

1. Слѣдуетъ ознакомиться съ характеромъ того труда или усилія, которые прилагаются при производствѣ извѣстныхъ «благъ». Нѣкоторые виды труда, напр. пудлингованіе желѣза, по характеру усилія, которое они требуютъ, весьма унизительны для человѣка и способствуютъ его огрубѣнію. Другіе виды труда представляютъ такую опасность для здоровья или такъ вредно вліяютъ на настроеніе, что лишь благодаря невѣдѣнію или нуждѣ рабочіе могутъ за нихъ браться. Такой трудъ не долженъ бы находить себѣ мѣсто на рынкѣ. Разсуждая съ человѣческой точки зрѣнія, такой трудъ никогда не получаетъ достойнаго вознагражденія, т.-е. настоящая его «стоимость» всегда перевѣшиваетъ пользу, которая присуща данному благу. Политико-экономы дѣлаютъ смѣты расходамъ, сопряженнымъ съ производствомъ разнаго рода предметовъ спроса, и такимъ образомъ составляютъ прейсъ-куранты цѣнъ на эти предметы, т.-е. списки цѣнъ, по которымъ разныя количества извѣстнаго рода благъ могутъ быть выброшены на рынокъ. По этому плану они составляютъ скалы рыночныхъ цѣнъ на бѣлила или фосфорныя спички, показывая, сколько стоитъ одинъ центнеръ, два центнера и т. д. этихъ товаровъ. Но даетъ ли этотъ методъ какое-либо свѣдѣніе, которымъ бы можно было воспользоваться для опредѣленія «стоимости» ихъ съ человѣческой точки зрѣнія.

Правда, въ руководствахъ политической экономіи проводится мысль, что непріятный или вредный элементъ въ какомъ-либо занятіи и оплачивается болѣе высокой нормой вознагражденія. Но это предположеніе нисколько не основано на фактахъ.

Даже если бы это и было такъ, все же было бы невозможно путемъ болѣе высокой заработной платы вознаградить рабочаго за омертвѣніе костей при спичечномъ производствѣ или за чахотку, пріобрѣтенную на льняныхъ фабрикахъ Бельфаста. Невозможно составить правильное уравненіе между деньгами и жизнью. Самый старательный статистикъ не въ состояніи составить роспись цѣнъ на продукты предложенія съ человѣческой точки зрѣнія. Дѣйствительно, ни одинъ мужчина и ни одна женщина, которые, благодаря своему экономическому положенію, были бы на самомъ дѣлѣ вольны подписать контрактъ на работу

на бѣлильной или спичечной фабрикѣ или нѣтъ, не стали бы тамъ работать при нынѣ существующихъ условіяхъ. За жизнь этихъ несчастныхъ рабочихъ прямо ничего не уплачивается; она не фигурируетъ въ числѣ расходныхъ статей производства. Вообще не имѣется правильной расцѣнки такого труда, сравнительно съ трудомъ спеціалистовъ въ какой-нибудь отрасли обработывающей промышленности, которые работаютъ при здоровыхъ условіяхъ и притомъ надъ матеріаломъ, обращеніе съ которымъ вызываетъ у нихъ настоящій интересъ, а подобный трудъ по своей природѣ имѣетъ воспитательное и цивилизующее значеніе. Возьмемъ высшую форму труда—трудъ артиста или писателя; усиліе, сопряженное съ твореніемъ, хотя также требуетъ напряженія жизненныхъ силъ, но можетъ само по себѣ быть пріятнымъ и облагораживающимъ упражненіемъ. Между этими двумя крайностями лежитъ главная масса всего труда вообще. Но заработныя платы, которыя получаютъ разнаго рода работники за свой трудъ, почти ничего не говорятъ о стоимости, понимая ее въ человѣческомъ смыслѣ слова.

2. Чтобы знать настоящую стоимость количества волокнистыхъ товаровъ, изображаемаго суммой 1000 ф. ст., мы должны быть освѣдомлены не только касательно количества рабочей силы, которую оно поглотило (при объективномъ измѣреніи), и условій, при которыхъ оно производилось, но мы должны знать и то, какъ оно распредѣлено между рабочими. Если оно распредѣлено между значительнымъ числомъ работоспособныхъ мужчинъ или женщинъ въ теченіе не слишкомъ долгаго рабочаго дня, то стоимость его можетъ быть не велика. Если же оно добыто чрезмѣрными усиліями небольшого числа ослабѣвшихъ рабочихъ, принужденныхъ весьма усиленно работать въ теченіе длиннаго рабочаго дня, удлиненнаго сверхъ-срочными часами, то стоимость его должна быть неизмѣримо большей. Самый интересный трудъ становится тягостнымъ, если онъ продолжается слишкомъ долго; напротивъ, самая тяжелая работа становится сравнительно легкой и здоровой, если она дается въ небольшомъ количествѣ.

3. Способность, сила, искусство и т. д. рабочихъ въ промышленномъ отношеніи должны быть извѣстны. Работа, которая причиняетъ взрослымъ мужчинамъ въ теченіе нормальнаго рабочаго дня даже слабое тягостное усиліе, можетъ заключать въ себѣ

гораздо болѣе значительную субъективную «стоимость», если она производится при подобныхъ же условіяхъ женщинами или дѣтьми. На практикѣ подобныя соображенія внесли бы значительную путанницу въ расцѣнку труда. Раса, полъ и возрастъ суть лишь три наиболѣе важныхъ фактора этой проблемы. Рѣшеніе нѣкоторыхъ изъ наиболѣе важныхъ соціальныхъ вопросовъ зависитъ отъ признанія этихъ факторовъ при опредѣленіи субъективной стоимости, напр., право на правильное распредѣленіе труда между обоими полами и между взрослыми и дѣтьми. Тамъ, гдѣ трудъ, который легко выносится плечами взрослаго работника, вслѣдствіе какого-нибудь соображенія личной наживы, налагается на слабые организмы, недоразвившіеся вслѣдствіе тяжелыхъ условій, и на несозрѣвшія силы полуработниковъ, тамъ соціальная стоимость труда неизмѣримо велика. Но эта стоимость не фигурируетъ въ цѣнѣ хлопчатобумажной одежды. Не только полъ и возрастъ, но и индивидуальныя различія въ силѣ и умѣньѣ, конечно, должны бы обусловить разницу въ субъективной стоимости извѣстнаго предмета или труда, которую опредѣляетъ объективная оцѣнка.

Если фабрикантъ показываетъ вамъ извѣстное количество товаровъ и говоритъ вамъ, сколько стоитъ ихъ производство, онъ вамъ не дастъ указаній, касающихся жизни человѣка; даже если бы онъ вамъ сказалъ, сколько рабочихъ часовъ заключается въ этой оцѣнкѣ, вы все-же ничего не знали бы. У васъ бы не хватало свѣдѣній относительно того, насколько тяжело эта тяжесть дѣйствительно пала на каждаго изъ соучастниковъ труда, сколько въ числѣ ихъ было мужчинъ, женщинъ и дѣтей, какъ длиненъ былъ рабочій день и другія условія даннаго труда.

Стоимость должна быть приведена къ условіямъ жизни. Лишь тогда, когда будетъ признано, что всякая стоимость равносильна тратѣ жизненныхъ силъ и что всякій потребитель самымъ актомъ пріобрѣтенія, прямымъ путемъ вліяетъ на жизнь и смерть извѣстнаго класса производителей, мы пріобрѣтемъ истинно-научный взглядъ на соотношенія, существующія между производителемъ и потребителемъ въ промышленномъ обществѣ. Итакъ, чтобы привести экономическую оцѣнку къ гуманитарной, намъ необходимо знать:

1. Характеръ и условія труда.

2. Распредѣленіе труда и
3. Способности рабочихъ.

Соотвѣтствующій анализъ долженъ быть приложенъ и къ экономической полезности! Если мы знаемъ, что полезности, заключающіяся въ массѣ товаровъ и большомъ количествѣ услугъ и составляющія національный доходъ, оцѣниваются 1.600 милліоновъ фунт. стерл., то наши свѣдѣнія не заключаютъ ничего касающагося личности человѣка.

1. Сначала мы должны привести эти блага и услуги къ извѣстному мѣрилу богатства или «зла» (illth), какъ его понимаетъ Рёскинъ. Въ этихъ 1.600 милліонахъ фунт. стерл. заключаются большія количества поддѣльныхъ пищевыхъ продуктовъ, одежды изъ отбросовъ шерсти, дурныхъ книгъ, вреднаго искусства, и т. д. Все это фигурируетъ въ качествѣ экономическаго богатства, и политическая экономія не трудится пояснить, какъ опредѣлить денежную стоимость этихъ «богатствъ». Пока будутъ существовать лица, которыя невѣжественны или порочны, или грубы, а также такія лица, которыя склонны и способны поддерживать ихъ невѣдѣніе и пороки, и грубость ихъ натуры путемъ денежнаго вознагражденія, подобные предметы будутъ разсматриваться какъ богатства. Рёскинъ съ извѣстной настойчивостью останавливается на этомъ пунктѣ, утверждая рѣзко, но въ то же время точно, что цѣнность человѣка и настоящая стоимость какого-нибудь предмета заключаются въ тѣхъ ихъ качествахъ, которыя ведутъ къ поддержанію и улучшенію жизни людей и измѣряются ими же. Но должно допустить, что Рёскинъ идетъ слишкомъ далеко въ своемъ утвержденіи относительно неизмѣнной и присущей богатству природы. Онъ говоритъ: «цѣнность какой-нибудь вещи независима отъ мнѣнія людей и отъ количества ея. Думайте объ этой вещи, что вамъ угодно, пріобрѣтайте ее, сколько вы въ состояніи; цѣнность этой самой вещи отъ этого не увеличится и не уменьшится. Она разъ навсегда или приноситъ пользу, или нѣтъ; никакая оцѣнка не можетъ поднять и никакое презрѣніе не можетъ уменьшить силу, которую она получила отъ Творца людей и вещей [1])».

Считая такимъ образомъ цѣнность постоянно и неизмѣнно

---

[1]) „Unto this Last“, стр. 118.

связанной съ какимъ-нибудь предметомъ, Рёскинъ впадаетъ въ заблужденіе подобное тому, противъ котораго онъ возстаетъ и которое несовмѣстимо съ общимъ духомъ его ученія. Нельзя дѣйствительно утверждать, что цѣнность вещи, понимая подъ этимъ словомъ ея силу содѣйствовать человѣческому счастью, независима, какъ отъ мнѣнія другихъ, такъ и отъ ея количества. Хотя мнѣніе пьяницы изъ низкаго класса, что сивуха прекрасный напитокъ, и не въ состояніи сдѣлать ее дѣйствительно таковой или дать ей право занять мѣсто, какъ цѣнность этого рода, но, съ другой стороны, вполнѣ очевидно, что цѣнность извѣстной вещи зависитъ отъ того, насколько много пользы потребители могутъ извлечь изъ нея, и въ данномъ случаѣ количество играетъ извѣстную роль. Многіе предметы потребленія, которые поддерживаютъ наклонности, несоотвѣтствующія развитію высококультурнаго общества, вѣроятно, считались бы имъ, вредными, но они могутъ содѣйствовать поднятію и воспитанію общества, значительно менѣе развитаго. Книги и театральныя пьесы низкаго порядка, а также болѣе грубыя формы религіи, которыя были бы способны оскорбить людей, возвысившихся до извѣстнаго уровня культурной жизни, могутъ оказаться настоящимъ средствомъ для просвѣщенія людей, живущихъ менѣе культурной жизнью. Рёскинъ, повидимому, не признавалъ эволюціоннаго характера общества.

2. Полезность подобно стоимости измѣняется соотвѣтственно распредѣленію. Такъ, пища можетъ принести чрезвычайную пользу и, съ другой стороны, эта польза можетъ обратиться во вредъ, смотря потому, предназначается ли она для человѣка, умирающаго отъ голода, или для обжоры. Если разсматривать все потребляемое количество хлѣба съ точки зрѣнія пользы, которую онъ приноситъ людямъ, то оказывается, что первыя его порціи имѣютъ безконечно большую полезность, между тѣмъ какъ послѣднія почти не имѣютъ цѣны, потому что прислуга выбрасываетъ ихъ въ ящикъ для сора. Въ виду этого очевидно, что Рёскинъ неправъ, утверждая, что цѣнность предмета съ человѣческой точки зрѣнія независима отъ его количества.

Обращаясь теперь къ 1.600.000.000 ф. ст. дохода Англіи, мы убѣждаемся, что мы до тѣхъ поръ не будемъ въ состояніи опредѣлить, какое количество человѣческаго благосостоянія они содер-

жать, пока мы не узнаемъ, какимъ образомъ богатства, которыя они изображаютъ, распредѣляются между различными членами общества. Цѣнность всякой порціи этихъ благъ находится въ зависимости отъ природы и интенсивности потребности, которую они должны удовлетворить. Если какая-нибудь ихъ частица идетъ на удовлетвореніе наиболѣе реальныхъ и неотложныхъ нуждъ, тогда она достигаетъ своей наибольшей цѣнности при данномъ положеніи общества. Такимъ образомъ, очевидно, что въ томъ случаѣ если какой-нибудь членъ общины находится безъ необходимаго, а между тѣмъ, благодаря существующему распредѣленію благъ, какой-нибудь другой членъ будетъ въ состояніи доставить себѣ комфортъ, то въ данномъ случаѣ явно производится непроизводительная трата съ соціальной точки зрѣнія. Итакъ, польза отъ извѣстнаго количества коммерческихъ благъ будетъ въ зависимости отъ способа его распредѣленія колебаться въ чрезвычайно широкихъ предѣлахъ.

3. Для того, чтобы выяснить истинную полезность заключающуюся въ извѣстномъ количествѣ благъ, мы должны знать не только то, какъ они распредѣлены, но и то, кто является ихъ потребителями. Ни одинъ изъ болѣе возвышенныхъ и утонченныхъ видовъ благъ новѣйшаго времени не имѣлъ бы какой-либо цѣнности для дикаго народа, даже если бы блага и были правильно распредѣлены. Можно увеличить богатство народа гораздо болѣе дѣйствительнымъ образомъ путемъ воспитанія потребителя, чѣмъ путемъ увеличенія производительности производителя. Всякое правильное воспитаніе способствуетъ увеличенію цѣнности; такъ оно даетъ возможность извлечь изъ даннаго предмета большую существенную пользу.

Эта обыденная истина часто опускается изъ виду въ политическихъ экономіяхъ. Польза отъ болѣе высокихъ формъ богатствъ почти всецѣло зависитъ отъ числа и характера ихъ «потребителей». Возьмемъ, напр., картину, соотвѣтствующую по оцѣнкѣ суммѣ въ 1000 ф. ст. въ національномъ богатствѣ. Если ее пріобрѣтетъ какой-нибудь малокультурный богачъ для своей частной картинной галлереи, она можетъ оказаться не «богатствомъ», а «нѣчто вреднымъ», такъ въ данномъ случаѣ она будетъ служить для потворства нѣкоторыхъ дурныхъ наклонностей, каковы жадность и хвастовство. Если она виситъ въ общественной

галлереѣ людей, озабоченныхъ лишь наживой, не воспитанныхъ получать наслажденіе отъ созерцанія красотъ и, благодаря тривіальной жизни, притупившихъ свои болѣе тонкія чувства, то и въ этомъ случаѣ приносимая ею польза будетъ весьма невелика. Но если такихъ людей воспитать, сдѣлать ихъ болѣе культурными и привить имъ пониманіе красоты, то тогда картина получаетъ цѣнность и заключаетъ въ себѣ полезность, которыя могутъ быть чрезвычайно велики. Въ этомъ случаѣ она имѣетъ воспитальное вліяніе на національный характеръ. Конечно, это составляетъ задачу политической экономіи выяснить, насколько эти конкретные случаи потенціальныхъ богатствъ проявляютъ наклонность перейти въ руки людей, которые ими умѣютъ пользоваться, или во владѣніе такихъ лицъ, которые «наслѣдственно и вѣчно не способны пользоваться богатствами». Поэтому, чтобы знать, сколько дѣйствительной пользы или удовлетвореніе сколькихъ человѣческихъ потребностей заключаются въ конкретныхъ формахъ «полезностей» государственнаго дохода, намъ необходимо знать:

1. Въ чемъ заключаются блага и услуги, изъ которыхъ онъ состоитъ,

2. Кто будетъ ими пользоваться, и

3. Насколько ихъ дѣйствительные потребители способны извлечь изъ нихъ наибольшую пользу.

ГЛАВА IV.

Количественный методъ въ соціальной наукѣ.

Если намъ нужно имѣть науку о стоимости и полезности, объ истинныхъ человѣческихъ усиліяхъ и видахъ удовлетворенія, то будетъ ли эта наука пользоваться математическимъ методомъ? Это является вопросомъ первой практической важности. Главное желаніе большого круга экономистовъ, какъ мы видѣли,—создать точную науку, которая, въ ихъ смыслѣ, заключаетъ ученіе, основанное на количественныхъ измѣреніяхъ.

Математическія начала были всегда сильны въ политической экономіи. Фраза Эдмонда Берке, въ которой онъ провозглашаетъ

«вѣкъ софистовъ, счетчиковъ и экономистовъ», имѣетъ глубокое значеніе. Одно слово «экономія» наводитъ мысль о числахъ и точныхъ исчисленіяхъ.

Теперь это стараніе отнести «экономическія данныя» въ разрядъ данныхъ «прикладной математики» имѣетъ силу, поскольку человѣческая оцѣнка исключена изъ наличныхъ задачъ. Допускалось, что «оцѣнка желаній» возможна въ извѣстныхъ границахъ; всегда предусматривалось, что текущая денежная оцѣнка отдѣльными лицами берется за норму отношенія, не прибѣгая къ болѣе глубокой и вѣрной оцѣнкѣ. На этомъ узкомъ пути мы постоянно балансируемъ, сравнивая желательность одного дѣйствія съ другимъ, взвѣшивая связанныя съ нимъ удовольствія и непріятности и избирая исходъ, который даетъ намъ наибольшую сумму удовольствій.

Будутъ ли про насъ говорить, что мы измѣряемъ непосредственно одинъ видъ или одну сумму удовольствій съ другимъ изъ видовъ или суммой ихъ, или измѣреніе является чѣмъ-то, что мы можемъ назвать «настоящей предпочтительностью» одного изъ двухъ удовольствій, или тонкимъ философскимъ вопросомъ, въ который намъ нѣтъ надобности входить. Трудно понять, какъ возможно привести къ общимъ выраженіямъ два удовольствія или двѣ ихъ оцѣнки, такъ чтобы измѣрить ихъ и рѣшить, которое изъ нихъ больше. Но «экономистъ», конечно, правъ, когда онъ настаиваетъ, что такъ или иначе мы способны рѣшить этотъ вопросъ и что мы поступаемъ такъ при всѣхъ случаяхъ расходованія денегъ на различные предметы.

Нельзя сказать, чтобы жажда знанія была однородна съ физическимъ голодомъ и что, принявъ предпочтительность за мѣрило, можно легко получить коммерческое уравненіе желаній. Мы можемъ утверждать, что эта склонность не просто больше, но выше, чѣмъ та; или еще такъ или иначе эта «предпочтительность», которая, повидимому, опредѣляетъ качественный *характеръ* выбора, можетъ быть приведена къ терминамъ *количественнаго* выбора. Способность сдѣлать сравненіе, выраженное въ деньгахъ, заключаетъ умѣнье представить различные предметы желанія, такъ какъ они содержатъ разныя количества одного и того же свойства, являющагося основаніемъ выбора.

Но существеннымъ пунктомъ нашего наблюденія является

то, что математическое измѣреніе не имѣетъ всеобщаго примѣненія даже въ установленіи предпочтительности, и что оно совершенно не примѣнимо къ вопросамъ, основаннымъ на истинной соціальной полезности. Когда мы переходимъ отъ мѣрила индивидуальнаго удовлетворенія или желательности къ мѣрилу внутренняго соціальнаго достоинства, мы переходили отъ количественной къ качественной оцѣнкѣ.

Первая указываетъ на ограниченіе математическихъ или денежныхъ оцѣнокъ преходящихъ желаній.

Два ложныхъ предположенія лежатъ въ основаніи требованія математическаго пріема.

Первое предположеніе заключается въ томъ, что всякая предпочтительность основывается на количествѣ.

Второе—что очевидное различіе въ качествѣ можетъ быть всегда сведено къ количеству: лучше и хуже, выше и ниже—сводится къ большему или меньшему.

Математическіе экономисты могутъ легко убѣдиться въ ошибкѣ изъ собственныхъ словъ.

Обратимся еще разъ къ проф. Маршаллю, который говоритъ: «Можно возразить, что высшіе мотивы столь различны по качеству отъ низшихъ, что нельзя ихъ сравнивать. Это возраженіе имѣетъ нѣкоторое значеніе; страданіе, которое испытываетъ серьезный и хорошій человѣкъ, умышленно поступивъ не хорошо, *такъ велико,* что оно не можетъ быть компенсировано никакимъ удовольствіемъ; его нельзя взвѣсить или измѣрить. Но и въ этомъ даже случаѣ не качество мѣшаетъ измѣрить страданіе, а его величина, такъ какъ страданіе практически можетъ быть *безгранично* [1])».

Теперь, я недоволенъ въ данномъ случаѣ тѣмъ, что, какъ видно изъ его словъ, напечатанныхъ курсивомъ, проф. Маршалль принимаетъ на вѣру весь вопросъ. Если бы я говорилъ на утилитарномъ языкѣ, я настаивалъ бы на томъ мнѣніи, что умный человѣкъ, раскаиваясь въ дурномъ поступкѣ, отличается не величиной своихъ страданій, но ихъ характеромъ, ихъ внутренней природой; процитированное мѣсто, повидимому, подтверждаетъ нашу мысль. Въ чемъ заключается основаніе предпо-

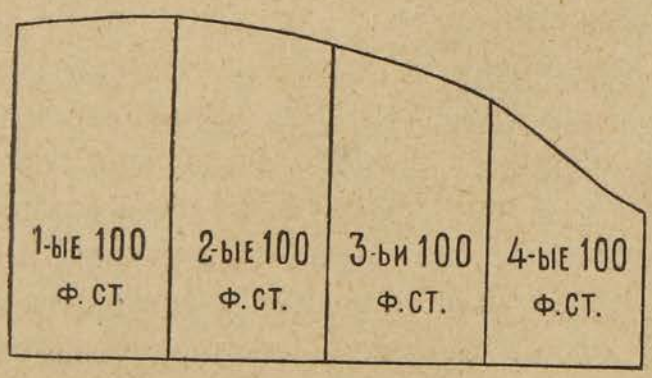
[1]) „Principles“, 2-ое изд., 78, прим.

чтительности? Оно сводится къ тому, что «страданіе практически можетъ быть безгранично». Но математики,—несомнѣнно, законно съ ихъ точки зрѣнія,—имѣютъ обыкновеніе разсматривать «безграничность», какъ если бы она представляла положительное количество, но только не похожее на всякое другое, которое можно назвать. Со строгой логической точки зрѣнія она вовсе не количество, а именно его отрицаніе. Въ самомъ дѣлѣ, если я говорю, что это удовольствіе безконечно больше другого, то я подразумѣваю, что различіе между ними не можетъ получить количественнаго выраженія, или, другими словами, что тутъ различіе качественное.

Подобнымъ же образомъ болѣе просвѣщенные современные богословы, имѣющіе дѣло со словомъ, которое во «времени» соотвѣтствуетъ «безконечности» въ пространствѣ, утверждаютъ, что «вѣчный» въ примѣненіи къ жизни или смерти, награжденію или наказанію означаетъ не продолжительность, а качество счастія или страданія.

Сами экономисты въ дѣйствительности не совсѣмъ хорошо себя чувствуютъ въ своемъ примѣненіи количественнаго метода. Его недостатки, напримѣръ, всегда признавались, когда онъ прилагался къ измѣренію «полезностей», полученныхъ путемъ потребленія продуктовъ.

Самый общій примѣръ, приводимый въ экономическихъ руководствахъ, составляетъ діаграмму, которая должна представлять съ помощью геометрической фигуры всю полезность или удовлетвореніе, приписываемыя потребителемъ различнымъ частямъ его расхода.



Человѣкъ съ годовымъ доходомъ въ 400 ф. стерлинговъ тратитъ первые 100 фун. на предметы первой неоходимости,

вторые—на удобства, третьи—на роскошь, и послѣдніе 100 фун.—на сбереженіе. Экономисту кажется очевиднымъ, что здѣсь мы имѣемъ убывающую скáлу полезностей по мѣрѣ того, какъ мы переходимъ отъ расхода на предметы первой необходимости къ менѣе настоятельному расходу и къ «сбереженію». Желая построить фигуру, иллюстрирующую этотъ фактъ, онъ вынужденъ былъ оставить ее неоконченной, въ такомъ видѣ.

Почему? Потому что онъ вынужденъ былъ допустить, что «полезность» расхода на предметы первой необходимости «безгранична», т.-е. что количество денегъ, идущее на это, не составляетъ показателя возможнаго мѣрила пользы, извлеченной изъ нихъ. Теперь, почему это? Я разсуждаю такъ: когда рѣчь идетъ о предметахъ первой необходимости, «полезность», приписываемая экономистомъ извѣстному предмету, основана на предположеніи, что потребитель «знаетъ, что онъ дѣлаетъ» и что цѣнность, которую онъ приписываетъ первымъ 100 ф. стер. его расходовъ, не опредѣляется простыми преходящими желаніями, а строгимъ отношеніемъ къ истинному и болѣе глубокому мѣрилу полезности, — можетъ быть, не соціальной полезности, въ полномъ смыслѣ слова, а истинной полезности для индивидуальной жизни. Если принятымъ здѣсь мѣриломъ являлось просто текущее желаніе, то совершенно возможно, что, живя подобно дикому звѣрю, безъ предусмотрительности, онъ можетъ не придать истиннаго значенія нѣкоторымъ предметамъ первой *необходимости* и, такимъ образомъ, погибнуть. Въ самомъ дѣлѣ, не всегда оказывается вѣрнымъ, что полезность, дѣйствительно приписываемая человѣкомъ необходимымъ предметамъ, «безгранична». Случай съ китайцемъ, который продаетъ свою жизнь, замѣняя преступника, осужденнаго къ смерти, служитъ этому подтвержденіемъ. Его поступокъ мы сочли бы неблагоразумнымъ, такъ какъ онъ сводитъ цѣнность своей жизни къ опредѣленному количественному выраженію, исчисленному въ деньгахъ и измѣренному извѣстнымъ количествомъ комфорта, которымъ онъ воспользовался въ теченіе своихъ послѣднихъ дней или который онъ передалъ по наслѣдству свой семьѣ. Можетъ, конечно, быть случай, когда мы сказали бы, что человѣкъ можетъ съ полнымъ основаніемъ пожертвовать своей жизнью, спасая жизнь другихъ; но это было бы жертвою, принесенною по обязанности, которая

была разсмотрѣна какъ «безграничная» въ цѣнности, хотя она можетъ быть получена за опредѣленную сумму.

Но допущеніе экономистовъ, что «кривая», измѣряющая «полезность», не можетъ быть правильно закончена такъ, чтобы включать предметы первой необходимости, въ дѣйствительности основано на предположеніи, что здоровый человѣкъ согласуетъ съ полезностью этой части своего расхода «безграничную» цѣнность, т.-е. исключаетъ ее изъ всякаго количественнаго сравненія съ «цѣнностью», которую онъ приписываетъ простымъ удобствамъ или роскоши. Это допущеніе само по себѣ умаляетъ значеніе всего математическаго пріема для опредѣленія «полезности», такъ какъ отношеніе между «необходимой» и «не необходимой» частями расхода составляетъ наиболѣе важную вещь, которую мы должны знать. Если поэтому количественное измѣреніе не можетъ помочь намъ здѣсь, то оно является мало полезнымъ и въ примѣненіи къ законамъ о богатствѣ.

Однако, можетъ казаться, что количественныя сравненія имѣютъ значеніе, во всякомъ случаѣ, для всѣхъ другихъ «полезностей», кромѣ относящихся къ предметамъ первой необходимости. Но такъ ли это? Я полагаю, что это оказывается справедливымъ лишь въ томъ случаѣ, если мы будемъ примѣнять отдѣльную, преходящую и чисто эпикурейскую оцѣнку каждой статьи расхода, разсматриваемой съ той точки зрѣнія, какъ она содѣйствуетъ нашему чувству удовлетворенія, а не какъ она въ дѣйствительности обусловливаетъ то, что приноситъ удовлетвореніе жизни. Различіе это весьма важно. Разсматривая его какъ самостоятельную часть удовольствія или какъ источникъ наличнаго удовлетворенія и «полезности», будетъ ли это удобствомъ, комфортомъ или роскошью, мы видимъ, что оно представляется въ видѣ количества, которое можетъ быть предпочтено или оцѣнено ниже другого количества, взятаго изъ другой области. Такой самостоятельный взглядъ отдѣляетъ каждую «полезность» отъ всѣхъ ея вліяній на нашу будущую жизнь, кромѣ тѣхъ, которыя непосредственно представляются нашему сознанію. Такъ, возьмемъ крайній примѣръ, больное сознаніе пьяницы придаетъ большее количество цѣны рюмкѣ водки, находящейся передъ нимъ, при чемъ оно обращаетъ вниманіе только на тотъ опредѣленный и ограниченный запасъ удовлетворенія, какой пред-

ставляетъ собою рюмка; между тѣмъ какъ, если бы было возможно выяснить всѣ ея послѣдствія, даже имѣющія гигіеническое значеніе, то было бы невозможно дать какое-либо количественное выраженіе тому вреду, который въ ней заключается.

Это то же самое, какъ если бы мы были въ состояніи правильно уравнять удобство съ роскошью, разсчитавъ, какое количество перваго соотвѣтствуетъ какому количеству послѣдней. Въ дѣйствительности мы дѣлаемъ это, производя расходы изъ нашего дохода; насколько точно ограничивается наличными индивидуальными оцѣнками чувствъ наука о пріобрѣтеніи и расходованіи (по д-ру Keynes «то, что есть»), процессъ имѣетъ законную силу. Но какъ только мы стремимся прибѣгнуть къ какому-либо мѣрилу соціальной полезности или къ окончательнымъ требованіямъ нашей природы, законность количественнаго сравненія исчезаетъ. Нужно немного размышленія, чтобы понять, что именно какъ «полезность» предметовъ первой необходимости представляется «безгранично», т.-е. количественно,—выше удобствъ, такъ полезность удобствъ «безконечно» выше полезности предметовъ роскоши. Трудность уразумѣть это происходитъ отъ шаткаго различія между «потребностями», удовлетворяемыми тѣми полезностями, которыя, для извѣстной цѣли, мы относимъ въ группу то предметовъ первой необходимости, то предметовъ удобства, то роскоши и пр.

Будемъ разсматривать жизнь въ ея цѣломъ и просмотримъ ее вкратцѣ въ отношеніи эволюціи потребностей и средствъ удовлетворенія и тогда исчезнетъ подобное рѣзкое отдѣленіе группъ полезностей и индивидуальныхъ статей расхода, которое дѣлаетъ ихъ поддающимися измѣренію, какъ точныя количества.

Самаго бѣглаго очерка должно быть достаточно для этой цѣли. Если взять жизнь отдѣльнаго лица въ обществѣ и взглянуть на эту жизнь, какъ на состоящую изъ опредѣленнаго круга функцій, физическихъ, умственныхъ, нравственныхъ и пр., то можно найти непрерывное развитіе потребностей и средствъ удовлетворенія. Въ общемъ историческомъ ходѣ этого развитія прежде всего возникаетъ потребность въ пищѣ, одеждѣ, кровѣ, рѣшительно необходимыхъ для физическаго существованія.

Затѣмъ слѣдуютъ извѣстныя улучшенія въ количествѣ, характерѣ и разнообразіи этихъ первѣйшихъ средствъ удовлетворенія

физическаго существованія. Прежде всего является добавочная пища, отвѣчающая чувству вкуса, элементъ украшенія въ одеждѣ, удобства и красота жилищъ. Мало-по-малу, воспитываются болѣе возвышенныя и болѣе тонкія чувства, требующія соотвѣтственнаго удовлетворенія; простыя ремесла растутъ, доставляя полезности, которыя не были «необходимы» для первобытнаго человѣка. Возникаютъ эстетическія начала, умственныя и моральныя потребности; происходитъ общее расширеніе жизни, возникаетъ сознательный и непрерывный процессъ развитія новыхъ потребностей, удовлетвореніе которыхъ придаетъ все увеличивающуюся цѣнность жизни.

Теперь, если дѣло идетъ о какой-либо расѣ или отдѣльномъ лицѣ и когда существуетъ необходимая послѣдовательность въ развитіи нуждъ и средствъ удовлетворенія, то какимъ образомъ мы будемъ разсматривать группы «полезностей», которыя удовлетворяютъ этимъ нуждамъ? Мы допускаемъ прежде всего, что удовлетвореніе физическихъ потребностей стоитъ безконечно выше, чѣмъ удобства. Не будемъ ли мы вынуждены допустить, что, разсуждая подобнымъ же образомъ, каждая группа въ ея необходимой послѣдовательности развитія имѣетъ безграничную дѣйствительную пользу въ сравненіи съ дальнѣйшей послѣдовательностью, которая обусловливается въ своемъ развитіи тѣмъ, что ей предшествуетъ?

Извѣстные физическіе предметы первой необходимости составляютъ первыя условія всякой дальнѣйшей жизни. Ихъ истинная полезность, такимъ образомъ разсмотрѣнная, должна оказаться неизмѣримо выше всѣхъ другихъ возможныхъ усложненій жизни; но это тоже оказывается вѣрнымъ и относительно чисто физическихъ средствъ удовлетворенія слѣдующаго разряда, которыя должны возникнуть раньше всякихъ эстетическихъ, умственныхъ или нравственныхъ потребностей. Разъ ясно схвачена истинная концепція историческаго отношенія нуждъ въ индивидуальной жизни, заключающаяся въ томъ, что каждая новая потребность непосредственно вырастаетъ за предѣлы достигнутаго удовлетворенія и образуетъ, въ свою очередь, почву, на которой возникаютъ другія новыя потребности, мы приходимъ къ признанію, что каждая полезность, которая удовлетворяетъ раньше возникшую потребность, представляется *безконечно* болѣе важной, чѣмъ

слѣдующія, разъ онѣ составляютъ необходимое условіе всякой дальнѣйшей жизни.

Частныя и личныя заблужденія не могутъ, конечно, повліять на силу этого разсужденія. Человѣка, который приметъ за правило: «дайте мнѣ предметы роскоши, я обойдусь безъ предметовъ первой необходимости» — человѣка, который слѣдуетъ даже въ общихъ чертахъ такой схемѣ жизни, мы осуждаемъ, такъ какъ онъ, по своей природѣ или развращенности, усвоилъ себѣ ложный взглядъ на общую полезность индивидуальной и соціальной жизни.

ГЛАВА V.

Проблема населенія.

Одной изъ главныхъ преградъ соціальнаго прогресса является въ нашъ вѣкъ нежеланіе, такъ называемыхъ, образованныхъ классовъ добровольно мириться съ обычными физіологическими результатами всякаго соціальнаго вопроса. Едва можно повѣрить тому факту, что огромному большинству дѣтей въ человѣческихъ обществахъ новѣйшаго времени предоставляется расти до зрѣлаго возраста безъ того, чтобы они пріобрѣли какія-либо ясныя и цѣльныя представленія объ ихъ организмахъ. Взрослые люди, когда они серьезно обсуждаютъ человѣческіе поступки съ этической стороны, обыкновенно не знаютъ и не желаютъ уяснить себѣ разные вопросы, касающіеся половъ и производства поколѣнія, или же они лишь поверхностно касаются этихъ вопросовъ, обнаруживая лишь ложный стыдъ и недальновидность. Послѣдствіемъ такого образа дѣйствія—замалчиванія—являются ложная и излишняя стыдливость, которая оказывается одинаково вредной какъ для здраваго смысла, такъ и для поведенія людей. Болѣе того, многіе, которые не страдаютъ подобными недостатками, изъ боязни заслужить упрекъ, являются распространителями правильныхъ представленій о полѣ и о вопросахъ, касающихся населенія. Это они въ состояніи сдѣлать лучше, чѣмъ кто-либо, въ виду излишняго преувеличенія, которое было допущено Мальтусомъ и многими изъ его учениковъ относительно количественной стороны проблемы, какъ противо-

положной качественной. Соціальные идеалисты отъ Платона до Пелажи встали лицомъ къ лицу съ фактомъ, что человѣческое общество, въ которомъ пища и другіе предметы первой необходимости свободно были находимы для всѣхъ, стало бы увеличиваться такъ быстро въ численности, что сдѣлалось бы неспособнымъ прокормить себя. Такая опасность, однако, никогда не казалась реальной въ Англіи въ теченіе первыхъ десятилѣтій XIX вѣка. До этого столѣтія населеніе британскихъ острововъ возрастало лишь медленно и, за исключеніемъ Ирландіи, не обнаруживало никакихъ признаковъ перенаселенія. Быстрый ростъ населенія между 1770 и 1830 гг., широко разлившаяся бѣдность и нищета среди рабочихъ классовъ придала новое и чрезвычайно трагическое значеніе «закону» Мальтуса, по которому населеніе стремится увеличиться въ числѣ быстрѣе, чѣмъ средства къ его пропитанію.

Грубое толкованіе и ложное примѣненіе этого «закона» сдѣлали его враждебнымъ нѣкоторымъ изъ наиболѣе популярныхъ реформаторскихъ движеній и въ частности соціалистической практикѣ. Въ связи съ ученіемъ Рикардо объ естественной заработной платѣ этотъ «законъ», казалось, представлялъ окончательныя границы всѣмъ серьезнымъ попыткамъ рабочихъ улучшить свое положеніе путемъ кооперації. Если результатомъ различныхъ торговой или даже политической комбинацій явилось бы повышеніе заработной платы и это сопровождалось бы увеличеніемъ коэффиціента рождаемости, то полученное этимъ путемъ возросшее предложеніе труда по необходимости явилось бы причиной пониженія цѣнъ на трудъ до «естественнаго» уровня простого существованія. Но если соединенныя дѣйствія людей, такимъ образомъ, оказались безрезультатными, то къ членамъ общества было сдѣлано воззваніе относительно ихъ личнаго поведенія. «Посмотрите вокругъ себя и вы увидите, что лица, которыя должны содержать небольшія семьи, находятся въ лучшемъ положеніи, чѣмъ имѣющія большія: поэтому бѣдность является результатомъ слишкомъ раннихъ и необдуманныхъ браковъ. Пусть рабочіе воздержутся отъ этого неблагоразумія: всякій человѣкъ имѣетъ въ своихъ рукахъ средства противъ своихъ неудачъ. Пусть дальновидность каждаго человѣка понизитъ норму рожденій среди рабочихъ, предложеніе

труда понизится, а заработная плата возрастетъ; отсюда произойдетъ двойная экономическая выгода для рабочихъ».

Теперь вся правда этого экономическаго аргумента ограничивается слѣдующими соображеніями: въ каждое данное время необходимая заработная плата для извѣстнаго класса людей должна быть достаточна для содержанія средней семьи при соотвѣтствующихъ условіяхъ комфорта, причемъ за меньшую плату чѣмъ данная, рабочій не согласился бы работать. Воздержаніе въ бракѣ, практикуемое нѣкоторыми семьями изъ такого рабочаго класса, даетъ имъ возможность жить съ большимъ комфортомъ, чѣмъ они это сдѣлали бы при другихъ условіяхъ, такъ какъ заработная плата опредѣляется нормальнымъ составомъ семьи этого класса. Такая политика самовоздержанія, если бы она, въ общемъ, была примѣняема однимъ классомъ или одной группой рабочихъ, дала бы имъ возможность поднять цѣну на свой трудъ, можетъ быть, на счетъ своихъ хозяевъ, можетъ быть, на счетъ другихъ группъ рабочихъ, путемъ установленія болѣе или менѣе замкнутаго союза на какомъ-нибудь отдѣльномъ рынкѣ труда. Такимъ же образомъ можно доказать, что рабочій классъ, какъ цѣлое, придерживаясь этой политики самовоздержанія, можетъ вызвать общее поднятіе заработной платы, получивъ этотъ излишекъ путемъ пониженія рентъ, прибылей и другихъ нетрудовыхъ источниковъ дохода у другихъ классовъ. Тѣ, которые допускаютъ существованіе «незаслуженныхъ» или иначе доходовъ, полученныхъ путемъ эксплоатаціи, въ рукахъ болѣе зажиточныхъ классовъ, должны допустить, что путемъ простого дѣйствія закона «спроса и предложенія» всеобщее распространеніе такого благоразумнаго поведенія дало бы больше силъ рабочимъ при сдѣлкахъ, касающихся продажи ихъ рабочей силы. Здѣсь, какъ и во всякихъ другихъ экономическихъ выводахъ, конечно, слѣдуетъ взглянуть на это съ интернаціональной точки зрѣнія. Примѣняя такую политику, рабочіе одной какой-либо страны могли бы удержать въ свою пользу лишь незначительную часть ожидаемой выгоды, если бы они путемъ строгой системы протекціонизма не устранили въ то же время изъ своей страны иностранные товары и заграничную иммиграцію.

Однако, касаясь экономической политики относительно рабочаго класса, нео-мальтузіанская теорія заслуживаетъ одобренія

въ томъ отношеніи, что она стремится поставить рабочихъ въ такое положеніе, что они получаютъ возможность получить болѣе высокую плату за свой трудъ. Безразсчетное увеличеніе населенія содѣйствуетъ объединенію, а регулированное—обогащенію рабочихъ классовъ,—это слѣдуетъ допустить à priori. Но нѣкоторыя изъ тѣхъ лицъ, которыя могли бы согласиться съ правильностью этого разсужденія, смотрятъ на нео-мальтузіанскую теорію, какъ на нѣчто лишнее и даже вредное. Этотъ доводъ находится въ несогласіи съ закономъ о населеніи, или, выражаясь болѣе ясно, съ закономъ увеличенія доходовъ, согласно которому стоимость производства новыхъ количествъ пищи и другихъ предметовъ первой необходимости увеличивается, какъ только будетъ достигнутъ извѣстный уровень обработки земли.

Обычное утвержденіе, что каждая новая пара рукъ содѣйствуетъ возрастанію производительной силы, иллюстраціей чему можетъ служить фактъ, что матеріальное богатство Великобританіи и нѣкоторыхъ другихъ странъ увеличивалось быстрѣе, чѣмъ ихъ населеніе, является простой увертkой. Обыкновенно допускается, что во многихъ отрасляхъ промышленности и торговли всякое увеличеніе рабочаго населенія можетъ произвести больше, чѣмъ соотвѣтствуетъ общему возрастанію богатства. Страны, которыя получаютъ свои пищевые продукты изъ-за границы путемъ обмѣна на продукты своей промышленности или на услуги, могутъ избѣжать или отстрочить дѣйствіе закона объ уменьшеніи дохода. Народы, которые обходятъ законъ населенія, по общему мнѣнію, поступаютъ такимъ образомъ, содѣйствуя скорѣйшему наступленію его въ другихъ странахъ. Голодовки Индіи и Россіи должны быть объяснимы этимъ путемъ.

Чтобы испытать настоящіе результаты, мы должны взять для примѣра изолированную страну съ растущимъ населеніемъ. Допустимъ, что Англія была бы принуждена прокормить себя въ теченіе послѣдней половины 19 столѣтія, могла бы она поддержать численность того населенія, которую она имѣетъ теперь, и какимъ образомъ? Тѣ, кто смотритъ на количественную сторону населенія, какъ на неимѣющую значенія, должны были бы сознаться, что, въ случаѣ необходимости, Англія могла бы поддержать свое населеніе на настоящей высотѣ, поскольку это

касается пищи и другихъ чисто физическихъ предметовъ первой необходимости. Серьезные опыты, въ видѣ интенсивной и научно веденной культуры, произведенные въ Англіи и другихъ мѣстахъ, показываютъ, что площадь земли, сама по себѣ, не играетъ важной роли въ ограниченіи численности населенія, которую ей часто приписываютъ. Въ своемъ серьезномъ и увлекательномъ трудѣ, озаглавленомъ «Field, Factory and Workshop» Петръ Крапоткинъ показываетъ, что человѣческое искусство, знаніе и трудолюбіе могутъ увеличить почти до безконечности количество растительныхъ пищевыхъ веществъ, которыя можно получить съ извѣстной площади земли.

Земледѣліе въ томъ видѣ, какъ оно практикуется въ обширныхъ округахъ Голландіи, Китая и другихъ мѣстъ, показываетъ, что на площади Англіи можетъ найти пропитаніе неизмѣримо большее число жителей, чѣмъ которое на ней проживаетъ въ настоящее время. Основываясь на убѣдительности такихъ фактовъ иногда утверждаютъ, что законъ уменьшенія доходовъ опровергнутъ и что въ концѣ-концовъ каждый данный участокъ земли въ состояніи прокормить такое число людей, какое въ состояніи на немъ помѣститься — это единственный предѣлъ увеличенія населенія. Но мнѣ кажется, что слѣдствія, которыя можно вывести изъ интенсивной культуры земель, не гарантируютъ справедливости такого заключенія.

Для того, чтобы уничтожить законъ объ уменьшеніи доходовъ, необходимо показать не только то, что съ извѣстной площади земли можно дѣйствительно получить безгранично большое количество пищевыхъ продуктовъ, но и то, что каждое увеличеніе ихъ потребуетъ не болѣе чѣмъ пропорціональное увеличеніе капитала и труда. Вотъ этого-то и не видно изъ приведенныхъ въ опроверженіе упомянутаго закона доказательствъ. Если мы, напримѣръ, обратимся къ наилучше воздѣланнымъ землямъ Китая, то въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ народомъ, который, по свидѣтельству европейцевъ, имѣетъ сильную любовь къ труду и посвящаетъ себя самой тщательной обработкѣ земли съ такимъ постоянствомъ и съ такой выдержкой, какую едва ли можно встрѣтить у какого-либо другого народа. Они воздѣлываютъ свои поля какъ сады: они удобряютъ каждое растеніе, а не почву, и получаютъ

этимъ путемъ замѣчательные результаты, но при огромной затратѣ труда. Но и при этихъ условіяхъ населеніе растетъ слишкомъ быстро, чтобы всѣ могли найти пропитаніе съ земли, и даже въ наилучше обработанныхъ частяхъ Китая замѣчается постоянно теченіе молодого поколѣнія въ города. Примѣръ, на которомъ Кропоткинъ основываетъ свои доводы, обыкновенно искажается въ видахъ опроверженія закона уменьшенія доходовъ по другому соображенію. Если наибольшая группа сельскихъ хозяевъ, обладающихъ большими познаніями, большимъ искусствомъ, чѣмъ ихъ конкуренты, окажется въ состояніи привезти на рынокъ плоды болѣе ранніе или лучшаго качества, то цѣна, которую они выручатъ, можетъ сдѣлать ихъ занятіе прибыльнымъ. Но если бы эти познанія и это искусство сдѣлались общимъ достояніемъ многочисленнаго земледѣльческаго класса, то нельзя было бы получать столь высокія цѣны и тогда бы выяснилось, что столь интенсивная и имѣющая научныя основанія культура, хотя и является не менѣе продуктивной, что и раньше, въ дѣйствительныхъ своихъ результатахъ, но что она не достаточно вознаграждаетъ, чтобы вызвать необходимую заботливость и усилія со стороны народа, который не чрезмѣрно преданъ труду. Что касается какого-либо спеціальнаго искусства какого-либо класса, каковы, напримѣръ, парижскіе maraîchers, то можетъ имѣть силу и относительно какой-нибудь крупной національной промышленности. Напримѣръ, Данія, которая стала во главѣ научно поставленнаго молочнаго хозяйства, создала цвѣтущую и весьма доходную промышленность, доходность съ которой, въ значительной степени, обязана отсталости молочнаго хозяйства въ Англіи, являющейся главной потребительницей этихъ продуктовъ. Если бы Англія серьезно занялась молочнымъ хозяйствомъ на научныхъ основаніяхъ, то весьма вѣроятно, что датскія молочныя фермы были бы принуждены продавать свое масло настолько дешевле, что болѣе дорогіе процессы не вознаграждали бы за потраченный трудъ, по крайней мѣрѣ, сравнительно съ тѣми дистриктами, которые менѣе плодородны и въ фермахъ которыхъ имѣлся бы спросъ на рабочія руки, который составляетъ конкуренцію молочному хозяйству. Доказательства, приводимыя въ пользу увеличенія труда, требуемаго для полученія результатовъ болѣе интенсивной куль-

туры, обыкновенно являются невѣрными. Часто приводились примѣры тому, что съ извѣстнаго клочка земли можно извлечь какой-либо продуктъ въ чрезвычайно увеличенномъ количествѣ, но не столь часто доказывалось, что представлялась бы выгодной обработка земли такимъ образомъ.

Даже въ томъ случаѣ, гдѣ подобное доказательство дается, мы не легко можемъ согласиться съ тѣмъ, что законъ уменьшенія доходовъ потерялъ свою силу. Экономисты пришли къ тому заключенію, что законъ увеличенія доходовъ дѣйствуетъ въ земледѣліи лишь до извѣстнаго предѣла, т.-е. что приложеніе къ какому-либо участку земли большаго количества труда можетъ до извѣстной степени сопровождаться увеличеніемъ производительности земли болѣе чѣмъ въ соотвѣтствующей пропорціи. Поэтому слѣдуетъ допустить, что улучшеніе въ земледѣліи, основанномъ на научныхъ началахъ, можетъ повысить границу, въ предѣлахъ которой этотъ законъ примѣнимъ, и что новые методы сельскаго хозяйства не безъ основанія оправдываютъ болѣе выгодныя примѣненія значительно большаго количества труда, чѣмъ это было возможно при болѣе грубыхъ земледѣльческихъ системахъ. Болѣе того, наука даетъ человѣку возможность смягчить въ значительной степени безплодность природы, позволяя ему противодѣйствовать въ отношеніи нѣкоторыхъ площадей земли и въ теченіе извѣстнаго времени закону Мальтуса, что человѣчество стремится увеличиться въ числѣ сильнѣе, чѣмъ пищевыя вещества, служащія для его пропитанія. И въ дѣйствительности, какъ часто указывалось, такое пониманіе «тенденціи» ложно, такъ какъ болѣе низкія формы растительной и животной жизни стремятся путемъ естественнаго размноженія увеличиться гораздо быстрѣе, чѣмъ самъ человѣкъ. И не только это существуетъ такъ, но оно должно быть такъ, если можно приписывать какую-либо необходимость естественнымъ законамъ. Болѣе низкія формы жизни, каждый представитель которой подверженъ болѣе острой конкуренціи и большему риску, менѣе оказывается способнымъ защитить себя отъ враждебной ему обстановки для поддержанія своего рода. Такъ, по мѣрѣ того какъ мы восходимъ къ болѣе высокимъ и болѣе сложнымъ видамъ, мы встрѣчаемся съ уменьшающейся естественной плодовитостью. Это, конечно, вовсе

не значитъ, что болѣе низкія формы, которыя могутъ доставить пищу человѣку, переживутъ и достигнутъ зрѣлости въ большемъ числѣ, если будутъ вполнѣ предоставлены борьбѣ за существованіе. Но сознательное смягченіе тяжести борьбы приноситъ больше удобствъ человѣческому роду, какъ путемъ увеличенія роста извѣстныхъ видовъ, такъ и значительнаго увеличенія его пищевого запаса. Извѣстное изобрѣтеніе пріема, сѣвооборота, ухаживаніе за растеніями, или выращиваніе породъ животныхъ—все это не можетъ дать производительность, подобную той, которая является результатомъ важныхъ механическихъ изобрѣтеній, сильно повышающихъ пищевые запасы безъ замѣтнаго увеличенія человѣческаго труда. То же самое оказывается справедливымъ и относительно открытій въ области источниковъ пищи, находившихся до сихъ поръ въ пренебреженіи, наиболѣе важными изъ которыхъ могутъ оказаться практически еще не изслѣдованные пищевые запасы морей. Въ этомъ и въ другихъ направленіяхъ человѣческій умъ можетъ примѣненіемъ искусства въ огромномъ размѣрѣ увеличить годные для потребленія пищевые продукты безъ соотвѣтствующаго увеличенія затраты труда.

Но хотя человѣческое искусство и энергія въ прошломъ шли крупными шагами по пути прогресса въ увеличеніи пищевыхъ запасовъ и хотя человѣческій умъ сумѣлъ поддержать на извѣстной площади земли большее населеніе, чѣмъ прежде, но все же усовершенствованія въ областяхъ промышленности, которыя заняты производствомъ пищевыхъ продуктовъ, были сравнительно менѣе значительны, чѣмъ въ другихъ ея областяхъ, и обѣщаютъ уменьшиться въ будущемъ.

Слѣдовало бы прямо признать, что хотя всѣ эти успѣхи человѣческой науки отсрочиваютъ и смягчаютъ давленіе закона уменьшенія доходовъ, но не уничтожаютъ его, потому что этотъ, такъ называемый, законъ на самомъ дѣлѣ оказывается не чѣмъ инымъ, какъ прямымъ и необходимымъ слѣдствіемъ факта, который необходимо допустить, что количество наилучшаго и наиболѣе пригоднаго для выдѣлки извѣстныхъ продуктовъ сырья оказывается почти всегда ограниченнымъ. При помощи большого искусства въ использованіи сырья или путемъ передачи его, по извлеченіи изъ него необходимыхъ составныхъ

частей, другимъ отраслямъ промышленности или перепродажи его, можно вознаградить себя за ограниченность сырья, но чѣмъ большая часть его идетъ на выработку необходимаго продукта, тѣмъ болѣе труднымъ оказывается подобное возмѣщеніе потери. Отсюда происходитъ, что даже тамъ, гдѣ болѣе усовершенствованные пріемы примѣняются къ земледѣлію или къ другой отрасли добывающей промышленности, значительное увеличеніе пищевыхъ веществъ для пропитанія быстро растущаго населенія возможно лишь при затратѣ болѣе чѣмъ соотвѣтствующаго количества труда.

Возможно, что примѣненіе къ земледѣлію великихъ открытій можетъ дать возможность человѣческому искусству выйти побѣдителемъ изъ затруднительнаго положенія, вызваннаго ограниченнымъ количествомъ пищевыхъ веществъ и такимъ образомъ облегчить пропитаніе возрастающей численности людей. Но все же невозможно допустить мысль, что фактъ ограниченности сырья можетъ быть сведенъ къ тому ничтожному значенію въ отрасляхъ промышленности, добывающихъ пищевыя вещества, какъ въ другихъ ея областяхъ, такъ и въ изящныхъ искусствахъ, гдѣ количество сырья и стоимость выдѣлки оказывается ничтожными сравнительно со всей стоимостью предметовъ.

Юношескіе годы Карла Маркса *).

I. Въ родительскомъ домѣ.

Статья Энгельса о Марксѣ въ словарѣ государственныхъ наукъ начинается словами: „Генрихъ Карлъ Марксъ родился въ Трирѣ 5 мая 1818 года. Отецъ его, присяжный повѣренный Генрихъ Марксъ, впослѣдствіи ставшій совѣтникомъ юстиціи, перешелъ въ 1824 году со своей семьей изъ іудейства въ протестантизмъ, какъ это явствуетъ изъ метрическаго свидѣтельства его сына". Для объясненія этого перехода одинъ буржуазный компиляторъ разсказываетъ, будто при присоединеніи Трира къ Пруссіи, стало быть въ 1815 году, присяжному повѣренному Генриху Марксу пришлось выбирать между крещеніемъ и потерей мѣста,—легенда, опровергаемая хотя бы уже упоминаемой Энгельсомъ достовѣрною датой крещенія.

Однако и то, что объ этомъ крещеніи сообщаетъ Либкнехтъ, нуждается въ поправкахъ. По словамъ Либкнехта, вскорѣ послѣ рожденія Карла Маркса вышелъ эдиктъ, заставлявшій всѣхъ евреевъ выбирать между крещеніемъ и отказомъ отъ всякаго должностного положенія. Отецъ Карла Маркса примирился съ неизбѣжнымъ и перешелъ со своей семьей въ христіанство. А черезъ двадцать лѣтъ первымъ отвѣтомъ на это принужденіе со стороны возмужавшаго Карла Маркса была его статья объ еврейскомъ вопросѣ; затѣмъ вся жизнь его представляла собой отвѣтъ и реваншъ. Но упомянутый Либкнехтомъ эдиктъ никогда не былъ

*) Изъ введенія Фр. Меринга къ вышедшему подъ его редакціей сборнику: „Aus dem literarichen Nachlass von Karl Marx, Friedrich Engels und Ferdinand Lassale." Erster Band. Переводъ съ нѣмецкаго, М. И. Толмачевой.

изданъ; каковы бы ни были прегрѣшенія прусскаго государства, оно все-таки не обрекало семью Маркса на мученичество изъ-за іудейской религіи; да и статья объ еврейскомъ вопросѣ имѣетъ существенно иное содержаніе, чѣмъ можно было бы думать на основаніи этихъ замѣчаній Либкнехта.

Въ Рейнской провинціи имѣлъ силу Code Napoleon, гарантировавшій евреямъ полную равноправность со всѣми остальными гражданами. Равноправность эта, правда, была урѣзана уже при французскомъ владычествѣ эдиктомъ отъ 17 марта 1808 года, но это ограниченіе касалось только еврейскаго ростовщичества. Эдиктъ этотъ ни однимъ словомъ не задѣвалъ іудейской религіи, а только воспрещалъ евреямъ давать деньги взаймы подъ залогъ прислугѣ и поденщикамъ, принимать отъ рабочихъ, поденщиковъ и прислуги сельскохозяйственныя орудія, инструменты и одежду и т. д. Этотъ эдиктъ былъ временно изданъ на десять лѣтъ, но имѣлъ извѣстную судьбу всѣхъ законовъ о ростовщичествѣ, и въ 1818 году, по донесеніи рейнскихъ властей, въ томъ числѣ трирскаго оберпрокуратора, о томъ, что еврейское ростовщичество нисколько не ослабѣло, прусское правительство возобновило его съ не менѣе извѣстною близорукостью, свойственною всякой реакціи. Въ другихъ отношеніяхъ рейнскимъ евреямъ не приходилось страдать отъ эдиктовъ, фактически же они только не допускались къ государственной службѣ; Гарденбергъ втихомолку пенсіонировалъ нѣсколькихъ низшихъ чиновниковъ-евреевъ, занимавшихъ мѣста при французскомъ владычествѣ. Ни это практическое устраненіе евреевъ отъ государственной службы, ни вышеупомянутый эдиктъ нисколько не касались присяжнаго повѣреннаго Генриха Маркса, переходъ котораго въ 1824 году изъ іудейства въ христіанство не былъ вызванъ ни внѣшнимъ принужденіемъ, ни внѣшними выгодами, но явился результатомъ свободнаго рѣшенія.

Гейне, сдѣлавшій тотъ же шагъ приблизительно въ то же самое время, замѣчаетъ, что крещеніе даетъ доступъ къ европейской культурѣ. Это вѣрно указываетъ причину, побуждавшую многихъ образованныхъ евреевъ переходить въ христіанство, съ тѣхъ поръ какъ Моисей Мендельсонъ пытался пріобщить свою „націю“ къ нѣмецкой культурѣ... Въ одномъ изъ писемъ къ своему сыну Карлу Генрихъ Марксъ исповѣдуетъ свою „чистую

вѣру въ Бога", какъ ее исповѣдывали Ньютонъ, Локкъ и Лейбницъ. Протестантство, къ тому же выступавшее въ то время въ формѣ терпимаго раціонализма, не отвергло Лейбница, тогда какъ іудейство отвергло Спинозу; вѣдь даже благодушный Моисей Мендельсонъ умеръ отъ ужаса, будучи вынужденъ признать, что его почитаемый другъ Лессингъ былъ спинозистъ.

Возможно однако, что существовалъ также и внѣшній поводъ: въ томъ же самомъ году, въ которомъ перешелъ въ христіанство со своей семьей Генрихъ Марксъ, совершилось нѣсколько сотъ такихъ обращеній. Въ связи съ результатами сельскохозяйственнаго кризиса двадцатыхъ годовъ во всѣхъ восьми прусскихъ провинціальныхъ ландтагахъ, впервые созванныхъ вскорѣ послѣ этого, возгорѣлась фанатическая ненависть къ евреямъ, которую нельзя объяснить одною лишь реакціонною ограниченностью этихъ собраній; даже ландтагъ Рейнской провинціи въ 1826 г. хотѣлъ лишить евреевъ гражданскихъ правъ. Но по существу дѣла Генрихъ Марксъ культурно переросъ еврейство и эта полная свобода отъ всякихъ еврейскихъ предразсудковъ была цѣннымъ наслѣдіемъ, вынесеннымъ Карломъ Марксомъ изъ его родительскаго дома. Однако семейная атмосфера, въ которой онъ выросъ, не отличалась революціонностью. Генрихъ Марксъ пробилъ себѣ дорогу изъ тяжкой нужды; онъ пишетъ какъ-то о своей „тернистой юности", въ которой только и было отраднаго, что любовь его матери; повидимому, онъ рано потерялъ отца и выбился собственными усиліями. Въ скудную эпоху, послѣ такъ называемыхъ войнъ за освобожденіе, онъ достигъ скромнаго, хотя и не чуждаго заботѣ благополучія, и такъ какъ эта скудная эпоха была въ то же время и тихой, то его не особенно влекло къ общественной борьбѣ, къ тому же и не соотвѣтствовавшей его мягкому, нѣжному характеру.

Оставшійся отъ него набросокъ, относящійся, повидимому, къ столкновенію между прусскимъ правительствомъ и кельнскимъ епископомъ, содержитъ, правда въ отрывочномъ изложеніи, защиту права абсолютнаго монарха нарушать обычное право ради безопасности государства, и когда Карлъ Марксъ въ свои университетскіе годы думалъ добиться извѣстности драмой, отецъ рекомендовалъ ему лучше написать оду въ высокомъ стилѣ, предметомъ которой служилъ бы критическій моментъ прусской исто-

ріи. „Это долженъ быть моментъ, славный для Пруссіи и доставляющій возможность удѣлить роль генію монархіи, а также и духу благороднѣйшей королевы Луизы". Такимъ моментомъ является великая битва при Belle Alliance. „Нельзя въ самомъ дѣлѣ не воодушевиться этимъ моментомъ, ибо тутъ неудача навѣки сковала бы человѣчество, а главное духъ. Наполеона обоготворять могутъ только нынѣшніе либералы. При Наполеонѣ никто не осмѣливался думать вслухъ о томъ, что теперь печатается ежедневно и безъ стѣсненій во всей Германіи, особенно въ Пруссіи. Кто изучалъ исторію Наполеона и знаетъ, что онъ разумѣлъ подъ дикимъ терминомъ „идеологія", тотъ можетъ съ спокойною совѣстью торжествовать по поводу его пораженія и побѣды Пруссіи". Генрихъ Марксъ, поскольку о немъ можно судить по его письмамъ къ сыну, не особенно напоминаетъ рейнскаго адвоката еврейскаго происхожденія и адепта французскаго права; скорѣе онъ подходитъ къ тому типу культурнаго адвоката нѣмецкаго происхожденія, классическимъ представителемъ котораго былъ Циглеръ и, подобно ему, Генрихъ Марксъ въ послѣдніе годы своей жизни имѣлъ въ виду промѣнять адвокатуру на магистратуру.

Все его счастье заключалось въ его семьѣ, въ его „lieb gut Hansje", какъ онъ, лаская, называлъ жену, и въ дѣтяхъ. Жена его была голландская еврейка, урожденная Генріетта Пресбургъ. Ея внучка, Элеонора Марксъ, пишетъ о ней: „въ началѣ XVI в. Пресбурги, фамилія которыхъ произошла отъ имени города Пресбургъ, переселились въ Голландію, гдѣ сыны этой семьи въ теченіе вѣковъ были раввинами. Мать говорила по-голландски; до самой смерти она говорила по-нѣмецки съ трудомъ и съ ошибками". Это подтверждается тѣми немногими письмами, которыя сохранились отъ матери Карла Маркса, но неправильный языкъ не бросаетъ тѣни на это любвеобильное существо, о которомъ и мужъ и сынъ единогласно свидѣтельствуютъ, что вся ея жизнь была посвящена любви и вѣрности. Они жили очень счастливо и имѣли много дѣтей, изъ которыхъ одни умерли рано, а другіе, повидимому, не были особенно даровиты. Объ одномъ изъ братьевъ Карла Маркса, изучавшемъ коммерцію въ Брюсселѣ, отецъ пишетъ: „Я жду многаго отъ его прилежанія, но тѣмъ меньше разсчитываю на его умъ. Жаль, что добросердечный юноша не

обладаетъ бо̀льшимъ умомъ". Съ юмористическимъ вздохомъ онъ прибавляетъ: „Дѣвочки славныя и прилежныя. Волосы становятся у меня дыбомъ, когда подумаю, что нынѣ этотъ товаръ находитъ искателей, только будучи позолоченнымъ, а это искусство мнѣ такъ плохо дается". Старше всѣхъ дѣтей была дѣвочка по имени Софія; за ней, по старшинству, слѣдовалъ Карлъ, который съ ранняго возраста былъ надеждой и гордостью своихъ родителей.

Его „блестящія природныя способности" вызвали въ отцѣ предчувствіе, что когда-либо онѣ послужатъ на благо человѣчеству, а мать называла его „счастливцемъ",—такъ бодро и весело вступалъ мальчикъ въ жизнь и такъ удавалось ему все, за что онъ ни брался. Уже въ семнадцать лѣтъ окончилъ онъ Трирскую гимназію; его аттестатъ зрѣлости помѣченъ 25 сентября 1835 г. Въ немъ превозносится его хорошее поведеніе и хорошія способности; его усердіе въ занятіяхъ древними языками, нѣмецкимъ языкомъ и исторіей признается весьма удовлетворительнымъ, удовлетворительнымъ въ занятіяхъ математикой, незначительнымъ въ занятіяхъ французскимъ языкомъ, его знанія по нѣмецкому языку признаются очень хорошими и т. д.

Къ отмѣткамъ по латинскому и греческому языкамъ присовокуплено замѣчаніе болѣе личнаго характера; въ немъ значится, что Карлъ Марксъ часто умѣлъ переводить и объяснять труднѣйшія мѣста изъ древнихъ классиковъ, „въ особенности такія, которыхъ трудность заключается не столько въ особенностяхъ языка, сколько въ сущности дѣла и въ соотношеніи мыслей"; его латинское сочиненіе по своему содержанію обнаруживаетъ богатство мыслей и глубокое пониманіе предмета, но часто изобилуетъ не относящимися къ дѣлу вещами.

Съ этимъ аттестатомъ зрѣлости Карлъ Марксъ поступилъ въ Боннскій университетъ для изученія правовѣдѣнія. Въ продолженіе года онъ, повидимому, наслаждался студенческою жизнью. Позже, отецъ однажды напоминаетъ ему въ очень сердитомъ письмѣ, о которомъ рѣчь ниже, о „дикомъ буйствѣ" въ Боннѣ, объ уничтоженной „долговой книгѣ"; но въ концѣ-концовъ ничего особенно дурного тамъ не было, какъ это явствуетъ изъ самихъ отцовскихъ писемъ за время боннскаго учебнаго года. Правда, въ нихъ одинъ разъ встрѣчается фраза: „твой счетъ,

милый Карлъ, написанъ à la Карлъ, т.-е. безсвязно и безъ подведенія итога"; вѣдь и отъ ученаго, въ особенности же отъ практическаго юриста требуется аккуратность. Въ другомъ мѣстѣ отецъ, признаваясь, что ему самому даже въ сладкіе дни первой любви никогда не удавался ни одинъ стихъ, предостерегаетъ молодого поэта отъ стихотворнаго зуда; превосходство такихъ полубоговъ, какъ поэты, должно обнаруживаться съ перваго же стиха, такъ чтобы каждый узналъ избранника музъ; „мнѣ было бы жаль видѣть тебя выступающимъ въ качествѣ обыденнаго поэтика". Или ему приходится спрашивать: „развѣ дуэли такъ тѣсно связаны съ философіей?" Но онъ же предостерегаетъ и отъ „чрезмѣрныхъ занятій", совѣтуетъ ходить гулять и ѣздить верхомъ, и въ заключеніе, наконецъ, даже противъ „счетовъ à la Карлъ" онъ „въ общемъ ничего не имѣетъ", такъ что, очевидно, разгулъ первыхъ семестровъ проявился въ умѣренной формѣ.

1 іюля 1836 года отецъ даетъ подписку, въ которой онъ не только позволяетъ, но и выражаетъ желаніе, чтобы сынъ его Карлъ поступилъ на слѣдующій семестръ въ Берлинскій университетъ для продолженія ученія юриспруденціи и камеральныхъ наукъ. Но до переѣзда въ Берлинъ Карлъ обручился съ Дженни фонъ-Вестфаленъ.

Фонъ-Вестфалены поселились въ Трирѣ лишь послѣ присоединенія Рейнской провинціи къ Пруссіи. Дворянство было пожаловано имъ недавно, но они носили историческое имя, пріобрѣтенное во время семилѣтней войны Филиппомъ Вестфаленомъ, который былъ правой рукой герцога Фердинанда Брауншвейгскаго. Этотъ штатскій, съ презрѣніемъ отвергавшій всякій военный титулъ, руководилъ побѣдоносными походами, благодаря которымъ западная Германія избавилась отъ завоевательныхъ стремленій бурбонскаго деспотизма. Единственною добычей, которую онъ привезъ съ собой послѣ войны, была его невѣста Yeanie Wisshart of Pittarow, дочь городского головы пастора изъ Эдинбурга, пріѣзжавшая въ лагерь герцога Фердинанда посѣтить свою сестру, бывшую замужемъ за генераломъ, служившемъ въ англійскихъ вспомогательныхъ войскахъ.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Либкнехту, которое послѣдній напечаталъ въ своемъ сочиненіи о Марксѣ, Элеонора Марксъ пишетъ, что она никогда не могла точно установить шотландскаго

родства своей семьи, а потому здѣсь можно сказать объ этомъ нѣсколько словъ. Уисхарты принадлежали къ древнѣйшимъ баронскимъ фамиліямъ Шотландіи; Джоржъ Уисхартъ, одноименный предокъ отца Джани по прямой восходящей линіи, былъ сожженъ на кострѣ въ 1547 году въ борьбѣ къ кардиналомъ Beatoun'омъ изъ-за введенія реформаціи въ Шотландіи. Мать же Джани была урожденная Campbell of Orchard; она также происходила изъ шотландской дворянской семьи и имѣла еще болѣе знаменитаго мученика-предка, а именно того графа Арчибальда Арджайля, который былъ обезглавленъ, какъ мятежникъ, на Эдинбургской площади въ борьбѣ за свободу противъ Якова II. Впрочемъ, всѣмъ извѣстно изъ Маколея и Вальтеръ Скотта, что геройскія качества шотландской горной аристократіи имѣли весьма сомнительную оборотную сторону, такъ что и Элеонора Марксъ, свободная отъ всякой гордости предками, крайне рѣзко выражается въ упомянутомъ письмѣ о родѣ Кэмпбеллей.

Но соотвѣтственно господствовавшимъ въ ту эпоху сословнымъ предразсудкамъ, Филиппъ Вестфаленъ, столь энергично отвергшій всѣ военные чины, долженъ былъ, для полученія руки дочери этихъ аристократическихъ родовъ, согласиться на пожалованіе ему дворянства. Жена оказалась достойной его во всѣхъ отношеніяхъ, и это былъ въ высшей степени счастливый бракъ. По окончаніи семилѣтней войны они жили въ собственномъ небольшомъ имѣніи. Самый младшій сынъ этой поры и единственно похожій на родителей характеромъ и умомъ, былъ Людвигъ фонъ Вестфаленъ, которому Марксъ посвятилъ свою докторскую диссертацію, какъ отечески расположенному къ нему другу молодости и отцу своей невѣсты. У Людвига фонъ-Вестфалена, служившаго ландратомъ въ Зальцведелѣ, родилась тамъ 12 февраля 1814 г. дочь Джени, а два года спустя онъ былъ переведенъ въ Триръ совѣтникомъ правленія; здѣсь завязались дружескія сношенія между его семействомъ и семействомъ Маркса. Дѣти выросли вмѣстѣ, и Карлъ Марксъ уже съ самаго ранняго возраста былъ любимцемъ стараго Вестфалена, о которомъ онъ въ теченіе всей своей жизни вспоминалъ съ теплымъ чувствомъ благодарности. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ домѣ Вестфаленовъ онъ испыталъ на себѣ много такихъ вліяній, которыхъ онъ, какъ бы то ни было, былъ лишенъ въ родительскомъ домѣ; Вестфаленъ

умѣлъ декламировать цѣлыя пѣсни Гомера отъ начала до конца и зналъ наизусть большинство драмъ Шекспира по-англійски и понѣмецки; этимъ поэтамъ навсегда остался вѣренъ и Карлъ Марксъ.

Конечно восемнадцатилѣтній юноша, ничего не имѣвшій за собой, кромѣ двухъ весело проведенныхъ семестровъ, не осмѣлился явиться къ почти семидесятилѣтнему старцу въ качествѣ искателя руки его дочери. Итакъ, онъ обручился съ Дженни фонъ-Вестфаленъ безъ вѣдома ея родителей, между тѣмъ какъ собственные его родители уступили его непреодолимому влеченію съ благодушіемъ такихъ родителей, „которые изображаются въ романахъ“, какъ однажды со вздохомъ признается отецъ, привыкшій никогда не уклоняться отъ прямого пути и съ трудомъ выносившій тайну, которая такъ легко могла выставить въ ложномъ свѣтѣ его и его жену. Но родители Маркса нашли успокоеніе въ вѣрномъ инстинктѣ родительской любви, который ихъ и не обманулъ, въ непоколебимомъ убѣжденіи, что союзъ этихъ сердецъ послужитъ источникомъ счастія обручившихся.

Невѣста съ самаго начала проявляла рѣдкія качества сердца и ума, которыми она отличалась въ теченіе всей своей жизни. Даровитая „красивѣйшая дѣвушка въ Трирѣ“, дочь и сестра высокопоставленныхъ чиновниковъ—ея единокровный братъ, который былъ старше ея на пятнадцать лѣтъ, впослѣдствіи ставшій феодально-реакціоннымъ министромъ, въ то время также служилъ въ Трирѣ и благодаря своей бюрократической ревности въ качествѣ тайнаго совѣтника высшаго правленія и директора отдѣленія опередилъ по службѣ даже своего отца—и вотъ она невѣста студента, который былъ на четыре года моложе ея: съ такимъ положеніемъ въ атмосферѣ мелкаго бюрократическаго городка уже было связано достаточно терній даже и для отважнаго, сильнаго сердца. Но невѣста смущалась не этимъ, а тяжкой отвѣтственностью, которую она, болѣе старшая и болѣе зрѣлая, возложила на едва начинающуюся, полную надеждъ жизнь.

Въ Берлинѣ, куда поѣхалъ Карлъ Марксъ, для него впервые началась серьезная житейская борьба.

2. Въ университетѣ.

Съ тѣхъ поръ какъ въ берлинскомъ университетѣ лекціи по философіи читалъ Гегель, а по теологіи—Шлейермахеръ, этотъ

университетъ сталъ для Германіи Меккой, куда со всѣхъ сторонъ нѣмецкой земли стекались жаждавшіе знанія юноши, чтобы набраться тамъ божественной и мірской мудрости. Съ этой цѣлью въ Берлинъ пріѣзжали и уроженцы южной Германіи, какъ напримѣръ, Давидъ Штраусъ и Людвигъ Фейербахъ, которымъ не по душѣ была природа и жизнь сѣверной Германіи въ иныхъ отношеніяхъ. Этотъ блескъ ярче всего сіялъ въ тридцатыхъ годахъ, но собственно во второй половинѣ этихъ годовъ это была лишь ослѣпительная игра красокъ солнечнаго заката. . . . . Прежнее величіе пошатнулось въ своихъ основаніяхъ и зарождалась новая обитель научной славы; молодая школа выдающихся естествоиспытателей группировалась вокругъ Александра фонъ-Гумбольдта, который, какъ нѣкогда Эразмъ, стоялъ особнякомъ, скорѣе наряду съ университетомъ, чѣмъ въ университетѣ.

Берлинскіе гегеліанцы повторяли консервативныя слова учителя и состряпали изъ ето системы прусскую государственную философію. Это была кучка посредственностей, и бездарнѣйшій изъ нихъ, какъ и слѣдовало ожидать, наслѣдовалъ каѳедру Гегеля: бывшій ректоръ Габлеръ изъ Байреута, котораго Гумбольдтъ въ насмѣшку называлъ „verhängnissvolle Gabel“ *). Всѣ они еще считали свое положеніе вполнѣ обезпеченнымъ, хотя выходъ Штраусовской „Жизни Іисуса“ явился первымъ симптомомъ непрочности системы, которая, казалось, была воздвигнута на вѣки вѣковъ. Тѣмъ глубже отразилось вліяніе составившей эпоху книги Штрауса на богословскомъ факультетѣ, при чемъ обнаружилась полная безпомощность послѣдняго. Маргейнеке и его молодой протеже Бруно Бауэръ, совмѣстно издавшіе философію религіи Гегеля, съ спекулятивной надменностью отвергли историческую критику евангелій Штрауса . . . . . .

Иначе и до нѣкоторой степени лучше обстояло дѣло въ области юриспруденціи. Какъ разъ въ берлинскомъ университетѣ выдающіеся умы спорили другъ съ другомъ о важныхъ проблемахъ. Противъ Савиньи, главы исторической школы права, боролся въ качествѣ получившаго фолософскую подготовку юриста Эдуардъ Гансъ. Онъ принадлежалъ къ берлинскимъ гегеліанцамъ

*) Непереводимая игра словъ. Прим. перев.

и совмѣстно съ ними издавалъ „Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik“, но въ противоположность большинству ихъ онъ старался серьезно разработать данную научную область по философскому методу. Онъ возсталъ уже даже противъ Гегеля, когда послѣдній въ концѣ своей жизни пренебрежительно отозвался о фрнцузской іюльской революціи и объ англійскомъ биллѣ о реформѣ. Гансъ тогда непримиримо боролся съ исторической школой права, защищавшей всякое историческое право только потому, что послѣднее возникло исторически. Онъ бичевалъ „узость, ограниченность и закоснѣлость этой школы, вредное вліяніе, оказываемое ею на законодательство и развитіе права, то жалкое важничанье, которымъ она пыталась прикрыть свое убожество“. Самъ онъ стремился въ своихъ лекціяхъ къ тому, чтобы повысить уровень юриспруденціи и освободить ее отъ „рабскихъ цѣпей“, вводя ее въ „великій братскій кругъ историческихъ и философскихъ дисциплинъ“. Какъ профессоръ, Гансъ давалъ своими лекціями импульсъ мышленію слушателей и, повидимому, его ждала великая будущность, когда онъ внезапно умеръ въ полномъ расцвѣтѣ силъ въ 1839 году.

Поступивъ въ берлинскій университетъ 22 октября 1836 года, Карлъ Марксъ записался прежде всего на лекціи Савиньи и Ганса. Впослѣдствіи, бросая ретроспективный взглядъ на свои университетскіе годы, онъ пишетъ: „моей спеціальностью была юриспруденція; однако изученіе ея было подчинено и шло рядомъ съ изученіемъ философіи и исторіи“. Это заявленіе съ внѣшней стороны рѣзко противорѣчитъ списку тѣхъ двѣнадцати курсовъ, которые Марксъ слушалъ въ берлинскомъ университетѣ въ теченіе девяти семестровъ. Бо́льшая половина ихъ относится къ юриспруденціи, къ философіи только одинъ, къ исторіи же ни одного. Марксъ слушалъ у Савиньи пандекты, у Ганса уголовное и прусское гражданское право, у Геффтера церковное право, уголовное судопроизводство и общее нѣмецкое гражданское судопроизводство, у Рудорфа право наслѣдованія, кромѣ того онъ записывался на лекціи по философіи, теологіи и филологіи: а именно, онъ прослушалъ курсъ логики у Габлера, чтеніе объ Исаіи у Бруно Бауэра, и лекціи объ Эврипидѣ у Гепперта. Затѣмъ Марксъ слушалъ еще лекціи знаменитаго творца сравнительнаго землевѣдѣнія, Риттера, по общей географіи и, наконецъ,

антропологію у романтическаго натуръ-философа Стеффенса, который, экзаменуя однажды юнаго геолога, съ укоризной замѣтилъ, что кандидатъ занимался болѣе предметами, чѣмъ абсолютомъ. Это изреченіе характерно свидѣтельствуетъ о той борьбѣ, которую предстояло еще выдержать естественно-научнымъ дисциплинамъ, чтобы добиться равноправнаго положенія въ прусскихъ университетахъ. Въ бытность Карла Маркса въ боннскомъ университетѣ отецъ его выразилъ желаніе, чтобы онъ слушалъ также химію и физику, но Карлъ Марксъ отказался отъ этого, ссылаясь на плохую постановку этихъ предметовъ въ Боннѣ и откладывая слушаніе ихъ до Берлина; но и тамъ дѣло обстояло не многимъ лучше, и Стеффенсъ, котораго Марксъ слушалъ въ первый семестръ, менѣе всего былъ способенъ пробудить серьезный интересъ къ изученію естественныхъ наукъ.

Однако, если это перечисленіе тѣхъ курсовъ, на которые Марксъ записывался въ бытность свою въ берлинскомъ университетѣ, повидимому, не соотвѣтствуетъ тому, что онъ изучалъ юриспруденцію, какъ второстепенный предметъ наряду съ философіей и исторіей, то вѣдь на основаніи этого списка отнюдь нельзя судить о томъ, чѣмъ въ дѣйствительности занимался Марксъ въ университетѣ. Если съ тѣхъ поръ какъ изобрѣтено книгопечатаніе университетскія лекціи вообще анахронизмъ, то онѣ могутъ быть тѣмъ не менѣе полезны для умовъ заурядныхъ, которымъ онѣ доставляютъ возможность усваивать науку мало-по-малу, небольшими дозами. Тѣмъ нестерпимѣе давать пичкать себя цѣлые годы гомеопатическими дозами того, что гораздо основательнѣе можетъ быть усвоено за нѣсколько дней непрерывнаго и интенсивнаго чтенія, умомъ сильнымъ. При томъ истинно продуктивные умы обыкновенно начинаютъ, какъ говоритъ о себѣ Лейбницъ, съ самаго труднаго, что составляетъ прямую противоположность лекціямъ профессоровъ, которые обыкновенно начинаютъ и должны начинать съ самаго легкаго.

Карлъ Марксъ работалъ уже въ университетѣ на манеръ продуктивныхъ умовъ. Такимъ образомъ вполнѣ совпадаетъ съ дѣйствительностью то, что, какъ значится въ его берлинскомъ свидѣтельствѣ о прохожденіи курса, онъ „посѣщалъ“ лекціи Бруно Бауэра, обѣ лекціи Ганса слушалъ даже „въ высшей степени прилежно“; но объ усердіи его къ записыванію лекцій свидѣ-

тельство хранитъ краснорѣчивое молчаніе. Помимо Бруно Бауэра, бывшаго скорѣй его другомъ, чѣмъ учителемъ, единственнымъ университетскимъ его учителемъ, дававшимъ импульсъ его умственному развитію и толкавшимъ впередъ, былъ Гансъ; это отражается въ его первыхъ работахъ, въ особенности же въ его крайне рѣзкихъ нападеніяхъ на историческую школу права.

Между тѣмъ Карлъ Марксъ оставилъ практическую юриспруденцію и рѣшилъ посвятить себя университетской карьерѣ, въ которой онъ разсчитывалъ сдѣлать быстрые успѣхи литературными произведеніями. Какъ бы то ни было, при тогдашнихъ цензурныхъ порядкахъ въ этой профессіи была сравнительно наиболѣе гарантирована возможность писательской и общественной дѣятельности. Отецъ ни мало не противился этимъ планамъ. Ему было все равно, какую спеціальность изберетъ себѣ Карлъ, и даже въ „послѣднемъ анализѣ“ онъ считаетъ, что скорѣй слѣдуетъ совѣтовать ему избрать философію, чѣмъ юриспруденцію; теперь онъ благосклонно относится и къ поэтическимъ влеченіямъ сына, совѣтуя ему составить себѣ имя вышеупомянутой высокоторжественной одой, посвященной Пруссіи; далѣе, онъ принимаетъ участіе въ обсужденіи плана изданія драматическаго журнала, при чемъ его, впрочемъ, одолѣваетъ раздумье по поводу того, что путь ученаго Лессинга не былъ усѣянъ розами, и что послѣдній умеръ бѣднымъ библіотекаремъ. Но болѣе всего тяготитъ отца забота о „дѣвушкѣ-ангелѣ“, къ которой онъ привязался всѣмъ сердцемъ; „волшебница“ очаровала и его, и въ каждомъ письмѣ онъ побуждаетъ сына скорой и интенсивной работой устранить опасность необезпеченнаго будущаго, на которое Дженни фонъ-Вестфаленъ промѣняла открывавшіяся передъ нею блестящія перспективы. Онъ даже даетъ сыну совѣты о томъ, какъ писать невѣстѣ; письма должны быть полны нѣжности и преданности, но написаны яснымъ, точнымъ языкомъ; ихъ ни въ какомъ случаѣ не должна диктовать фантазія поэта.

Въ своей трогательной заботливости онъ все болѣе и болѣе чувствуетъ, какъ Карлъ перерастаетъ его отеческіе совѣты. При всей задушевности любви съ обѣихъ сторонъ это чувство не спасло ихъ отъ трагическихъ конфликтовъ, такъ часто возникающихъ въ критическія эпохи между отцами и дѣтьми, благо-

даря тому, что обѣ стороны правы, и старое поколѣніе уже не способно понять молодежи, при чемъ эти конфликты тѣмъ мучительнѣе, чѣмъ болѣе высокаго мнѣнія отецъ объ сынѣ и сынъ объ отцѣ.

Всѣ письма сына утрачены, кромѣ одного и къ счастію, вѣроятно, наиболѣе важнаго; но по письмамъ отца можно постепенно прослѣдить зачатки разлада. Сначала его раздражаютъ нѣкоторыя мелочи, тѣмъ болѣе раздражаютъ, что вскорѣ его начинаютъ также мучить злой кашель, а затѣмъ ломота: неразборчивый почеркъ, неисправная корреспонденція и даже то, что Карлъ не дѣлаетъ визитовъ почтеннымъ, вліятельнымъ лицамъ, которыя могли бы ему пригодиться: отъ семейнаго человѣка благоразуміе требуетъ, чтобы онъ искалъ нѣкоторой опоры, конечно, не поступаясь собственнымъ достоинствомъ. Несмотря на свои побѣлѣвшіе волосы и нѣкоторую удрученность, отецъ хочетъ не поддаваться и презирать все низменное; но, по его мнѣнію, гордой юности, въ расцвѣтѣ жизненныхъ силъ, могутъ казаться униженіемъ такія вещи, которыя на самомъ дѣлѣ являются лишь выполненіемъ обязанности относительно себя и той, о благѣ которой надлежитъ заботиться.

Въ декабрѣ 1836 г. отецъ уже пишетъ: „въ твоихъ воззрѣніяхъ на право есть доля истины, но, будучи возведены въ систему, они способны вызвать бурю, а ты не знаешь, насколько бурны бываютъ столкновенія въ ученомъ мірѣ. Если нельзя вполнѣ устранить того, что можетъ задѣть по существу, то по крайней мѣрѣ необходимо, чтобы изложеніе было смягчено и „нравилось“. И затѣмъ въ маргѣ 1837 г. онъ пишетъ: „Удивительно, что я отъ природы не охотникъ писать, становлюсь неистощимъ, когда приходится писать тебѣ. Я не хочу и не могу скрывать моей слабости къ тебѣ. По временамъ я люблю предаваться мечтамъ о тебѣ, о твоемъ будущемъ, и однако бываетъ, что я не могу отдѣлаться отъ печальныхъ предчувствій, когда мнѣ вдругъ, какъ молнія, приходитъ въ голову мысль, соотвѣтствуетъ ли твое сердце твоей головѣ, твоимъ способностямъ? Есть ли въ немъ мѣсто для земныхъ, но нѣжныхъ чувствъ, которыя даютъ такъ много утѣшенія человѣку—чувствительному въ этой юдоли печали? И такъ какъ въ этомъ сердцѣ, очевидно царитъ демонъ, обитающій не во всякомъ человѣкѣ,

то небесный ли это, или фаустовскій Демонъ?“ Благодушный человѣкъ, цѣликомъ ушедшій въ свое семейное счастіе, терзается вопросомъ, отзывчивъ ли его Карлъ на такое счастье, и сомнѣнія его стали „не менѣе мучительны“ съ тѣхъ поръ, какъ онъ любитъ „извѣстную особу“, какъ свое собственное дитя.

Въ Дженни его поражаетъ одна странная черта. „Она, которая такъ всецѣло, всей своей дѣтской, чистой душой предана тебѣ, невольно проявляетъ иногда противъ своего желанія что-то вродѣ страха,—страха, исполненнаго тяжелаго предчувствія, который не можетъ отъ меня укрыться, котораго я не умѣю себѣ объяснить; впечатлѣніе это она всякій разъ старалась изгладить изъ моего сердца, какъ только я давалъ ей замѣтить это“. Отецъ не можетъ себѣ этого объяснить, но его опытность не даетъ ему слишкомъ легко впасть въ заблужденіе. „Я близко принимаю къ сердцу не только высшій расцвѣтъ твоихъ силъ, манящую надежду, что ты нѣкогда станешь знаменитымъ, но и твое житейское благополучіе: это давно питаемыя, глубоко укоренившіяся иллюзіи. Но въ сущности эти чувства свойственны большею частью слабымъ людямъ и несвободны отъ разныхъ примѣсей, такъ какъ въ нихъ содержатся гордость, тщеславіе, эгоизмъ“. Отецъ выражаетъ увѣренность, что осуществленіе упомянутыхъ иллюзій не доставитъ ему счастія, если демоническій геній сдѣлаетъ сына чуждымъ нѣжнымъ чувствомъ.

Затѣмъ письмо переходитъ „къ положительному“ и поддерживаетъ намѣреніе Карла открыться родителямъ невѣсты. По-видимому, они тотчасъ же дали свое согласіе, но вотъ начинаются новыя страданія. Карлъ требуетъ отъ своей невѣсты писемъ, хотя передъ отѣздомъ въ Берлинъ удовольствовался увѣреніями насчетъ будущаго и отказался отъ всѣхъ внѣшнихъ проявленій любви въ настоящемъ. Но Дженни въ своей нѣжной заботливости о возлюбленномъ не хочетъ отвлекать его своими письмами, хотя самъ отецъ ее убѣждаетъ; „въ ней есть и нѣчто геніальное“, вздыхаетъ старикъ, у котораго начинаетъ уже кружиться голова среди этихъ двухъ гордыхъ натуръ. Но онъ пытается успокоить сына: „Ты можешь быть спокоенъ; я увѣренъ (а ты знаешь, что я не изъ легковѣрныхъ), что никакой князь не въ состояніи былъ бы отбить ее у тебя. Она предана тебѣ душой и тѣломъ, и ты не долженъ этого забывать; въ ея годы

она приноситъ тебѣ жертву, на которую ни въ какомъ случаѣ не была бы способна обыкновенная дѣвушка. Если она рѣшила, что не хочетъ, или не можетъ тебѣ писать, то ради Бога, пусть это такъ и будетъ". Но молодое пламенное сердце не дало себя такъ легко успокоить; позже Карлъ Марксъ разсказывалъ своимъ дѣтямъ, что тогда въ любви своей къ ихъ матери онъ былъ настоящимъ неистовымъ Роландомъ. Новыя письма послѣдовали изъ Берлина и, что болѣе всего раздражаетъ отца, „раздирательныя" письма.

На одно изъ такихъ писемъ онъ отвѣчаетъ 17-го ноября 1837 г.: „эта раздирательность мнѣ противна, и отъ тебя я ждалъ ея менѣе всего. Какую причину можешь ты имѣть для нея? Развѣ тебѣ все не улыбалось съ самой колыбели? Развѣ природа не одарила тебя щедро? Развѣ твои родители не окружали тебя безграничной любовью? Развѣ тебѣ до сихъ поръ приходилось когда-нибудь не удовлетворять своихъ разумныхъ желаній? И не завладѣлъ ли ты непонятнымъ образомъ сердцемъ дѣвушки, въ чемъ тебѣ завидуютъ тысячи людей? И тѣмъ не менѣе первая непріятность, первое неудавшееся желаніе вызываетъ терзанія. Развѣ это сила? Развѣ это мужественный характеръ?" Тѣмъ не менѣе „счастливцу" опять улыбнулось счастіе; „добрая мать" „забила тревогу" и „черезчуръ добрые родители твоей Дженни едва могутъ дождаться минуты, когда будетъ утѣшено бѣдное раненое сердце и рецептъ уже безъ сомнѣнія въ твоихъ рукахъ". Письмо заключается позволеніемъ Карлу пріѣхать домой на Пасху, но съ этимъ письмомъ разошлось датированное 10-мь ноябрѣмъ письмо Карла, которое Элеонора Марксъ опубликовала нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ „*Neue Zeit*" XVI, 1, 6 ff.

Письмо молодого Маркса *).

Берлинъ, 10-го ноября.

Дорогой отецъ!

Въ жизни бываютъ моменты, стоящіе какъ бы на рубежѣ истекшаго періода, но въ то же время и опредѣленно намѣчающіе новое направленіе.

*) „Это письмо было прислано мнѣ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ моей кузиной, г-жей Каролиной Смитъ, нашедшей его въ старыхъ бумагахъ Софьи,

Въ такой переходный моментъ мы ощущаемъ потребность орлинымъ взоромъ мысли обозрѣть прошлое и настоящее, чтобы такимъ образомъ дать себѣ отчетъ въ нашемъ истинномъ положеніи. Вѣдь и всемірная исторія любитъ подобные ретроспективные обзоры, что часто принимается за регрессъ или застой, тогда какъ она лишь ставитъ себѣ задачу понять самое себя, духовно постичь свое собственное дѣяніе, дѣяніе духа.

Индивидуумъ же впадаетъ въ такого рода моменты въ лирическое настроеніе, такъ какъ всякая метаморфоза представляетъ собой частью лебединую пѣснь, частью увертюру къ новому великому пѣснопѣнію, слагающемуся въ еще не опредѣлившихся яркихъ краскахъ. Тѣмъ не менѣе мы охотно воздвигнули бы нѣкогда пережитому памятникъ, чтобы оно получило въ области чувства значеніе, утраченное имъ въ области дѣятельности. И гдѣ оно могло бы найти себѣ болѣе священное мѣсто, чѣмъ въ сердцѣ родителей, у этого снисходительнѣйшаго судьи, принимающаго въ насъ наибольшее участіе, солнце любви, пламя которой согрѣваетъ сокровеннѣйшій центръ нашихъ стремленій. Развѣ есть лучшій путь къ примиренію, прощенію того, что случалось непріятнаго, достойнаго порицанія, чѣмъ когда оно становится проявленіемъ по существу дѣла необходимаго состоянія, какъ можно было бы лучше избѣжать, чтобы часто непріятное зрѣлище случайности, заблужденія духа не навлекло, по крайней мѣрѣ, упрека въ безсердечіи?

Итакъ, если я теперь, по истеченіи прожитого здѣсь года, оглядываюсь на его событія и такимъ образомъ отвѣчаю на твое

старшей сестры Карла Маркса. По всей вѣроятности, моя тетка Софья нашла это письмо между бумагами своей матери. Самъ Марксъ былъ въ Трирѣ въ 1863 г., когда умирала его мать. Но, конечно, онъ и не подозрѣвалъ, что письмо еще существуетъ и что его сестра взяла его къ себѣ—къ счастію, потому что не подлежитъ сомнѣнію, что въ противномъ случаѣ онъ уничтожилъ бы его",—замѣчаетъ Элеонора Марксъ-Эвелингъ, печатая это письмо въ № 1 „Neue Zeit" за 1897—1898 г.

Такъ какъ Мерингъ приводитъ это письмо не въ полномъ видѣ и вставляетъ между отрывками изъ него свои комментаріи, что существенно вредитъ цѣльности впечатлѣнія, то переводчица сочла болѣе цѣлесообразнымъ перевести письмо Маркса прямо изъ „Neue Zeit", а комментаріи Меринга помѣстить послѣ письма, въ нумерованныхъ выноскахъ.

Примѣчаніе переводчицы.

милое, милое письмо изъ Эмса, дорогой отецъ, то позволь мнѣ разсматривать мое положеніе, какъ я разсматриваю жизнь вообще—какъ проявленіе духовной дѣятельности, находящей себѣ затѣмъ всестороннее выраженіе: въ сферѣ знанія, въ искусствѣ, въ частныхъ дѣлахъ.

Когда я покинулъ васъ, для меня возникъ новый міръ, міръ любви и притомъ любви на первыхъ порахъ страстной и безнадежной. Меня оставило холоднымъ даже путешествіе въ Берлинъ, хотя при другихъ обстоятельствахъ оно восхитило бы меня въ высшей степени, побудило бы меня къ созерцанію природы, къ наслажденію жизнью. Это путешествіе даже навело на меня весьма грустное настроеніе, такъ какъ очертанія видѣнныхъ мною утесовъ были не болѣе рѣзки и смѣлы, чѣмъ ощущенія моей души, большіе города не болѣе живы, чѣмъ моя кровь, ѣда въ гостиницахъ не болѣе обильна и неудобоварима, чѣмъ запасъ моей фантазіи, и, наконецъ, искусство не столь прекрасно, какъ Дженни. По прибытіи въ Берлинъ я порвалъ всѣ прежнія связи, неохотно сдѣлалъ нѣсколько визитовъ и старался погрузиться въ науку и искусство. Соотвѣтственно моему тогдашнему душевному настроенію, моимъ первымъ сюжетомъ, по крайней мѣрѣ наиболѣе пріятнымъ, прежде всего мнѣ представлявшимся, непремѣнно должна была быть лирическая поэзія, но въ силу моего положенія и всего моего предшествовавшаго развитія это была поэзія чисто идеалистическая. Такимъ же заоблачнымъ міромъ, какъ моя любовь, стало и мое искусство. Все дѣйствительное скрывается, теряетъ границы, связь съ настоящимъ, безформенныя чувства, ничего естественнаго, все сантиментально, полная противоположность тому, что есть, и тому, что должно быть, риторическая рефлексія вмѣсто поэтическаго настроенія, но, можетъ быть, нѣкоторая теплота чувствованія и стремленіе парить,—таковы характерныя черты моихъ произведеній, наполняющихъ собою три первыхъ тома [1]), которые Дженни получила отъ меня. Вся ширь стремленія, не видящаго предѣловъ, выражается въ различныхъ формахъ, замѣняя поэзію расплывчатостью.

Но поэзія могла и должна была стоять лишь на второмъ планѣ; я долженъ былъ изучать юриспруденцію и прежде всего ощущалъ стремленіе одолѣть философію. Чтобы сочетать то и другое, я, съ одной стороны, не критически, чисто по ученически

проходилъ такихъ авторовъ, какъ Heineccius, Thibaut и источники, переводя, напримѣръ, двѣ первыя книги пандектовъ на нѣмецкій языкъ, съ другой стороны пытался построить всеобъемлющую философію права. Въ качествѣ введенія я предпослалъ нѣсколько метафизическихъ предположеній и довелъ этотъ злополучный трудъ, занимавшій почти триста листовъ, до jus pulicum [2]).

Вреднѣе всего сказалось свойственное идеализму противоположеніе дѣйствительнаго и должнаго, вызвавшее дальнѣйшее неуклюже-неправильное подраздѣленіе. Прежде всего у меня фигурировало то, что я удостоилъ имени метафизики права, т.-е. принципы, размышленія, опредѣленія понятій, изолированныхъ отъ всякаго въ дѣйствительности существующаго права и отъ всякой въ дѣйствительности существующей формы права, какъ у Фихте, только у меня новѣе и безсодержательнѣе, при этомъ не научная форма математическаго догматизма, при которой субъектъ ходитъ вокругъ и около предмета, резонируетъ такъ и этакъ, а не самъ предметъ, какъ живой организмъ, развертываетъ богатство своего внутренняго содержанія, по существу дѣла препятствовала пониманію истины. Когда дѣло идетъ о треугольникѣ, то математикъ можетъ конструировать и доказывать, при чемъ самъ треугольникъ остается лишь представленіемъ въ пространствѣ, онъ не развивается ни во что дальнѣйшее, его приходится сопоставить съ чѣмъ-либо другимъ, тогда онъ принимаетъ различныя положенія и изъ этого вытекаютъ различныя соотношенія и истины. Напротивъ того, при конкретномъ изображеніи живого міра идей, какъ-то — права, государства, природы, всей философіи, должно быть прослѣжено развитіе самаго объекта, при чемъ не должны быть вносимы произвольныя подраздѣленія, но разумъ, присущій самому предмету, долженъ развиваться, какъ внутренне противорѣчивое, и находить въ себѣ свое единство.

Въ качествѣ второй части слѣдовала философія права, т.-е., по моему тогдашнему воззрѣнію, разсмотрѣніе развитія идеи въ положительномъ римскомъ правѣ, какъ будто положительное право въ развитіи его идеи (т.-е. не въ его чисто конечныхъ

*) Въ подлинникѣ непереводимая игра словъ: und macht aus dem „Dichten“ an „Breiten“. Прим. перев.

опредѣленіяхъ) вообще могло быть чѣмъ-либо отличнымъ отъ той формы, которую приняло понятіе права, чѣмъ однако должна была заниматься первая часть! Къ тому же я подраздѣлилъ эту часть на формальную и матеріальную теорію права, при чемъ въ первой должна была описываться чистая форма системы въ ея послѣдовательности и связи, распредѣленіе и объемъ системы, а во второй—содержаніе, конденсація (das Sicherndichten) формы въ ея содержаніи. Это—ошибка, общая у меня съ господиномъ фонъ-Савиньи, какъ мнѣ выяснилось впослѣдствіи при чтеніи его ученаго труда о владѣніи, лишь съ тою разницей, что я разумѣю подъ формою необходимую архитектонику формъ понятій, подъ матеріей—необходимое качество этихъ формъ. Ошибка вытекала изъ моего предположенія, будто одно могло и должно было развиться изолированно отъ другого, благодаря чему у меня получилась не настоящая форма, а что-то вродѣ конторки съ выдвижными ящиками, въ которые я затѣмъ сыпалъ песокъ.

Вѣдь понятіе служитъ посредствующимъ звеномъ между формой и содержаніемъ. Слѣдовательно, въ философскомъ развитіи права одно должно вытекать изъ другого; форма можетъ быть лишь развитіемъ содержанія. Такимъ образомъ я пришелъ къ подраздѣленію, которое субъектъ можетъ развѣ что установить для легкой и поверхностной классификаціи, но отъ меня ускользнули духъ и истина права. Все право распалось на основанное и не основанное на договорѣ [3]). Но зачѣмъ далѣе наполнять страницы изложеніемъ того, что было отвергнуто мною самимъ? Трихотомическія подраздѣленія лежатъ въ основѣ всего утомительно пространнаго изложенія и римскія концепціи варварски искажены, чтобы подогнать ихъ подъ мою систему. Съ другой стороны, я по крайней мѣрѣ получилъ любовъ къ предмету и до извѣстной степени сдѣлалъ обзоръ матеріалу. Въ концѣ изложенія матеріальнаго гражданскаго права я увидѣлъ ложность цѣлаго построенія, по основной схемѣ приближающагося къ Кантовскому, по выполненію отъ него совершенно отличающагося, и опять-таки мнѣ стало ясно, что безъ философіи ничего не подѣлаешь. Такимъ образомъ я съ чистою совѣстью опять бросился въ ея объятія и написалъ новую метафизическую систему, въ концѣ изложенія которой я еще разъ былъ вынужденъ признать ложность какъ этой системы, такъ и всѣхъ моихъ прежнихъ усилій.

При этомъ я усвоилъ себѣ привычку дѣлать извлеченія изъ всѣхъ прочитанныхъ мною книгъ, какъ-то изъ Лаокоона Лессинга, Эрвина Зальгера, исторіи искусства Винкельмана, нѣмецкой исторіи Людена и записывать при этомъ свои размышленія по поводу прочитаннаго. Въ то же время я переводилъ Германію Тацита, libri tristium Овидія и взялся самоучкой, т.-е. по грамматикамъ, за англійскій и итальянскій языки, ничего изъ нихъ себѣ до сихъ поръ не усвоивъ, читалъ уголовное право и лѣтописи Клейна, а также литературныя новинки, но послѣднее между прочимъ.

Въ концѣ семестра я опять вернулся къ моей музѣ, и уже въ этой послѣдней тетради, которую я вамъ послалъ, идеализмъ смѣняется принужденнымъ юморомъ (Скорпіонъ и Феликсъ), неудачной фантастической драмой (Oulanem), переходя, наконецъ, въ чисто формальное искусство бо̀льшей частью безъ воодушевляющихъ объектовъ, безъ паренія мысли.

И однако эти послѣднія произведенія—единственныя, въ которыхъ мнѣ внезапно, какъ бы благодаря удару магическаго жезла—ахъ, сначала ударъ произвелъ ошеломляющее дѣйствіе — какъ волшебный дворецъ фей издали явилось царство истинной поэзіи, и всѣ мои творенія обратились въ ничто.

На мнѣ отозвалось, что при этихъ различныхъ занятіяхъ я въ продолженіе перваго семестра не спалъ много ночей, пережилъ много конфликтовъ, долженъ былъ испытать много внутреннихъ внѣшнихъ возбужденій и въ концѣ-концовъ немного пріобрѣлъ, пренебрегши притомъ природой, искусствомъ, міромъ, оттолкнувши отъ себя друзей. Врачъ посовѣтовалъ мнѣ переѣхать въ деревню [4]) и въ первый разъ я выбрался изъ большого города въ Stralow. Я не предполагалъ, чтобы тамъ изъ немощного слабосильнаго я могъ обратиться въ крѣпкаго силача.

Завѣса упала, мое святое святыхъ опустѣло и должны были явиться новые боги.

Отъ моего идеализма, который я между прочимъ сравнивалъ съ Кантовскимъ и Фихтевскимъ идеализмомъ и питалъ послѣднимъ, я перешелъ къ тому, чтобы искать идею въ самой дѣйствительности. Если прежде боги жили надъ землею, то теперь они стали центромъ послѣдней.

Прежде я читалъ отрывки Гегелевской философіи, странная

и дикая мелодія (Groteske Felsenmelodie) которой была не по мнѣ. Я еще разъ захотѣлъ погрузиться въ это море, но съ опредѣленнымъ—намѣреніемъ найти духовную природу настолько же необходимой, конкретной и оформившейся (festgerunded), какъ тѣлесную, уже не съ тѣмъ, чтобы упражняться въ фехтовальномъ искусствѣ, но чтобы выставить чистую жемчужину на солнечный свѣтъ.

Я написалъ діалогъ почти въ 24 листа: „Клеантъ или объ исходномъ пунктѣ и необходимомъ развитіи философіи". Здѣсь я до нѣкоторой степени объединялъ совсѣмъ было потерявшія другъ друга изъ виду искусство и знаніе и бодро принялся за самый трудъ, за философски-діалектическое развитіе божества въ его обнаруженіяхъ, какъ понятія an sich, какъ религіи, какъ природы, какъ исторіи. Мое послѣднее положеніе представляло собой исходный пунктъ Гегелевской системы, и этотъ головоломнѣйшій трудъ, для котораго я до нѣкоторой степени познакомился съ естествознаніемъ, съ Шеллингомъ, съ исторіей, который написанъ такъ . . . . . *) (вѣдь онъ собственно долженъ былъ представлять собой новую логику), что я самъ теперь съ трудомъ могу вдуматься въ него; это мое милѣйшее дитя, взрощенное при лунномъ сіяніи, какъ обманчивая сирена, головой выдаетъ меня врагу.

Отъ горести я нѣсколько дней совсѣмъ не могъ мыслить, бѣгалъ, какъ помѣшанный, въ саду, по берегу Шпрэ, грязная вода котораго „моетъ души и разжижаетъ чай", даже охотился совмѣстно съ моимъ хозяиномъ, примчался въ Берлинъ и желалъ обнять всякаго встрѣчнаго.

Вскорѣ послѣ этого я всецѣло предался занятіямъ положительнымъ: изучалъ Савиньи, уголовное право Фейербаха и Грольмана, de uerborum significatione Крамера, систему пандектовъ Венинга-Югенгейма и Doctrina Pandektorum Мюленбруха, которую теперь еще штудирую, наконецъ отдѣльныя главы по Гаутербаху, гражданскій процессъ, а болѣе всего церковное право, первую часть котораго, concordia discordantium canonnum Граціана я почти цѣликомъ прочелъ и проконспектировалъ, равно какъ и приложеніе—Institutiones Lancelotti. Затѣмъ я переводилъ

---

*) Это слово неразборчиво въ подлинникѣ. Прим. Элеоноры Марксъ-Эвелингъ.

риторику Аристотеля, читалъ de augmentis scientiarum знаменитаго Бэкона Веруламскаго, много занимался Реймарусомъ, книгу котораго „Vouden Kunsttrieben der Thiere“ я продумалъ съ наслажденіемъ, занялся также и нѣмецкимъ правомъ, но главнымъ образомъ постольку, поскольку штудировалъ капитуляріи франкскихъ королей и письма папъ къ нимъ.

Отъ печали о болѣзни Дженни и о моихъ тщетныхъ, погибшихъ трудахъ, отъ досады, что приходится сдѣлать своимъ идоломъ ненавистное мнѣ воззрѣніе, я заболѣлъ, какъ уже писалъ тебѣ прежде, дорогой отецъ. Выздоровѣвши, я сжегъ всѣ стихи и наброски повѣстей etc., мечтая, что я могу отдѣлаться отъ этого совершенно, но это какъ бы то ни было по сію пору не оправдалось.

Во время моей болѣзни я прочелъ Гегеля отъ начала до конца, а также ознакомился съ сочиненіями большинства его учениковъ. Благодаря нѣкоторымъ встрѣчамъ въ Stralow'ѣ съ друзьями я попалъ въ докторскій клубъ, въ составъ котораго входятъ нѣкоторые приватъ-доценты и задушевнѣйшій изъ моихъ берлинскихъ друзей, докторъ Рутенбергъ. Здѣсь въ преніяхъ проявились нѣкоторыя противорѣчивыя воззрѣнія, и я все болѣе привязывался къ нынѣшней универсальной философіи, которой я мнилъ избѣжать, но все звучное замолкло, на меня напалъ истинный припадокъ ироніи, что было естественно послѣ столькихъ отрицаній. Къ этому присоединилось молчаніе Дженни и я не могъ успокоиться, пока не искупилъ современности и точки зрѣнія нынѣшняго научнаго міровоззрѣнія нѣсколькими плохими произведеніями, вродѣ „посѣщенія“ etc.

Если я недостаточно подробно и ясно изобразилъ тебѣ мой послѣдній семестръ и не оттѣнилъ всѣхъ деталей, то извини это, дорогой отецъ, моимъ нетерпѣніемъ заговорить о настоящемъ.

Г-нъ фонъ-Шамиссо прислалъ мнѣ въ высшей степени ничтожную записку, въ которой сообщаетъ мнѣ, что онъ сожалѣетъ, „что альманахъ не можетъ утилизировать моихъ произведеній, такъ какъ онъ давно уже отпечатанъ“. Мнѣ съ горестью пришлось проглотить это. Книгопродавецъ Vigant послалъ мой планъ доктору Шмидту, издателю фирмы Вундеръ, торгующей хорошимъ сыромъ и плохой литературой. Письмо его прилагаю. А послѣдній мнѣ еще не отвѣтилъ. Тѣмъ не менѣе я отнюдь не

отказываюсь отъ своего плана, тѣмъ болѣе, что всѣ эстетическія знаменитости Гегелевской школы обѣщали свое сотрудничество при посредствѣ доцента Бауэра, играющаго среди нихъ значительную роль, и моего сотоварища доктора Рутенберга.

Что же касается до вопроса о камеральной карьерѣ, дорогой отецъ, то я недавно познакомился съ ассесоромъ Шмидтгеномъ, который посовѣтовалъ мнѣ послѣ третьяго юридическаго экзамена перейти къ ней въ качествѣ кандидата на судебныя должности (justiciarus), къ чему я тѣмъ болѣе склоненъ, что я предпочитаю юриспруденцію всей наукѣ объ управленіи. Этотъ господинъ сказалъ мнѣ, что самъ онъ и многіе другіе служащіе въ Мюнстерскомъ окружномъ судѣ въ Вестфаліи въ три года дослужились до ассесора, что при трудолюбіи не трудно, такъ какъ тамъ стадіи не регулированы въ опредѣленномъ порядкѣ, какъ въ Берлинѣ и въ другихъ мѣстахъ. Если послѣ, будучи уже ассесоромъ, получишь докторскую степень, то гораздо болѣе шансовъ тотчасъ же добиться экстраординарной профессуры, какъ это удалось Гертнеру въ Боннѣ, написавшему посредственное сочиненіе о сводахъ провиціальныхъ законовъ и извѣстному лишь тѣмъ, что онъ называетъ себя юристомъ Гегелевской школы. Но нельзя ли, доргой отецъ, переговорить обо всемъ этомъ съ тобой лично? Состояніе Эдуарда, страданія милой мамаши, твоя болѣзнь, хотя я надѣюсь, что она не серьезна, все это заставляетъ меня желать, даже дѣлаетъ необходимымъ спѣшить къ вамъ. Я уже былъ бы у васъ, если бы не сомнѣвался въ твоемъ позволеніи и одобреніи. Не думай, дорогой, милый отецъ, чтобы меня влекло эгоистическое намѣреніе, хотя я радъ былъ бы опять увидѣть Дженни, но меня увлекаетъ мысль, которой я не могу высказать. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ это былъ бы даже тяжелый шагъ для меня, но, какъ пишетъ моя милая, несравненная Дженни, всѣ эти соображенія отступаютъ на задній планъ предъ выполненіемъ священныхъ обязанностей. Я прошу тебя, дорогой отецъ, каково бы ни было твое рѣшеніе, не показывать этого письма или по крайней мѣрѣ этой странички милой матери. Можетъ быть, мое прибытіе могло бы утѣшить эту замѣчательную женщину.

Письмо, которое я написалъ матери, составлено задолго до полученія милаго посланія отъ Дженни, и такимъ образомъ я безсознательно написалъ, можетъ быть, слишкомъ много неумѣстнаго.

Надѣюсь, что постепенно прояснятся тучи, собравшіяся надъ нашимъ семействомъ, и что я самъ смогу страдать и плакать вмѣстѣ съ вами и, можетъ быть, вблизи васъ доказать глубокое, задушевное участіе и безпредѣльную любовь, которой я часто не умѣлъ, какъ слѣдуетъ, выразить. Надѣюсь, что и ты, дорогой, вѣчно любимый отецъ, принимая въ соображеніе мое зачастую колеблющееся душевное настроеніе, извинишь тѣ случаи, когда, повидимому, ошибалось сердце, когда его влеченія заглушались борящимся духомъ, что ты скоро вполнѣ выздоровѣешь и что я буду въ состояніи прижать тебя къ моему сердцу и вполнѣ высказаться.

Твой вѣчно любящій тебя сынъ
Карлъ.

Извини, дорогой отецъ, за неразборчивый почеркъ и плохой слогъ; теперь почти 4 часа, свѣча совсѣмъ догорѣла и мои глаза мутны. Мною овладѣла истинная тревога, преодолѣть которую я смогу лишь вблизи васъ.

Привѣтъ моей милой, чудной Дженни!

Я уже двѣнадцать разъ перечиталъ ея письмо и все открываю въ немъ новыя прелести. Во всѣхъ отношеніяхъ, даже въ стилистическомъ, это самое изящное дамское письмо, какое я только могу себѣ представить [5]).

Благодаря въ высшей степени счастливой случайности, это письмо сохранилось. Не будь его, мы не могли бы правильно судить о юности Карла Маркса. Если бы мы не обладали этимъ неоцѣненнымъ документомъ, мы не имѣли бы возможности опро-

---

Примѣчанія *Меринга* къ вышеприведенному письму:

[1]) Сестра Карла Маркса, Софія, которой съ самаго начала была открыта тайна любви, въ декабрѣ 1836 г. писала брату, что Дженни при полученіи этихъ стихотвореній „плакала отъ восхищенія и горести“.

[2]) Можно допустить, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ опиской: когда далѣе читаемъ, за что взялся юноша, еще недостигшій двадцатилѣтняго возраста, въ теченіе одного семестра, то голова кружится уже при мысли о ста или тридцати листахъ.

[3]) Слѣдуетъ подробная схема, долженствующая наглядно иллюстрировать отцу идею.

[4]) Марксъ жилъ тогда въ Берлинѣ, въ Старой Лейпцигской улицѣ № 1, въ томъ самомъ домѣ, гдѣ обиталъ Лессингъ во время своихъ пріѣздовъ въ Берлинъ.

[5]) Итакъ, „рецептъ“ дошелъ по своему назначенію.

вергнуть нѣкоторыхъ обвиненій отца, встрѣчающихся въ его письмахъ. По справедливому замѣчанію Элеоноры Марксъ, скрѣпя сердце опубликовавшей исповѣдь, очевидно, предназначавшуюся только для любимаго отца, это письмо характеризуетъ молодого Маркса въ началѣ его развитія, показывая намъ въ мальчикѣ будущаго взрослаго человѣка. Всѣ безчисленныя обвиненія въ „безсердечіи“, направленныя противъ взрослаго Маркса, опровергъ еще мальчикъ замѣчаніемъ, что голосъ сердца только кажется замолкшимъ, потому что его заглушаетъ борящійся духъ! Да, борящійся духъ! Ненасытную жажду знанія, неутомимую работоспособность, неумолимую критику самого себя—всѣ эти качества, которыми Марксъ отличался, будучи взрослымъ, мы замѣчаемъ уже у юноши, стремящагося къ истинѣ, не жалѣя духовныхъ и физическихъ силъ. Сыну тоже знакомы нѣжныя чувства, они у него такъ же глубоки, какъ и у отца, но онъ не въ состояніи противиться борящемуся духу, влекущему его впередъ на одинокія высоты, гдѣ „истинные сыны боговъ“ живутъ для блага человѣчества. Какъ вѣрно сердца обоихъ людей, наиболѣе тѣсно связанныхъ съ этой молодой жизнью, предчувствовали, несмотря на переполнявшую ихъ гордость, ея суровую судьбу! Но въ то время, какъ возлюбленной суждено было подняться на высоту геніальнаго творчества, отцу не пришлось переживать того, съ чѣмъ онъ никогда не могъ бы сродниться.

Великая исповѣдь 10 ноября возбудила въ немъ сильнѣйшее неудовольствіе. То, что намъ представляется теперь какъ бы утреннимъ туманомъ, сквозь который едва начинаетъ просвѣчивать солнце, ему должно было представляться въ другомъ свѣтѣ. Въ своемъ отвѣтѣ 1 декабря онъ, скрѣпя сердце, пишетъ: „Зная свою слабость, нужно принимать противъ нея мѣры. Если бы я сталъ писать связно, какъ всегда, то моя любовь къ тебѣ въ концѣ концовъ настроила бы меня на сантиментальный ладъ... А потому я выскажу свои обвиненія въ афоризмахъ, ибо то, что я намѣренъ сказать,—дѣйствительно, обвиненія“. Очевидно, онъ медлитъ высказать свое неудовольствіе и предлагаетъ вопросы: 1) какая задача стоитъ передъ молодымъ человѣкомъ, котораго природа безспорно надѣлила необычайными талантами, въ особенности, a) если онъ почитаетъ своего отца и смотритъ на свою мать, какъ на идеалъ, b) если онъ связалъ свою судьбу съ судь-

бой одной изъ благороднѣйшихъ дѣвушекъ, и с) такимъ образомъ побудилъ весьма почтенную семью согласиться на бракъ, при которомъ на долю этой милой дѣвушки выпадаетъ жизнь, полная опасностей и печальныхъ предзнаменованій. За этимъ слѣдуютъ дальнѣйшіе вопросы: 2-й, 3-й, 4-й и общіе отвѣты подъ нумерованными рубриками и подрубриками. Лишь на пятой страницѣ письма разражается буря.

Какъ и всѣ мягкіе люди, принуждающіе себя быть суровыми, отецъ пишетъ съ преувеличенной рѣзкостью: „Вотъ какъ можно резюмировать твою задачу. Какъ она разрѣшена?

Безпорядочность, безсмысленное перебѣганіе отъ одной науки къ другой, размышленія при тускломъ свѣтѣ лампы, распущенность въ халатѣ ученаго, съ нечесанными волосами, вмѣсто распущенности за стаканомъ пива; отталкивающая необщительность, полное пренебреженіе ко всякимъ приличіямъ и отсутствіе вниманія даже къ отцу. Общеніе съ міромъ ограничивается грязной комнатой, гдѣ, благодаря классическому безпорядку, любовныя письма Дженни и откровенныя, иногда со слезами написанныя наставленія отца, употребляются, быть можетъ, для зажиганія папиросъ, или, что еще менѣе простительно, попадаютъ въ руки третьихъ лицъ. — И здѣсь, въ этой мастерской нелѣпой и безцѣльной учености должны зрѣть плоды, которымъ предстоитъ услаждать жизнь твою и твоей возлюбленной невѣсты, здѣсь будетъ собираться жатва, которая послужитъ для выполненія священныхъ обязанностей“. Едва написаны эти жесткія слова, отецъ уже раскаивается въ нихъ, для него невыносимо сознаніе, что онъ огорчилъ сына: „уже снова одолѣваетъ меня моя обычная слабость и, чтобы побороть ее—въ буквальномъ смыслѣ—беру предписанныя мнѣ пилюли и проглатываю ихъ, такъ какъ я рѣшилъ наконецъ быть суровымъ и высказать всѣ мои обвиненія“. Затѣмъ онъ вспоминаетъ о дикомъ неистовствѣ въ Боннѣ, объ уничтоженной „долговой книгѣ“, о „страданіяхъ любви“, благодаря которымъ родителямъ „пришлось взять на себя, пожалуй, даже неумѣстную роль“.

Изъ Берлина сынъ писалъ рѣдко и нерегулярно: „мы всегда были лишены наслажденія, доставляемаго разумной корреспонденціей“. Къ одному изъ своихъ писемъ онъ присоединяетъ выдержку изъ дневника, озаглавленную „Посѣщеніе“ и произвед-

шую на отца самое неблагопріятное впечатлѣніе: „Сумасбродное произведеніе, свидѣтельствующее лишь о томъ, что ты по-пусту расточаешь свои дарованія и проводишь безъ сна ночи для того, чтобы производить на свѣтъ чудовища; что ты идешь по стопамъ тѣхъ юныхъ сочинителей, которые взвинчиваютъ свои слова до тѣхъ поръ, пока сами перестаютъ ихъ понимать, которые безсмысленный наборъ словъ именуютъ геніальнымъ произведеніемъ“. Строго порицается также нерасчетливость Карла. Какъ будто бы мы были богачи: несмотря на всѣ увѣщанія и вопреки установленному бюджету, господинъ сынъ изволитъ тратить въ годъ 700 талеровъ, между тѣмъ какъ самые богатые не проживаютъ и 500. А почему? Я готовъ допустить, что онъ не мотъ и не расточитель. Но какъ можетъ человѣкъ, который каждую недѣлю или черезъ каждыя двѣ недѣли создаетъ новую систему и отвергаетъ прежнія произведенія упорнаго труда, какъ можетъ онъ, спрашиваю я, заниматься мелочами? Какъ можетъ онъ быть аккуратнымъ въ мелочахъ? Его обманываетъ всякій“.

Упоминаются нѣкоторые примѣрные юноши, имена которыхъ обозначены лишь иниціалами: конечно, это „пошляки“, которые по глупости своей посѣщаютъ лекціи и ищутъ себѣ друзей и покровителей. „Правда, эти бѣдные молодые люди спятъ себѣ спокойно, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда они полночи или даже цѣлую ночь предаются удовольствіямъ, въ то время какъ мой дѣльный, талантливый Карлъ бодрствуетъ цѣлыя ночи напролетъ, изнуряетъ тѣло и духъ серьезными занятіями, отказывается отъ всѣхъ удовольствій, предаваясь абстрактному основательному изученію; но то, что онъ построилъ сегодня, завтра онъ разрушаетъ и въ результатѣ получается, что онъ разрушилъ свое и не усвоилъ чужого. Въ концѣ концовъ тѣло его страдаетъ, а мысли въ смятеніи, между тѣмъ какъ пошлые людишки пробираются себѣ безостановочно впередъ и иногда лучше или, по крайней мѣрѣ, спокойнѣе достигаютъ цѣли, чѣмъ тѣ, которые презираютъ друзей своей юности и разстраиваютъ свое здоровье для пріобрѣтенія тѣни учености, которая успѣшнѣе была бы ими достигнута въ одинъ часъ, проведенный въ обществѣ компетентныхъ людей, при чемъ получилось бы еще и удовольствіе!!..“

Затѣмъ отецъ, чувствуя по учащенному біенію своего пульса, что онъ снова смягчается, тогда какъ онъ желаетъ быть не-

умолимымъ, кончаетъ письмо. Онъ приводитъ еще только жалобы сестеръ и братьевъ, о которыхъ братъ слишкомъ мало думаетъ, въ особенности жалобы „доброй Софи, которая такъ много страдала изъ-за тебя и изъ-за Дженни и которая такъ безгранично тебѣ предана“. Онъ неумолимо отклоняетъ пріѣздъ Карла домой. „Пріѣзжать сюда въ данное время было бы безуміемъ. Положимъ, я знаю, что ты ни во что ставишь посѣщеніе лекцій — однако, должно быть, ты все-таки платишь за нихъ, — но я хочу по крайней мѣрѣ соблюсти декорумъ. Я вовсе не рабъ общественнаго мнѣнія, но не люблю и того, чтобъ на мой счетъ сплетничали. На Пасху — или даже десятью днями раньше, я вовсе не такъ педантиченъ — пріѣзжай, и можешь быть увѣренъ, что, не смотря на это мое посланіе, я встрѣчу тебя съ распростертыми объятіями, и что отцовское сердце, страдающее отъ излишней чувствительности, бьется любовью къ тебѣ“. На самомъ дѣлѣ отцу Маркса уже недолго оставалось жить.

Слѣдующее письмо отецъ написалъ 10 февр. 1838 г., вставъ на нѣсколько часовъ съ постели, гдѣ онъ пролежалъ больной пять недѣль. Изъ приписки матери видно, что Карлъ отказался отъ пріѣзда на Пасху, исполняя желаніе заболѣвшаго отца и стремясь наверстать все упущенное. „Я крайне недовольна этимъ,— пишетъ мать,—я отдаю преимущество чувству передъ разсудкомъ“. Но отецъ пишетъ: „Твое послѣднее рѣшеніе въ высшей степени похвально, обдуманно и разумно и, вѣроятно, приведетъ къ самымъ лучшимъ результатамъ, если ты исполнишь обѣщанное. И будь увѣренъ, что не одинъ только ты несешь большую жертву. Мы всѣ несемъ ее, но все-таки разсудокъ долженъ побѣдить“. Его гнѣвъ еще не вполнѣ утихъ, но уже къ нему примѣшивается легкій юморъ. „На мое послѣднее письмо вліяло, конечно, мое настроеніе, но въ немъ нѣтъ вымысла, а развѣ шаржъ. Я менѣе всего теперь способенъ пускаться въ объясненія по поводу каждаго отдѣльнаго обвиненія, и вообще я не могу мѣряться съ тобой въ искусствѣ абстрактно резонировать, потому что въ такомъ случаѣ, прежде чѣмъ проникнуть въ святилище, я долженъ былъ бы изучить терминологію, для чего я уже слишкомъ старъ. Очень хорошо, если твоя совѣсть примиряется и уживается съ твоей философіей. Только вотъ въ од-

номъ пунктѣ все трансцендентное ничего не можетъ подѣлать, и по поводу этого пункта ты благоразумно предпочелъ хранить величественное молчаніе: я имѣю въ виду презрѣнный металлъ, значеніе котораго для отца семейства ты, повидимому, все еще не понимаешь... Но ты несправедливо говоришь, или воображаешь, что я тебя не знаю или не понимаю. Ни то, ни другое. Твоему сердцу, твоей нравственности я отдаю полную справедливость. Но тѣмъ не менѣе я не слѣпъ и слагаю оружіе лишь вслѣдствіе усталости. Но вѣрь и никогда не сомнѣвайся, что ты живешь въ самой глубинѣ моего сердца и являешься сильнѣйшимъ рычагомъ моей жизни". Это было послѣднее письмо отца къ Карлу; мать прибавила отъ себя, что добрый отецъ чувствуетъ себя очень плохо, что она покорилась своей участи и приготовилась ко всему; милая Дженни относится къ намъ, какъ любящее дитя къ своимъ родителямъ, во всемъ принимаетъ самое близкое участіе; ни при какихъ обстоятельствахъ она не поддается унынію и ободряетъ всѣхъ насъ.

26 февраля мать пишетъ уже одна: кашель уменьшился, но полное отсутствіе аппетита мѣшаетъ выздоровленію добраго отца, который отъ долгаго лежанія въ постели сталъ раздражителенъ; Карлъ долженъ писать ему какъ можно бережнѣе, потому что письма его отецъ перечитываетъ по нѣсколько разъ. „Не желая отнимать у тебя времени, я не требую отъ тебя писемъ; я вѣдь знаю, что у тебя любящее сердце и что ты меня не забудешь. Когда къ намъ приходитъ милая Дженни, она обыкновенно остается у насъ весь день и старается развлечъ отца; это—любящее дитя, которое, я надѣюсь, сдѣлаетъ тебя со временемъ счастливымъ". Подъ этимъ полустертая, мало разборчивая строчка, написанная рукой отца: „Милый Карлъ, привѣтствую тебя нѣсколькими словами, много я еще не могу писать". Затѣмъ письма прекращаются: по всей вѣроятности, Карлъ поѣхалъ все-таки на пасхальные каникулы и стоялъ у смертнаго одра своего отца; въ трирскомъ регистрѣ значится, что Генрихъ Марксъ умеръ 10 мая 1838 г. 56-ти лѣтъ отъ роду.

Такимъ образомъ отцу и сыну не пришлось переживать обострения трагическаго конфликта.

3. Фантастическій поэтъ.

Не безъ колебанія я вставляю здѣсь нѣсколько словъ о трехъ сохранившихся тетрадяхъ стихотвореній Маркса, свидѣтельствующихъ о его поэтическихъ начинаніяхъ въ молодые годы; это тѣ самыя стихотворенія, которыя онъ осенью 1836 г. послалъ своей невѣстѣ. Одна тетрадь озаглавлена: книга пѣсенъ Карла Маркса, Берлинъ, 1836 г.; двѣ другія—книга любви, К. Г. Марксъ, первая часть, Берлинъ, 1836 г., въ концѣ осени; вторая часть, Берлинъ, 1836 г., ноябрь; всѣ три посвящены „моей дорогой, вѣчнолюбимой Дженни ф. Вестфаленъ“.

Г-жа Лаура Лафаргъ, вручившая мнѣ эти три тетради, написала мнѣ: „Я должна вамъ сказать, что отецъ мой безъ всякаго почтенія относился къ этимъ стихамъ; и когда родителямъ моимъ приходилось о нихъ говорить, они отъ души смѣялись надъ этими юношескими глупостями“. И, дѣйствительно, было бы несправедливо утверждать, что юношескія стихотворенія Карла Маркса имѣли какое бы то ни было эстетическое достоинство; странно было бы и то, если бы черезъ шестьдесятъ съ лишнимъ лѣтъ мы стали критиковать стихотворенія, написанныя восемнадцатилѣтнимъ юношей въ періодъ его первыхъ бурныхъ порывовъ, стихотворенія, которыхъ онъ не печаталъ и относительно достоинства которыхъ онъ питалъ иллюзію всего какихъ-нибудь нѣсколько мѣсяцевъ.

Тѣмъ не менѣе произведеніе, лишенное эстетическихъ достоинствъ, можетъ все-таки имѣть цѣнность біографическую и психологическую. Какъ всякій великій писатель Карлъ Марксъ обладалъ даромъ художественнаго творчества, блестящимъ образомъ проявляющимся въ его зрѣлыхъ произведеніяхъ; въ этомъ отношеніи онъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди классическихъ прозаиковъ XIX столѣтія. По богатству образовъ и сравненій онъ приближается къ Лессингу или даже къ Гете, подобно которому онъ могъ бы сказать: не возбраняйте мнѣ употребленіе сравненій, безъ нихъ я не былъ бы способенъ объясняться. Онъ не обладаетъ граціознымъ, вкрадчивымъ, пріятнымъ стилемъ, но періоды его катятся впередъ подобно потоку расплавленнаго золота, и тѣмъ, которые называютъ ихъ пустыми и тяжеловѣсными, Марксъ могъ бы отвѣтить словами Пла-

тена: Leer an Geklimper vielleicht, schwer wie die reifende Frucht. Какимъ же образомъ проявился у мальчика художественный талантъ взрослаго? Какъ обнаружился будущій первоклассный прозаикъ въ своихъ юношескихъ стихотвореніяхъ?

О стихотвореніяхъ Маркса можно сказать только, что они безформенны во всѣхъ смыслахъ этого слова. Даже техника стиха еще совсѣмъ не выработана; если бы не было вполнѣ точно извѣстно, когда они написаны, нельзя было бы предположить, что произведенія эти написаны черезъ годъ послѣ смерти Платена и черезъ девять лѣтъ по выходѣ въ свѣтъ „пѣсенъ“ Гейне. Нельзя судить объ этомъ и по ихъ содержанію. Это романтическія пѣснопѣнія: пѣснь эльфовъ, пѣснь гномовъ, пѣснь сиренъ, пѣсни къ звѣздамъ, пѣсня звонаря, послѣдняя пѣснь пѣвца, блѣдная дѣва, или юноша и дѣва, циклъ балладъ объ Альбоинѣ и Розамундѣ; фигурируетъ и храбрый рыцарь, совершившій на чужбинѣ много геройскихъ подвиговъ и возвращающійся домой какъ разъ въ тотъ моментъ, когда измѣнившая невѣста идетъ съ другимъ къ алтарю. Все это романтическія пѣснопѣнія, но безъ свойственной романтикѣ прелести, безъ того блѣднаго луннаго сіянія, которое всегда было чуждо духу, стремившемуся къ свѣту денницы. Романъ о могилѣ касается современной проблемы: въ немъ духъ земли обвиняетъ Наполеона въ томъ, что послѣдній разрушилъ міръ, будучи созданъ для того, чтобы его осчастливить, но духъ свѣта прощаетъ его и возноситъ къ звѣздамъ; и здѣсь какъ далеко Марксу до наполеоновскихъ пѣсенъ, которыя пѣли Платенъ и Гейне на зло узкому патріотизму. Въ своихъ юношескихъ стихотвореніяхъ Марксъ слишкомъ часто является тѣмъ, чѣмъ онъ никогда не былъ: поэтомъ фантастическимъ и при томъ тривіальнымъ, и, если отецъ его и слышать не хотѣлъ о „фантастическомъ поэтѣ“ о „пошломъ поэтикѣ“, то съ его стороны это вовсе не было ошибкой, объясняющейся отсутствіемъ поэтическаго дарованія.

Легко объясняется и то, почему юношескія стихотворенія Маркса по достоинству своему далеко уступаютъ стихотворнымъ произведеніямъ, написаннымъ въ часы досуга мыслителями менѣе крупными, какъ, напримѣръ, Давидомъ Штраусомъ или Альбертомъ Ланге. Ему не доставало творческаго поэтическаго генія, способнаго созидать цѣлый міръ изъ ничего; художественнымъ

дарованіемъ онъ обладалъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно обыкновенно присуще законченной силѣ великаго завоевателя въ области науки. Чѣмъ напряженнѣе и страстнѣе онъ искалъ себѣ сферы, въ которой ему суждено было стяжать безсмертные тріумфы, тѣмъ безпомощнѣе и безцѣльнѣе бродятъ изъ стороны въ сторону его эстетическія способности. Инстинктивно стремились онѣ къ тому, что внѣ образа и формы парило въ душѣ юноши-поэта, какъ онъ объ этомъ самъ говоритъ въ одномъ стихотвореніи, обращенномъ къ невѣстѣ:

Doch wie sollen Worte richtig zwängen,
Selber Nebelrauch und Schall,
Was unendlich ist, wie Geistesdrängen,
Wie du selber und das All.

„Все дѣйствительное скрывается и теряетъ границы, связь съ настоящимъ; безформенныя чувства, ничего естественнаго, все сантиментально, риторическая рефлексія вмѣсто поэтическаго настроенія“: такъ критиковалъ Карлъ Марксъ свои юношескія стихотворенія уже по прошествіи года. Лишь „нѣкоторую теплоту чувства и стремленіе парить“ признавалъ онъ еще въ нихъ, и этими достоинствами отличаются именно пѣсни любви, обращенныя къ Дженни. Но и тамъ широкій размахъ и теплота чувства преувеличиваются до фантастическихъ размѣровъ, напоминая одно болѣе старое, но не лучшее произведеніе, а именно пѣсни Лауры Шиллера. Довольно рѣдко прорываются простые и задушевные, естественные звуки, какъ, наприм., въ строфахъ:

Da ward ich tief gebunden
Da ward mein Auge klar,
Da hatte ich gefunden,
Was dunkles Streben war.

Was nicht mein Geist erflogen,
Getrieben vom Geschick,
Das kam ins Herz gezogen
Von selbst mit deinem Blick.

Конечно, для молодого борца успокоеніе въ любви къ невѣстѣ вовсе не означало неохоты бороться съ міромъ. Въ немъ все волнуется и бушуетъ, толкая его впередъ, и онъ признается:

Nimmer kann ich ruhig treiben,
Was die Seele stark erfasst
Nimmer still behaglich bleiben,
Uud ich stürme ohne Rast.

Alles möcht'ich mir erringen,
Jede schönste Göttergunst,
Und im Wissen wagend dringen
Und erfassen Sang und Kunst.

Такъ какъ онъ не можетъ создавать міровъ, то онъ желалъ бы разрушать міры, недоступные его зову и спокойно шествую-

щіе по своему пути, въ то время какъ люди и ихъ творенія подвергаются уничтоженію. Но онъ не промѣнялъ бы на вѣчно одинаковую судьбу звѣздъ вѣчно измѣняющуюся участь человѣка.

Darum lasst uns Alles wagen,
Nimmer rasten, nimmer ruhen,
Nur nicht dumpf so gar nichts sagen
Und so gar nichts woll'n und thun.

Nur nicht brütend hingegangen
Aengstlich in dem niedern Joch,
Denn das Sehnen und Verlangen
Und die That, sie blieb uns doch.

Въ исповѣди, посвященной отцу, Карлъ Марксъ признается, что въ концѣ третьяго семестра царство истинной поэзіи стало казаться ему далекимъ волшебнымъ замкомъ, „плохія же произведенія“, которыя онъ все еще писалъ въ продолженіе четвертаго семестра, совершенно опротивѣли ему, благодаря безпощадной критикѣ его отца. На основаніи одного бѣглаго намека Бруно Бауэра въ письмѣ отъ 28 марта 1841 г. можно предполагать, что и впослѣдствіи Марксъ не вполнѣ распростился съ поэзіей; вообще же онъ отдался съ этихъ поръ гегелевской философіи, увлеченію которой онъ долго не поддавался, и сталъ усерднымъ членомъ докторскаго клуба, въ который попалъ во время своего пребыванія въ Штралау.

4. Друзья юности.

Преимущество берлинскаго университета передъ другими состояло въ томъ, что въ немъ отсутствовала обычная, рутинная студенческая жизнь. Въ іюлѣ 1824 г. Людвигъ Фейербахъ писалъ своему отцу послѣ переселенія изъ Гейдельберга въ Берлинъ: „здѣсь нечего и думать о попойкахъ, дуэляхъ, поѣздкахъ въ компаніи и т. п.; ни одинъ университетъ не отличается такимъ поголовнымъ трудолюбіемъ, такимъ стремленіемъ къ чему-то высшему, чѣмъ обыкновенныя студенческія дѣла, такимъ влеченіемъ къ наукѣ, такимъ спокойствіемъ и тишиной, какъ здѣшній. Другіе университеты—просто трактиры по сравненію съ здѣшнимъ, гдѣ идетъ серьезная работа“. И докторскій клубъ, имѣвшій въ послѣдніе семь семестровъ болѣе важное значеніе для Карла Маркса, чѣмъ университетъ, также не имѣлъ ничего общаго со студенческой жизнью и дѣятельностью.

Его членами были преимущественно доценты, учителя, писатели—все люди молодые. Рутенбергъ, о которомъ Марксъ упо-

минаетъ своему отцу, какъ о своемъ ближайшемъ берлинскомъ другѣ, родился въ 1808 г. и занималъ тогда мѣсто учителя въ кадетскомъ корпусѣ; такого же возраста былъ Карлъ Фридрихъ Кэппенъ, учитель реальной школы, а Бруно Бауэръ, бывшій годомъ его моложе, былъ приватъ-доцентомъ теологіи. Эдуардъ Мейенъ, родившійся въ 1812 г., издавалъ литературную газету; сверстникомъ Карла Маркса былъ Теодоръ Альтгаузъ, изучавшій теологію. Другихъ именъ, въ настоящее время совершенно забытыхъ, можно здѣсь не упоминать.

Но и Рутенбергъ, Мейенъ и Альтгаузъ особаго значенія для Маркса не имѣли. 30 марта 1840 г. Бруно Бауэръ пишетъ въ отвѣтъ на письмо Маркса: „Итакъ, Рутенбергъ не только не сталъ лучше, но и дѣлается все скучнѣе. Бѣдняга!“ Вплоть до появленія Рейнской газеты Рутенбергъ шелъ рука объ руку съ Марксомъ; послѣ этого онъ присоединился къ буржуазной оппозиціи и вмѣстѣ съ Цабелемъ основалъ въ мартѣ 1848 г. Національную газету. Еще быстрѣе опустился Эдуардъ Мейенъ; послѣ того юношескаго задора, съ какимъ онъ громилъ Гейнриха Лео, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ постепенно дошелъ до положенія чернильнаго раба на газетной плантаціи данцигскаго политика Рикерта, въ услуженіи у котораго ему пришлось воздерживаться даже и отъ не слишкомъ опаснаго крика „долой папство“, изъ боязни запугать ультрамонтантскихъ абонентовъ и избирателей; помимо этого Мейенъ сдѣлался извѣстенъ главнымъ образомъ благодаря своимъ ядовитымъ нападкамъ на Маркса въ 1859 г. и на Лассаля въ 1863 г. Теодоръ Альтгаузъ пріобрѣлъ довольно широкую, хотя и анонимную извѣстность, благодаря „мемуарамъ идеалистки“: именно о немъ разсказываетъ Мальвида ф.-Мейзенбургъ, какъ о другѣ своей юности, который освободилъ ее отъ религіозныхъ предразсудковъ, но затѣмъ покинулъ. Позже онъ сталъ жертвой революціи и рано угасъ отъ болѣзни, при чемъ вѣрная подруга по мѣрѣ своихъ силъ облегчала его послѣднія страданія.

Гораздо тѣснѣе сблизился Карлъ Марксъ съ Бруно Бауэромъ и Карломъ Фридрихомъ Кэппеномъ. Имъ обоимъ Карлъ Марксъ обязанъ многимъ, хотя они и не принимали на себя роли учителей по отношенію къ бывшему на десять лѣтъ моложе ихъ товарищу; оба обладали значительнымъ умомъ и, рано признавъ

въ Марксѣ превосходящую ихъ умственную силу, относились къ нему, какъ добрые товарищи. Они были гегеліанцы, Бруно Бауэръ даже ортодоксальнаго направленія, которое онъ упорно защищалъ противъ Штрауса, но и они были захвачены критицизмомъ, вызваннымъ штраусовской „жизнью Іисуса", которая какъ разъ въ то время, когда Марксъ присоединился къ докторскому клубу, вызвала къ жизни воинственный журналъ Hallische Iahrbücher.

Бруно Бауэръ происходилъ изъ саксонскаго мѣстечка Элзенбергъ, но уже съ дѣтства жилъ въ Берлинѣ, куда отецъ его, художникъ, рисовавшій по фарфору, переселился, чтобы дать своимъ сыновьямъ возможно лучшее воспитаніе. Изъ сыновей Бруно былъ и самый старшій, и самый даровитый; его братья, Эдгаръ и Эгбертъ, пріобрѣли нѣкоторую извѣстность лишь въ качествѣ его спутниковъ. Въ оффиціальныхъ сферахъ онъ считался талантливымъ и подающимъ большія надежды человѣкомъ, и министръ народнаго просвѣщенія Альтенштейнъ покровительствовалъ ему, какъ будущей опорѣ прусскаго гегеліанства. Казалось, что Бруно Бауэръ оправдаетъ эти ожиданія; онъ былъ ученъ, остроуменъ, хорошо владѣлъ перомъ и имѣлъ порядочную дозу импонирующей самоувѣренности. Но, нападая на Штрауса, онъ потерпѣлъ сильное пораженіе. Штраусъ выразился о Бауэрѣ, что, читая смѣлыя дедукціи послѣдняго, онъ чувствовалъ себя какъ Фаустъ, которому слышится въ кухнѣ вѣдьмъ хоръ ста тысячъ дураковъ; это спекулятивное построеніе, при всей его кажущейся высотѣ и глубинѣ, такъ безсодержательно и пусто, что ежеминутно переходитъ въ самыя плоскія представленія разсудка и сходится съ религіозно-фанатическимъ, ортодоксальнымъ направленіемъ Генгстенберга; оно стоитъ на той же ступени и представляетъ собой нечто иное, какъ окостенѣлую схоластику.

Но хотя Штраусъ былъ фактически правъ, полемизируя такимъ образомъ, онъ слишкомъ задѣлъ за живое Бруно Бауэра. Притомъ ортодоксы не были склонны признать его своимъ философскимъ союзникомъ, полагая, что всякая философія—отъ лукаваго. Уже лѣтомъ 1839 г. началась полемика между Бауэромъ и Генгстенбергомъ. Хотя полемика Бауэра совершенно не выходила изъ границъ философско-теологическаго преній, тѣмъ не менѣе ортодоксія, очень чуткая ко всякой ереси, тотчасъ же

возымѣла подозрѣніе, и старый, слабый Альтенштейнъ, хорошо зная упорную мстительность благочестивой клики, послалъ своего протеже осенью 1839 г. въ основанный имъ боннскій университетъ. Онъ надѣялся, что черезъ годъ Бауэра „утвердятъ“ профессоромъ.

Но Бауэру очень не понравилось въ рейнскомъ университетѣ, какъ это видно изъ его писемъ къ Марксу. 11 декабря 1839 г. онъ пишетъ: „Я часто бываю здѣсь въ казино и въ профессорскомъ клубѣ, не имѣющемъ никакого сходства съ нашимъ клубомъ, гдѣ и духовные интересы все-таки играли роль: tempi passati не вернутся больше. Здѣсь лишь острятъ и рукоплещутъ и, собравшись въ 9 часовъ, расходятся въ 11. Ничего, кромѣ филистерства“. Еще унылѣе тонъ одного изъ его непомѣченныхъ писемъ: „Ахъ, куда дѣвались розы? Онѣ только тогда снова расцвѣтутъ для меня, когда ты пріѣдешь къ твоему Б. Бауэру. Развлеченій, забавъ и т. п. у меня здѣсь довольно, и смѣюсь я достаточно, но никогда такъ, какъ съ тобой, расхаживая по берлинскимъ улицамъ“. Но не только друга жаждалъ къ себѣ Бруно Бауэръ, а и товарища въ битвѣ.

Зависть профессоровъ къ протеже министра, боязнь ихъ, что онъ займетъ чье-нибудь мѣсто, отравляли Бруно Бауэру жизнь; онъ очень желалъ, чтобы Марксъ сталъ приватъ-доцентомъ боннскаго университета и издавалъ совмѣстно съ нимъ критическій журналъ. Уже въ своемъ первомъ письмѣ онъ писалъ объ инвалидахъ философскаго факультета въ Боннѣ, прибавляя: „Въ этомъ отношеніи тебѣ будетъ легко. Постарайся только, чтобы уже лѣтомъ ты могъ читать. Постарайся только покончить (хоть тебѣ и непріятно всякое напоминаніе объ этомъ, но что же дѣлать?) съ ничтожнымъ экзаменомъ, чтобы безъ помѣхи заняться своими работами по логикѣ... Напиши же мнѣ на вакаціяхъ, что вы всѣ подѣлываете и черкни словечко о такомъ прозаическомъ дѣлѣ, какъ твои экзамены“. Затѣмъ снова 1 марта 1840 года: „Время становится все плодотворнѣе и прекраснѣе... Воспрянь же, наконецъ... Брось свою нерѣшительность и откладыванія этой нелѣпости, этого чистѣйшаго фарса — экзамена. Если бы только ты былъ здѣсь и мы могли поговорить съ тобой обстоятельнѣе, чѣмъ это возможно сдѣлать письменно“. Въ томъ же духѣ письмо за письмомъ.

Въ то же время Бруно Бауэръ продолжалъ борьбу съ ортодоксіей, которая за послѣдніе годы, благодаря растущему вліянію романтическаго кронъ-принца, достигла процвѣтанія, и въ данный моментъ передъ ней открывалось полное надеждъ будущее, такъ какъ весной 1840 года умеръ Альтенштейнъ, а вскорѣ за нимъ—старый король. Въ анонимной статьѣ объ евангелической государственной церкви Пруссіи и о наукѣ Бруно Бауэръ заклиналъ идею, достигшую наибольшаго значенія въ нашей государственной жизни, какъ фамильный духъ, воодушевлявшій династію Гогенцоллерновъ, которая въ теченіе четырехсотъ лѣтъ изо всѣхъ силъ стремилась къ урегулированію отношенія церкви къ государству. „Наука будетъ неустанно защищать свободу мысли противъ нетерпимости и идею государства противъ церковныхъ притязаній. Государство тоже, конечно, можетъ ошибаться, подозрительно относиться къ наукѣ и прибѣгать къ принудительнымъ мѣрамъ, но ему слишкомъ присущъ разумъ и оно слишкомъ жизненно, чтобы имѣть возможность долго заблуждаться. Напротивъ того, блуждающій призракъ церкви въ наши дни непримиримъ: онъ будетъ враждовать вѣчно или по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не падетъ послѣдняя гекатомба за освобожденіе истины“. На это столь почтительное и добродушное увѣщаніе фамильный духъ Гогенцоллерновъ въ лицѣ Фридриха Вильгельма IV отвѣтилъ назначеніемъ на должность министра народнаго просвѣщенія Эйхгорна, ортодоксальнаго реакціонера, который тотчасъ же со всей суровостью принялся отмѣнять право свободнаго философскаго изслѣдованія, которое еще пользовалось терпимостью при жизни стараго короля по крайней мѣрѣ на академическихъ каѳедрахъ.

Ладенбергъ, послѣ смерти Альтенштейна управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія съ мая мѣсяца до октября, когда былъ назначенъ Эйхгорнъ, попытался было изъ уваженья къ памяти Альтенштейна добиться „утвержденія“ Бауэра въ Боннѣ, но теологическій факультетъ отказалъ въ профессурѣ подозрительному доценту подъ тѣмъ предлогомъ, что отъ принятія его можетъ пострадать единство факультета; у него нашлось необходимое для отказа мужество, какъ только Эйхгорнъ вступилъ въ министерство народнаго просвѣщенія. Бауэръ какъ разъ собирался возвращаться изъ Берлина, гдѣ онъ проводилъ

осенніе каникулы, въ Боннъ, когда оттуда пришелъ отказъ факультета. Друзья Бауэра поставили на обсужденіе вопросъ о томъ, не существуетъ ли уже непримиримаго противорѣчія между религіознымъ и научнымъ направленіемъ, и добросовѣстно ли со стороны послѣдователя научнаго направленія принадлежать къ теологическому факультету. Но самъ Бауэръ настаивалъ, что именно въ абсолютистскомъ государствѣ слава и достоинство правительства заключается въ томъ, чтобы дать право гражданства всѣмъ направленіямъ.

Оффиціозное предложеніе заняться научными работами въ качествѣ приватнаго ученаго и получать при этомъ казенное пособіе, онъ отклонилъ совершенно и вернулся въ Боннъ на свой передовой постъ, гдѣ онъ становился тѣмъ воинственнѣе, чѣмъ болѣе обнаруживалась нерѣшительность правительства передъ ортодоксіей и нерѣшительность государства передъ церковью. „Если ты пріѣдешь въ Боннъ, то, быть можетъ, гнѣздо быстро сдѣлается предметомъ всеобщаго вниманія, и мы можемъ вызвать здѣсь кризисъ въ его важнѣйшихъ моментахъ“, писалъ онъ Марксу 31 марта 1841 г. Онъ разсчитывалъ уже такимъ образомъ выступить противъ правительственной политики; „собаки не могутъ придраться къ намъ; онѣ трусливы, хотя и неотвязчивы“; онъ все еще не понималъ, какъ безпомощна въ концѣконцовъ была нѣмецкая философія передъ палкой прусскаго капрала.

Подобно Бруно Бауэру, и Фридрихъ Кэппенъ дѣйствовалъ уже на литературномъ поприщѣ въ то время, какъ Марксъ познакомился съ нимъ; въ январѣ 1837 году онъ издалъ литературное введеніе къ древнегерманской миѳологіи. Статья быстро завоевала себѣ почетное мѣсто рядомъ съ изслѣдованіями Якова Гримма и Уланда, послужившими новымъ импульсомъ къ изученію древнегерманской миѳологіи. Тогда Кэппенъ дѣлается усерднымъ сотрудникомъ Hallische Jahrbücher.

Онъ былъ болѣе историкъ, чѣмъ философъ. Въ письмѣ своемъ отъ 3 іюня 1841 г., адресованномъ Марксу, незадолго передъ тѣмъ уѣхавшему изъ Берлина, онъ увѣдомляетъ въ слѣдующихъ словахъ о статьѣ своей относительно Шлоссера: „Въ этой статьѣ я попытался спекулировать. Ты умрешь со смѣху“. Это письмо, или, вѣрнѣе, отрывокъ письма, такъ какъ оно не кончено, есть

единственный сохранившійся документъ, касающійся тогдашнихъ отношеній между Кэппеномъ и Марксомъ, но оно достаточно ясно показываетъ, насколько близки они были между собой. Кэппенъ, родомъ изъ Бранденбургской провинціи, обладалъ способностью иронизировать надъ самимъ собой, свойственной его землякамъ; болѣе недѣли онъ страдалъ меланхоліей послѣ отъѣзда своего молодого друга.

„У меня теперь снова мои собственныя, такъ сказать, самимъ мною продуманныя мысли, между тѣмъ какъ всѣ прежнія мои мысли были заимствованы по близости, а именно изъ Шютценштрассэ“, гдѣ Марксъ жилъ въ послѣднее время своего пребыванія въ Берлинѣ. Просмотрѣвъ одну изъ статей Бруно Баэура, Кэппенъ убѣдился, что послѣдній не чуждъ заимствованій изъ того же источника. „Какъ видишь, ты магазинъ мыслей, мастерская или, выражаясь по-берлински, бычачья голова идей“. Въ этой шуткѣ сквозитъ то же самое искреннее уваженіе, которое и Бруно Бауэръ питалъ къ геніальнымъ способностямъ Маркса; но тѣмъ не менѣе, старшіе друзья много давали Марксу, и усвояемое имъ отъ Кэппена пополняло то, что Марксъ усваивалъ отъ Бруно Бауэра, именно потому, что Кэппенъ былъ прежде всего историкомъ, а философомъ лишь по стольку, по скольку это требуется отъ хорошаго историка.

Въ журналѣ Hallische Jahrbücher онъ помѣстилъ рядъ характеристикъ современныхъ историковъ — Раумера, Ранке, Шлоссера, Лео — блестящіе портреты, сохранившіе свою свѣжесть и по сіе время. Самъ онъ прославился тѣмъ, что, критикуя Лео, впервые сдѣлалъ истинно историческую оцѣнку террора французской революціи. Кэппенъ обладалъ обширными историческими свѣдѣніями; изъ груды матеріала онъ умѣлъ выбирать важнѣйшіе факты и изображать ихъ съ пластическою ясностью; къ тому же онъ владѣлъ бойкимъ, сильнымъ, эпиграмматическимѣткимъ слогомъ, который могъ быть иногда необузданнымъ, но рѣдко тяжелымъ; слогъ Кэппена былъ предвѣстникомъ того стиля, какимъ Марксъ впослѣдствіи писалъ свои историческія картины, напримѣръ 18 Брюмера. Конечно, Марксъ, находясь въ интимнѣйшемъ общеніи съ Кэппеномъ, счелъ излишнимъ не только посѣщать лекціи офиціальныхъ историковъ берлинскаго университета, но и записываться на нихъ.

Не въ самомъ журналѣ Hallische Jahrbücher, но въ его изданіи появилась задорнѣйшая полемическая брошюра Кэппена, „Юбилейная статья“ о Фридрихѣ Великомъ и его противникахъ, выпущенная 31 мая 1840 г., въ день празднованія столѣтней годовщины вступленія на престолъ Фридриха Великаго. Воспріемниками этой статьи были Бруно Бауэръ и Карлъ Марксъ. Въ упомянутомъ уже письмѣ отъ 11 декабря 1839 г. Бауэръ писалъ Марксу: „Ахъ, добрый, добрѣйшій Кэппенъ! Серьезно ли онъ работаетъ надъ своей брошюрой? Она теперь была бы очень кстати! Когда, послѣ моихъ берлинскихъ опытовъ, я смотрю на здѣшній университетъ, въ особенности на теологическій факультетъ, то мнѣ начинаетъ казаться, что Пруссія способна будетъ прогрессировать только послѣ новой Іенской битвы. Эта битва скоро должна будетъ наступить, несмотря на колонну міра въ Берлинѣ; для нея вовсе не требуется поля, усѣяннаго трупами: есть и другія арены“. Но въ брошюрѣ Кэппена есть все, что угодно, кромѣ битвы при Іенѣ. Она скорѣе занимается чрезмѣрнымъ прославленіемъ короля, котораго система была сокрушена при Іенѣ во время одной изъ наиболѣе благодѣтельныхъ грозъ, какія когда-либо разражались въ исторіи. Кэппенъ въ заключеніе пишетъ: „Въ народѣ существуетъ старое вѣрованіе, что черезъ сто лѣтъ люди снова возрождаются. Время наступило. Пусть его возродившійся духъ придетъ къ намъ и пламеннымъ мечомъ истребитъ всѣхъ противниковъ, возбраняющихъ намъ вступленіе въ страну обѣтованную! Мы же клянемся и жить, и умереть проникнутые его духомъ!“ Къ этимъ „мы“ принадлежалъ и Карлъ Марксъ; „посвящается моему другу Карлу Генриху Марксу изъ Трира“, напечатано на первой страницѣ брошюры.

Для правильнаго ея пониманія необходимо имѣть въ виду тотъ фактъ, что во время выхода ея въ свѣтъ память стараго Фрица была камнемъ преткновенія для всѣхъ прусскихъ реакціонеровъ: для религіозныхъ обскурантовъ разныхъ оттѣнковъ, для романтическихъ болтуновъ съ ихъ государственно-научными, юридическими и общеисторическими кухнями вѣдьмъ, для историко-политическихъ реставраторовъ того же сорта, какъ Галлеръ, Савиньи, Лео, для сумасбродныхъ тевтономановъ съ длинными волосами и въ грязныхъ рубашкахъ, для болтливыхъ попугаевъ Гегелевской школы, воображавшихъ себя геніями и вопіявшихъ

противъ просвѣщенія XVIII вѣка, наконецъ, для огромной массы филистеровъ, которые, благодаря своей тупой инерціи, дали потухнуть даже слабо мерцающему свѣту, зажженному Николаи. Противъ всѣхъ нихъ боролся тотъ, кто вынималъ свой мечъ за стараго Фрица. „Дѣйствительно,—пишетъ Кэппенъ,—не приходится роптать на насъ, триста спартанцевъ, если противъ столь многочисленныхъ и могущественныхъ враговъ мы ищемъ себѣ повсюду помощи и противъ злыхъ духовъ вызываемъ даже умершихъ изъ могилъ“. Возможно, что „триста спартанцевъ“ нужно при этомъ понимать буквально; Halliche Jahrbücher послѣ двухлѣтняго существованія имѣли какъ разъ 313 подписчиковъ, какъ объ этомъ писалъ въ ноябрѣ 1839 года Фейербаху издатель Руге.

Однако не слѣдуетъ понимать этого въ томъ смыслѣ, что Кэппенъ пользовался королемъ Фридрихомъ лишь въ качествѣ тарана противъ всевозможныхъ реакціонеровъ. Онъ былъ слишкомъ честенъ, чтобы прибѣгать къ подобному пріему, и брошюра его написана съ темпераментомъ. Въ Фридрихѣ онъ видѣлъ героя просвѣщенія, несмотря на то, или, можетъ быть, потому, что очень хорошо былъ знакомъ съ существовавшей уже тогда обильной литературой, описывающей слабости Фридриха. Кэппенъ оцѣниваетъ литературную дѣятельность Фридриха. Отъ этой оцѣнки онъ переходитъ къ краснорѣчивому и увлекательному апоѳеозу просвѣщенія и возвращается къ Канту, чтобы напасть на гегеліанство.

„Серьезно, пора, наконецъ, прекратить пошлыя декламаціи противъ философіи XVIII вѣка и даже признать заслуги нѣмецкихъ просвѣтителей, несмотря на ихъ скуку. Право, мы обязаны имъ многимъ, очень многимъ, столь же многимъ или даже еще большимъ, чѣмъ Лютеру и реформаторамъ“. Какъ и его герой, Кэппенъ отвергаетъ „грубый матеріализмъ“ Гольбаха и Гельвеція, но въ другихъ отношеніяхъ онъ оспариваетъ мнѣніе, что просвѣтители заходили слишкомъ далеко. Напротивъ того: недостатокъ просвѣщенія заключался въ томъ, что оно не было достаточно просвѣщенно. „Но можно ли укорять цвѣтокъ за то, что онъ не плодъ?... Пусть надъ этимъ подумаютъ философы новаго стиля, тѣ, что такъ охотно пускаются въ походъ противъ абстрактнаго разсудка XVIII вѣка, не соображая, что они

сражаются противъ собственной плоти и крови; мы имѣемъ въ виду старыхъ браминовъ логики, которые, сидя въ вѣчномъ покоѣ, съ поджатыми ногами монотоннымъ гнусавымъ голосомъ, не переставая, читаютъ три священныя Веды и лишь отъ времени до времени бросаютъ полный вожделѣнія взоръ на міръ танцующихъ баядерокъ; мы имѣемъ въ виду тѣхъ одинокихъ мучениковъ идеи, которые, плотно закупоривъ всѣ девять отверстій своего тѣла, чтобы въ нихъ не попала обманчивая майя, не переставая, издаютъ монотонное „омъ“ и не видятъ, что царство Брамы уже прошло, и что Вишну уже ѣдетъ по водамъ на фиговомъ листѣ для созданія новаго міра“.

Но брошюра врядъ ли подѣйствовала на кого-нибудь, кромѣ трехсотъ спартанцевъ. Кэппенъ написалъ ее, предчувствуя въ будущемъ возникновеніе такихъ острыхъ, сложныхъ и запутанныхъ противорѣчій, какихъ не создавала ни нѣмецкая реформація, ни французская революція. Онъ даже угадалъ опаснѣйшихъ противниковъ. „Хуже всѣхъ болотные кроты, эти черви безъ религіи, безъ отечества, безъ убѣжденій, безъ совѣсти, безъ сердца, не теплые и не холодные, безъ радости и горя, безъ любви и ненависти, безъ Бога и безъ дьявола, тѣ презрѣнные, которые блуждаютъ передъ вратами ада, для котораго они слишкомъ плохи —индифферентисты. Всякая рука отобьется, всякое оружіе иступится объ этихъ толстокожихъ, которые столь часто вредятъ хорошему дѣлу однимъ лишь своимъ существованіемъ. Можно убить быка при помощи электрической машины, но, чтобы электризовать людей этого калибра, требуется гораздо большее. И ихъ легіонъ. Они, конечно, всегда были, потому что лѣность столь же безсмертна, какъ и глупость, но никогда ихъ не было такъ много, какъ теперь, и нигдѣ такъ много, какъ въ Германіи. Прежде подобные субъекты все-таки имѣли еще *одно* уязвимое мѣсто: свою догматику, суевѣріе, свои предразсудки; но теперь и этого нѣтъ, и они такъ же защищены противъ ударовъ и уколовъ, какъ и роговой Зигфридъ“. Отъ этой роговой кожи отскочила „Юбилейная брошюра“ и въ борьбѣ съ ней утомилась, повидимому, и рука Кэппена.

Его блестящей порой были дни, когда онъ сотрудничалъ вмѣстѣ съ Марксомъ, продолжая все еще бороться въ первыхъ рядахъ съ сверкающимъ оружіемъ, онъ съ тѣхъ поръ все болѣе

и болѣе теряетъ извѣстность. Слишкомъ мало извѣстны условія его личной жизни, для того, чтобы можно было опредѣленно сказать, что именно его утомило. Весьма вѣроятно, что принципіальное разногласіе, которое вскорѣ возникло между Бауэромъ и Марксомъ, расхолаживающимъ образомъ подѣйствовало на его боевой задоръ. Всѣмъ своимъ складомъ онъ приближался скорѣй къ Марксу, отстаивавшему историко-практическій элементъ противъ философствующей теоріи Бауэра, но Кэппенъ не послѣдовалъ за Марксомъ въ широкое море тогдашней политики, а остался съ Бауэромъ въ берлинской средѣ, гдѣ политическое тупоуміе было неискоренимо. На родинѣ его главнымъ образомъ удерживала любовь къ своему дѣлу, такъ какъ онъ былъ прирожденнымъ педагогомъ, и ученики страстно къ нему привязывались; объ ихъ признательности и уваженіи до сихъ поръ еще свидѣтельствуетъ стипендія имени Кэппена при Фридриховской гимназіи, въ которой Кэппенъ преподавалъ въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ своей жизни.

Одинъ изъ этихъ учениковъ, въ настоящее время заслуженный ветеранъ изящной литературы, дарованіе котораго развивалось подъ вліяніемъ Кэппена, былъ такъ любезенъ, что доставилъ мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о своемъ старомъ учителѣ. Карлъ Френцель писалъ мнѣ слѣдующее: „Кэппенъ былъ необыкновенно выдающимся учителемъ, умѣвшимъ вліять даже на самыхъ тупыхъ учениковъ; правда, классы не были тогда такъ переполнены, какъ теперь. Позже, послѣ краха 1849 г., когда прекратилась его дружба съ Бауэрами, онъ сталъ молчаливѣе, нелюдимѣе и проявлялъ большую наклонность къ затворничеству. Въ теченіи нѣкотораго времени, съ 1854 г. до 1857 г., мы работали вмѣстѣ въ качествѣ учителей Фридриховской гимназіи. Ученики его еще бредили имъ, но житейскія испытанія настроили его буддистически. Буддою онъ увлекся подъ вліяніемъ Шопенгауэра и наступившей политической реакціи. Онъ не ожидалъ, что послѣдняя побѣдитъ. Онъ не принадлежалъ къ кружку тѣсныхъ поклонниковъ Шопенгауэра въ Берлинѣ, членами котораго были Фрауенштэдтъ, Отто Линднеръ и т. д. Его жизнь всецѣло вращалась въ сферѣ индійскихъ представленій и обычаевъ. Къ сожалѣнію, онъ совершенно не владѣлъ индійскимъ языкомъ и долженъ былъ довольство-

ваться исключительно англійскими и французскими переводами. Тѣмъ не менѣе его Будда и теперь еще кажется мнѣ выдающимся произведеніемъ. Какъ классическая книга, это произведеніе, конечно, не можетъ быть сравниваемо съ произведеніемъ Германа Ольденберга. Я всегда буду хранить память о Кэппенѣ; онъ пробудилъ во мнѣ писательскую жилку". Таковы свѣдѣнія Карла Френкеля, за которыя мы ему очень признательны.

О Шопенгауэрѣ Кэппенъ говорилъ уже съ Марксомъ, тогда, правда, отзываясь о немъ въ рѣзко отрицательномъ смыслѣ. Въ письмѣ его отъ 3-го іюня 1841 г. находится слѣдующій отзывъ: „Какъ ты помнишь, мы иногда съ тобой говорили о помѣшанномъ докторѣ Шопенгауэрѣ. Нѣсколько разъ я приводилъ его любимую фразу, а именно, что у всѣхъ народовъ разрѣшено многоженство, кромѣ извѣстной іудейской секты - христіанъ. Этотъ турокъ издалъ два сочиненія на премію, одно удостоенное преміи, другое нѣтъ (Объ основныхъ принципахъ морали, Франкфуртъ-на-М.), въ которыхъ онъ страшно разноситъ Гегеля. Онъ говоритъ, что summus philosophus, какъ онъ называетъ Гегеля, прямо-таки умалишенный. Я пишу это тебѣ для того, чтобы ты, критикуя Тренделенбурга, отдалъ должное и Шопенгауэру". Марксъ никогда не упоминалъ „Философа нѣмецкихъ филистеровъ", но Кэппенъ, какъ справедливо отмѣчаетъ Карлъ Френцель, сталъ лишь до нѣкоторой степени приверженцемъ Шопенгауэра. Объ этомъ краснорѣчивѣе всего свидѣтельствуетъ самъ Шопенгауэръ, писавшій къ одному изъ своихъ апостоловъ: „Буддизмъ Кэппена — очень хорошее, полное изложеніе этого ученія и свидѣтельствуетъ о большомъ прилежаніи и эрудиціи. Онъ знаетъ все, даже архимандрита Палладія, съ которымъ я самъ знакомъ лишь по рукописи вашей жены. Его глупые сарказмы—оставшійся въ немъ венерическій ядъ гегеліанства, который собственно никогда не можетъ быть искорененъ; съ другой стороны они убѣждаютъ читателя, что Кэппенъ изображаетъ буддизмъ безъ пристрастія и не любя его, и тѣмъ не менѣе буддизмъ представляется величественнымъ въ его изображеніи". Порицаніе, заключающееся въ этихъ словахъ, еще болѣе лестно для Кэппена, чѣмъ похвала: именно то, что восхищало въ буддизмѣ филистера Шопенгауэра, невыразимая скука

(Langweiligket), политически порабощающее дѣйствіе, полное отсутствіе великихъ интересовъ человѣчества—все это съ прежней бодрой силой критикуетъ Кэппенъ, исходя изъ полноты солидныхъ и обширныхъ знаній.

Впослѣдствіи Кэппенъ едва ли находился въ продолжительномъ общеніи съ Марксомъ, но они встрѣтились дружески, когда Марксъ пріѣзжалъ къ Лассаллю въ 1861 г. Въ іюлѣ 1863 г. Коппенъ умеръ и, быть можетъ, въ Марксѣ воскресли воспоминанія о пережитомъ вмѣстѣ съ нимъ, когда онъ писалъ некрологъ Прудона, бывшій единственной статьей, когда либо помѣщенной Марксомъ въ какой-либо берлинской газетѣ. Въ немъ есть слѣдующее мѣсто: „Мелкій буржуа, какъ и историкъ Раумеръ, состоитъ изъ „съ одной стороны“ и „съ другой стороны“. Этотъ довольно отдаленный намекъ на Раумера звучитъ, какъ привѣтствіе умершему другу юности, потому что Кэппенъ въ журналѣ „Hallische Jahrbücher“ изобразилъ историка Гогенштауфеновъ вѣчно колеблющимся между „съ одной стороны“ и „съ другой стороны“.

5. Пріобрѣтеніе ученой степени въ Іенѣ.

Возвращаясь еще разъ къ статьѣ о Марксѣ, помѣщенной Энгельсомъ въ словарѣ государственныхъ наукъ, мы читаемъ въ ней слѣдующее: „По окончаніи средняго образованія въ трирской гимназіи Карлъ Марксъ съ 1835 г. слушалъ лекціи въ Боннѣ, а затѣмъ въ Берлинѣ; сперва онъ изучалъ право, затѣмъ философію и въ Берлинѣ же получилъ въ 1841 г. степень доктора философіи, защитивъ диссертацію о философіи Эпикура. Въ томъ же году онъ переселился въ Боннъ съ цѣлью стать тамъ доцентомъ, но препятствія, которыя правительство оказывало его другу Бруно Бауэру, бывшему тамъ доцентомъ теологіи, результатомъ которыхъ было удаленіе Бауэра изъ университета, вскорѣ ясно показали ему, что для него не можетъ быть мѣста въ прусскомъ университетѣ“. Вѣрное по существу это изложеніе ошибочно однако въ томъ, будто Марксъ получилъ ученую степень въ Берлинѣ, между тѣмъ какъ фактически онъ получилъ докторскую степень въ Іенѣ. Хотя ошибка эта и случайна, но перемѣна мѣста имѣетъ въ данномъ случаѣ особое

значеніе, какъ внѣшній показатель тѣхъ тяжелыхъ обстоятельствъ, которыя Марксу пришлось пережить въ послѣдніе семестры. Мы не можемъ подробно прослѣдить этихъ обстоятельствъ, не имѣя непосредственныхъ, относящихся сюда данныхъ, кромѣ нѣкоторыхъ писемъ Бруно Бауэра, но о нихъ можно судить на основаніи общаго положенія вещей.

Когда Бауэръ отправился осенью 1839 г. въ Боннъ, Марксъ успѣлъ прослушать уже 8 семестровъ и потому естественно было со стороны старшаго друга торопить съ „пустымъ экзаменомъ“, для котораго въ Берлинѣ не требовалось ничего, кромѣ Аристотеля, Спинозы и Лейбница. Само собой разумѣется, что Бауэръ имѣлъ въ виду отнюдь не боязнь экзаменовъ въ обычномъ смыслѣ слова. Но насколько легко Марксъ бросался разрѣшать труднѣйшія проблемы, настолько же неумолимая самокритика мѣшала ему скоро кончать. Наоборотъ, Бауэръ писалъ очень быстро, иногда съ страшной поспѣшностью, которая въ концѣ-концовъ очень повредила его писательству; именно тогда онъ печаталъ томъ за томомъ, поэтому онъ естественно подшучивалъ надъ Марксомъ за то, что тотъ такъ долго медлитъ съ такимъ „фарсомъ“ и „безсмыслицей“, какъ экзаменъ.

Возможно также, что Марксъ чѣмъ дольше, тѣмъ больше сомнѣвался въ своей способности и склонности къ „профессорству“. Лѣтомъ 1840 г. онъ хотѣлъ издать книгу о гермесіанизмѣ,— томъ направленіи католичества, которое перемѣшивало церковную догму съ нѣкоторой дозой Кантовской философіи и которое главнымъ образомъ сосредоточивалось въ Боннѣ, гдѣ былъ доцентомъ Гермесъ. Поэтому Бауэръ долженъ былъ сдѣлать запросъ у издателя, для котораго Марксъ приложилъ свое письмо, но Бауэръ пишетъ 25 іюля съ упрекомъ, что онъ не можетъ передать этого письма: „ты можешь писать въ такомъ родѣ своей прачкѣ, но не издателю, котораго собираешься расположить въ свою пользу“. Личные переговоры Бауэра съ издателемъ не привели ни къ какимъ результатамъ; другой издатель, котораго долженъ былъ по этому поводу зондировать оріенталистъ Гильдемейстеръ, единственный другъ Бауэра въ Боннѣ, не былъ противъ, но Бауэра отчасти удерживали объективныя соображенія о томъ, насколько своевременно подвергать гермесіанизмъ философской критикѣ. „Еще не извѣстно, какъ отнесется къ нему

нынѣшній король, все возможно. Поэтому лучше было бы подождать. Критиковать философскую школу, угнетаемую государствомъ и еще не прочно укоренившуюся въ умахъ,—не своевременно. При старомъ королѣ было нѣсколько иначе, тогда каждую минуту казалось, что гермесіанизмъ непремѣнно побѣдитъ". На этомъ и покончилось дѣло.

Осенью 1840 г. оба друга провели вмѣстѣ въ Берлинѣ нѣсколько мѣсяцевъ около того времени, когда Эйхгорнъ сталъ министромъ народнаго просвѣщенія, и теологическій факультетъ въ Боннѣ отказался принять Бауэра профессоромъ. О томъ, что теперь слѣдовало дѣлать Бауэръ совѣщался съ Марксомъ и съ нимъ прежде всего; они остались при своемъ рѣшеніи издавать въ Боннѣ журналъ, который своимъ радикализмомъ долженъ былъ превзойти Hallische Jahrbücher, но у Маркса очень понизились шансы на академическую карьеру въ рейнскомъ университетѣ. Какъ другъ Бауэра, онъ долженъ былъ разсчитывать на плохой пріемъ со стороны профессорской клики, а совѣтъ Бауэра заискивать у Эйхгорна и у директора его министерства, Ладенберга, чтобы благосклонностью министерства запугать боннскихъ профессоровъ, конечно, былъ непріятенъ для Маркса. Бауэръ никогда въ своей жизни не былъ карьеристомъ; даже и тогда, когда политически-публицистическія заблужденія „довели его до служенія интересамъ партіи Kreuzzeitung" и Страусберга, онъ не гнался за наживой; но тотъ способъ, какимъ онъ снискалъ себѣ покровительство Альтенштейна, все-таки притупилъ тонкость его чувства въ подобныхъ вещахъ, и тонъ просителя, говорящаго съ министромъ иначе, чѣмъ съ прачкой, его не пугалъ.

Но и съ его точки зрѣнія въ Берлинѣ не на что было больше надѣяться... Призывъ Шеллинга и Шталя въ берлинскій университетъ, для того чтобы они добили невинную и глупую толпу окостенѣлыхъ гегеліанцевъ, расправа съ студентами галльскаго университета, которые въ почтительнѣйшемъ адресѣ просили новаго короля, какъ своего ректора, о назначеніи Штрауса въ Галле, и многое другое достаточно показало, чего можно было ожидать отъ министерства Эйхгорна. При подобныхъ предзнаменованіяхъ сдавать въ Берлинѣ экзаменъ pro facultate docendi, являясь съ диссертаціей объ Эпикурѣ, было бы все равно, что

прошибать головой стѣну. Марксъ тогда думалъ временно о практической карьерѣ; нѣтъ нужды разъяснять, какъ сильно должны были обостряться эти конфликты совѣсти заботами о невѣстѣ и матери. Среди столь разнообразныхъ конфликтовъ онъ придумалъ наконецъ планъ, который дѣйствительно открывалъ ему скорѣйшій выходъ, не противорѣча нисколько его совѣсти: сдѣлать докторатъ въ маленькомъ университетѣ и одновременно напечатать свою диссертацію въ доказательство своего прилежанія и способностей и затѣмъ попытать счастія въ Боннѣ, въ качествѣ соиздателя радикальнаго журнала или при университетѣ, по уставу котораго онъ могъ быть допущенъ, по исполненіи нѣкоторыхъ формальностей, въ приватъ-доценты въ качествѣ доктора „иностраннаго университета“.

Объ этихъ формальностяхъ и о связанныхъ съ ними помѣхахъ Бауэръ подробно писалъ Марксу 28 марта 1841 г. Въ концѣ письма онъ прибавляетъ: „итакъ, во всякомъ случаѣ постарайся, чтобы Ладенбергъ расчистилъ тебѣ дорогу, написалъ о тебѣ сюда и устранялъ всѣ могущія возникнуть интриги. Постарайся также имѣть на своей сторонѣ Эйхгорна. Все дѣло въ шляпѣ, чуть только здѣсь узнаютъ, что одинъ изъ нихъ на твоей сторонѣ. Но я не могу ждать дальше. Журналъ долженъ начать выходить этимъ лѣтомъ; планъ и прочее должны быть выработаны. Дальше ждать не приходится. Берлинское пустословіе и безцвѣтность журнала „Hallische Jahrbücher“ (мнѣ жаль Руге у него самыя лучшія намѣренія, но почему же онъ не дѣлаетъ того, что слѣдуетъ, и не прогоняетъ изъ своего журнала гадовъ?) обнаруживаются все болѣе и болѣе... Такъ какъ мы можемъ привлечь къ участію въ журналѣ лишь небольшое число сотрудниковъ и слѣдовательно намъ предстоитъ интенсивная работа, то было бы хорошо, чтобы ты провелъ здѣсь все лѣто и тотчасъ же взялся бы за какую-нибудь работу. Къ концу лѣта мы должны будемъ приготовить матеріалъ. Одновременно съ этимъ письмомъ Марксъ тоже послалъ письмо, потому что уже черезъ три дня, 31 марта, Бауэръ снова пишетъ:

Если бы я руководился моими желаніями, то давно уже написалъ бы твоей невѣстѣ. Но и теперь еще я считаю это неумѣстнымъ по отношенію къ тебѣ. Сдѣлай же энергичное усиліе хоть на этотъ разъ, тогда ты побѣдишь. Если бъ я только могъ

побывать въ Трирѣ, чтобы уяснить дѣло твоимъ! Я думаю, что пребываніе въ мелкомъ городѣ содѣйствуетъ путаницѣ. Но я врядъ ли смогу заглянуть въ Триръ этимъ лѣтомъ, такъ какъ мнѣ нужно, наконецъ, закончить свою работу, посвященную Евангеліямъ, чтобы имѣть возможность заняться инымъ... Твоя невѣста способна переносить съ тобой все, и кто знаетъ, что еще будетъ. Рѣшеніе, поскольку оно должно выразиться въ разрывѣ, все приближается и, кто знаетъ, какъ отнесутся къ этому нѣмецкія правительства. Канальи во всякомъ случаѣ побиты, хотя бы нѣмецкія правительства и покровительствовали имъ цѣлую вѣчность. Постарайся же выступить, этимъ ты и невѣстѣ своей доставишь единственно возможное успокоеніе. Ты будешь смѣяться, если узнаешь, какъ я обдумываю проектъ журнала. Мнѣ жаль только Руге, я отношусь къ нему вполнѣ искренно и во всякомъ случаѣ я такъ выполню дѣло, что ему не придется обвинять меня и сомнѣваться въ моей искренности. Онъ совершенно не предчувствуетъ грозы, собирающейся надъ его головой; я предостерегу его очень осторожно, прежде чѣмъ она разразится. Я думаю, что послѣ очень остраго кризиса дѣло все-таки разрѣшится къ общему удовольствію всѣхъ благомыслящихъ и Руге въ томъ числѣ. Тренделенбургъ, конечно, будетъ одной изъ первыхъ жертвъ, которую ты принесешь оскорбленной философіи". Затѣмъ слѣдуетъ мѣсто, которое мы уже цитировали, гдѣ Бауэръ выражаетъ надежду, что когда Марксъ пріѣдетъ въ Боннъ, гнѣздо сдѣлается предметомъ всеобщаго вниманія; затѣмъ слѣдуетъ приписка: „Съ твоей стороны было бы безуміемъ посвящать себя практической карьерѣ. Теорія теперь самая насущная практика, и мы еще совсѣмъ не можемъ предсказать насколько практической ей придется стать".

Наконецъ Бауэръ пишетъ 12 апрѣля: „Тотъ стихъ Эсхила ты ни въ какомъ случаѣ не долженъ помѣщать въ свою диссертацію, вообще не долженъ помѣщать въ нее ничего такого, что выходитъ изъ предѣловъ философскаго изложенія. Къ чему теперь, въ этотъ моментъ, когда ты еще совсѣмъ не знаешь, какъ тебѣ устроиться, съ задоромъ бросать вызовъ этимъ бараньимъ головамъ, давая имъ поводъ вопіять, и тѣмъ на долгое время сдѣлать для тебя невозможнымъ занятіе какой-либо каѳедры? Въ своей диссертаціи ты долженъ строго держаться философской формы,

вѣдь ты и не выходя изъ нея можетъ сказать все, что содержится въ такихъ эпиграфахъ... Только не теперь. Позже, когда ты займешь каѳедру и выступишь съ философскимъ изслѣдованіемъ, ты сможешь сказать все и въ какой угодно формѣ. Вѣдь трудно выдержать философскую форму, зачѣмъ же увеличивать затрудненіе безъ надобности и давать глупости поводъ, котораго она ищетъ, но который она не такъ-то легко найдетъ въ формѣ. Но если ты уже напечаталъ motto, то пусть такъ будетъ; посмотри, какъ ты поразишь людей. Какъ сказано: позже все, только не въ данный моментъ! Моей статьѣ, которую я очень быстро набросалъ и теперь окончилъ, я также предпослалъ знаменательный эпиграфъ. Но я уже сижу, и имъ не такъ-то легко меня прогнать. Ты долженъ также принять въ соображеніе, что ухудшаешь положеніе своей невѣсты, затрудняя себѣ доступъ къ каѳедрѣ популярной выходкой. Вѣдь послѣ ты будешь имѣть достаточно непріятностей. Подумай, какой церберъ охраняетъ теперь всякій философскій факультетъ, а тріумвиратъ, состоящій изъ Фихте, Брандиса и Кальсера не заурядный по своей глупости церберъ. Послѣ ударь цербера по головѣ, чтобъ онъ заревѣлъ, теперь же не дразни его, дабы не вызывать лая. Оглянись вокругъ, посмотри, какіе псы лаютъ повсюду, какія овцы блеютъ и разсмѣйся надъ всѣмъ этимъ эпизодомъ, который я считаю законченнымъ“.

Затѣмъ Бауэръ спрашиваетъ: „возможно ли еще для тебя въ этомъ мѣсяцѣ оставить Берлинъ. Сдѣлай для этого все возможное. Такимъ образомъ ты уединишься, успокоишь свою невѣсту, объяснишься съ своими и можешь еще читать въ Боннѣ! Преодолѣй препятствія или борись съ ними съ другого пункта. Вѣдь Эдгаръ сдѣлаетъ все! Отдай ему рукопись твоего безсмертнаго произведенія, пусть онъ печатаетъ, ведетъ корректуру и отправляетъ трудъ въ Іену, чтобы оттуда тебѣ прислали дипломъ въ Боннъ или въ Триръ, или же Эдгаръ можетъ получить его въ Берлинѣ и переслать тебѣ затѣмъ, куда хочешь. Тебѣ нечего дожидаться всего этого въ Берлинѣ“. Но на этотъ разъ Марксъ былъ поспѣшнѣе, чѣмъ его понукатель могъ предполагать; 15-го апрѣля 1841 г. онъ заочно получилъ въ Іенѣ докторскую степень.

Но ничего больше онъ не выполнилъ изъ всѣхъ своихъ пла-

новъ, такъ какъ помѣшали событія. Бауэръ вызвалъ кризисъ раньше, чѣмъ онъ думалъ, своею критикой синоптическихъ Евангелій, появившейся лѣтомъ 1841 г. У Эйхгорна не было даже мужества палача; онъ вызвалъ такія отвратительныя нападки на неудобнаго доцента со стороны теологическихъ факультетовъ, которыя возбудили вниманіе даже за границей; только еще въ Галле и Кэнигсбергѣ лютеранская богословская ученость осмѣливалась выступать въ защиту своего собственнаго принципа протестантской свободы науки; въ другихъ же мѣстахъ она пала съ бо̀льшей или мѐньшей граціей, при чемъ наиболѣе неуклюже это сдѣлалъ берлинскій факультетъ подъ вліяніемъ Генгстенберга; Маргейнеке, старый покровитель Бауэра, положимъ, опубликовалъ особый вотумъ въ пользу послѣдняго, но вотумъ этотъ изобиловалъ жалкими увертками. Академическая свобода науки распалась, какъ гнилое тряпье. Но и съ проектируемымъ журналомъ тоже ничего не вышло. Длинная рука изъ Берлина доставала какъ до Бонна, такъ и до Галле; Руге получилъ именной королевскій указъ, приказывавшій ему издавать журналъ, который онъ печаталъ въ Лейпцигѣ у Виганда, подъ прусской цензурой, въ противномъ же случаѣ журналъ подвергался запрещенію въ Пруссіи. Тогда онъ переселился въ Дрезденъ и съ 1 іюля 1841 г. издавалъ свой журналъ подъ названіемъ „Deutsche Jahrbücher“. Эти суровыя мѣропріятія побудили данный журналъ къ той болѣе энергичной борьбѣ, которую Бауэръ собирался вести въ своемъ новомъ журналѣ; съ этихъ поръ Бауэръ принадлежалъ къ числу усерднѣйшихъ сотрудниковъ Руге. Но въ Кёльнѣ рейнская буржуазія рѣшила издавать большую газету, которая должна была выходить съ 1842 г. и воспользоваться смягченіемъ цензуры, которое проектировалъ, на каждомъ шагу противорѣча себѣ, король-романтикъ.

Во всемъ этомъ принималъ активнѣйшее участіе Карлъ Марксъ, такъ что ему было не до печатанія докторской диссертаціи. Написанной въ Іенѣ рукописи, къ сожалѣнію, не оказывается больше въ тамошнихъ университетскихъ актахъ, но въ копіи, предназначенной для печатанія, существуетъ эсхиловскій эпиграфъ, который Бауэру хотѣлось устранить. Его совѣтъ былъ доброжелателенъ и разсудителенъ, но если бы онъ даже былъ данъ своевременно, Марксъ едва-ли его послушался бы. Онъ не проявлялъ

излишняго задора, но посвящалъ себя жизни, полной изнурительнаго труда и пламенной борьбы, беря эпиграфомъ своего перваго произведенія отвѣтъ Прометея служителю боговъ:

Τῆς σῆς λατρείας τὴν ἐμὴν δυσπραξίαν
σαφῶς ἐπίστας᾽, οὐκ ἂν ἀλλάξαῳ᾽ ἐγώ.
(Προμηθεύς δεσμώτης 966—967.)

(Будь увѣренъ, что я не промѣнялъ бы своего злополучія на твое положеніе оплачиваемаго слуги.)

ДЖ. ГОБСОНЪ

ЭКОНОМИКА

РАСПРЕДѢЛЕНІЯ

М. Ф.